Министерство образования Республики Беларусь

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН РЕГИОНА

Материалы III Международной
научно-практической конференции
г. Минск, 5 мая 2026 г.

Научное электронное издание
локального распространения

Минск

БГПУ
2026

ISBN 978-985-29-0780-4

© Оформление. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2026

УДК 94(4)
ББК 63.3
Е22

Р е д к о л л е г и я:
Юстинская Г. М., проректор по научной работе БГПУ, кандидат педагогических наук, доцент; председатель;
Шупляк С. П., декан исторического факультета БГПУ, кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя (отв. ред.);
Пашкевич Н. В., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин БГПУ;
Йоцюс В. А., заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ, кандидат исторических наук, доцент;
Толмачева С. А., заведующий кафедрой истории Беларуси и славянских народов БГПУ, доктор исторических наук, доцент;
Житко А. П., профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ, доктор исторических наук, профессор;
Чикалова И. Р., профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ, доктор исторических наук, профессор;
Корзюк А. А., главный редактор «Беларускі гістарычны часопіс», кандидат педагогических наук, доцент;
Ратько А. Ф., доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов, кандидат исторических наук, доцент;
Мусабалина Г. Т., профессор кафедры истории Казахстана ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

Е22 **Евразийское** пространство: межкультурное взаимодействие стран региона : материалы III Международной научно-практической конференции, г. Минск, 5 мая 2026 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: Г. М. Юстинская [и др.] ; С. П. Шупляк (отв. ред.). – Мн. : БГПУ, 2026.
ISBN 978-985-29-0780-4.

В сборнике представлены материалы исследований ученых высших учебных заведений Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Азербайджан, Республики Узбекистан, посвященные актуальным проблемам истории, культуры стран Евразийского региона.
Адресуется преподавателям, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Минимальные системные требования:
Операционная система Windows 98 и выше. Процессор Pentium III, RAM 32 Mb (ОЗУ), HDD 250 Mb
Видеоадаптер с разрешением 800×600, 256-цветов,
32 Mb видеопамяти, DVD-ROM, мышь

© Оформление. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2026

Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader

Издается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. В. Пашкевич*
Дизайн обложки *А. М. Романович*

Дата подписания к использованию __.09.2026. ___ Mb. Тираж 5 электрон. экз. Заказ ___.
Исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Ул. Советская, 18, 220030, Минск. https://bspu.by

УДК 93/94(470.67)

ПАТРИОТИЗМ И РАТНЫЕ ПОДВИГИ НАРОДОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

PATRIOTISM AND MILITARY EXPLOITS OF THE PEOPLES OF MULTINATIONAL DAGESTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

С. И. Мусаева
профессор, доктор исторических наук,
Почетный работник Высшего профессионального образования
Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
Махачкала, Российская Федерация
ORCID-0009-0001-1620-1742

S. I. Musayeva
Professor, Doctor of Historical Sciences,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Republic of Dagestan
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Dagestan State University»
Makhachkala, Russia
ORCID-0009-0001-1620-1742

Аннотация. В статье освещается работа промышленных предприятий Дагестан по выпуску и своевременному обеспечению РККА необходимыми для Победы в Великой Отечественной войне вооружением и боеприпасами, организаторские усилия органов власти выполнению оборонных заказов страны и мобилизации трудящихся на возведение оборонительных сооружений.

Abstract. The article highlights the work of industrial enterprises in Dagestan on the production and timely provision of the Red Army with the weapons and ammunition necessary for Victory in the Great Patriotic War, the organizational efforts of the authorities to fulfill the country's defense orders and mobilize workers for the construction of defensive structures.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, промышленные предприятия, выпуск оборонной продукции, возведение оборонительных рубежей.

Keywords: The Great Patriotic War, Dagestan, industrial enterprises, production of defense products, construction of defensive lines.

9 мая 2025 г. наше Отечество Россия и все прогрессивное человечество отмечали 80-летие Победы Советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Мы должны помнить, какой ценой многонациональным многоконфессиональным советским народом была завоевана Великая Победа над жестоким и коварным врагом.

«Война, навязанная Светскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, одним из тягчайших испытаний, когда-либо пережитых нашей Родиной…» [1]. «Время Великой Отечественной войны стало новым этапом героической истории нашей страны, периодом вооруженной защиты нашей Родины» [2, с. 44-50].

Завершив покорение многих европейских стран, подчинив себе их передовую экономику, фашистская Германия, нарушив договор о мире, 22 июня 1941 г. в 4 часа утра

вероломно напала Советский Союз. Против нашей Родины было брошено 190 дивизий, состоящих из 5,5 млн. солдат и офицеров**,** имеющих опыт ведения современной войны. Около 3 тыс. танков, более 43 тыс. орудий и минометов, более 5 тысяч самолетов и до 200 военных кораблей были направлены на захват мирных территорий СССР и уничтожение его населения.

Фашистский генеральный штаб задолго до начала наступления на нашу страну разработал план захвата и оккупации СССР. Директива № 21 под кодовым названием «Операция «Барбаросс» была подписана Гитлером 18 декабря 1940 г. [3].

По плану «Барбаросса» предусматривалось за летний период на юге «… занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн; на севере – быстро выйти к Москве» [4, с.150].

Кавказ в захватнических планах гитлеровской Германии занимал особое место. Враг рассчитывал использовать территорию этого важнейшего геополитического региона как стратегический плацдарм для дальнейшего наступления на Восток, захвата территорий Ближнего Востока и богатств Индии.

После позорного поражения немецко-фашистских войск под Москвой Гитлер и его генералы спланировали летнюю военную компанию 1942 г. для захвата Сталинграда и Северного Кавказа.

Генеральным штабом германского вермахта был разработан изложенный в директиве № 45 от 23 июля 1942 г. чудовищный план под условным названием «Эдельвейс» по завоеванию и порабощению Кавказа. Фашисты планировали «овладеть кавказскими нефтяными районами» и занять к сентябрю 1942 г. перевалы на ирано-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад». К лету 1942 г. запасы горюче-смазочного материала в германской армии истощились. В июне 1942 г. на одном из совещаний для высшего командного состава вермахта в Полтаве Гитлер заявил: «Если нам не удастся захватить нефть Майкопа и Грозного, мы должны будем прекратить войну» [6, с. 607; 2, с. 44-45].

Для осуществления операции «Эдельвейс» были укомплектованы две группы армий: «А» – для наступления на Кавказ, и «Б» – для захвата Сталинграда [5, с. 100].

Битва за Кавказ, проходившая в два этапа: оборонительный (с 25 июля по 31 декабря 1942 г.) и наступательный (с 1 января по 9 октября 1943 г.), явилась одним из важнейших и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны.

В тяжелые дни битвы за Кавказ Дагестан стал прифронтовым регионом, а трудящиеся республики проявляли подлинный трудовой героизм, выпуская на предприятиях продукцию военного назначения и обеспечивая защитников отечества обмундированием и продовольствием.

Главным призывом дня стал лозунг – РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

С первых дней начала войны в Дагестане при обкоме ВКП(б) начал свою работу «Военный отдел», а с 24 октября 1941 г. начал функционировать «Махачкалинский комитет обороны» (МГКО) [7, л. 79-80; 8, с. 77-84], которые взяли под свой контроль всю организационно-политическую работу в республике и подготовку резервов для Армии.

С 1 октября 1941 г. в Махачкале начал свою работу Дом обороны, при котором к весне 1942 г. прошли военную подготовку 8 тыс. человек: снайперы, пулеметчики, минометчики, медицинские сестры, большая часть которых в период битвы за Кавказ добровольцами отправились на фронт.

Во всех городах и районах республики для оказания помощи сотрудникам НКВД были созданы истребительные отряды. На 15 июля 1942 г. в 37 истребительных отрядах насчитывалось 2050 бойцов [9, л. 18-19].

Подлинный героизм в тылу проявили все слои трудящихся масс многонационального Дагестана. Под лозунгами – «Все для фронта, все для победы над врагом!», «Работать за себя и за ушедшего на фронт товарища» трудились рабочие на 32-х крупных промышленных

предприятиях республики, успешно выполняя заказы центра и по выпуску продукции оборонного значения.

Во второй половине 1941 г. из западных районов страны в Дагестан были эвакуированы оборудование и инженерно-технический персонал промышленных предприятий оборонного значения, которые в короткие сроки были размещены на площадях крупных заводов республики: Завод № 182 (поселок Двигательстрой, ныне г. Каспийск), Ремонтно-механический (РМЗ г. Махачкала), Бондарный завод, Мастерские махачкалинского порта, «Дагестанские Огни» и др., где начали выпускать ускоренными темпами военную продукцию.

Первыми военные заказы получили предприятия «Дагнефть». По поручению из центра были созданы стратегические запасы нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов в районах ЖД станций Махачкала, Манас и Дербент.

Промышленные предприятия Дагестана успешно выполняли военные заказы по выпуску необходимой для фронта военной продукции и боеприпасов.

Уже «с сентября 1941 г. на заводе № 182 начали выпускать корпуса 85 мм дистанционных гранат [10, л. 269, 270], 50-мм и 88-мм чугунных осколочных мин и минометов [10, л. 175-177], 50 мм ротных минометов» [11, л. 332-335]. Здесь же налажено производство торпед Т-45-36 и Т-53-38, глубинных бомб, авиамин АМГ, авиабомбы ЗАВ, лодочных мин ПЛТ-3, дистанционных зенитных гранат, ручных противотанковых гранат РГ-41, пистолета-пулемета Шпагина, 82 мм батальонных минометов» [12, л. 62] и других видов вооружения.

В цехах РМЗ был налажен «серийный выпуск 45-мм осколочных снарядов, выпуск бутылок с зажигательной смесью» [13, л. 26, 27], на предприятиях» Главнефтесбыта» было налажено производство зажигательной смеси» [13, л. 26, 27].

В целом на предприятиях Дагестана массово выпускали лодочные, ротные мины и взрыватели к ним, дистанционные зенитные гранаты, ручные противотанковые гранаты [12, л. 257-259], 45-мм снаряды, гранаты РГД-33, 85-мм зенитные гранаты, 76-мм снаряды.

На промышленных предприятиях Дагестана выпускали военную продукцию: 216 наименований, крайне необходимых фронту [8, с. 77-84] – что явилось весомым вкладом в достижение победы над коварным врагом.

Все предприятия промкооперации Дагестана с лета 1941 г. были срочно переведены на выпуск интендантского снаряжения для Красной Армии. Изготавливали: подшлемники, безрукавки, набрюшники, бельё нательное и постельное, шерстяные носки, рубахи, телогрейки, шинели, гимнастерки, брюки, ремни поясные, брючные и оружейные, бурки, сапоги, портянки, вещевые мешки, чехлы для военного оборудования разных видов, размеров и модификаций и т.д.

В суровых условиях войны женщины-горянки осваивали мужские профессии сварщика, литейщика, кузнеца, электрика, нефтяника, тракториста и достойно выполняли свою работу.

Летом 1942 г. ввиду угрозы захвата фашистами Северного Кавказа командованием Красной Армии была поставлена задача создания полосы обороны на подступах к перевалам Главного Кавказского хребта.

Дагестан стал прифронтовым регионом и стратегически важным пунктом, через территорию которой проходили морские и железнодорожные пути, связывающие центр с Закавказьем и перевозившие ценные военные и народно-хозяйственные грузы.

22 июля 1942 г. по инициативе командования 58-й Армии, дислоцированной в республике, было принято постановление «О мероприятиях по проведению оборонительного строительства на территории ДАССР» [14, л. 166]. Начиная с 27 июля по 20 октября 1942 г. в республике шли работы по возведению оборонительных рубежей, где трудилось более 100 тыс. тысяч человек и 5 тыс. подвод [15, л. 141].

Одновременно вокруг городов Махачкала и Буйнакск шли работы по возведению и установлению противотанковых ежей и рвов. На возводимых объектах трудящиеся республики трудились весь световой день по 16-17 часов в сутки. Строительные бригады были организованы по структуре вооруженных сил – взвод, рота, батальон, полк и. т.д. [6, л. 606].

В рамках исполнения приказа командования Закавказского фронта Военный совет 58-й армии в ноябре 1942 г. принял решение возводить еще дополнительные оборонительные сооружения – Сулакский, Капчугай-Буйнакский и Махачкалинский. Героическими усилиями трудящихся республики «было сооружено 8 крупных оборонительных линий, которые протянулись по берегам рек Терек, Сулак и в районах Дербента, Каякента и Махачкалы» [2, с. 44-50], [2, с. 44-50].

Оборонительные рубежи были возведены вдоль рек Терек, Сулак, Самур и вокруг городов Хасавюрт, Буйнакск, Дагестанские Огни, Дербент и других населенных пунктов [2, с. 44-50].

В тяжелый и тревожный период ожесточённых сражений за Кавказ Дагестан силами местного населения был превращен в неприступную крепость. Были подготовлены: «21120 дзотов, 117 противотанковых заграждений, 86 противопехотных заградительных сооружений, 320 км ходов сообщения. Объём земляных работ составил 2265 тысяч кубометров на сумму 110 млн. рублей. На трудовой фронт было мобилизовано более 100 тыс. человек» [8, 77-84; 17, с. 31-35].

К осени 1942 г., когда фашисты рвались к бакинской нефти и Дагестан превратился в прифронтовую зону, 15 тысяч дагестанцев добровольно вступили в ряды Красной Армии. Зимой 1941-1942 гг. в Махачкале были сформированы 58-я Гвардейская Общевойсковая Армия, 91-я Стрелковая дивизия, Махачкалинская дивизия НКВД, 43-я Отдельная Стрелковая бригада, 1-й Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон, 744-й Зенитно-артиллерийский полк (980 девушек), экипажи 6-ти бронепоездов, построенных в Махачкалинском паровозном депо [18, л. 150; 8, с. 77-84; 17, с. 31-35].

В республике были дислоцированы 44-я Армии, 135-я Авиационная дивизия; Махачкалинская военно-морская база и другие военные подразделения, в которые добровольцами вливались отважные горцы Дагестана.

Всего за годы Великой Отечественной войны из Дагестана было мобилизовано на фронт более 180 тыс. мужественных воинов, из которых более 90 тыс. защитников Родины не вернулось с полей битв [8, с. 77-84; 17, с. 31-35].

В кровопролитных боях за свободу и независимость Отчизны 59 выходцев из республики заслужили высокое звание Героя Советского Союза, семеро стали кавалерами Ордена Славы трех степеней.

Великая Отечественная война прошла через судьбы всех народов нашей страны. В экстремальных условиях военной поры советский народ еще больше сплотился, укрепил традиции совместной борьбы за свободу и независимость. Единство народа и армии еще более окрепло в лихие годы войны, что явилось решающим фактором всемирно-исторической Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Народы многонационального Дагестана вместе со всем советским народом, как в тылу, так и на полях сражений, внесли свою весомую лепту в Великую Победу.

Подвиги предков, их самопожертвование в жестокой схватке с врагами Родины и человечества стали примером для молодых защитников свободы и независимости в наши дни.

С самого начала специальной военной операции на территории Донбасса и Малороссии воины из республики Дагестан принимают самое активное участие, с честью и достоинством выполняя свой священный долг по защите интересов страны и уничтожению нацистов новой волны. Участники СВО стали символом российской солидарности, мужества и стойкости. За

время проведения СВО 19 мужественных дагестанцев удостоены высокого звания – Герой России.

Библиографический список

1. Правда. 1975. 9 февраля.
2. Мусаева С.И. Дагестан и дагестанцы в период битвы за Кавказ (1942-1943 гг.). // Современная научная мысль. М.: НИИ ИЭП, 2022. № 1. С. 44-50. - 133 с.– 133. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-1-44-50.
3. БАРБАРОССА. Большая российская энциклопедия - электронная версия // https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/862123 (Дата обращения. 25.01.2025 г.).
4. «Совершенно секретно! Только для командования!» // Документы и материалы. М., 1967.
5. Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 100. – 833 с.
6. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 8 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1988. С. 607. – 672 с.
7. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4906.
8. Мусаева С.И. Вклад трудящихся Дагестана в победу в Великой Отечественной войне в период битвы за Кавказ (июль 1942 - октябрь 1943 гг.) // Современная научная мысль. М.: НИИ ИЭП. 2022. № 2. С. 77-84. – 155 с. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-2-77-84.
9. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5263
10. ЦГА РД. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 4909.
11. ЦГА РД. Ф. 1040-п. Оп. 1. Д. 4.
12. ЦГАРД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5266.
13. ЦГА РД. Ф. 1040-п. Оп. 1. Д. 14.
14. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 23. Д. 31.
15. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 23. Д. 318.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее см.: ЦГА РД.). Ф. 1-п. Оп. 23. Д. 13.
17. Бабаев А.М.Б Дагестан в период героической обороны Кавказа. // Вестник ДГУ. 2006.
18. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5241.

УДК 32:94(470+476)

ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ

THE MOST IMPORTANT AREAS OF BELARUSIAN-RUSSIAN COOPERATION IN THE FIELD OF HISTORICAL POLICY ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

П. А. Трубчик
кандидат исторических наук, доцент
Институт истории НАН Беларуси
Минск, Республика Беларусь

P. A. Trubchyk
PhD in History, Associate Professor
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье представлены важнейшие направления деятельности Института истории НАН Беларуси в рамках белорусско-российского сотрудничества в области исторической политики. Выделены наиболее значимые мероприятия и проекты за 2022-2025 гг., а также перспективные направления дальнейшего взаимодействия.

Abstract. The article presents the most important areas of activity of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus within the framework of the Belarusian-Russian cooperation in the field of historical policy. The most significant events and projects for 2022-2025 are highlighted, as well as promising areas for further cooperation.

Ключевые слова: историческая политика, международное сотрудничество, Институт истории НАН Беларуси, Союзное государство, научные проекты.

Keywords: historical policy, international cooperation, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Union State, scientific projects.

Институт истории НАН Беларуси проводит масштабную деятельность в реализации совместных проектов Беларуси и России в области исторической политики. Это находит отражение в многочисленных мероприятиях и проектах Союзного государства и СНГ, совместных научных публикациях, широком взаимодействии с научными, образовательными и культурными учреждениями, средствами массовой информации.

Отметим наиболее важные проекты международного научного взаимодействия ученых Института истории НАН Беларуси с российскими коллегами за последние годы.

В 2022 году сотрудниками Института истории организован ряд научных и научно-практических мероприятий, посвященных основным направлениям научной деятельности института, историческим событиям с древнейших времен до современности, значимым юбилейным датам. Данные мероприятия прошли при участии широкого представительства международного сообщества и способствовали популяризации историко-культурного наследия нашей страны [1].

Так, 19–20 апреля 2022 г. на площадке Института истории НАН Беларуси прошла Международная научная конференция «Истоки академической науки (к 100-летию Института белорусской культуры)». Целью конференции было подведение некоторых итогов изучения истории становления и развития Института белорусской культуры как первого научного учреждения на территории Советской Беларуси, истории академической науки в Беларуси, вопросов историографии. и методология изучения истории науки. В конференции

приняли участие более 50 представителей научных учреждений и вузов России и Беларуси, в том числе представители Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Коми научного учреждения». Центр Уральского отделения РАН» (Сыктывкар).

Общеизвестно, что Победа советского народа в Великой Отечественной войне является основой фундаментального и практического сотрудничества белорусских и российских ученых в области сохранения исторической памяти.

14–15 июня 2022 года в Минске прошла Международная парламентская конференция «Историческая память: Великая победа, одержанная единством». Заседание тематической секции «Великая Отечественная война в современной историографии» состоялось в Национальной академии наук Беларуси и было подготовлено Институтом истории. Спикерами выступили профессиональные ученые в области военной истории, юристы, военнослужащие, социологи, специалисты в области образования из Беларуси, России, Казахстана и Таджикистана. Учеными института истории подготовлен и издан в издательстве «Беларуская навука» сборник материалов конференции [2].

14 декабря 2022 года в Институте истории НАН Беларуси прошел международный экспертно-образовательный форум «Объединение народов Беларуси и России: от общего прошлого к единому будущему». Организаторами мероприятия выступили Постоянный комитет Союзного государства, Фонд «Историческая память», Институт истории НАН Беларуси и Международная медиагруппа «Россия сегодня». В рамках пленарного форума было проанализировано современное состояние российско-белорусского сотрудничества в сфере сохранения исторической памяти, а также обсуждены возможности реализации совместных образовательных, выставочных и других инициатив в гуманитарной сфере. В мероприятии приняли участие представители белорусских и российских государственных органов, научных учреждений, высших учебных заведений, архивов, образовательных организаций.

Важное научное и общественное значение имела Международная научная конференция «Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик)», которая прошла в Минске 15 декабря 2022 года. Организаторами мероприятия выступили Институт истории НАН Беларуси совместно с Институтом истории России РАН и Фондом «Историческая память». В работе конференции в смешанном формате, сочетавшем очное и дистанционное (онлайн) доклады, приняли участие ведущие ученые, политики и общественные деятели Беларуси и России. В ходе конференции было зачитано более 60 докладов по всем направлениям развития исторической науки в советское время.

2023 год был также насыщен международными мероприятиями, которые, несомненно, являются гордостью исследовательской и научно-практической работы всего коллектива [3].

26 мая 2023 г. состоялось совместное заседание президиумов Российской академии наук и Национальной академии наук, в ходе которого организована выставка новейшей научной литературы по истории Великой Отечественной войны, сохранению исторической памяти, в том числе подготовленной совместно с российскими учёными. Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси А. А. Коваленя и директор Института истории В. Л. Лакиза познакомили председателя Сибирского отделения Российской академии наук В. Н. Пармона, председателя Дальневосточного отделения РАН Ю. Н. Кульчина и заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН Е. И. Пивавара с публикациями и работами академических историков.

2-3 июня 2023 года ученые Института истории НАН Беларуси приняли участие в Первом российско-белорусском форуме историков, который прошел в Москве. Более 100 исследователей из разных регионов Союзного государства Беларуси и России обсудили актуальные вопросы общей исторической памяти двух народов, формирования единого

научного и образовательного пространства и перспектив дальнейшей интеграции. Участники выразили надежду, что проведение форума станет традиционным и ежегодным мероприятием, которое будет способствовать расширению и укреплению научных связей.

3-4 октября 2023 года в Минске прошел Форум Союзного государства «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба». На площадке Национальной академии наук Беларуси собралось около 300 участников – представители органов государственной власти и общественных организаций, ученые, ректоры вузов двух государств. Цель форума – содействие сохранению исторической памяти России и Белоруссии, а также противодействие попыткам фальсификации совместной истории двух стран и пересмотра итогов Второй мировой войны, включая реабилитацию нацистских режимов. преступников и их пособников, путем укрепления гуманитарных связей и развития сотрудничества ученых и общественности Беларуси и России. Дискуссия началась на пленарном заседании и продолжилась в рамках трех секций, посвященных ключевым направлениям белорусско-российского сотрудничества в сфере сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории, формирования духовно-нравственных ценностей, а также актуальные вопросы исторического образования в Беларуси и России.

В рамках сотрудничества Беларуси и России большое внимание уделяется молодежным проектам. С 30 октября по 5 ноября 2023 года в Ташкенте прошла Международная летняя школа молодых историков стран СНГ «Исторические тексты: культура их создания и интерпретации», в которой приняли участие ученые Института истории НАН Беларуси, Российской Федерации и других государств – стран СНГ. Тема школы была призвана осветить и обсудить широкий круг проблем, связанных с традициями и культурой передачи исторической информации на территории стран СНГ. Региональные и этнокультурные особенности определили разительные различия в традициях создания текстов, что отразилось в их большом видовом и жанровом разнообразии. Проведение школы позволило историкам разных стран Содружества ознакомиться с особенностями национальных исторических источников, обсудить формы и методы их создания и распространения. Значительное внимание уделено вопросу, связанному с культурой, способами, причинами и последствиями интерпретации исторических текстов в разных этноконфессиональных, социальных и политических условиях.

15 ноября 2023 года в Институте истории НАН Беларуси состоялось первое заседание Российско-белорусского экспертно-консультативного совета по истории. Мероприятие открыли помощник Президента Российской Федерации, председатель Межведомственной комиссии по историческому образованию В. Р. Мединский и заместитель руководителя Администрации Президента Республики Беларусь, заместитель председателя Республиканского совета по исторической политике при Администрация Президента Республики Беларусь И. В. Луцкий. На заседании обсуждался устав, был утвержден символ совета, а также определены ближайшие планы, среди которых подготовка совместных публикаций учёных двух стран, формирование российско-белорусского пула экспертов-исследователей, конкретные шаги, направленные на укрепление исторического единства России и Беларуси.

В 2023 году автомобильная дорога М-1 «Беларусь» отметила свое 85-летие. Институт истории НАН Беларуси совместно с Российским историческим обществом и фондом «История Отечества», Фондом развития науки и культуры «Таволга», Институтом российской истории РАН, Смоленским государственным университетом (Российская Федерация) подготовил двухтомное научно-популярное издание, рассказывающее о развитии автомобильной дороги на протяжении веков на территории России и Беларуси. В 2023 году вышла первая книга, содержащая сведения по истории дорог и торговых путей от эпохи Древнерусского государства до начала XX века. [4], в 2024 г. – второй, где изучается

период с начала XX в. по настоящее время [5]. В состав авторского коллектива Института истории вошли кандидаты исторических наук В. Л. Лакиза, П. А. Трубчик, Н. Е. Новик.

Также в результате совместной научно-исследовательской работы Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Института истории НАН Беларуси, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, исторического факультета БГУ издан первый российско-белорусский учебник «История Союзного государства» [6].

В 2024 году одним из важнейших направлений работы Института истории стало выполнение заданий по празднованию 80-летия освобождения Беларуси. Совместно с другими партнерскими организациями 25-26 июня 2024 года была подготовлена и проведена крупная международная научно-практическая конференция «Беларусь в годы Великой Отечественной войны: история и современность», на которой с участием коллег из России, были рассмотрены актуальные проблемы изучения истории и сохранения исторической памяти [7].

Значимым событием в области популяризации истории Великой Отечественной войны стал Молодежный форум «Россия – Беларусь. Преступления нацистов – без срока давности», который проходил в Минске с 1 по 4 июля 2024 года. 100 участников выступили на диалоговых площадках, посетили памятные места [8].

Фундаментальные разработки ученых института использовались также при подготовке и издании совместных коллективных трудов, учебных пособий, атласов, рабочих тетрадей, учебников, научно-популярных брошюр и книг. Среди наиболее значимых совместных издательских проектов следует отметить научно-популярное издание, в котором подробно описана история боя восьми дивизий Московского народного ополчения, принимавших участие в освобождении Беларуси во время легендарной операции «Багратион» [9]. На LXIV Национальном конкурсе «Мастацтва кнігі — 2025» в специальной номинации «Садружнасць» книга отмечена дипломом I степени.

В СНГ 2025 г. объявлен Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. В проводимых по инициативе НАН Беларуси международных научных конференциях, посвящённых юбилеям Победы и освобождению Беларуси от германских оккупантов, всегда принимали участие десятки учёных стран СНГ. Так, в масштабной Международной научно-практической конференции «Великая Победа во имя мира и созидания (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)», которая была организована Институтом истории НАН Беларуси и проходила на площадке НАН Беларуси 6–7 мая 2025 г. принимали участие, ученые-историки из Беларуси, Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Чеченской Республики, Курской, Смоленской, Тамбовской и Тульской областей, Казахстана, Узбекистана и Киргизии.

Также по случаю 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне Институт истории НАН Беларуси выступил одним из организаторов проведения на площадке Национальной академии наук Беларуси Международного круглого стола «Их именами названы... Ко дню Великой Победы». В работе круглого стола приняли участие потомки командующих 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов К. К. Рокоссовского, Г. Ф. Захарова, И. Д. Черняховского и И. Х. Баграмяна, которые освобождали от оккупации территорию Беларуси в ходе стратегической операции «Багратион» и внесли значительный вклад в Великую Победу. Участники мероприятия не только услышали доклады ученых-историков из Минска и Москвы, выступления представителей Белорусского фонда мира, Парламента Беларуси, Генеральной прокуратуры и Следственного комитета, а также, что очень важно, личные воспоминания родных о Героях. Отметим, что в рамках реализации указанного проекта имена Ивана Баграмяна, Георгия Захарова и Константина Рокоссовского присвоены трем школам г. Минска.

Институт истории НАН Беларуси выступил соорганизатором третьего форума Союзного государства «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба», который состоялся 12-15 ноября 2025 г. в Минске и был посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ключевой задачей форума была активизация совместной работы по противодействию попыткам фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны, также были обсуждены вопросы российско-белорусского сотрудничества в области изучения, сохранения и практического использования историко-культурного и археологического наследия.

Следует отметить совместную работу по мемориализации исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь, в том числе в контексте деятельности Российского военно-исторического общества. Осуществлен первый проект по увековечиванию героев Великой Отечественной войны, которые родились в Беларуси. Институт истории НАН подготовил справки на 30 Героев Советского Союза и известных участников Великой Отечественной войны, а Российское военно-историческое общество изготовило информационные стенды, которые местными органами власти установлены вдоль трассы Брест – Минск – граница с РФ (М1). Проект поддержан Администрацией Президента Республики Беларусь, Палатой представителей Национального собрания, НАН Беларуси, Администраций Президента Российской Федерации и Межведомственной комиссией по историческому просвещению при Президенте Российской Федерации.

Таким образом, в Институте истории НАН Беларуси уделяется значительное внимание международному сотрудничеству в области исторических наук. В обозначенных и многих других совместных мероприятиях, проектах и работах убедительно доказано присутствие белорусов в российском историко-культурном пространстве. С целью сохранения исторической памяти, увековечивания боевого и трудового подвига народов в годы Великой Отечественной войны, укрепления гуманитарных связей и духовно-нравственных ориентиров народов, комплексная совместная научно-исследовательская работа в рамках Союзного государства Беларуси и России должна осуществляться на системной основе, с широким участием представителей государственных органов управления, научных учреждений, высших учебных заведений, архивов, музеев, просветительских и общественных организаций, СМИ.

Библиографический список

1. Важнейшыя дасягненні і распрацоўкі вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі // Акадэмічная гуманітарыстыка: важнейшыя вынікі 2022 года / А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – 240 с. : іл. – С. 11–65.

2. Лакіза, В., Трубчык, П. Міжнародныя навуковыя праекты Інстытута гісторыі ў 2022–2024 гг. / В. Лакіза, П. Трубчык // Беларускі гістарычны часопіс – 2024. – № 9. С. 15–19.

3. Важнейшыя дасягненні і распрацоўкі вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі // Акадэмічная гуманітарыстыка: важнейшыя вынікі 2023 года / А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў. – Мінск: Беларуская навука, 2024. – 226 с. – С. 12–76.

4. Дорога М-1. Прошлое, настоящее, будущее (к 85-летнему юбилею трассы М-1 «Беларусь») / Под общей ред.: А. В. Драбкина; Авт. кол.: О. В. Корнилова [и др.]. — Москва, 2023. – 302 с.

5. Дорога М-1. От древности до современности (к 85-летнему юбилею трассы М-1 «Беларусь») / Под общей ред.: А. В. Драбкина; Авт. кол.: В. В. Новиков [и др.]. – Москва, 2024. – 342 с.

6. История Союзного государства: учебное пособие для высших учебных заведений / С.Л. Кандыбович, О.В. Солопова, В.В. Данилович, И.В. Жилинская [и др.] ; отв. ред. С.Л. Кандыбович, О.В. Солопова, Д.А. Андреев, В.В. Данилович, В.Л. Лакиза, А.Г. Кохановский, И.В. Жилинская. — М. Студия «Этника» (ИП Трошков А.В.), 2023. — 284 с.

7. Важнейшыя дасягненні і распрацоўкі вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі // Акадэмічная гуманітарыстыка: важнейшыя вынікі 2024 года / А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад, навук Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў. – Мінск: Беларуская навука, 2025. – 257 с. – С. 17–72.

8. Трубчик, П. А. Результаты новейших исследований истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Институте истории НАН Беларуси / П.А. Трубчик // Подвигу народа жить в веках: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне,

Минск, 23 апр. 2025 г. / Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Минск : РИВШ, 2025. – 270 с. – С. 224–230.

9. Каримов В. И., Трубчик П. А. От Московской битвы до операции «Багратион». К 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / В. И. Каримов, П. А. Трубчик. – М.: ООО «ВайзМедиа», 2024. – 256 с.

СЕКЦИЯ 1
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 341.17

СОЮЗ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ: ПРАВОВЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

THE UNION OF RUSSIA AND BELARUS: LEGAL AND GEOPOLITICAL ASPECTS

Н. В. Коршунова
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
Челябинск, Российская Федерация

N. V. Korshunova
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
South Ural State
Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation

Аннотация. Создание и развитие союзного государства России и Белоруссии отвечает интересам обеих стран. Идет социальная и правовая интеграция союзных государств. Очень важным фактором является приведение в соответствие правовых систем двух стран. Именно совместная и сопоставимая правовая база, особенно в рамках социального, трудового, финансового законодательства будет являться базой для углубления взаимовыгодного сотрудничества.

Abstract. The creation and development of a union state between Russia and Belarus is in the interests of both countries. Social and legal integration of the union states is underway. Harmonization of the legal systems of the two countries is a crucial factor. A shared and comparable legal framework, particularly in the areas of social, labor, and financial legislation, is essential.

Ключевые слова: Союзное государство, Союзный договор, единая правовая система, социальная и правовая интеграция.

Keywords: Union State, Union Treaty, unified legal system, social and legal integration.

Создание военно-политических, экономических, торговых, таможенных и иных союзов – обычное явление в мировой политике. В этом отношении союз России и Белоруссии по вопросам взаимодействия в области внутренней и внешней политики, в правовом пространстве представляет собой достаточно традиционное явление, но в тоже время этот союз по-своему уникален. Особенно с учётом того, что обе страны уже входят в Содружество независимых государств (СНГ). В этом смысле особый союз двух стран, уже входящих в единой Содружество, достаточно любопытное явление в системе международного права. Именно поэтому на заре существования данного Союза было много скептиков в обоих государствах. Юристы и политологи размышляли, в чьих интересах, кому больше выгоден такой союз, на сколько он вообще целесообразен. Были сомнения и в руководстве государств, и среди простых граждан, вплоть до того, что размышляли о желании России «поглотить» Белоруссию, стремлении Белоруссии просто иметь финансово-хозяйственную выгоду от союза. Было и много других подобных высказываний. Однако 30-ти летний опыт взаимодействия двух стран показал синергетическую выгоду от данного союза.

Россия и Белоруссия объединены общей историей не одно столетие, да и в новейшее время союзные отношения двух стран насчитывают уже несколько десятилетий. Напомним, что начальным документом, определившим более тесное сближение государств, стало Соглашение о таможенном союзе, подписанное Россией и Республикой Беларусь 6 января 1995 г. Даже с учетом экономической специфики данного документа, в его преамбуле уже содержались программные идеи интеграционного характера. Было заявлено о необходимости совместного обеспечения прав и свобод в новых демократических условиях, важности формирования единого экономического пространства, создание унифицированных форм экономического взаимодействия, в том числе в области законодательства в целом.

Следующим шагом стало подписание 2 апреля 1996 г. Договора о создании союзного государства: «Сообщества России и Белоруссии». Это был уже в полной мере развернутый документ, призванный регламентировать многостороннее взаимодействие двух стран. Положения данного документа получили свое развитие в новом уже официально союзном договоре, подписанным ровно год спустя, также 2 апреля, еже 1997 г. Более того, данный Договор был дополнен Уставом, который вступил в силу 11 июня 1999 г. Все вышеназванные документы стали прологом для подготовки и подписания конфедеративного Договора о Союзе от 8 декабря 1999 г. Объединяемые в ходе данного союзного договора государства в полной мере сохранили свой суверенитет, государственную символику, договорились о координации внутренней и внешней политики.

Формирование союзнических отношений России и Белоруссии – взаимовыгодное, синергетическое партнерство. Несмотря на постоянно предпринимаемые попытки расшатать данный геополитический проект, он продолжает развиваться, с каждым годом доказывая свою объективную необходимость. Более того многие современные исследователи отмечают естественность Союза двух народов, имеющих общую историю и единую «цивилизационную идентичность» [5, с. 537]. При этом речь идёт о взаимовыгодном сотрудничестве, а не поглощении одного государства другим. Суть данного взаимодействия заключается именно в том, что каждая из стран-участниц предлагает своему партнёру то, что позволяет успешно развиваться, при этом не ущемляя себя. Особенно это касается вопросов государственной безопасности.

В рамках формирования союзного государства отдельной строкой был поставлен вопрос о необходимости создания единой правовой системы Союзного государства, необходимой для углубления сотрудничества в рамках хозяйственных, трудовых межличностных и социальных правоотношений. Несмотря не то, что современное и российское и белорусское право являются наследниками советского права, существенное изменение политической системы оказало на его дальнейшее развитие большое влияние.

Конечно, при формировании правовой основы союзного государства определенная правовая унификация договором предусматривалась. Как справедливо указывает профессор А.В. Егоров «для полноты формирования и функционирования данной правовой общности необходимо решить ряд вопросов системного характера, что приведет к реальному функционированию самостоятельной правовой системы» [2, с. 149]. Вопрос о необходимости и степени унификации правовых систем пока остается открытым.

Ряд шагов уже предпринято. В рамках Союзного государства были созданы совместные органы управления. Высшим органом Союза стал Высший государственный совет, куда вошли президенты, премьер-министры и руководители палат парламентов обоих государств. Учрежден Парламент Союзного государства, который включает в себя Палату представителей (по 36 депутатов от России и Белоруссии) и Палату союза (75 депутатов от России и 28 – от Белоруссии). Учреждены также Совет министров, Постоянный комитет, Таможенный и Пограничный комитеты [1, с. 62]. Открытым остается вопрос: в каком объеме необходима интеграция законодательства двух стран? На сколько необходима унификация национального законодательства? Единого мнения на в ответе на данные вопросы нет. При

этом юристы спорят о необходимости формирования единого пространства для правотворчества, правоприменения, а также закрепления единой правовой идеологии, основанной на общих национальных и культурных ценностях.

Как известно, правовая система государства основывается на обычаях и нормах морали, поэтому импортирование правовых норм одной страны в другую представляет собой большие сложности. Понятно, что в современно мире происходит некая стандартизация ряда базовых правовых постулатов, развивается и международное публичное, и международное частное право, которое является стержнем для такой унификации. Есть и исторические примеры в современной истории, такие как Европейский союз. Но и здесь необходимо заметить, что при всей общности права, введение единой валюты и много другого, единой правовой системы создано не было. Препятствием стало не только интуитивное стремление государств сохранить свою национальную идентичность, но и формальные различия между романо-германским и англо-саксонской правовой системами. В этом смысле правовые системы России и Белоруссии исторически имели много общего. Более того, упомянутый выше Парламент Союзного государства в 4 статьи Союзного договора обозначен как нормотворческий орган, который призван принимать правовые акты. Сегодня основные функции парламента выполняет Парламентское Собрание Союза России и Белоруссии, действующее на основании Регламента [6].

В то же время вопрос о необходимости создания полновесного законодательного и исполнительного органа остается открытым и достаточно важным, потому что без подобного органа представляется невозможным говорить о дальнейшем интегрировании права двух стран.

Тем не менее, унификация правовых систем постепенно происходи, прежде всего, в сфере таможенного и финансового законодательства, в том числе банковской и налоговой деятельности. Много общих точек соприкосновения в сфере трудового законодательства, и норм, регулирующих социальные вопросы.

Однако решение текущих вопросов не снимает с повестки дня принципиальную проблемную зону – идейно-теоретическое обоснование общности России и Белоруссии. Иными словами, несмотря на важность формирования единого отраслевого законодательства, для создания единой системы необходимо формирования именно правовой идеологии Союзного государства для реального и практического взаимовыгодного сотрудничества двух государств, при этом сохраняющих свой суверенитет, что позволит говорить о перспективах дальнейшего совместного развития.

Понимание необходимости решения данных задач, безусловно, присутствует. Так, в феврале 2026 г. был организован Комитет по стандартизации и качеству Союзного государства в рамках заседания Верховного Государственного совета. В задачи данного Комитета должна войти стандартизация ГОСТов в производственной сфере, а также вопросы технического урегулирования на территории Союзного государства. Идет формирование единого социального пространства. Уже проделала и продолжается большая работа Межведомственной группы по рассмотрению вопросов об обеспечении равных прав граждан России и Белоруссии в рамках Союзного государства.

Итогом данной работы является обеспечение равных прав граждан обеих стран в рамках таких ключевых институтов трудового права как механизм заключения трудового договора, а также договора гражданско-правового характера в рамках выполнения работ и оказания услуг. Обозначаются единые подходы к вопросу организации рабочего времени и времени отдыха, условиям и охране труда. Наиболее важным в данной сфере является формирование единых подходов к оценке и подсчету трудового стажа работников как России, так и в Белоруссии, взаимный учет данного стажа.

На сегодняшний день уже создано единое миграционное пространство и общее образовательное пространство, отменен разрешительный порядок найма на работу. Народы

двух государств имеют равные права на получение образования на территории Союзного государства (действует межправительственное соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях). В «российских вузах в настоящее время учатся около 20 тыс. белорусов, в Беларуси — около 2 тыс. россиян» [3, с. 65].

На повестке дня постоянно стоят вопросы сглаживания противоречий в рамках правовых систем России и Белоруссии. На всех уровнях идет сотрудничество как в социальной, экономической, так и правовой сферах. Уже сегодня можно говорить о создании единого экономического, особенно энергетического рынка. В то же время важно обеспечить единые подходы и к правоприменительной деятельности на платформе единого Союзного государства. Важным шагом для реализации данной задачи является создание единой и унифицированной правовой базы, совместное участие в подготовке и продвижении международных договоров на мировой арене, обеспечение единых образовательных стандартов и комплексного развития правовой и социальной базы.

Библиографический список

1. Дерен, В. И. Союз России и Белоруссии: становление и проблемы развития / В. И. Дерен // Экономический журнал. – 2021. – № 4(64). – С. 61-77.

2. Егоров, А. В. Правовая система Союзного государства Беларуси и России: новая синергетика и перспективы развития / А. В. Егоров // Журнал российского права. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 147-159.

3. Курбанов, Р. А. Правовые основы и пути развития союзного государства / Р. А. Курбанов, А. М. Белялова // Федерализм. – 2017. – № 3(87). – С. 63-78.

4. Калинин Г.И. Вопросы правовой интеграции в Союзном государстве России и Белоруссии на современном этапе // Административное право и процесс. – 2024. № 10. С. 36 – 38.

5. Косов, А. П. Союзное Государство Беларуси и России в 1999-2018 гг.: геополитический аспект / А. П. Косов // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1, № 6. – С. 537-549.

6. Регламент Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. URL: https://belrus.ru/info/reglament-ps/#article1 (дата обращения 10.04.2026).

УДК 339.13.017

МИРОВОЙ РЫНОК ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ: РАЗВИТИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

THE GLOBAL ORGANIC PRODUCT MARKET: DEVELOPMENT, REGULATION AND OPPORTUNITIES FOR THE REPUBLIC OF BELARUS

Н. В. Пашкевич
старший преподаватель
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

N. V. Pashkevich
Senior Lecturer
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Проведен анализ масштабов органического сельского хозяйства, динамики мирового рынка и структуры международной торговли органической продукцией. Установлено, что органический сектор остается одним из наиболее динамично развивающихся сегментов мирового агропродовольственного рынка, а дальнейший рост связан с усилением экологизации производства, развитием устойчивых продовольственных систем и расширением международной торговли органической продукцией.

Abstract. An analysis was conducted regarding the scale of organic agriculture, global market dynamics, and the structure of international trade in organic products. It was determined that the organic sector remains one of the most rapidly growing segments of the global agri-food market, with future growth driven by the increasing adoption of environmentally friendly production practices, the development of sustainable food systems, and the expansion of international trade in organic products.

Ключевые слова: органические продукты питания, органическое сельское хозяйство, мировой рынок, международная торговля, экспорт, импорт, устойчивое развитие, Республика Беларусь.

Keywords: organic food, organic agriculture, global market, international trade, exports, imports, sustainable development, Republic of Belarus.

Усиление экологических требований к агропродовольственному производству, рост внимания к вопросам устойчивого развития и изменение потребительских предпочтений способствуют активному развитию мирового рынка органической агропродовольственной продукции. Согласно данным Научно-исследовательского института органического сельского хозяйства (FiBL), в 2024 г. объем мирового рынка органических продуктов питания составил 145 млрд евро, в то время как обращение продукции органического сельскохозяйственного сектора осуществлялось в 183 странах мира [1, с. 19]. Сегодня органическое сельское хозяйство рассматривается как важный инструмент обеспечения продовольственной безопасности, сохранения биоразнообразия и снижения негативного воздействия сельского хозяйства на окружающую среду.

Развитие рынка органической продукции и формирование эколого-эффективного сельскохозяйственного производства относятся к числу приоритетных направлений государственной политики в сельском хозяйстве, закрепленных в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. В качестве одного из целевых индикаторов стратегии определена доля посевной площади (площади многолетних насаждений), используемой для производства органической продукции: 1,5 % от общей посевной площади в 2030 году и 3 % — в 2040 году [2].

В данных условиях особую актуальность приобретает анализ современного состояния мирового рынка органических продуктов питания и напитков, выявление ключевых тенденций его развития, оценка международных торговых потоков и определение перспектив участия Республики Беларусь в указанном секторе мирового агропродовольственного рынка.

Структура рассматриваемого рынка и предпосылки для развития международной торговли предопределяются масштабом и динамикой развития органического сельскохозяйственного производства. По состоянию на 2024 г. мировая площадь органических сельскохозяйственных угодий достигла 98,9 млн га. По сравнению с 2000 г. данный показатель увеличился в семь раз (рисунок 1). Удельный вес задействованных в производстве органической продукции земель составляет 2,1 % от мировых сельскохозяйственных угодий [1, с. 36].

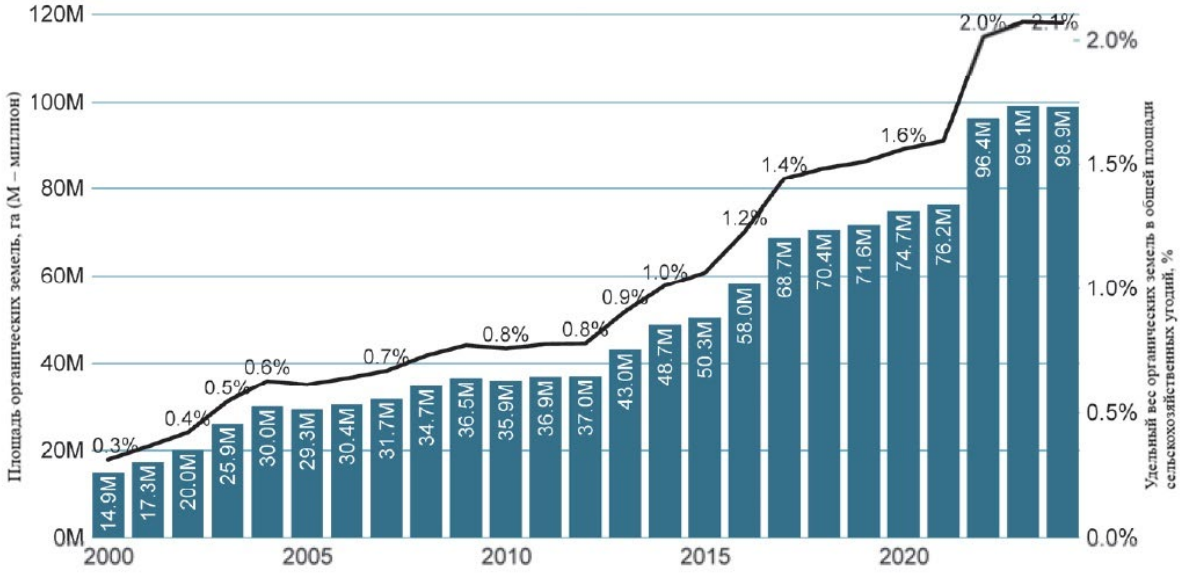


Рисунок 1. – Рост площади органических земель и удельного веса органических земель в общей площади сельскохозяйственных угодий с 2000 по 2024 гг. [1, с. 39]

В 39 странах мира доля обрабатываемых органическим способом земель составляет более 5 % общей площади сельскохозяйственных угодий [1, с. 287]. В том числе в 22 из них данный показатель превышает 10 % (рисунок).

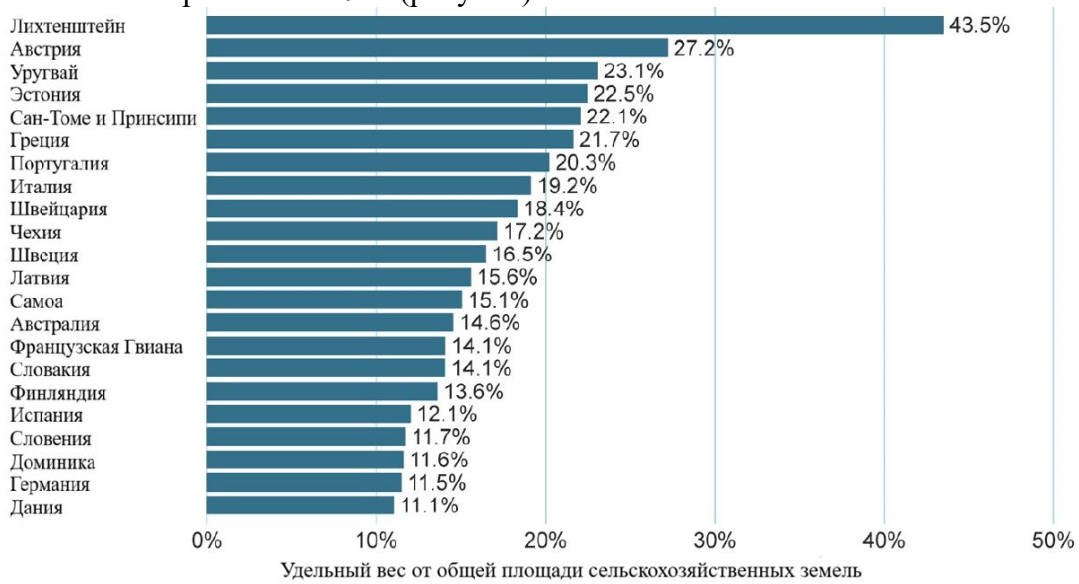


Рисунок 2. – Страны с долей органически обрабатываемых земельных площадей более 10 % от всех сельскохозяйственных земель, 2024 год [1, с. 38]

Помимо органических сельскохозяйственных земель, в производстве сертифицированной органической продукции задействованы территории сбора дикоросов – в совокупности более 25 млн га [1, с. 62].

По состоянию на 2024 г. в мире зарегистрировано более 4,8 млн субъектов, вовлеченных в производство органической продукции, и свыше 238 тыс. ее переработчиков [1, с. 45]. Число операторов на рынке органической продукции и доля органически обрабатываемых земель существенно различаются между странами (таблица 1). Наиболее высокое значение показателя числа производителей на 1000 га сельскохозяйственных земель наблюдается в Норвегии (1,95), Эстонии (1,91), Финляндии (1,79) и Латвии (1,72). Высокая концентрация органических производителей относительно земельных ресурсов свидетельствует о развитой системе поддержки органического земледелия.

Таблица 1. – Число операторов на рынке органической продукции и доля органически обрабатываемых земель в отдельных странах мира в 2024 году

Страна	Производители	Площадь с.-х. земель, тыс. га	Число производителей на 1000 га с.-х. земель	Переработчики	Импортеры	Экспортеры	Доля органических земель, %
Армения	20	1652,3	0,0121	–	–	–	0,03
Беларусь	14	8034	0,0017	9	–	6	0,1
Дания	4095	2621	1,5624	983	126	169	11,1
Казахстан	39	214265,7	0,0002	5	7	40	0,1
Киргизия	1001	10358,8	0,0966	1	–	3	0,2
Латвия	3396	1971	1,7230	411	10	0	15,6
Литва	2849	2873	0,9916	332	1	0	8,5
Норвегия	1914	982	1,9491	515	132	28	4,6
Польша	23155	14580	1,5881	690	328	437	4,8
Россия	55	215701	0,0003	30	–	–	0,05
США	17730	421540,3	0,0421	–	–	–	0,8
Украина	364	41311	0,0088	70	–	–	0,8
Финляндия	4058	2262	1,7940	379	45	40	13,6
Чехия	5567	3534,4	1,5751	951	326	146	17,2
Швеция	3995	2982	1,3397	6174	529	716	16,5
Эстония	1887	988	1,9099	175	37	27	22,5

Примечание – Источник: построено на основе данных [1, с. 287-288, 297-299; 3].

Польша, Дания, Чехия и Швеция отличаются не только значительным количеством производителей (от 3,9 до 23,2 тыс.), но и развитой инфраструктурой рынка, представленной большим числом переработчиков, импортеров и экспортеров органической продукции. В то же время страны с обширными сельскохозяйственными угодьями – Россия, Казахстан, США и Украина – характеризуются недостаточной степенью освоения органического производства по сравнению с имеющимся земельным потенциалом.

Мировой рынок органической продукции характеризуется положительной динамикой развития: с 2000 по 2024 год он вырос более чем в девять раз – с 15 до 145 млрд. евро [1, с. 19]. Среди стран, лидирующих по объему продаж в указанном секторе на 2024 год – США (объем продаж – 60,4 млрд евро), Германия (17,0 млрд евро), Китай (15,5 млрд евро), Франция (12,2 млрд евро) [1, с. 51]. В региональном ракурсе отмечается доминирование Северной Америки (65,7 млрд евро) и Европы (58,7 млрд евро), на которые в совокупности приходится более 85 % глобального объема продаж органической продукции [1, с. 51].

Органическая продукция занимает значительную долю продовольственного рынка в отдельных странах. Так, доля органических продуктов в общем объеме продаж продовольствия составляет 12,3 % в Швейцарии, 11,6 % в Дании и 11,4 % в Австрии

[1, с. 51], что обусловлено высокой покупательской способностью населения, повышенным вниманием потребителей к вопросам здоровья, безопасности продуктов питания, экологической и социальной устойчивости производства. Наиболее высокий уровень потребления органической продукции на душу населения характерен для стран Западной Европы с высоким уровнем подушевого дохода, развитой системой экологической сертификации и сформированной рыночной инфраструктурой. Среди них лидируют Швейцария (481 евро), Дания (373 евро) и Австрия (292 евро) [1, с. 51].

Международная торговля является важным драйвером развития мирового рынка органической продукции. Основной спрос сосредоточен в странах ЕС и США. Ключевыми экспортерами выступают государства Латинской Америки, Азии и Африки. Темпы роста рынка замедляются под влиянием инфляции и снижения покупательной способности населения, а дальнейшая динамика в большей степени определяется макроэкономическими факторами, включая рост издержек и цен на продукцию. По оценкам FiBL, в долгосрочной перспективе развитие рынка будет зависеть от климатических изменений, дефицита трудовых ресурсов в сельском хозяйстве США и Европы (в том числе вследствие увеличения среднего возраста и сокращения численности сельского населения) и политических решений, влияющих на уровень цен и устойчивость международных цепочек поставок продукции.

Рамочными условиями, формирующими динамику рынка, глобальные нормы, приоритеты финансирования и направления национальной политики, являются международные и региональные тенденции в поддержке агроэкологии и органического сельского хозяйства. Ключевым решением в 2024–2025 гг. стала совместная рекомендация ФАО и IFOAM “Organics International policy guidance” в рамках Десятилетия семейных фермерских хозяйств ООН (2019–2028), рассматривающая агроэкологию и органическое сельское хозяйство как взаимодополняющие подходы для развития семейного фермерства. В документе акцентируются такие инструменты политики, как защита прав собственности на землю, деятельность в рамках сертификации по системе гарантийного участия (СГУ), государственные закупки, доступ к рынкам и целевые меры поддержки фермеров [1].

На региональном уровне приняты следующие инициативы:

- В 2025 г. вступила в силу обновленная нормативная база Европейского Союза по органическому производству (Регламент ЕС 2018/848), направленная на повышение прозрачности, прослеживаемости и доверия к органической продукции. Европейской комиссией представлена Стратегия обновления поколений в сельском хозяйстве, которая через поддержку молодых фермеров, доступ к земле, финансированию и обучению косвенно способствует развитию устойчивых и органических моделей хозяйствования;
- Ассоциация государств Юго-Восточной Азии утвердила региональные Руководящие принципы перехода к агроэкологии. Документом определено семь ключевых направлений: стратегическое планирование, взаимодействие с фермерами, развитие цепочек добавленной стоимости, обмен знаниями, многостороннее участие, научные исследования и финансирование. Принят соответствующий План действий АСЕАН на 2025–2030 гг.;
- Парламент Латинской Америки и Карибского бассейна (PARLATINO) одобрил Модельный закон о продвижении агроэкологии, включающий механизмы поддержки образования, финансирования, институтов мониторинга и участия гражданского общества;
- Африканским союзом принята Кампалская декларация о создании устойчивых и жизнеспособных агропродовольственных систем в Африке (2025 г.), в рамках которой акцент смещается с роста производительности на комплексную трансформацию продовольственных систем, включая экономические, социальные, экологические и продовольственные аспекты.

Анализ современного состояния мирового рынка органической продукции позволяет выделить следующие основные тенденции:

- сохранение роста мирового спроса и увеличение объемов международной торговли;
- расширение органических площадей в странах Азии, Африки и Латинской Америки;

- усиление роли органического производства в реализации климатической и экологической политики государств, государственная поддержка программ производства и сбыта продукции (к примеру, создание 200 «Органических деревень» к 2030 г. в Японии);

- расширение использования цифровых технологий для совершенствования системы консультирования, обучения и сбора данных;

- совершенствование законодательства в отношении обеспечения прослеживаемости органической продукции, гармонизации требований к сертификации, цифровизации контроля цепочек поставок, развития механизмов взаимного признания сертификатов;

- повышение доступности сертификации через СГУ и групповой сертификации для снижения барьеров вхождения на внутренний и региональный рынки. Так, сертификация по системе СГУ в Индии охватывает 25 % органических сельскохозяйственных угодий [1].

В Республике Беларусь формирование рынка органической продукции находится на стадии становления. Правовые основы его функционирования определены Законом Республики Беларусь «О производстве и обращении органической продукции» от 9 ноября 2018 г. Системой государственной поддержки предусмотрено возмещение субъектам, осуществляющим деятельность в области агропромышленного производства расходов (части расходов) на проведение оценки соответствия производимой в Республике Беларусь органической продукции и процессов ее производства техническим требованиям в размере не более 150 базовых величин для одного субъекта в год [4].

На 2026 год в государственном Реестре производителей органической продукции зарегистрировано 25 субъектов [5]. Производители ориентированы преимущественно на экспорт органического сырья и продукции переработки в государства ЕС. К перспективным направлениям развития относятся: органическое растениеводство, производство дикорастущей продукции, органическое пчеловодство, производство органических молочных продуктов, экспорт продукции глубокой переработки. Конкурентными преимуществами Беларуси выступают относительно низкая химизация сельского хозяйства по сравнению с рядом стран Европы, наличие земельных ресурсов и выгодное географическое положение.

Проведенное исследование показало, что органическое сельское хозяйство является важным элементом мировой агропродовольственной системы. Международная торговля органической продукцией демонстрирует устойчивый рост, что определяется развитием глобальных цепочек поставок и расширением участия развивающихся стран в мировом органическом секторе. Для Республики Беларусь развитие органического производства представляет перспективное направление повышения экспортного потенциала, интеграции в международные рынки и обеспечения устойчивого развития аграрного сектора.

Библиографический список

1. The world of organic agriculture: statistics and emerging trends 2026 [Electronic resource] / ed.: H. Willer, B. Schlatter, J. Trávníček – Frick : Research Inst. of Organic Agriculture FiBL, 2026. – Mode of access: https://orgprints.org/37222/9/willer-et-al-2020-full-document-2020-02-28-4th-corrigenda.pdf. – Date of access: 26.06.2026.

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf. – Дата доступа: 26.06.2026.

3. Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.worldbank.org/eca/russian/. – Дата доступа: 26.06.2026.

4. О Государственной программе «АПК будущего» на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] // постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2025 г., № 814 // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь – Режим доступа: //efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://mshp.gov.by/uploads/Files/prog/gp2026-2030.pdf – Дата доступа: 26.06.2026.

5. Реестр производителей органической продукции [Электронный ресурс] // КАЧЕСТВО.БЕЛ – Режим доступа: https://organic.gskp.by/. – Дата доступа: 26.06.2026.

УДК 339.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

TRANSFORMATION OF EAEU SOCIAL POLICY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND ACADEMIC MOBILITY

А. Л. Сабынич
старший преподаватель
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. L. Sabynich
Senior Lecturer
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье исследуются процессы трансформации интеграционного взаимодействия государств – членов ЕАЭС в социальной сфере. На основе системного анализа евразийского права и правоприменительной практики раскрывается синергетический эффект процессов цифровизации, академической мобильности высококвалифицированных кадров. Особое внимание уделено механизмам автоматического признания ученых степеней, внедрению пропорциональной пенсионной модели.

Abstract. The article examines the transformation of integration cooperation among the EAEU member states in the social sphere. Based on a systemic analysis of Eurasian law and law enforcement practice, the paper reveals the synergetic effect of digitalization and the academic mobility of highly qualified personnel. Special attention is paid to the mechanisms of automatic recognition of academic degrees and the implementation of a proportional pension model.

Ключевые слова: ЕАЭС, социальная политика, цифровая трансформация, академическая мобильность, ученые степени.

Keywords: EAEU, social policy, digital transformation, academic mobility, academic degrees.

Динамика развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на современном этапе характеризуется постепенным смещением фокуса от сугубо торгово-экономической конвергенции к формированию комплексного социально-гуманитарного пространства. Реализация фундаментального принципа «четырех свобод», задекларированного в Договоре о ЕАЭС, а именно свободы перемещения рабочей силы, требует адекватной институциональной поддержки и создания эквивалентных систем социальных гарантий [1]. Социальная политика интеграционного объединения перестает играть подчиненную роль по отношению к макроэкономическим показателям и трансформируется в самостоятельный фактор устойчивого развития и удержания трансграничного человеческого капитала.

Двумя мощнейшими катализаторами этой трансформации выступают сквозная цифровая модернизация государственного управления и интенсификация академической мобильности. Цифровизация переводит социальные права граждан из категории декларативных норм в формат транспарентных, оперативно верифицируемых цифровых сервисов. В свою очередь, академическая мобильность высококвалифицированных кадров формирует интеллектуальное ядро интеграции, обеспечивая переход от классической «утечки мозгов» к парадигме «циркуляции интеллектуального капитала» (brain circulation). Данные процессы предопределяют актуальность исследования механизмов адаптации социальной политики ЕАЭС к вызовам цифровой эпохи.

Формирование общего научно-образовательного пространства ЕАЭС напрямую зависит от гибкости процедур академической мобильности и минимизации трансакционных издержек, связанных с подтверждением профессионального статуса исследователей. Исторически ключевым барьером на пути свободного перетока интеллектуальных ресурсов выступал латентный протекционизм национальных систем аттестации научных кадров высшей квалификации. Необходимость прохождения длительных, бюрократизированных и финансово затратных процедур признания (нострификации) дипломов кандидатов и докторов наук существенно снижала привлекательность трансграничных исследовательских контрактов в рамках Союза.

Качественным шагом в преодолении указанного барьера стало подписание и последующее вступление в силу в мае 2024 года Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза [2]. Нормативно закрепленный принцип автоматического признания дипломов национальных образцов де-юре уравнял ученых евразийской «пятерки» в праве на ведение профессиональной деятельности по специальности в стране трудоустройства. Данная мера позволила существенно снизить административные барьеры для университетов и научно-исследовательских институтов, привлекающих зарубежных специалистов.

Однако детальный юридический анализ правоприменительной практики позволяет выявить скрытые коллизии институционального характера. Автоматическое признание, декларируемое соглашением, в ряде случаев сужается исключительно до права на занятие штатной должности. В ситуации, когда иностранный ученый претендует на установленные национальным законодательством стимулирующие надбавки к заработной плате за ученую степень, претендует на получение внутренних государственных грантов или участвует в конкурсах программ финансирования, национальные регуляторы (Высшие аттестационные комиссии стран-участниц) нередко инициируют процедуры дополнительной экспертизы и верификации. Таким образом, сохраняется дуализм правового регулирования, при котором трудовой статус исследователя признается наднациональным правом, а его финансово-экономическое наполнение остается под юрисдикцией суверенного протекционизма. Для завершения трансформации данного института требуется разработка и принятие параллельного соглашения о прямом признании ученых званий (доцент, профессор), а также унификация квалификационных требований к соискателям в рамках всего Союза.

Трансформация социальной политики невозможна без построения адекватной технологической инфраструктуры. Традиционные бумажные методы фиксации юридических фактов (трудового стажа, квалификационных категорий, медицинских показаний) в условиях высокой мобильности населения приводят к задержкам в предоставлении социальных гарантий и создают риски коррупциогенного характера. Решением данной проблемы призвано стать развертывание единой цифровой экосистемы ЕАЭС, ключевым элементом которой выступает унифицированная поисковая система «Работа в ЕАЭС» [3].

Данный цифровой контур задуман как сквозная платформа, агрегирующая данные национальных информационных систем в сфере занятости, пенсионного обеспечения и образования. В идеальной модели цифровой трансформации соискатель из любого государства-члена должен обладать единым «Цифровым ID трудящегося ЕАЭС», в котором аккумулируются: верифицированные сведения об образовании и ученых степенях (путем прямой интеграции с реестрами министерств образования);данные электронных трудовых книжек, подтверждающие непрерывность и легитимность трудового стажа; сведения о налоговых отчислениях и страховых взносах в национальные фонды. Практическое внедрение таких систем сталкивается с проблемой обеспечения доверия к трансграничной цифровой среде. Главным архитектоническим вызовом является интеграция разнородных, технологически несовместимых баз данных, имеющих различную глубину оцифровки архивов. Например, если в Республике Беларусь и Российской Федерации процессы

оцифровки кадрового и пенсионного учета находятся на высоком уровне, то в других государствах Союза сохраняются значительные массивы неструктурированных бумажных данных, что порождает проблему «цифрового разрыва» (digital divide).

Наиболее сложным элементом социальной защиты трудящихся-мигрантов традиционно выступает пенсионное обеспечение. Долгое время периоды работы граждан за пределами своих государств фактически исключались из страхового стажа при расчете пенсий, что ущемляло долгосрочные интересы мобильной части населения и сдерживало интеграцию рынков труда. Вступившее в силу 1 января 2021 года Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза радикально изменило данный подход, внедрив пропорциональную модель распределения обязательств, емко описываемую принципом «деньги следуют за человеком» [4].

Сущность данной модели заключается в том, что каждое государство Союза формирует и выплачивает пенсию за периоды стажа, наработанного исключительно на его территории после вступления Соглашения в силу. Ключевой правовой гарантией для граждан стал механизм суммирования трансграничного стажа: если для возникновения права на пенсию в одной стране трудовому мигранту не хватает нормативного количества лет работы, уполномоченные органы обязаны учесть стаж, приобретенный в любом другом государстве ЕАЭС.

Однако эффективность функционирования этой сложнейшей финансово-правовой конструкции напрямую зависит от стабильности защищенного трансграничного обмена данными. В настоящее время верификация стажа и перечисление денежных средств («экспорт пенсий») осуществляются через Интегрированную информационную систему ЕАЭС. На практике этот процесс сопряжен с существенными временными задержками. Уполномоченные пенсионные органы государств-членов вынуждены тратить месяцы на обработку межгосударственных электронных запросов, поскольку национальные форматы данных требуют ручной модерации и верификации со стороны инспекторов фондов.

Дополнительным вызовом выступает фундаментальное противоречие между наднациональной потребностью в сквозном обмене персональными данными граждан и жесткими требованиями национальных законодательств стран-участниц в области кибербезопасности и защиты личной информации. Передача детальных сведений о трудовой деятельности и доходах граждан через межгосударственные шлюзы требует высочайшего уровня криптографической защиты и унификации нормативных актов, регулирующих оборот персональных данных, что пока находится на стадии перманентного согласования [4].

Логическим продолжением трансформации социальной политики должно стать расширение цифровых инструментов на сферу охраны здоровья трудящихся-мигрантов и членов их семей. На текущий момент доступ к системам обязательного медицинского страхования (ОМС) в странах трудоустройства для иностранных граждан все еще ограничен значительным числом подзаконных административных барьеров. Получение полноценной медицинской помощи зачастую требует предоставления бумажных справок с места работы, договоров и иных документов, подтверждающих легальность пребывания, что исключает возможность оперативного получения медицинских услуг в экстренных ситуациях.

Перспективным вектором решения данной проблемы видится интеграция национальных платформ электронного здравоохранения (e-Health) в общий цифровой контур ЕАЭС. Формирование трансграничной системы телемедицины и создание единого электронного медицинского полиса ЕАЭС позволит мигрантам получать доступ к медицинским услугам без привязки к бумажным носителям. Цифровая верификация статуса застрахованного лица через единый реестр ЕАЭС обеспечит клиникам стран пребывания мгновенное подтверждение права пациента на получение помощи, финансируемой в рамках межгосударственных взаиморасчетов медицинских фондов.

Исследование процессов трансформации социальной политики ЕАЭС в условиях цифровизации и академической мобильности позволяет сделать вывод о том, что интеграционное объединение успешно преодолело стадию сугубо экономического прагматизма и перешло к формированию основ единого социального пространства. Подписание соглашений о признании ученых степеней и пропорциональном пенсионном обеспечении заложило прочный нормативный фундамент под защиту прав мобильных категорий граждан.

Вместе с тем, синергетический эффект данных реформ сдерживается незавершенностью построения единой цифровой инфраструктуры ЕАЭС, техническими различиями национальных баз данных и элементами латентного институционального протекционизма со стороны суверенных ведомств. В целях преодоления выявленных барьеров и углубления интеграции представляется целесообразным:

1. Инициировать разработку Рекомендательного (модельного) Социального кодекса ЕАЭС, определяющего единые стандарты и векторы долгосрочной конвергенции национальных систем социальной защиты.
2. Создать Единый реестр ученых и научно-исследовательских квалификаций ЕАЭС на базе технологий распределенных реестров (блокчейн), что позволит полностью автоматизировать и верифицировать ученые степени и звания без участия бюрократических посредников.
3. Форсировать переход пенсионных и медицинских ведомств стран Союза на полностью автоматизированный, бесшовный обмен данными в рамках интегрированной информационной системы ЕАЭС, исключив человеческий фактор из процессов верификации трансграничного стажа.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : по состоянию на 1 янв. 2025 г.]. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2025. – 184 с.
2. О взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза : Соглашение от 8 июня 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.by. – Дата доступа: 14.04.2026.
3. Работа без границ : унифицированная поисковая система стран ЕАЭС : межгосударственный информационный портал [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: trudvsem.ru. – Дата доступа: 14.04.2026.
4. О пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза : Соглашение от 20 дек. 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.by. – Дата доступа: 14.04.2026.
5. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: eaeunion.org. – Дата доступа: 14.06.2026.

СЕКЦИЯ 2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 94 [725.945:004.9] (476)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТ ПАМЯТИ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К ВИРТУАЛЬНОМУ

DIGITAL TRANSFORMATION OF MEMORY PLACES: FROM MATERIAL TO VIRTUAL

А. А. Антонович
магистрант
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. A. Antonovich
Master's Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается трансформация классических мест памяти в цифровую эпоху. Анализируются виртуальные музеи и экскурсии, электронные архивы как новые формы коммеморации. Делается вывод о том, что цифровая трансформация расширяет доступ к истории, но одновременно требует пересмотра традиционных подходов к аутентичности и сохранению исторической памяти.

Abstract. This article examines the transformation of classic places of memory in the digital age. It analyzes virtual museums and tours, as well as digital archives, as new forms of commemoration. It concludes that digital transformation expands access to history, but simultaneously requires a reconsideration of traditional approaches to authenticity and the preservation of historical memory.

Ключевые слова: места памяти; виртуальная экскурсия; виртуальный музей; цифровой архив; забвение.
Keywords: places of memory; virtual tour; virtual museum; digital archive; oblivion.

Сохранение исторической памяти является приоритетным направлением государственной политики в Республике Беларусь. В эпоху цифровизации общества, необходимо переосмысление классических подходов к трансляции памяти. Рост цифровой трансформации предлагает инструменты виртуальной реконструкции (3D-туры, электронные архивы и музеи), однако переход «от материального к виртуальному» несет и некоторые риски, что делает необходимым его научный анализ для выработки эффективной стратегии процесса цифровизации памяти.

Память – это способ конструирования людьми своего прошлого. С одной стороны, она может изучаться как память-свидетельство людей, переживших некий опыт, например выживших в Холокосте. С другой стороны, это понятие используют для изучения репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа – книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д. [1, с. 15].

В гуманитарной науке понимание памяти как динамического и социально обусловленного процесса утвердилось благодаря работам французского социолога Мориса

Хальбвакса, который впервые предложил понятие «коллективная память», чтобы объяснить, как индивидуальная память находится под влиянием коллективной социальной памяти [2].

Хальбвакс указал, что невозможно разделить внутреннюю (индивидуальную) и внешнюю (коллективную) память. Автор утверждал, что существует два способа организации воспоминаний: они могут быть сгруппированы вокруг определённого человека, который видит их со своей точки зрения, а иногда и распределены в обществе, из которого они являются как можно большим количеством частичных образов.

В зависимости от того, в каком качестве выступает человек – как носитель личной идентичности или как член социальной группы – формируются две различные, а в ряде случаев противоположные, установки по отношению к содержанию воспоминаний. В первом случае он воспринимает общие с другими воспоминания сквозь призму своих внутренних установок, выделяя то, что важно именно для него. Во втором – он выступает как часть группы, сохраняя безличные воспоминания, значимые для всех её членов. Хотя эти два вида памяти постоянно переплетаются, их разделение важно: индивидуальная память способна уточнять и дополнять коллективную. При этом, чем больше людей подтверждают воспоминание, тем выше уверенность в его достоверности.

Развивая идеи Мориса Хальбвакса, французский историк Пьер Нора в 1980–1990-х годах предложил концепцию «мест памяти» (*lieux de mémoire*), которая стала одной из наиболее влиятельных в изучении коллективной памяти [3].

Место памяти – любой значимый объект, как материальный, так и нематериальный, который в силу коллективной воли или времени обрел статус символического элемента мемориального наследия.

Места памяти являются местами в трех смыслах данного слова – материальном, символическом и функциональном, – но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой [4, с. 42].

Традиционные способы передачи исторического опыта через непосредственное общение поколений, ритуалы и материальные памятники дополняются, а в ряде случаев и вытесняются новыми, цифровыми формами репрезентации прошлого.

Еще в 2004 г. немецкие историки, Эрик Майер и Клаус Леггеви, отмечали, что «интернет в качестве интерактивного средства с его потенциалом массовой коммуникации превратился в важное виртуальное пространство памяти, где сходятся приватное и публичное, близкое и дальнее, локальное и глобальное» [5, с. 291].

В этой связи возникает необходимость переосмысления классических теоретических моделей. Социальные сети, онлайн-архивы, виртуальные музеи, экскурсии, и цифровые проекты создают принципиально иную топографию памяти, которая уже не привязана к физическому пространству.

Цифровизация музейных экспозиций и создание онлайн-архивов расширяют доступ к материальным носителям памяти. Виртуальные музеи не просто дублируют физическое пространство, но создают новые формы взаимодействия с прошлым: возможность нелинейного просмотра, мультимедийные дополнения, интерактивные карты [6, с. 35].

Например, виртуальный музей выполняет ключевые функции классической концепции мест памяти Пьера Нора: фиксирует значимые события и артефакты, формирует вокруг них сообщество, разделяющее определенное отношение к прошлому и противостоит забвению.

Стоит отметить, что виртуальный музей в то же время существенно отличается от классического по ряду параметров:

Во-первых, он лишен материальной привязанности к конкретному месту. Пользователь может «посетить» его из любой точки мира, что расширяет доступ, но одновременно разрушает ауру подлинности, которую, по мнению Вальтера Беньямина, создает физическое присутствие: «Даже самому совершенному воспроизведению произведения искусства

недостает одного элемента: присутствия во времени и пространстве, уникального существования в том месте, где оно находится» [7].

Во-вторых, он интерактивен и часто предполагает активное участие пользователя.

В-третьих, он может существовать в нескольких версиях и постоянно обновляться, тогда как физический музей относительно статичен.

Эти различия позволяют говорить о виртуальном музее не как о копии традиционного музея, а как о гибридной форме памяти, которая расширяет охват и вовлечённость, но требует новых подходов к восприятию подлинности и авторства.

В данном контексте наблюдается схожая переоценка в области виртуального архивирования и экскурсий.

Традиционный архив воспринимается как сакральное место памяти – учреждение с четкой иерархией, строгими правилами посещения и физической привязанностью к «следам» прошлого из фондов различных категорий (пожелтевшие бумаги, пергаменты, кинопленки и др.), электронная версия архива, в свою очередь, не просто копирует эту функцию, а фундаментально переопределяет саму природу архивирования. В цифровой среде архив утрачивает свою материальную осязаемость и превращается в принципиально иное содержание: это больше не хранилище фондовых документов и предметов, а динамичная система управления данными. Он представляет собой поисковую систему, базу данных, облачное хранилище, которое пользователь может посетить, не выходя из дома, что существенно упрощает доступность к историческим материалам.

Электронная среда позволяет мгновенно сопоставлять фонды, находящиеся в разных местах мира, и открывает возможности для машинного анализа данных, недоступные при физическом просмотре дел.

Однако подобные архивы более уязвимы: технический сбой, хакерские атаки, устаревание форматов файлов и другие.

Таким образом, электронный архив становится более доступным, но, одновременно, имеет в большей степени угрозу потери данных.

Более сложную модификацию современных мест памяти представляет виртуальная экскурсия. Как и у предыдущих форм, есть значительное преимущество – она позволяет посетить удалённо любую точку планеты. Благодаря 3D-моделям старинных зданий или виртуальным турам по музеям можно оказаться внутри места и рассмотреть его в деталях. Иногда это даже качественнее, чем вживую: виртуальная экскурсия может показать то, что при физическом посещении можно было бы и не заметить, а также нет привязанности ко времени суток и продолжительности просмотра.

С другой стороны, у данной формы выделяются очевидные минусы: когда вы смотрите виртуальную экскурсию, вы не чувствуете себя внутри пространства по-настоящему, теряется физическое ощущение места, процесс не вызывает эмоционального всплеска от присутствия и перестаёт быть похож на «путешествие» к значимому месту.

Следовательно, основное преимущество виртуальной экскурсии состоит в доступности, многое зависит также и от качества передаваемых изображений и информации, но, при этом, она не может дать главного – физического присутствия и живых впечатлений.

В данном контексте особую актуальность приобретает концепция мест памяти Пьера Нора, которая подчёркивает, что подобные места возникают как реакция на угрозу забвения. Общество стремится сохранить память о значимых событиях и личностях, создавая материальные и нематериальные памятники.

В условиях цифровой эпохи, вопрос забвения принимает новые формы, открывая ряд проблем, связанных с современными «местами памяти»:

Во-первых, проблема забвения преобразовывается из проблемы утраты в проблему поиска. Раньше главной угрозой было то, что информация исчезнет, процессе цифровизации – то, что информации так много, что найти нужную и достоверную часто

становится очень сложным процессом. Забвение наступает не потому, что данные стерты, а потому что они тонут в «цифровом шуме».

Во-вторых, возникает проблема отбора данных. Всё чаще пользователи сталкиваются с тем, что поисковые алгоритмы некорректно распределяют информацию, делая одну более видимой, а другую – практически недоступной, где нужные материалы неумышленно порой скрываются.

В-третьих, существует проблема искажения данных. Вырванная из контекста информация, сохраненная в сети, может изменить прошлое не меньше, чем его полное исчезновение. Ключевое значение имеет сохранение критического мышления и способности к глубокому анализу исторических источников в условиях информационной избыточности [8, с. 76].

Следовательно, в цифровую эпоху проблема забвения не исчезает, а лишь меняет свои формы. Если классические «места памяти» боролись с исчезновением забвения, то сегодня мы сталкиваемся с забвением-перегрузкой и забвением-искажением.

Таким образом, виртуальные музеи, архивы и экскурсии могут рассматриваться как «места памяти» нового типа. Они выполняют ключевые функции, выделенные Пьером Нора: фиксацию значимых событий, сохранение и трансляцию коллективного опыта, борьбу с забвением. Однако их функционирование требует пересмотра классических критериев. В отличие от классических «мест памяти», они:

- не привязаны к физическому пространству, что делает их доступными из любой точки мира, но лишает ауры подлинности;
- динамичны и могут постоянно обновляться, что противоречит статичности классических мест памяти;
- интерактивны и предполагают активное участие пользователей, что меняет характер взаимодействия с прошлым;
- могут существовать в множестве версий и быть децентрализованными.

В настоящее время цифровые исследования памяти оформились в качестве самостоятельного направления в системе мемориализации: сложились отчетливые границы предметной области, сформирован устойчивый методологический инструментарий, а спектр исследовательских тем продолжает расширяться. Подобная динамика во многом продиктована природой цифровой реальности, которая не только порождает принципиально новые практики коммеморации в виртуальном пространстве, но и непрерывно видоизменяет уже утвердившиеся формы работы с памятью.

Библиографический список

1. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

2. Halbwachs, M. Les Cadres sociaux de la mémoire / M. Halbwachs. – Paris: Librairie Félix Alcan, 1925. – 368 p.

3. Les Lieux de Mémoire: in 3 vols / sous la dir. P. Nora. – Paris: Gallimard, 1984–1992. – Vol. 1: La République. – 1984. – 672 p.

4. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 333 с.

5. Meyer, E. Collecting Today for Tomorrow / E. Meyer, C. Leggewie // Medien des kollektiven Gedächtnisses. – 2004. – № 1. – P. 278-291.

6. Дзюба, Д. Н. Виртуальный музей в контексте цифровой культуры : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Дарья Николаевна Дзюба. – Саранск, 2019. – 152 с.

7. Aquestionofexistence. – Tennessee, 2008-2026. – URL:https://aquestionofexistence.com/Aquestionofexistence/Aesthetics/Entries/2014/6/27_Walter_Benjamins_The_Work_of_Art_in_the_Age_of_its_Technical_Reproducibility.html (date of access: 01.02.2026).

8. Бегишев, И. Р. Историческая память в цифровую эпоху: педагогические стратегии сохранения и трансляции культурного наследия / И. Р. Бегишев, А. А. Хайруллина // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – № 3. – С. 72-78.

УДК 94(571.54+571.55)

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ВОЗВЕДЕНИИ НОВЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В РАЙОНАХ БАМА (1970–1980-Е ГГ.)

PARTICIPATION OF THE BYELORUSSIAN SSR IN THE CONSTRUCTION OF NEW URBAN SETTLEMENTS IN THE BAM DISTRICTS (1970–1980S)

Н. С. Байкалов
доктор исторических наук, доцент
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

N. S. Baikalov
PhD in history, Associate Professor
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

Аннотация. В статье рассмотрено участие белорусских строителей в сооружении новых городских поселений вдоль трассы Байкало-Амурской магистрали. На основе архивных документов описаны основные объекты шефской помощи БССР, проанализированы трудности, с которыми столкнулись строители в условиях местности, приравненной к районам Крайнего Севера, сделана оценка вклада комсомольцев Белоруссии в социально-экономическое развитие районов нового хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока.

Abstract. This article examines the participation of Belarusian и builders in the construction of new urban settlements along the Baikal-Amur Mainline. Using archival documents, author describes the main projects supported by the BSSR, analyzes the difficulties faced by construction workers in areas comparable to the Far North, and assesses the contribution of Belarusian Komsomol members to the socioeconomic development of newly developed areas in Siberia and the Far East.

Ключевые слова: Сибирь и Дальний Восток, БАМ, шефская помощь, СМУ «БелБАМстрой».

Keywords: Siberia and the Far East, BAM, patronage assistance, SMU "BelBAMstroy".

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 26-18-00843.

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No 26-18-00843.

В середине 1970-х гг. советское правительство объявило о возобновлении строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее, БАМ), провозглашенной Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (1974) новая дорога должна была разгрузить Транссиб, сократить транзит грузов на Дальний Восток и обеспечить разработку новых месторождений северного широтного пояса [1].

Для возведения железнодорожных станций и пристанционных населенных пунктов была организована система шефства, охватившая 13 союзных республик и 22 автономные административные единицы РСФСР [2, с. 49]. Шефские строительные организации были обязаны собственными силами за счет своих внутренних ресурсов или поступлений от Минтрансстроя СССР разрабатывать проектно-сметную документацию; возводить временные поселки для своих рабочих; обеспечивать их временными источниками водо-, тепло- и энергоснабжения; сдавать в эксплуатацию построенные объекты после завершения полного комплекса работ; по согласованию с заказчиком и генподрядчиком завозить и использовать для строительства конструкции и детали зданий, изготовленные на своих предприятиях [3, с. 47–48].

Всего в сооружении магистрали приняли участие представители более 80 национальностей СССР, а также дружественных социалистических стран. В советской печати был широко распространен лозунг «БАМ – стройка дружбы», призванный продемонстрировать единство и интернациональные связи советских республик [4, с. 62–64].

Первыми из БССР на БАМ прибыли бойцы Белорусского комсомольско-молодежного отряда имени Героя Советского Союза Николая Кедышко. Они стали первопроходцами самого северного и трудного магистрали Тында – Беркакит. «Их было пятьсот добровольцев, юношей и девушек из всех областей республики, бойцов первого Белорусского отряда строителей БАМа. Большинство из них были совсем юными, неопытными в жизни и работе, неуверенно и робко делали свои первые шаги на стройке века. Лютые морозы и жару, неудобства быта, тоску по родным местам и минуты отчаянья, радость первых удач – все они испытали», – писал о трудовом подвиге белорусских комсомольцев на строительстве БАМа в Южной Якутии В. Ю. Павлович [5, с. 25–26]. Здесь белорусы составили ядро строительно-монтажного поезда (далее, СМП) № 578 УС «БАМстройпуть», занятого в возведении пос. Золотинка. В течение 1975 г. был возведен временный поселок, включавший общежитие, столовую, контору, амбулаторию, ясли-сад, магазины, овощехранилище, склады, пекарню, дом быта и пр. К сооружению железнодорожной станции СМП-578 приступил в 1976 г., а через 6 лет в 1982 г. станция и поселок для железнодорожников были сданы в постоянную эксплуатацию [6].

В соответствии с проектом строительства за БССР было закреплено возведение узловой станции и поселка железнодорожников Муякан, расположенного в Баунтовском (с 1990 г. – Муйском) районе Бурятской АССР. Строительно-монтажное управление (далее, СМУ) № 251 «БелБАМстрой» производственного строительно-монтажного комбината «Минскстрой» Минпромстроя БССР было организовано в 1981 г. Ядро коллектива составили минские строители, к которым присоединились бойцы отряда им. Н. Кедышко, передислоцировавшиеся из Якутии. В начале 1980-х гг. предприятие насчитывало более 1400 работников [7].

Поселок Муякан был рассчитан на 600 жителей. Кроме строительства жилых домов проект предусматривал возведение общественно-торгового центра, школы, детского сада, фельдшерско-акушерского пункта, бани, стадиона. Прибыв на место будущего поселка, белорусские строители начали сооружение основной промбазы в развернутом к тому моменту поселке тоннельщиков Северомуйске. Были построены растворобетонный узел, цех раскройки отделочных материалов, подсобные помещения, жилые дома и общежития, детский комбинат на 90 мест. В порядке оказания шефской помощи минчане возвели в Северомуйске магазин «Детский мир», шефствуют над местной. помогли оборудовать школу искусств, больницу, комбинат бытового обслуживания [5, с. 30].

В соответствии с утвержденным техническим проектом ст. Муякан являлась конечной станцией электрифицированного участка Усть-Кут (Лена) – Муякан. На этой станции должна была производиться смена рода тяги с электрической на тепловозную. Однако строительство «БелБАМстроем» 16-квартирного жилого дома и фельдшерско-акушерского пункта привело к резкой деградации «вялой» вечной мерзлоты, подъему на поверхность грунтовых вод, подтоплению территории и деформации зданий. Детальным обследованием местности было установлено, что площадка строительства находится в крайне неблагоприятных инженерно-геологических условиях – конусы выносов, водотоки, вечномерзлые, сильнопросадочные глинистые грунты от 9 до 50 м [8, с. 50–51].

В связи с этим возникла необходимость переноса участковой железнодорожной станции на более благоприятное место. После проведения дополнительных изысканий был выбран пос. Таксимо Бурятской АССР. Этот перенос стыкования тяги с продлением электрификации на 85 км позволил разместить ее на надежном основании и сэкономить 8 млн рублей [8, с. 52].

Технический проект поселка был разработан в соответствии с «Мероприятиями по организации проектирования и срокам строительства объектов жилищно-гражданского назначения на БАМе» 1975 г., утвержденными Госгражданстроем, МПС, Минтрансстроем и Госстроем РСФСР. Для застройки были приняты техническим проектом комплексные серии типовых проектов крупнопанельных жилых домов: серия 122 с изготовлением изделий на КПД станции Шимановская, серии 135-С с изготовлением изделий на Тайшетской базе стройиндустрии. Однако задержка строительства Шимановского и Тайшетского заводов, с одной стороны, выход шефских строительных и проектных организаций на свои участки работ, с другой стороны, создали условия для пересмотра принятых решений. Технический проект поселка был скорректирован с учетом предложений местных Советов о необходимости частичной застройки усадебными домами с хозяйственными постройками. Шефские проектные и строительные организации, используя свои домостроительные заводы и комбинаты, предложили и осуществили в строительстве типовые серии жилых домов, общественных, бытовых и культурных зданий, которые не были предусмотрены первоначальным техническим проектом и существенно внесли качественные изменения в застройку жилых пристанционных городов и поселков.

СМУ «БелБАМстрой» передислоцировался из Муякана в Таксимо, где вместе с коллективами латвийских строителей и бойцов отряда «Комсомолец Бурятии» были построены железнодорожный вокзал (архитекторы Х. Васильева, А. Кромбергс), локомотивное депо, дистанция сигнализации и связи, энергетическое хозяйство с крупной подстанцией, а также 60 тыс. м^2 жилья, средняя школа, больничный комплекс, отделение связи, КБО и другие объекты социальной инфраструктуры [9].

Поселок быстро разрастался. В нем расположились СМП-670 и СМП-694 треста «Нижнеангарсктрансстрой» и мостотряд № 97 треста «Мостострой-9», занятый на сооружении моста через р. Витим, мехколонны треста «ЗапБАМстроймеханизация», участки спецпоезда Водрем-89, подразделения треста «Востоксибэлектросетьстрой» и другие предприятия. На завершающем этапе строительства БАМа Таксимо стал рассматриваться как потенциальный центр стройиндустрии на севере Бурятии. Проекты по сооружению Молодежного горно-обогатительного комбината, Мокской ГЭС, близость золотоносных приисков обусловили приток сюда рабочей силы. Численность населения поселка в это время достигла 12 тыс. жителей [10, с. 262]. В результате Таксимо превратился в самый перспективный центр социально-экономического развития Севера Бурятии, в чем сыграли важную роль белорусские строители.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 106. Д. 1777. Л. 61–78.

2. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 217 с.

3. БАМ: первое десятилетие / отв. ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. – Новосибирск: Наука. СО, 1984. – 208 с.

4. БАМ – стройка дружбы / сост. Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 208 с.

5. Павлович, В. Ю. Притяжение. – Минск: Беларусь, 1984. – 80 с.

6. Муниципальный архив Нерюнгринского района Республики Саха Якутия. Ф. Р-3. Исполком Совета народных депутатов г. Нерюнгри. Оп. 1. Д. 58. Л. 83–84.

7. Государственный архив Амурской области. Ф. Р-2080. Главное управление по строительству БАМ (ГлавБАМстрой). Оп. 1. Д. 566. Л. 6.

8. Байкало-Амурская железнодорожная магистраль. Краткий технический отчет. Том 1 / гл. ред. В. А. Брежнев. – Москва: ВПТИтрансстрой, 1997. – 390 с.

9. Архивный отдел администрации Муйского района Республики Бурятия. Ф. 2. Совет народных депутатов пос. Таксимо. Оп. 1. Д. 83. Л. 7–8.

10. Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее : очерки истории, географии, культуры: к 50-летию Байкало-Амурской магистрали / науч. ред. Ю. А. Зуляр. – Иркутск: Издательство Иркутского госуниверситета 2023. – 367 с.

УДК 94(476)"1921/1939"(043.3)

РОЛЯ АКЦЫЯНЕРНАГА ТАВАРЫСТВА “ДАВА-БРЫТАПОЛЬ” ВА ЎСТАНАЎЛЕННІ САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ ГАНДЛЁВЫХ АДНОСІН У 1921–1925 ГГ.

THE ROLE OF THE JOINT-STOCK COMPANY “DAVA-BRITOPOL” IN THE ESTABLISHMENT OF SOVIET-POLISH TRADE RELATIONS IN 1921–1925

В. М. Бароўская
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”
Мінск, Рэспубліка Беларусь

V. M. Borovskaya
PhD in History, Associate Professor
Institute of History of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Анатацыя. У артыкуле аналізуецца месца і роля намаганняў акцыянернага таварыства “Дава-Брытаполь” па ўстанаўленні і развіцці гандлёвых савецка-польскіх адносін у 1921–1925 гг. Звяртаецца ўвага на негатыўныя моманты ўзаемадзеяння дзяржаўных органаў улады і таварыства: шматлікія парушэнні ўмоў дагавора, злоўжыванні пры ажыццяўленні закупак экспратных тавараў у мясцовых пастаўшчыкоў, што стала прычынай прыпынення ліцэнзіі таварыства ў пачатку 1925 г.

Abstract. The article analyzes the place and role of the efforts of the joint-stock company “Dava-Britopol” to establish and develop Soviet-Polish trade relations in 1921-1925. Attention is drawn to the negative aspects of the interaction between government authorities and society: numerous violations of the terms of the contract, abuses in the procurement of impromptu goods from local suppliers, which caused the suspension of the company's license in early 1925.

Ключавыя словы: гандлёвыя адносіны, акцыянернае таварыства, экспартна-імпартныя аперацыі.
Key words: trade relations, joint-stock company, export-import operations.

З мэтай паляпшэння савецка-польскіх гандлёвых зносін адразу ж пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора пачаліся перагаворы паміж прадстаўнікамі Упраўлення ўпаўнапаважанага Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР пры СНК БССР і польскімі прадпрымальніцкімі коламі (акцыянерныя таварыствы “Брытаполь”, “Паланціна”, “Заходнелес”, “Гратэнаў”). Іх вынікам стала заключэнне некалькіх камерцыйных дагавораў на пастаўку ў савецкую краіну сельскагаспадарчых прылад працы, некаторых відаў харчавання (рыс, рыбныя кансервы, какава-бабы і іншыя), хімічных злучэнняў (берталетава соль, чырвоны фосфар, парафін) [1, арк. 108]. асобе І. У. Тэўміна з “Саюзам Беластоцкай буйной прамысловасці” (З. З. Суравіч і А. А. Фінкель) на пастаўку суконнага тавару [2, арк. 15]. Акрамя таго, 23 верасня 1921 г. быў падпісаны дагавор з польска-амерыканскім гандлёвым таварыствам “Палацін” у асобе Л. Дзенцыольскага на выкананне пісьмовых заказаў Белзнешгандлю. Прадугледжвалася, што аплата тавараў будзе праводзіцца толькі па арыгінальных рахунках, з налічэннем выдаткаў на транспарціроўку, страхоўку, выплату пошліны, адпраўку і ахову грузаў, што не перавышала 40 % ад сумы рахунка [2, арк. 30]. Польска-амерыканскае таварыства “Паланцін” займалася закупкай экспартнай сыравіны, у тым ліку пушніны (воўк, лісіца, вавёрка, барсук, сурок, мядзведзь, рысь, сабака, заяц-русак, заяц-бяляк), авечай шэрсці, дубільнага экстракту, соды, казаноў, перцу, конскіх валасоў, запалкавай саломкі, льняной макухі, жалезнага лому. У БССР увозіліся: селядзец, каніфоль,

грэбні, гузікі, ленты для падцяжак, гума для падвязак, іглы, кнопкі, зубныя шчоткі, булаўкі, спіцы, кручкі інш.

Праз некалькі тыдняў, 6–7 кастрычніка 1921 г. адбыўся шэраг сустрэч М. Д. Штэрна з прадстаўнікамі польска-амерыканскага таварыства аб наданні “Паланціну” выключных правоў на ўвоз у БССР і вываз замежных тавараў на суму да 1 млн залатых рублёў і вывазу на такую ж суму экспартнай сыравіны. У сваю чаргу Белзнешгандаль атрымліваў 35 % з вывазу і ўвозу натурай або грашыма, акрамя пошліны, якая сплочвалася на агульнай аснове [3, арк. 231]. Зыходзячы са зместа ліста Г. В. Чычэрына да Л. Л. Абаленскага, саветніка Паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР у Польшчы, ад 8 кастрычніка 1921 г., становіцца зразумелым, што гэта ініцыятыва беларускага боку не была ўзгоднена з Масквой. Народны камісар замежных спраў РСФСР указваў, што “мы безумоўна стаім за неабходнасць заключэння РСФСР і УССР, БССР адзінага гандлёвага дагавора з Польшчай. Адносна Тэуміна мы ўжо звярнуліся ў НКЗГ. Сапраўды мае месца непарадак. Урэгуляванне адносін з саюзнымі рэспублікамі стаіць наогул у парадку дня, і мы ўбудзілі пытанне аб скліканні канферэнцыі прадстаўнікоў саюзных савецкіх рэспублік. З мясцовымі Знешгандлямі, напрыклад, адбываецца пастаянная блытаніна” [4, с. 485].

Акцыянернае таварыства “Брытаполь” 21 верасня 1921 г. падпісала дагавор з Белзнешгандлем. Беларускі бок на камісійных пачатках перадаваў названаму таварыству права экспарту і продажу ў Польшчу і за яе межы сыравіны і іншых тавараў на наступных умовах: дастаўка сыравіны і тавараў да польскай мяжы ажыццяўлялася НКЗГ, а перавозка па польскай тэрыторыі адбывалася непасрэдна “Брытаполем”; любы продаж, які ажыццяўляўся “Брытаполем”, адбываўся толькі пасля пісьмовага зацвярджэння яго прадстаўніком НКЗГ БССР у Польшчы, а пры адсутнасці – прадстаўніком Народнага камісарыята знешняга гнадлю (НКЗГ) РСФСР; сумы, якія атрымліваў “Брытаполь” ад продажу сыравіны і тавараў, запісваліся на асобны рахунак і цалкам знаходзілася ў яго распараджэнні; камісійнае ўзнагароджванне БССР выплочвалася наступным чынам: за першыя 200 млн польскіх марак – 15 % ад сумы, калі ж сума перавышае 200 млн польскіх марак – 10 %; усе выдаткі па перавозцы экспартных тавараў і сыравіны ад польскай мяжы па аплаце пошлін, страхоўкі і захавання аплочваецца НКЗГ па прадстаўленні арыгінальных рахункаў [3, арк. 45].

Акцыянернае таварыства “Брытаполь” актыўна супрацоўнічала з “Заходнелесам” па пытанні пастаўкі лесаматэрыялаў. У снежні 1921 г. гандлёвы прадстаўнік БССР у Польшчы М. Д. Штэрн паведамляў, што «справа гандлю з Беларуссю знаходзіцца на стадыі, што неабходна зносіцца з вамі праз пасрэдніцтва “Брытаполя”. Гэта значыць, што працаваць з вамі немагчыма, бо “Брытаполь” моцна трымае Вас у сваіх руках і зразумела, што кожнаму канкурэнту доступ да Вас амаль немагчымы» [5, арк. 1–2]. Такім чынам манапольнае права “Брытаполя” на экспарт лесаматэрыялаў з беларускіх зямель у сваю чаргу перашкаджала беларускаму боку павысіць цэны і змяніць контрагента.

З перапіскі сакавіка 1922 г. І. У. Ленскага і М. Д. Штэрна становіцца зразумела, што паміж беларускім прадстаўніком і С. Г. Гарчаковым часта ўзнікалі канфліктныя сітуацыі па пытанні пастаўкі лесаматэрыялаў у Польшчу. Па дагаворы ад 21 верасня 1921 г. таварыства “Брытаполь” атрымала манапольнае права на пастаўку лесу з Беларусі. Аднак у студзені 1922 г. схема паставак была зменена: нарыхтоўка і правядзенне экспартных аперацый пераходзілі да “Заходнелесу” – дзяржаўнага аб’яднання экспартнай, лясной прамысловасці, створанага 2 снежня 1921 г. Як адзначаў у пачатку сакавіка 1922 г. М. Д. Штэрн: «умовы экспарту, які ў свой час, былі заключаны намі з “Брытаполем”, а пасля з “Паланцінам” у цяперашні час для “Заходнелеса” непрымальныя, і як бачыце з дадаткаў на імя “Брытаполя”, “Заходнелес” нічога не мае супраць працы з “Брытаполем”, прапаноўваючы яму даслаць прадстаўніка для новых перагавораў. Пакуль, лясны экспарт будзе працягвацца, але ўмовы ўзнагароджвання “Брытаполя” і “Паланціна” будуць іншыя» [6, арк. 1].

Згодна з дакладной запіскай намесніка начальніка эканамічнага аддзела НКЗГ СССР аб дзейнасці акцыянернага таварыста “Дава-Брытаполь” ад 5 лютага 1925 г. адзначалася, што асноўнай мэтай яго дзейнасці стаў экспарт і рэалізацыя за граніцай беларускіх сыравінных багацтваў і імпарт прадметаў неабходных для развіцця прамысловасці і ажыўлення тавараабароту СССР [7, арк. 238–239]. Аднак праца таварыства ацэньвалася дастаткова скептычна, указваліся факты невыканання ўзятых на сябе абавязацельстваў “асабліва ў частцы, якая датычылася крэдытавання і фактычнага ўводу ў наш гандлёвы абарот замежнага капітала, а не стварэнне, як гэта было на самой справе, абаротных сродкаў з камісійных прыбыткаў ад рэалізацыі надзвычайна рэнтабельных тавараў” [7, арк. 238–239]. Негатыўна ацэньваецца і факт выкарыстання ў якасці сродкаў перамяшчэння тавараў праз савецка-польскую граніцу нелегальныя метады (кантрабанда, заключэнне здзелак з мытнямі, перавоз тавараў пры садзейнічанні дыпламатычных супрацоўнікаў). Увозімы тавар таварыства “Дава-Брытаполь” рэалізавала ў большасці выпадкаў сярод гандляроў акрамя дзяржаўных органаў, чым жывіла і ўзмацняла магутнасць прыватнага капітала. Акрамя таго, указвалася на наяўнасць фактаў наплыву на замежныя рынкі кантрабандных, экспартных тавараў, у прыватнасці шчаціны, сырца, якія “Дава-Брытаполь” манапольна пастаўляла ў вялікай колькасці за граніцу. За 1921–1925 гг. таварыства “Дава-Брытаполь” увезла імпартнага тавару на суму 3 260 786 долараў. Маючы на мэце нарыхтоўку экспартных тавараў для вывазу заграніцу, “Дава-Брытаполь” закупала такія па цэнам вышэй ліміта, чым з поспехам канкурыравала з дзяржаўнымі нарыхтоўшчыкамі, што прымушала дзяржаўныя нарыхтоўчыя органы змяншаць свае нарыхтоўкі, уплываючы гэтым на ход дзяржаўных нарыхтовак, зрываючы наладжаную нарыхтоўчую працу дзяржаўных органаў. Улічваючы вышэй адзначаныя недахопы працы акцыянернага таварыства Народны камісарыят замежнага гандлю СССР спыніў дзейнасць яго ліцэнзіі на ажыццяўленне экспартна-імпартных аперацый у БССР. На яго змену прыйшоў праваперамнік, які ажыццяўляў працу на тэрыторыі ўсяго СССР, “Руспольгандаль”, у якім БССР мела свайго прадстаўніка Ф. К. Ліхадзіеўскага [7, арк. 240].

Узаемадзеянне дзяржаўных органаў улады БССР і акцыянернае таварыства “Дава-Брытаполь” у 1921–1925 гг. хоць і першапачаткова разглядалася як форма ўстанаўлення гандлёвых сувязей з польскімі камерцыйнымі коламі, мела на практыцы шэраг негатыўных момантаў: шматлікія парушэнні ўмоў дагавора, выкарыстанне нелегальных сродкаў транспарціроўкі, пастаўка забароненых тавараў, злоўжыванні пры ажыццяўленні закупак экспратных тавараў у мясцовых пастаўшчыкоў, што стала прычынай прыпынення дзейнасці ліцэнзіі таварыства Упраўленнем упаўнаважанага Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР – СССР пры СНК БССР у пачатку 1925 г.

Бібліяграфічны спіс

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 74.
2. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 123.
3. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 81.
4. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М. М. Наринского, А.В. Мальгина. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – Т. 1 : 1918–1926. – 627 с.
5. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 108.
6. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 106.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1999.

УДК: 323.2 : 930

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

HISTORICAL COMPONENTS OF POLITICAL REGIMES: COMPARATIVE ANALYSIS OF BELARUS AND RUSSIA

С. И. Бойко
кандидат политических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация

S. I. Boyko
PhD in Political Science, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

Аннотация. В статье исследованы исторические составляющие национальных политических режимов Беларуси и России. Показаны общие и отличительные черты политических режимов Беларуси и России, обусловленные историей развития государственности сравниваемых стран. Обосновано эволюционное постепенное развитие Союзного государства Беларуси и России.

Abstract. The article examines the historical components of the national political regimes of Belarus and Russia. The general and distinctive features of the political regimes of Belarus and Russia are shown, due to the history of the development of statehood of the compared countries. The evolutionary gradual development of the Union State of Belarus and Russia is substantiated.

Ключевые слова: исторические компоненты политического режима, национальный политический режим.

Keywords: historical components of the political regime, national political regime.

В представленной статье исторические компоненты политических режимов рассматриваются в пределах памяти живущих поколений, то есть в рамках современной истории. История меняется вместе с поколениями, и будут упоминаться исторические события, произошедшие примерно со времени Великой Отечественной войны и имеющие непосредственное отношение к настоящему времени.

В научном сообществе на конференциях, в статьях и монографиях периодически возникают дискуссии о «конце истории», обозначенном в исследованиях американского философа Фукуямы Ф. История – это последовательный и непрерывный процесс хронологически сменяющихся событий, деятельность многих поколений людей, человеческое общество в движении, развитии, в динамике и вероятных тенденциях. История человечества изучает процессы смены поколений, обществ, цивилизаций. Поэтому конец истории возможен с исчезновением человечества. Но Фукуяма Ф. вложил в своем исследовании в трактовку конца истории политический контент: «И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали «конец истории»: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [1, с. 9]. Книга была впервые издана в 1992 г., а одноименная статья с вопросом «Конец истории?» вышла

раньше, в 1989 г. Фукуяма Ф. утверждает, что распространение в мире либеральной демократии западного образца свидетельствует о конечной точке социально-культурной эволюции человечества и формировании окончательной формы политической системы и политического и государственного управления. Видимо, после развала Советского Союза, сомнений у философа не осталось. Получается, существует (пока в теоретической перспективе) эталон, образец политической системы, соответственно, образец и политического режима, и этот эталон западноевропейский или, если буквально следовать прогнозу Фукуямы Ф. – англосаксонский, североамериканский.

Термин «политический режим» – один из базовых и важных в политической науке. Термин появился в научной литературе в XIX в., но в широкий научный оборот вошел во второй половине XX в. В России и в Беларуси студентам, как общепризнанное, предлагается определение политического режима, данное профессором Института политических наук (Франция) Клермоном Ж.-Л.: «Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального, и социального порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период» [2, с. 106]. Очевидно, что политический режим имеет выраженный исторический и преходящий характер. А там, где имеются идеологический и социальный контенты, неизбежна борьба и существование недовольных, наличие легитимной (иногда и не только) оппозиции.

Следовательно, даже если просто исходить из определения, не существует эталонного политического режима, в каждом государстве политический режим имеет национальный характер и особенности, складывающиеся в процессе исторического развития страны и государства. В политическом режиме неизбежно присутствуют исторические компоненты как результат формирования национального и суверенного государства.

Историческим компонентом политического режима является территория, материальный признак государства.

Россия – самая большая по территории страна в современном мире, что объективно способствует национальным особенностям государства и государственного управления. Россия – многонациональное и поликонфессиональное, многосоставное федеративное государство. С учетом федеративного устройства и размеров страны некоторые российские политологи выделяют региональные политические режимы на территории Российской Федерации [3]. Примечательно, что в 2016 г. была издана коллективная монография западных политологов с названием, предполагающим не только политический анализ, но и прогноз тенденций будущего России: «Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России» [4].

Цивилизация – это в обобщенном виде исторически конкретный этап развития общества, который имеет устойчивые характеристики социальной организации, экономическо-технологический способ производства и социально-политических отношений с соответствующими политическими институтами и культурными достижениями. Классик политологии и социологии Хантингтон С. указал на объединяющие объективные элементы цивилизаций: «Язык, история, религия, обычаи, социальные институты» [5, с.49], причем подчеркнул, что «цивилизация может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления» [5, с. 51].

Хантингтон С. выделяет «отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства» [5, с.54],

Решающим аргументом для российской политологии стал Указ Президента России от 08.05.2024 г.: «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе

самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» [6].

Многие политологи, изучающие геополитику, относят Беларусь к государствам – лимитрофам, которые существуют в пространстве цивилизационного пограничья между Западом и Востоком, например, Цымбурский В.Л. [7]. Территория Беларуси была в составе Великого княжества литовского, Российской империи, частично находилась под польским гнетом. Белорусский историк и политолог Гигин В.Ф. отмечает: «Теперь на основе общих ценностей и взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларусь строит Союзное государство с Россией. Нейтральных, независимых от Запада стран (если не брать БРИКС) практически не осталось. На этом фоне выделяется Беларусь – суверенная самодостаточная страна, которая ведет себя независимо, решительно, не пытается диктовать свою волю. И она сохранила квалифицированный труд – медицину, фармацевтику, машиностроение, химическую промышленность» [8]. Правомерно современную Беларусь отнести также к православной цивилизации, как и Россию.

Современный литовский историк в книге со знаковым названием «Истинная история Литвы XX века» сделал заявление: «И сторонники режима Александра Лукашенко, и спонсируемая Западом оппозиция называют Великое княжество Литовское страной, некогда управляемой белорусами, развлекая себя таким образом. Большинство литовцев даже не предполагает о подобных белорусских трактовках, и лишь немногие знают об этом, однако предпочитают относиться к данной ситуации с юмором…Отрекшиеся от своей религии и обратившиеся в католическую веру представители некоторых православных семей с земель, ныне принадлежащих Беларуси, действительно сделали в Великом княжестве Литовском хорошую карьеру…Предки современных белорусов (тогда они не имели ни малейшего представления о том, что они белорусы, поскольку такой нации в то время не существовало), действительно составляли большую часть воинов, служивших под знаменами Великого княжества Литовского, однако они являлись всего лишь пушечным мясом» [9, с.12]. Здесь просматривается религиозная составляющая, формирующая национальный политический режим, религия – это неизбежная составляющая идеологии, политической культуры и истории народа и государства. Современная Беларусь также поликонфессиональное государство.

Более подробно политическая многовекторность Беларуси показана, в частности, в одной из статей автора, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне, проходившей в БГПУ им. Максима Танка в 2020 г. [10].

Достаточно непродолжительное по меркам история (начиная с 1999 г.) постепенное строительство Союзного государства Беларуси и России демонстрирует как общие социально-культурные черты, так и особенности народов наших двух суверенных государств. В Беларуси внимательно, вдумчиво и спокойно решают вопросы интеграции, акцент правомерно делается на экономическом сотрудничестве, политическое взаимодействие обязательно учитывает национальные интересы. Белорусская государственная власть всегда доброжелательна и всегда публично аргументирует свои решения.

В конце 2019 г. российские ученые университета МГИМО осуществили социологические исследования по результатам выборов в Национальное собрание Беларуси. Около 10% опрошенных выступили за нейтральную позицию белорусского государства по отношению к России. Около 32% белорусов высказались за партнерские, равноправные отношения, в том числе 31,7% молодежи среди респондентов голосовали за партнерские отношения. Всего 57,6% анкетированных выступили за союзнические отношения. Из

граждан среднего возраста только 52,7% опрошенных желали видеть наши народы в составе единого государства [11].

Поэтому Союзное государство эволюционирует поступательно и спокойно, с учетом общественного мнения и необходимости устойчивости национальных политических режимов. Например, не смотря на Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» (Статья 13), где прописано, что Союзное государство имеет единую денежную единицу (валюту) и что денежная эмиссия осуществляется исключительно единым эмиссионным центром [12], до сих пор общие деньги не введены. И никто не спешит, объективные политические решения в настоящих условиях могут быть иными для сохранения национальных суверенитетов.

Постсоветская политическая история показала, что Беларусь не отказывается от совместной с Россией исторической судьбы и старается развивать равноправное сосуществование на постсоветском пространстве в различных конкурентоспособных формах организации двусторонних и многосторонних связей.

Библиографический список

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М. : АСТ : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.

2. Политология : учебник / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – 6-е изд., перераб и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 528 с.

3. Туровский, Р. Ф. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ / Р. Ф. Туровский // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2013. – № 1 (70). – С. 73-82. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23919243 (дата обращения 24.03.2026).

4. Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России : [перевод с английского]. – Москва : Эксмо, 2016. – 384 с.

5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон : [пер. с англ. Т.Велимеева]. – Москва: Издательство АСТ, 2015. – 571 с.

6. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения 10.01.2026).

7. Цымбурский, В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / В. Л. Цымбурский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 141 с.

8. Гигин, В. Ф. В чем геополитический феномен Беларуси? 17 октября 2024. – URL: https://belros.tv/tv/anonce/30186/?ysclid=mnah7k4cvz543362183 (дата обращения 28.03.2026).

9. Трацевскис, Р. Истинная история Литвы XX века / Р. Трацевскис. – Вильнюс : Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, 2015. – 226 с.

10. Бойко, С. И. Многовекторность Беларуси: аспекты политической истории и современность / С. И. Бойко // Беларусь и Европа: историко-культурное наследие и современность. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Минск : БГПУ, 2021. – С. 11-14.

11. Окунев, И. Ю. Минск и вся остальная страна: территориальная дифференциация электорального поведения жителей Белоруссии / И. Ю. Окунев, М. Н. Шестакова. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/differencziacziya-belorussii/ – (дата обращения 22.03.2026).

12. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/51d02edb334815e986b9ad31f101fbe31542b732/ (дата обращения 22.03.2026).

УДК 930

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE PROBLEM OF STUDYING LAND MANAGEMENT IN BELARUSIAN LANDS IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

С. И. Герасименко
УО «Белорусский государственный медицинский университет»,
Минск, Республика Беларусь

S. I. Gerasimenko
Belarusian State Medical University,
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Проблемное поле в историографии по вопросу землеустройства на белорусских землях является одним из самым востребованных в современной отечественной науке. Долгое время в историографии не получали комплексного изучения вопросы формирования и правового положения на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. В то же время историческая наука располагает рядом работ, посвященных эволюции феодального землевладения на белорусских землях, без которых современные достижения, анализ и выводы отечественной историографии были бы невозможны. Благодаря патриотам и смелым ученым того времени в наше время историографии есть от чего отталкиваться.

Abstract. The problematic field in historiography on the issue of land management in the Belarusian lands is one of the most in-demand in modern domestic science. For a long time, historiography did not receive a comprehensive study of the formation and legal status of the Belarusian lands in the late 18th and early 20th centuries. At the same time, historical science has a number of works dedicated to the evolution of feudal land ownership in the Belarusian lands, without which modern achievements, analysis, and conclusions of domestic historiography would not be possible. Thanks to the patriots and brave scholars of that time, historiography now has a foundation to build upon.

Ключевые слова: Исследования, историческая наука, отечественная историография.
Keywords: Research, historical science, russian historiography.

На начальном этапе развития историографии белорусские земли не были главным объектом изучения. Изначально исследования были направлены на изучение истории восточных славян, в которую входили и белорусские земли. Периоды изучения территории Беларуси можно разделить на этапы. Первый этап охватывает время с древнейших времен до политической раздробленности Киевской Руси и ее разделения на удельные княжества. Сюда можно отнести работу О.В. Турчиновича, исследовавший период от скифов до будинов. Он впервые начал изучать земельную собственность у восточных славян. Наиболее значительной работой О. Турчиновича стала «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен». Несмотря на описательный характер, работа О. Турчиновича имела огромное значение. История Беларуси впервые рассматривалась в ней не как составная часть истории Литвы, Польши или России, а как история непосредственно белорусского края и белорусского народа.

Следующий период охватывает время от образования Великого Княжества Литовского (ВКЛ) до образования Речи Посполитой (РП). К этому периоду можно отнести М.К. Любавского и М.И. Лаппо. Они в своих исследованиях уделяли особое внимание истории ВКЛ и его путям вхождения в состав РП.

Третий период охватывает время от подписания разделов РП до отречения от престола последнего царя Российской империи. В данный период можно отнести исследования Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского, В.У. Ластовского, В.С. Игнатовского, В.И. Пичеты и

И.И. Григоровича. В это время начался самый важный период в изучении истории белорусского народа.

И.И. Григорович в своих исследованиях делал акцент на акты и грамоты, которые находились в архивах могилевских духовной консистории и семинарии, монастырских (мстиславских, оршанских, могилевских) архивах. В своих поисках он не ограничивался чисто конфессиональными вопросами, а подбирал и копировал документы, в которых отражалась политическая и социально-экономическая жизнь Беларуси. Его работы положили начало дальнейшему изучению истории белорусских земель [1, с. 6].

Е.Ф. Карский исследовал палеографию, историю белорусского языка, диалектологию, этнографию, устное народное творчество, древнюю и современную белорусскую литературу. Настоящей энциклопедией белорусоведения стал фундаментальный трехтомный труд «Белорусы», в котором на основе глубокого сравнительно-исторического исследования истории языка, фольклора, письменности, многовековой культуры белорусского народа впервые была научно обоснована его национальная самобытность как самостоятельного славянского народа [1, с. 9].

Основными предметными областями М.В. Довнар-Запольского были этнография, фольклористика, экономика, литературоведение. Начиная с первых работ, его основное внимание было направлено на белорусское национальное возрождение. Занимался изучением национальной и культурной самобытности белорусского народа. Подготавливал и издавал сборники архивных документов, содержавшие ценные, ранее не опубликованные, не известные исследователям первоисточники по истории Беларуси XIV – XVIII вв. Один из первых обозначил Беларусь в качестве отдельного объекта исторического исследования. Автор первых специальных трудов об истоках и становлении белорусской государственности, в которых приводятся исторические основания права Беларуси на независимость и самоопределение. В своих работах подчеркивал существование белорусской нации с собственной историей, четкими этнографическими чертами, богатой народной культурой и собственным белорусским языком. Разработал карту расселения белорусов [1, с. 15].

Крупнейшим исследованием В.И. Пичеты, написанным им в дореволюционный период, в котором отчетливо прослеживается обращение к вопросам формирования, распределения и хозяйственной деятельности в земельных владениях на территории Беларуси, является «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». До ученого об аграрной реформе 1557 г. фрагментарно упоминали М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский [2, с. 16].

Первые публикации В.И. Пичеты вышли в 1909 – 1912 гг. В его работах впервые появляются исследования истории частной земельной собственности на территории восточных славян. Публикации историка вошли в сборники и книги: «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», «Крепостное право в России и реформа 19 февраля», Отечественная война и русское общество. 1812 – 1912», «Три века. Россия от смуты до нашего времени». В них историк уделяет внимание проблемам внешней политики Московского, а позже Российского государства, торговле, хозяйственной деятельности и быту в XVII – XIX вв. [2, с. 17].

В.И. Пичета был не единственным ученым в 20-е гг. XX в., кто обратился к истории социально-экономических отношений белорусских земель. Историк Ф.И. Забелло проанализировал влияние крепостного права на характер экономических отношений в имениях ВКЛ. В своих трудах автор использовал и наработки ученого Н.А. Рожкова, который занимался изучением феодального хозяйства. Ученый на основании инвентарей частновладельческих земель исследовал развитие сельского хозяйства во второй половине XVIII в., не использовав данные реестров Несвижской ординации [2, с. 18].

Таким образом, можно сделать вывод, что первыми целенаправленными исследованиями в области изучения белорусских земель являлись исследования, посвященные белорусской культуре, становлению белорусов как отдельной нации и отделению белорусских земель от Российской империи. Об этом говорят работы Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского, В.У. Ластовского. Так таковое землеустройство в тот период не являлось объектом изучения, однако были первые попытки в научных трудах В.И. Пичеты. Углубленное изучение структуры управления белорусских земель началось уже после вхождения их в состав Российской империи.

Первые исследования, в которых нашли отражение некоторые аспекты истории частных земельных владений на территории Беларуси, появились в конце XIX в. – начале XX в. В работах М.О. Без-Корниловича, В.К. Стукалича, П.Д. Брянцева, А.П. Смородского и в материалах, собранных офицерами Генерального штаба П.О. Бобровским, А.К. Корево были опубликованы краткие исторические очерки о городах и местечках, охарактеризованы основные виды их хозяйственной деятельности [3, с. 3].

Ценные материалы содержала и работа М. Без-Корниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся». Материалы, подобранные из летописей, польских хроник, сообщений историков XVIII – начала XIX вв., должны были формировать у читателей представления о Беларуси как неотъемлемой части Российской империи. Тем не менее, работа содержит ценные сведения о политической истории Беларуси до середины XIX в. Кроме того, автор дает интересные материалы о положении белорусского крестьянства, этнографической ситуации в белорусских городах и местечках [3, с. 5].

Сведения о социальной структуре населения периода феодализма на белорусских землях нашли отражение в работах П.М. Шпилевского. В начале XX в. Минское дворянское депутатское собрание и Управление Виленского учебного округа опубликовали сводные статистические данные о площади имений и городов Российской империи, включив данные и о территории Беларуси [3, с. 6].

Таким образом, характерная черта всех дореволюционных исследований в области землеустройства — фрагментарность сведений и слабая источниковая база. Историки не акцентировали внимания на существовании на территории Беларуси частной земельной собственности и ее управлению. В большинстве публикации представляли этнографические и историко-экономические очерки с описанием основных видов хозяйственной деятельности населения [2, с. 15].

В советской историографии 20-х гг. XX в. сведения о частном землевладении давались косвенно и не затрагивали глубоко проблемы экономического и социального развития земель. Основными вопросами исследований стали: закрепощение крестьян, сельское хозяйство в деревнях, ремесло и торговля в городах. В публикациях наблюдается критика феодальных и капиталистических форм производства. Однако в этот период проводились первые исследования по анализу процесса реформирования земельных отношений, дифференциации ремесленного производства в городах, а также заложили основу дальнейшего изучения социально-экономических отношений на белорусских землях [2, с. 16].

Основной задачей современной белорусской историографии стало рассмотрение более широкого диапазона вопросов о землеустройстве на белорусских землях. Историки обратились к более детальному изучению социально-экономических аспектов в истории белорусских земель. Однако исследования ученых по завяленной проблематике стали отправной точкой в изучении вопроса о формировании и функционировании частной земельной собственности, ее правового оформления и включенности социально-экономического развития белорусских земель. В современной историографии изучение

вопроса местного управления белорусскими землями начало активно развиваться и пополнять источниковую базу для будущих исследований [2, с. 19].

Библиографический список

1. Карев, Д. В. Изучение истории Беларуси в белорусской историографии 90-х годов XX – начала XXI века (Основные проблемы и тенденции изучения истории феодальной Беларуси, белорусской историографии и источниковедения) / Д. В. Карев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуман. Науки. История. – 2012. – № 9. – С. 6–15.

2. Веремейчик, А. Е. Первый ректор Белорусского государственного университета В.И. Пичета как исследователь истории формирования дворянских имений на территории Беларуси: историографический обзор / А. Е. Веремейчик // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. А, Гуман. науки. История. – 2018. – № 12. – С. 15–19.

3. Крючек, П. С. Проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX в. / П. С. Крючек, В. Н. Сергеев // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2014. – № 5. – С. 3–6.

УДК 303.446.4:[94(44)+94(47)]–“1812”

МОСКОВСКИЕ ТРОФЕИ НАПОЛЕОНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

NAPOLEON'S MOSCOW TROPHIES IN THE STUDIES OF FOREIGN AUTHORS

И. А. Груцо
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

I. A. Gruzo
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Обобщены и проанализированы сведения представителей зарубежной историографии о трофеях Великой армии, награбленных в Москве в ходе военной кампании 1812 г.

Abstract. The information from representatives of foreign historiography on the trophies of the Grand Army, plundered in Moscow during the military campaign of 1812, is summarized and analyzed.

Ключевые слова: война 1812 г., Москва, Великая армия, Наполеон, грабеж, трофеи, историография.

Key words: war of 1812, Moscow, Grand Army, Napoleon, robbery, trophies, historiography.

В зарубежной историографии история московских трофеев Великой армии в военной компании 1812 г., как научная проблема не изучался. Упоминание о них зафиксировано только в двух работах французских историков русского происхождения. Первая – это исследование К. Грюнвальда «Русская кампания», опубликованное в 1963 г., в котором упоминалось о кресте в колокольни Ивана Великого. Вторая, авторство которой принадлежало Дарье Оливье, увидела свет в 1964 г., содержала сюжет о кремлевских трофеях на фоне московского пожара. В целом, по мнению современного российского историка В. Н. Земцова, история московских трофеев никогда не была актуальна для французской историографии и к настоящему времени вообще утратил для ее представителей какой-либо интерес [1, с. 32].

Те же отрывочные сведения о московских трофеях, которые содержатся в работах зарубежных историков, играют роль сопутствующего материала, призванного проиллюстрировать основные положения их исследований. Например, в работе английского историка Пола Бриттена Остина, описавшего на основании свидетельств ветеранов Великой армии весь ход военной кампании 1812 г., в качестве одной из сюжетных линий рассмотрен вопрос о московских трофеях.

Так, им приведено свидетельство секретаря императора Меневаля, что среди трофеев находился гигантский крест, в центр которого был вделан золотой крест, содержавший фрагменты креста, на котором был распят Иисус Христос [2, с. 22]. Камердинер Наполеона Констан засвидетельствовал факт отправки трофеев из Москвы за несколько дней до начала общего отступления, наибольшую ценность среди которых имел крест с колокольни Ивана Великого, впоследствии утопленный в Семлевском озере [2, с. 245]. Кроме этого креста, как записано в мемуарах военного комиссара Великой армии Беллота де Кегора, в числе трофеев находились корона царевны Анны, серебряные монеты и слитки драгоценных металлов [2, с. 88, 89]. Он же засвидетельствовал, что 15 (27) октября 25 фургонов с казной, «добычей императора» и золотыми наполеондорами прибыли в Верею [2, с. 33]. Под «добычей

императора» следует понимать наиболее ценную часть московских трофеев, следовавших в одном обозе с казной. Другой участник описываемых событий засвидетельствовал прибытие в Смоленск 26 октября (7 ноября) 25 фургонов с казной и трофеями [2, с. 107]. 2 (14) ноября под охраной Вислинского легиона казна покинула Смоленск [440, с. 140]. В тот же день, но уже по свидетельству Беллота де Кегора, обоз с казной и трофеями был атакован возле Корытни казаками и при этом фургон с трофеями, включавшими в себя крест с колокольни Ивана Великого, провалился под лед озера [2, с. 144]. Остальные фургоны были отбиты подоспевшим отрядом с артиллерией, который «сопровождал назад московские трофеи» [2, с. 140].

Далее, обоз с казной и московскими трофеями был зафиксирован 5 (17) ноября покидающий Красное под охраной Вислинского легиона [2, с. 151]. Он был в Толочине 9 (21) ноября , а 11 (23) ноября – под охраной дивизии Клапареда в Бобре [2, с. 207, 240]. Вислинский легион 15 (27) ноября с казной прибыл в Борисов и в тот же день покинул город, передав ее под охрану солдат из IV корпуса Евгения Богарне [2, с. 267, 268, 280]. 16 (28) ноября обоз с казной проследовал к Зембину [2, с. 303].

В последующих свидетельствах отступления Великой армии к Вильна и далее до границы Российской империи речь шла о фургонах с казной, без упоминания московских трофеев. Только в рапорте от 8 (20) декабря маршал Бертье информировал Наполеона о решении сжечь повозки перевозившие трофеи, оставив одну, с их наиболее ценныой частью, поскольку из-за сильных морозов произошел массовый падеж лошадей [2, с. 356]. Как следует из подобранных Полом Остином свидетельств, у него не вызывал сомнения сам факт существования московских трофеев, но он не ставил перед собой задачу подробно исследовать их судьбу.

В исследовании французского военного историка Анри Лашука содержится ссылка на приказ императора, возложившего охрану обозов с ценностями Великой армии на дивизию Молодой гвардии под командованием дивизионного генерала Роге. Среди них, кроме государственной казны, состоявшей из наличных денег, слитков золота и серебра, упомянуты захваченные в Кремле знамена, а также крест с колокольни Ивана Великого [3, с. 312].

Свой интерес к теме судьбы московских трофеев проявили и средства периодической печати. Так, в сентябре 1962 г. в газете «Курьер Пикар» опубликовано сообщение о поисках между Москвой и Смоленском сокровищ, утраченных Наполеоном в ходе отступления в 1812 г., а также небольшая заметка о портфеле Наполеона, который в сражении на р. Березине стал трофеем какого-то казака. В середине XIX в. портфель находился у аристократа Ксаверия Дунина, а его следы окончательно затерялись в событиях революции 1917 г. [4]. Одновременно эта информация опубликована в газете «Фигаро» [5]. Не имея прямого отношения к теме московских трофеев, заметки свидетельствовали об интересе в обществе к любой информации, связанной с именем Наполеона и военной кампанией 1812 г.

Вновь к теме поиска московских трофеев газета «Фигаро» вернулась в 1993 г. Ее корреспондент посетил город Вязьму и деревню Семлево, встретился с представителями местной власти и участниками экспедиций по исследованию Семлевского озера, где легендарные сокровища якобы были утоплены по приказу императора. Поскольку все поиски закончились безрезультатно, речь шла, главным образом, о привлекательности этого места для развития туризма в регионе [6].

С развитием поисковой техники тема судьбы московских трофеев Наполеона как перспективная в плане кладоискательства приобрела актуальность. Так, в 1991 г. историк Пьер Жарнак (Jarnac) опубликовал в специализированном журнале статью с обоснованием перспективных мест поиска утраченных в ходе отступления Великой армии ценностей, в том числе и московских трофеев [7].

Изложив в сжатой форме события военной кампании 1812 г., он выделил основные моменты, оказавшие влияние на судьбу наполеоновских сокровищ. Несомненной заслугой автора является анализ свидетельств участников русского похода, расширивших представление о составе московских трофеев. Так, согласно оригиналу мемуаров адъютантом императора графом Сегюром, крест с колокольни Ивана Великого представлял собой гигантскую деревянную конструкцию, покрытую позолоченными серебряными пластинами, внутри которой находился крест из чистого золота высотой 32 сантиметра. При снятии с купола колокольни крест упал на землю, его обшивка разбилась на множество кусков, которые солдаты брали себе на память. Что касается золотого креста, то он был упакован в одну из повозок с московскими трофеями [7, с. 12].

Ссылаясь на свидетельства очевидцев, а также 21 и 23-й бюллетени Великой армии, П. Жернак причислил к московским трофеям церковную утварь, евангелия, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, расшитые золотой и серебряной нитью одежды священнослужителей, вазы из яшмы. В числе трофеев также оказалась шпага Петра I, мемуары Екатерины II, турецкие знамена, большое количество различных золотых сосудов, ванны из чистого золота, массивные золотые канделябры, короны Сибирского и Астраханского ханств из золота, корона, присланная константинопольским императором, икона Богоматери, украшенная бриллиантами. До начала отступления все трофеи хранились в специально отведенных помещениях Кремля, для их перевозки потребовалось 25 фургонов [7, с. 13]. 3 (15) октября генерал Клапаред получил приказ их охранять и выделил для этой цели батальон эскорта [7, с. 14].

Кратко описав те трудности, которые пришлось преодолеть Великой армии в ходе отступления, П. Жернак констатировал, что 15 (27) ноября в три часа дня шесть фургонов с сокровищами и трофеями под охраной генерала Клапареда переправились через р. Березину [7, с. 17]. Со ссылкой на свидетельства очевидцев, П. Жернак утверждал, что этот обоз достиг Понарских холмов у Вильна, где был разграблен совместными усилиями мародеров и казаков [7, с. 18].

В целом статья П. Жернака представляла собой краткий, не претендующий на научность исторический очерк кладоискательской направленности. Но обобщенные им сведения мемуаров, относящиеся к формированию и следованию обоза с московскими трофеями, имеют научную ценность, дополняя их историю.

Таким образом, история московских трофеев никогда не являлась в зарубежной историографии предметом научного исследования, поскольку, с одной стороны, не имела непосредственного отношения к истории Франции, а с другой, признание личной причастности Наполеона к ограблению соборов и правительственных учреждений Московского Кремля разрушало представление о нем как о цивилизованном государственном деятеле. Немногочисленные публикации по данной проблеме имели научно-популярный характер и ярко выраженную кладоискательскую направленность.

Библиографический список

1. Земцов, В. Н. 1812 год. Пожар Москвы / В. Н. Земцов. – М. : [б. и.], 2010. – 137 с.
2. Austin, P. B. 1812: Napoleon’s invasion of Russia / P. B. Austin. – London : Greenhill Books, 2000. – 464 p.
3. Лашук, А. Гвардия Наполеона / А. Лашук ; пер. с фр. Н. Егорова, А. Щедров, А. Ятлова. – М. : Изографус : ЭКСМО, 2003. – 800 с.
4. Qu’est devenue la serviette de Napoleon qu’un colonel cosaque lui vola en 1812 a la Beresina? // Le Courier Picard. – 1962. – 13 sept. – P. 12.
5. On recherché un porte-documents vole a Napoleon // Le Figaro, 1962. – 13 sept. – P. 4.
6. Russie: le tresor oublie de Napoleon // Le Figaro, 1993. – 8 novembre, p. 4.
7. Jarnac, P. Trésors, caches et vestiges de la Grande Armée / P. Jarnac // Tresors de L’histoire. – 1991. – № 79. – P. 8–20.

УДК 94(476)"1861/1914":336.77

МІРСКІЯ КАПІТАЛЫ СЯЛЯН БЕЛАРУСІ (1861–1914 ГГ.)

PEASANT COMMUNAL CAPITALS OF BELARUS (1861–1914)

А. П. Жытко
доктар гістарычных навук, прафесар
УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка»
Мінск, Рэспубліка Беларусь
С. А. Талмачова
доктар гістарычных навук, дацэнт
УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка»
Мінск, Рэспубліка Беларусь

A. P. Zhytko
Doctor of Historical Sciences, Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
S. A. Talmachova
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Анатацыя. У артыкуле на аснове архіўных крыніц аналізуецца працэс фарміравання і функцыянавання мірскіх капіталаў сялян Беларусі ў 1861–1914 гг. Разглядаюцца крыніцы назапашвання (штрафы, рэшткі збораў, ахвяраванні), роля валасных пазыка-дапаможных кас і іх уплыў на эканамічнае развіццё вёскі пасля адмены прыгону. Асвятляюцца праблемы крэдытавання, вяртання пазык і кантролю, а таксама рэгіянальныя асаблівасці (на прыкладзе Мінскай, Гродзенскай, Віленскай і Магілёўскай губерняў).

Abstract. Based on archival sources, the article analyzes the formation and functioning of peasant communal capitals in Belarus from 1861 to 1914. It examines the sources of accumulation (fines, collection balances, donations), the role of volost loan and savings funds, and their impact on the economic development of the countryside after the abolition of serfdom. The study highlights credit issues, loan repayment problems, control mechanisms, and regional specifics (using the examples of Minsk, Grodno, Vilna, and Mogilev provinces).

Ключавыя словы: Беларусь, мірскія капіталы, сяляне, пазямельная грамада, валасная каса, сельскае крэдытаванне, рэформа 1861 г.

Keywords: Belarus, communal capitals, peasants, land commune, volost fund, rural crediting, reform of 1861.

Рэформа 1861 г. была важным крокам у дэмакратызацыі грамадства. Пасля абвяшчэння Маніфеста 19 лютага 1861 г. аб вызваленні былыя прыгонныя сяляне атрымалі асабістую свабоду, набылі і шэраг правоў, у тым ліку права самакіравання, дзе важная роля адводзілася сельскай грамадзе. “Общим положением о крестьянах, которые вышли из крепостной зависимости” стваралася двухузроўневая сістэма, па якой сяляне для вырашэння гаспадарчых інтарэсаў аб’ядноўваліся ў сельскія грамады, а для бліжэйшага кіравання і суда – у воласці [1].

Развіццё капіталістычных адносін патрабавала ўдасканалення апрацоўкі глебы, паляпшэння насеннага фонду і пароды скаціны. Усё гэта для большасці сялянства было немагчыма без дадатковага фінансавання. Аднак тыя формы крэдыту, якія прадстаўлялі

банкі, не адпавядалі інтарэсам сялянства. Таму па загаду сялянскіх устаноў на падставе арт. 185–186 “Общего положения” ў валасцях ствараліся пазыка-дапаможныя касы [1, с. 167]. Закон даў права сельскім грамадам, дзе існавалі ці арганізаваліся гэтыя капіталы, вырашаць спосабы складання і парадак карыстання імі. Звычайна складаліся гэтыя касы з рэшткаў ад расходавання сабраных на розныя патрэбы мірскіх сум, а таксама са штрафаў, якія прысуджаліся валаснымі судамі, старшынямі і старастамі. Здаралася, што сялянам былыя памешчыкі дарылі грошы. Так, у Ігнаціцкай сельскай грамадзе Самахвалавіцкай вол. Мінаскай губ. у 1864 г. быў пастаянны капітал у памеры 308 руб. 2 к., падараваны памешчыкам Ельскім [2, л. 15зв.–16]. У 1867 г. міравы пасрэднік Навагрудскага павета дакладаў губернатару, што ведамасці дапаможных кас вяліся заблытана, няправільна, грошы выдаваліся ў пазыку і не вярталіся. Часам у спецыяльных кнігах не паказвалася, чаму і на якой падставе адбывалася гэтая выдача [3, л. 12 зв.].

У многіх валасцях у першай палове 60-х гг. XIX ст. запасных капіталаў не было, у іншых даходзілі да 600 руб. Памеры іх залежалі ад дабрабыту сялян і колькасці душ у воласці [2, л. 24, 53]. У 1866 г. Мінскі губернатар адзначаў, што запасныя капіталы ў валасцях сустракаліся як “шчаслівае выключэнне” [4, л. 12]. У канцы XIX ст. спецыяльныя капіталы меліся амаль у кожнай воласці і азначаліся назвай мэты збору. Яны складаліся на пабудову цэркваў, валасных і сельскіх грамадскіх будынкаў, валасных праўленняў, хлебных магазінаў, народных вучылішчаў. Сумы часта даходзілі да некалькіх тысяч рублёў, дзесяці і нават болей, і збіраліся на працягу некалькіх гадоў – ад трох да дзесяці і болей [5, л. 270–271 зв.; 6, с. 59–60]. Напрыклад, у Віленскай губ. існавалі наступныя спецыяльныя капіталы: 1) вучылішны капітал, які ствараўся з узносу (1,5–2 кап. з дзесяціны), усталяванага цыркулярам М.М.Мураўёва ад 23 снежня 1864 г. № 4203 і які ішоў на некаторыя выдаткі па народных вучылішчах; 2) мірскі дапаможны капітал, што складаўся са штрафных грошай, і які выдаваўся сялянам у пазыку з 6% гадавых; 3) сіроцкі капітал, што складаўся з укладаў, якія належалі сіротам і заставаліся без руху, і толькі часткова даваўся ў пазыку сялянам. Віленская губернская па сялянскіх справах прысутнасць адзначала, што кантролю за захаваннем гэтых капіталаў і правільным распараджэннем імі не было, таму што не існавала дакладных пастаноў і законаў у адносінах да азначанага пытання [7, с. 733–734].

У Гродзенскай губ. не было сельскіх мірскіх капіталаў, але існавалі валасныя пазыкавыя капіталы, за расходаванне якіх пад назіраннем валаснога сходу адказвалі валасныя праўленні. Пазыкавы капітал даваўся сялянам, якім неабходна была дапамога, а падзесяцінны збор ішоў на патрэбы вучылішчаў. На расходаванне апошняга кожны раз патрабавалася дазваленне дырэкцыі народных вучылішчаў. Пазыкавы капітал выдаваўся сялянам на розны тэрмін, але не больш як на 10 год пад працэнты, якія ўсталёўваліся валаснымі сходамі. Часам гэты капітал расходаваўся незваротна на іншыя грамадскія патрэбы: будоўлю валасных праўленняў і інш. [7, с. 740; 8, с. 58].

Гродзенская губернская нарада прадвадзіцеляў дваранства і міравых пасрэднікаў у 1899 г. адзначала, што надзея на атрыманне пазыкі з валаснога капіталу была вельмі малой. Капіталы гэтыя былі нязначныя і ў большасці валасцей наяўных грошай не мелася, таму што ўсе свабодныя сумы былі раздадзены сялянам, якія вельмі неахвотна вярталі гэтыя пазыкі. Крэдытаванне сялян з мірскіх пазыка-ашчадных кас праходзіла па-рознаму нават у валасцях аднаго павета. У Гродзенскай губ. пазыкі часцей даваліся без паручыцельства за пазычальніка з боку благанадзейных гаспадароў, не былі дакладна азначаны правы паручыцеляў па спагнанню грошай з няспраўных плацельшчыкаў, а таксама працэдура азначэння ступені неабходнасці ў пазыцы [8, с. 58].

У Мінскай губ. у канцы XIX ст. існаваў мірскі запасны капітал, які належаў усім валасцям губерні і ўтварыўся з запаснога капіталу былых дзяржаўных сялян, са штогадовых рэшткаў мірскога збору на валасныя расходы і штрафаў, што накладаліся былымі міравымі пасрэднікамі і павятовымі установамі на службовых асоб, а таксама прысуджаўся валаснымі

судамі. У 1884 г. гэты капітал складаў па ўсіх валасцях губерні суму ў 250 тыс. руб., пры гэтым валасныя праўленні выдавалі з яго кароткатэрміновыя пазыкі, але без вядзення дакладнай справаздачнасці спагнання працэнтаў. Мінская губернская па сялянскіх справах установа зацвердзіла 15 чэрвеня 1884 г. інструкцыю аб парадку карыстання пазыкамі з мірскіх запасных капіталаў і аб парадку вядзення па гэтым капітале справаздачнасці. Прымяненне гэтай інструкцыі дало свае вынікі. Сяляне выконвалі ўмовы кароткатэрміновага крэдыту, і капітал папаўняўся з вышэйазначаных сродкаў, пазыка выдавалася пад 6% гадавых, за несвоечасовае вяртанне грошай спаганялася пеня [5, л. 65 зв.–66; 7, с. 475]. Аднак Слуцкая павятовая па сялянскіх справах установа адзначала, што рэалізацыя гэтай інструкцыі на практыцы сустракала шмат цяжкасцей і нават часам не выконвалася, таму што вяртанне пазыкі на працягу аднаго года часта было немагчыма, асабліва ў выпадку няўраджаю ці набыцця зямлі ці прылад і прыстасаванняў, якія акупляліся ў доўгі тэрмін [5, л. 95–95 зв.]. У Бабруйскім павеце Мінскай губ. 1 чэрвеня 1894 г. мірскі запасны капітал складаў 48796 руб. 24 к., а ў Рэчыцкім мірскія запасныя капіталы ў кожнай воласці складалі ад 2000 да 8600 і правяраліся штомесячна службовымі асобамі валаснога праўлення, праз 6 месяцаў – валаснымі сходамі [5, л. 132–132 зв., 271]. Да 1897 г. запасныя капіталы сялян у Мінскай губ. складалі 552 тыс. руб., з якіх больш за 400 тыс. пастаянна знаходзілася ў народным крэдыце. Гэты капітал належаў у адпаведнай суме кожнай воласці і захоўваўся ў валасных праўленнях у спецыяльных скрынях, а 4/5 яго знаходзілася ў карыстанні [5, л. 270–271 зв.; 7, с. 475].

У Магілёўскай губ. таксама існавалі пазыка-ашчадныя касы. У 1884 г. велічыня абаротнага капіталу ўсіх сялянскіх пазыка-ашчадных кас Магілёўскай губ. складала 340,7 тыс. руб., а ў наяўнасці было 63,4 тыс. руб. (18,6%), а ў пачатку 1895 г. увесь капітал складаў 1103,3 тыс. руб. [9, с. 16; 10, с. 323]. У 1899 г. пазыка-ашчадныя касы былі ўжо ў кожнай воласці губерні, а ў Гомельскім павеце працаваў Нікалаеўскі сельскі банк. Іх агульныя абароты дасягялі 1,5 млн руб. Акрамя таго, у ашчадных касах Дзяржаўнага банка ўклады сялян губерні ў 1899 г. дасягнулі 1757 тыс. руб. [11, л. 78]. Пазыка-ашчадныя касы прымалі ўклады і давалі пазыкі выключна членам сельскіх грамад. Толькі ў адной воласці, дзе капітал касы быў вельмі вялікім, выдаваліся пазыкі і чужым асобам, але толькі пад залог працэнтных папер. Парадак дзеянняў кас вызначаўся пастановамі сходаў. Пазыкі часцей выдаваліся на год з адначасовым пагашэннем. У выніку адбывалася пастаянная перапіска пазыкаў і працэнтаў. Часам сяляне звярталіся да ліхвяроў, каб заняць грошы для пагашэння пазыкі ў касу, а затым пагасіць доўг новай пазыкай [7, с. 475–476].

1 студзеня 1911 г. у 148 валасных пазыка-дапаможных касах Магілёўскай губ. было 1927,5 тыс. руб. абаротнага капіталу (па 13023,4 руб. на воласць), а 1 студзеня 1912 г. – 2068,1 тыс. руб. (па 13974,0 руб. на воласць). У 1911 г. было выдадзена пазык на 935,8 тыс. руб., вернута – 863,4 тыс. руб. За пазыкі воласці атрымалі прыбытку ад працэнтаў у суме 147,3 тыс. руб. На 1 студзеня 1912 г. у пазыках было 1717 тыс. руб. [12, П. 27].

Банкаўскі крэдыт не задавальняў сялян і абстаўляўся значнымі бюракратычнымі абмежаваннямі і ўмовамі, што пужала малапісьменных сялян. Таму пры неабходнасці яны часцей звярталіся да валасных пазыка-дапаможных кас. Аднак капіталы, якія складаліся з выдаткаў усіх сялян воласці, не былі для іх аднолькава даступнымі. Пазыку атрымлівалі толькі тыя, хто мог яе вярнуць і пагасіць гадавы працэнт, што значна звужала кола тых, хто карыстаўся пазыкамі з названых кас. Тым не менш, у цэлым сялянскае самакіраванне праз арганізацыю і дзейнасць пазыка-дапаможных кас спрыяла эканамічнаму развіццю беларускай вёскі.

Такім чынам, пасля адмены прыгону ў 1861 г. на Беларусі пачалі актыўна ствараццa мірскія і валасныя пазыка-дапаможныя касы, якія сталі важнай формай самаарганізацыі сялянства ў сферы дробнага крэдыту. Крыніцамі фарміравання гэтых капіталаў былі штрафы, рэшткі ад мірскіх збораў, дабрачынныя ахвяраванні памешчыкаў, а пазней – працэнты ад

выдадзеных пазык. Нягледзячы на паступовы рост абаротных сродкаў (у Магілёўскай губ. да 1,5 млн руб., у Мінскай – да 552 тыс. руб. да канца XIX ст.), даступнасць пазык для большасці сялян заставалася абмежаванай з-за патрабаванняў забеспячэння і працэнтных ставак. Мясцовыя ўлады сутыкаліся з сур'ёзнымі праблемамі: недахопам кантролю, недакладнасцю справаздачнасці, незваротам пазык, а часам і адсутнасцю нарматыўнай прававой базы для рэгулявання гэтых адносін. Тым не менш, мірскія капіталы адыгралі станоўчую ролю: яны дазвалялі сялянам набываць зямлю, паляпшаць апрацоўку глебы і жывёлагадоўлю, а таксама садзейнічалі развіццю інфраструктуры (школы, храмы, валасныя будынкі). У цэлым сялянскае самакіраванне праз арганізацыю пазыка-дапаможных кас стала фактарам эканамічнай стабілізацыі і развіцця беларускай вёскі ў постформенны перыяд, нягледзячы на бюракратычныя і фінансавыя цяжкасці.

Бібліяграфічны спіс

1.Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 2-е собр. – Т. 36 (1861). – № 36657. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – С. 141–169.

2.Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 242. Воп. 1. Спр. 417.

3.НГАБ. – Фонд 242. Воп. 1. Спр. 835.

4.НГАБ. – Фонд 242. Воп. 1. Спр. 425.

5.НГАБ. – Фонд 242. Воп. 1. Спр. 2568.

6.Стефанович, К. О сельском и волостном управлении в Северо-Западном крае / К. Стефанович. – СПб. : Тип-я Глазунова, 1895. – 207 с.

7.Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах: В 3-х т. – СПб.: Тип-я М-ва внутренних дел, 1897. – Т. II. – 767 с.

8.Крестьянское дело в Гродненской губернии : Свод заключений по вопросам, рассмотренным Совещанием предводителей дворянства и мировых посредников в 1899 г. – Гродна : Губернская типография, 1900. – 103 с.

9.Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 вып. / Вып. XXII : Могилёвская губ. – СПб.: Государственная типография, 1903. – 167 с.

10.Опыт описания Могилевской губ. /Под ред. А.С.Дембовецкого : в 3 т. – Могилев н/Днепре : Тип. Губ. правл., 1882–1884. Т. 3. – 55, 329 с.

11.Бібліятэка Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва (РДГА). Калекцыя Справаздачы губернатараў. Спр. 122.

12.Обзор Могилёвской губернии за 1912 год. Издание Могилёвского губернского статистического комитета. Могилёв: Губернская типография, 1913.

УДК 001.83(476:510.74)

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ: РЕАЛИЗАЦИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

BELARUSIAN-CHINESE RESEARCH CENTERS AT THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS: IMPLEMENTING JOINT PROJECTS IN THE HUMANITIES AS A CURRENT PROBLEM OF MODERN HISTORICAL SCIENCE

Е. С. Игнатюк
магистр культурологии, аспирант
Государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной
академии наук Беларуси»
Минск, Республика Беларусь

E. S. Ignatyuk
Master of Cultural Studies, Postgraduate
State Scientific Institution
Institute of History of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Статья анализирует эволюцию белорусско-китайских научных центров при НАН Беларуси с 1990-х гг. до настоящего времени. Рассматриваются ключевые совместные проекты в гуманитарных науках - исследования философии и культуры, гуманитарные аспекты инициативы «Один пояс, один путь», компаративные философские семинары. Особое внимание уделено актуальным проблемам современной исторической науки: поликультурной методологии, интеграции источников и формированию евразийской историографии.

Abstract. The article analyzes the evolution of Belarusian-Chinese scientific centers at the National Academy of Sciences of Belarus from the 1990s to the present. It examines key joint projects in the humanities-philosophy and culture research, humanitarian aspects of the "Belt and Road Initiative," and comparative philosophical seminars. Special attention is given to current challenges in modern historical science: multicultural methodology, source integration, and the formation of Eurasian historiography.

Ключевые слова: белорусско-китайские научные центры, гуманитарное сотрудничество, «Один пояс - один путь», евразийская историография, компаративная философия.

Keywords: Belarus-China scientific centers, humanities cooperation, Belt and Road Initiative, Eurasian historiography, comparative philosophy.

В эпоху глобализации международное научное сотрудничество становится ключевым фактором развития гуманитарных наук, позволяя интегрировать национальные исторические нарративы в общечеловеческий контекст. Особое место в этом процессе занимает взаимодействие Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, где научные центры при Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) выступают платформой для реализации совместных проектов. Эти инициативы не только способствуют обмену знаниями, но и поднимают фундаментальные вопросы современной исторической науки: как преодолевать методологические разрывы между восточноевропейской и восточноазиатской историографиями, обеспечивать аутентичность источников и формировать поликультурные исследовательские парадигмы [1, с. 33-35]?

Создание белорусско-китайских научных центров при НАН Беларуси отражает стратегический приоритет двусторонних отношений. В соответствии с Совместной декларацией о сотрудничестве (1995 г., с протоколами), а также Программой сотрудничества в сфере науки и технологий на 2021-2025 годы, эти центры функционируют с начала 2010-х годов. Примерами служат Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры при Институте философии НАН Беларуси и аналогичные структуры при Институте истории. Их деятельность охватывает совместные монографии, конференции и грантовые проекты по темам, таким как история Великого шелкового пути в контексте евразийской интеграции, культурные трансферы в XX веке [2].

Актуальность проблемы реализации совместных проектов обусловлена несколькими вызовами современной исторической науки. Во-первых, методологическим: белорусские исследователи сталкиваются с необходимостью адаптации китайских источников (например, архивов Государственного архива КПК) к европейским стандартам критики. Во-вторых, институциональным: пандемия COVID-19 и геополитические сдвиги ускорили переход к цифровым платформам, требуя новых компетенций в области big data и ИИ-анализа исторических текстов. Наконец, мировоззренческим: проекты в гуманитарных науках способствуют деконструкции евроцентричных нарративов, предлагая модель 'гибридной историографии', где белорусско-китайский опыт служит моделью для других регионов [3, с. 96-99].

История белорусско-китайского научного сотрудничества в гуманитарных науках берет начало в 1990-е годы, на фоне распада СССР и становления независимой Республики Беларусь. Ключевым событием стал визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Минск в 1995 году, ознаменовавшийся подписанием Совместной декларации о дальнейшем развитии и углублении сотрудничества, которая заложила основу для долгосрочного партнерства. Уже в 1992 году был учрежден Белорусско-китайский комитет дружбы, а в последующие годы начались первые межакадемические контакты между НАН Беларуси и Китайской академией социальных наук (КАСН), охватывающие исторические исследования. Эти шаги отразили переход от политического диалога к научному обмену, где гуманитарные науки выступали мостом между постсоветским пространством и реформирующимся Китаем [4, с. 223-225].

В 2000-е годы сотрудничество активизировалось: заключались соглашения с китайскими вузами, а при НАН Беларуси создавались центры по изучению Китая. Формализация научных центров произошла в 2010-х - с 2017 года функционирует Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры при Институте философии НАН Беларуси, а аналогичные структуры развивались при других институтах. Эти структуры стали платформами для реализации совместных проектов, финансируемых по Программе сотрудничества в сфере науки и технологий на 2016-2020 годы и ее продолжению (2021-2025). Среди достижений - издание коллективных монографий, международные конференции по Шелковому пути [5, с. 490-493].

Актуальность проблемы реализации этих проектов в контексте современной исторической науки обусловлена вызовами: интеграцией китайских первоисточников (архивы КПК) в белорусскую методологию, преодолением языковых барьеров и адаптацией к цифровым технологиям в условиях постпандемийного мира. Такие инициативы формируют "гибридную историографию", способствуя деконструкции евроцентричных подходов и укреплению евразийского научного пространства [6, с. 10-13].

Примеры реализации совместных проектов
Деятельность центров иллюстрируется реальными инициативами.

1. Философия и культура. Белорусско-китайский центр (2017) выполняет исследования интернационализации образования; публикации и обмен кадрами [7].
2. Шелковый путь. Сборники по гуманитарным аспектам "Один пояс, один путь" (2019), конференции по евразийской интеграции.

3. Семинары. Компаративные философские чтения (2020-2025), сборники по восточноевропейско-китайским параллелям.

Таким образом, реализация совместных проектов белорусско-китайских научных центров при НАН Беларуси обогащает эмпирическую базу гуманитарных наук и адресует ключевые проблемы современной исторической науки - поликультурную методологию и цифровую трансформацию источников. С 1990-х годов эволюция от дипломатических протоколов к исследовательским хабам демонстрирует устойчивость партнерства несмотря на пандемии и геополитику.

Библиографический список

1. Смолик, А. И. Белорусско-китайская научная школа культурологии / А. И. Смолик // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Минск, 18 декабря 2024 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет, Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета ; редкол.: Е. А. Малашенко (гл. ред.) [и др.]. - Минск : Колорград, 2025. - С. 33-39.

2. В НАН будет создан Белорусско-китайский центр «У Син» [Электронный ресурс] // НАН Беларуси : официальный сайт. - 2019. - 18 янв. - URL: https://nasb.gov.by/rus/news/6873/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Ню Бинь. Цифровизация архивной отрасли Китая / Ню Бинь // 80-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф., Минск, 10-20 марта 2023 г. : в 3 ч. - Минск : БГУ, 2023. - Ч. 3. - С. 96-99.

4. Романюк, В. О. Белорусско-китайские отношения в 90-е годы XX века / В. О. Романюк ; науч. рук. Д. М. Толочко // Творчество молодых, 2024 : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов : в 3 ч. / редкол.: Р. В. Бородич [и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. - Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. - Ч. 3. - С. 223-225.

5. Сунь Шэнцзы. Создание и деятельность основных центров гуманитарного сотрудничества Республики Беларусь и КНР / Сунь Шэнцзы // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Минск, 16 декабря 2022 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет, Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета ; редкол.: Ю. А. Шаврук (гл. ред.) [и др.]. - Минск : Колорград, 2023. - С. 489-499.

6. Веньбо, Бай. Архивное дело в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь: сравнительная характеристика : дис. … магистра ист. наук : специальность 1-23 80 01 «Документоведение и архивоведение» / Бай Веньбо ; Бел. гос. ун-т. - Минск, 2021. - 121 л.

7. Ученые НАН Беларуси и Китая проведут совместные исследования по спутниковому зондированию [Электронный ресурс] // НАН Беларуси : официальный сайт. - 2018. - 13 дек. - URL: https://nasb.gov.by/rus/news/6396/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 72.033(476)

КРЕСТОВО-КУПОЛЬНАЯ СИСТЕМА В АРХИТЕКТУРЕ: ДИАЛОГ ВИЗАНТИИ И БЕЛАРУСИ

THE CROSS-DOPED SYSTEM IN ARCHITECTURE: A DIALOGUE BETWEEN BYZANTIUM AND BELARUS

В. А. Йоцюс
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
А. Н. Бусень
студент
УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

V. A. Yotsus
PhD in history, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
H. N. Busen
Student
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается эволюция византийской крестово-купольной системы в культовой архитектуре Беларуси на примере шести памятников –от константинопольской Софии до минского храма Дежавной икоконы Божьей матери. Анализируются конструктивные особенности, декоративное убранство и пространственные решения, демонстрирующие адаптацию имперской модели к местным условиям. Исследуется роль архитектурной формы как носителя культурной памяти и инструмента осмысления места Беларуси в евразийском пространстве.

Abstract. The article examines the evolution of the Byzantine cross-domed system in the religious architecture of Belarus using the example of six monuments, from the Hagia Sophia in Constantinople to the Dejavu Church of the Mother of God in Minsk. It analyzes the structural features, decorative elements, and spatial solutions that demonstrate the adaptation of the imperial model to local conditions. The article explores the role of architectural form as a carrier of cultural memory and a tool for understanding Belarus's place in the Eurasian space.

Ключевые слова: крестово-купольная система, культовая архитектура Беларуси, византийское наследие, культурное наследие.

Key words: cross-domed system, religious architecture of Belarus, Byzantine heritage, cultural heritage.

В культовой архитектуре отражаются не только технические достижения эпохи, но и глубинные представления о мироустройстве, о связи земного с небесным. Для Беларуси, расположенной на перекрестке евразийских путей, этот вопрос всегда имел особое значение: здесь встречались и переплетались влияния Византии, романо-германского Запада, славянского Востока, формируя уникальную культурную идентичность. Одной из главных линий развития культовой архитектуры Беларуси стало освоение и переосмысление византийской крестово-купольной системы – архитектурной формулы, родившейся в Константинополе и на протяжении тысячелетия остававшейся каноном православного

храмостроительства. Как эта имперская по своему происхождению модель адаптировалась к условиям восточнославянских земель, какие новые формы она обретала в Полоцке, Киеве, Минске, какую роль в этом сыграли конкретные личности – от князей и игумений до зодчих и архитекторов разных эпох – эти вопросы лежат в основе разговора о месте Беларуси в евразийском историческом пространстве.

Собор Святой Софии в Константинополе – это не просто здание, а сложнейшая конструктивная система, где каждый элемент подчинён задаче создания непрерывного, текучего пространства. Центральный купол, вознесённый на высоту 55,6 метра, его полусферическая оболочка сложена из пуццолановых кирпичей. Кольцо из сорока арочных окон, прорезанных в основании барабана, не только заливает интерьер светом, но и конструктивно работает как разгрузочный пояс, превращая массивную сферу в подобие светового венца. Распор купола передаётся на четыре мощных пилона через систему парусов – сферических треугольников, которые впервые в истории архитектуры были применены здесь в столь масштабном виде. Полукупола, примыкающие к центральному пространству с востока и запада, имеют диаметр, почти равный главному куполу, и своими ярусными членениями создают плавное нарастание пространства от боковых нефов к центру [1, с. 26].

Стены собора выложены из кирпича на широких слоях известково-пуццоланового раствора, причём толщина растворных швов в несколько раз превышает толщину кирпича – этот приём придавал кладке пластичность и позволял возводить криволинейные поверхности без потери устойчивости. Внешняя облицовка первоначально включала мраморные плиты, но со временем обнажила кирпичную кладку, создав характерный полосатый рисунок. Колонны, поддерживающие галереи и экседры, выполнены из различных сортов мрамора: зелёного фессалийского, пурпурного египетского, белого проконесского; восемь колонн нижнего яруса. Капители – сложной корзиночной формы, покрытые ажурной резьбой с монограммами Юстиниана и Феодоры, – представляют собой вершину камнерезного искусства VI века. Интерьерная отделка сохранила лишь фрагменты первоначального убранства, но описания современников позволяют восстановить его программу. Полы были набраны из крупных плит разноцветного мрамора, образующих симметричные узоры из кругов и квадратов [2, с. 72]. Стены до высоты первого яруса облицованы мраморными панелями с тонкой профилировкой, создающей игру света на полированных поверхностях. Выше начиналось царство мозаики: золотой фон, набранный из смальты с поворотом каждой пластинки под разным углом, превращал стены и своды в мерцающую поверхность, лишённую материальной тяжести. В апсиде сохранилась мозаика Богоматери на троне, датируемая IX веком, – фигура, лишённая объёма, но исполненная внутренней силы, с Младенцем на коленях [3, с. 178].

Церковь Святых Апостолов, не дошедшая до нас, восстанавливается по археологическим данным и текстам. Её план представлял собой равноконечный крест с длиной рукавов около 52 метров и шириной 42 метра [4, с. 116]. Каждый рукав имел трёхнефное членение: центральный неф был вдвое шире боковых, и все три завершались апсидой, что создавало на восточной стороне трёхапсидную композицию, ставшую затем канонической для византийской архитектуры. Пятикупольное завершение – один центральный купол на высоком барабане и четыре меньших над рукавами – впервые в истории применило систему куполов на парусах не в одном центрическом объёме, а в крестовом пространстве, что предвосхитило многие более поздние решения. Центральный купол, по данным реконструкции, имел диаметр около 24 метров и опирался на четыре мощных столпа, скрытых в углах средокрестия [4, с. 117]. Кладка стен велась из плинфы с широкими прослойками раствора, характерными для константинопольской школы VI века. При этом для арок и сводов использовались кирпичи специальной формы, вырезанные по лекалам, что позволяло минимизировать количество раствора в наиболее напряжённых местах. Внутреннее пространство было облицовано мрамором: нижние зоны покрывали

плиты с чередованием вертикальных и горизонтальных полос, создавая архитектоническое членение стен. Выше, на сводах и в конхах апсид, размещались мозаики на золотом фоне, изображавшие апостолов, сцены их деяний и, вероятно, Христа во славе в центральном куполе [4, с. 119]. Императорские саркофаги, изготовленные из порфира и зелёного фессалийского мрамора, располагались в рукавах креста и в пристроенных мавзолеях, образуя единую мемориальную программу, где архитектура служила обрамлением для сакральной топографии власти.

Десятинная церковь в Киеве открывает историю адаптации византийской модели на восточнославянской почве. Её фундаменты, раскопанные в XIX-XX веках, позволяют говорить о сложном плане. Центральное ядро представляло собой трёхнефный крестово-купольный храм с шестью столпами. К нему с трёх сторон примыкали обширные галереи, а с востока – три апсиды, из которых центральная выступала далеко за линию боковых. Общая длина здания по фундаментам достигала 102 метров, что делало его одним из крупнейших храмов Европы своего времени. Конструктивная система предполагала наличие четырёх крещатых столпов, поддерживавших подпружные арки и купол, а также дополнительных опор, создававших сложное членение внутреннего пространства. Особенностью было отсутствие ленточных фундаментов между некоторыми опорами, что породило гипотезу о наличии парных колонн вместо сплошных столбов в некоторых частях интерьера [5, с. 331]. Кладка велась из плинфы на розоватом известково-цемяночном растворе с примесью толчёной керамики. Техника кладки – «со скрытым рядом. В некоторых местах обнаружены кирпичи с клеймами в виде княжеского трезубца Владимира и греческими надписями, в том числе «плинфа Богородицы». Полы были выполнены из полированных плит порфира, зелёного и белого мрамора, красного шифера, которые выкладывались геометрические орнаменты – круги, квадраты, сложные розетки.

Спасо-Преображенская церковь в Полоцке – памятник, где конструкция и форма работают на создание вертикального импульса. Шестистолпный храм имеет компактные размеры. Столбы внутри имеют сложное сечение: четыре центральных – восьмигранные, два западных – квадратные, что позволило зодчему Иоану сократить количество препятствий для взгляда, устремлённого к алтарю и вверх. Подпружные арки, переброшенные между столбами, имеют разную высоту, создавая ступенчатое повышение к центру. Над средокрестием возведён световой барабан, поставленный не на своды, а на специальный пьедестал – квадрат в плане, повышенный относительно уровня основных сводов. Этот пьедестал снаружи оформлен тремя рядами килевидных кокошников, которые создают пластический переход от четверика к барабану. Сам барабан – восьмигранный, с узкими высокими окнами, прорезанными в каждой грани. Фасады храма получили уникальное для середины XII века завершение. Нижний ярус килевидных закомар повторяет очертания внутренних сводов и опирается на лопатки, членящие стены на три прясла. Верхний ярус, значительно меньший по размеру, расположен на подбарабанном квадрате и представляет собой декоративный элемент, не связанный с внутренней конструкцией. С западной стороны над нартексом добавлен третий, ещё более пониженный ярус арок, так что вся композиция фасада напоминает ступенчатую пирамиду. Кладка выполнена из плинфы с использованием техники «со скрытым рядом», причём раствор розоватый, с высоким содержанием цемянки, что придавало кладке особую прочность. В толще стен барабана на двух уровнях были заложены дубовые брусья, служившие сейсмическим поясом – их каналы до сих пор видны в откосах окон [6, с. 80].

Крестовоздвиженский собор в Полоцке, построенный через семь столетий, демонстрирует иной подход к той же крестово-купольной схеме. В плане он приближен к квадрату со стороной около 35 метров, с сильно выступающей полукруглой апсидой и двумя боковыми, меньшими. Четыре квадратных в сечении столба несут подпружные арки, на которые через паруса опирается световой барабан диаметром около 6 метров. Боковые нефы

перекрыты крестовыми сводами, центральный – цилиндрическими сводами на распалубках. Толщина стен достигает 1,5 метра, сложены они из полнотелого кирпича на известковом растворе с последующей штукатуркой и окраской. Фасадная декорация эклектична, но продумана. Окна первого яруса высокие, с полуциркульным завершением, обрамлены наличниками с «ушами» и увенчаны разорванными сандриками. Второй ярус, соответствующий хорам, имеет окна меньшего размера, круглые и арочные, под карнизом проходит фриз. Углы здания акцентированы пилястрами с филёнками, а апсиды расчленены вертикальными тягами на три прясла. Пять луковичных глав – одна центральная на высоком световом барабане и четыре декоративных на глухих восьмигранных барабанах по углам кровли – придают силуэту живописность, характерную для русско-византийского стиля конца XIX века [7, с. 22].

Храм иконы Богоматери «Державная» в Минске завершает эту линию современным переосмыслением византийского наследия. Центральный объём в плане представляет собой квадрат, к которому с востока примыкает полукруглая апсида, а с запада – нартекс и звонница. Купол диаметром 12 метров опирается не на внутренние опоры, а на стены четверика через систему парусов и подпружных арок, что позволило создать пространство без столбов – единое, свободное, с хорошей видимостью алтаря из любой точки. Барабан прорезан 12 высокими окнами, обеспечивающими интенсивное верхнее освещение [8]. Материал стен – силикатный кирпич с последующей облицовкой и штукатуркой, но главное художественное средство здесь – мозаика. Общая площадь мозаичного покрытия превышает 500 квадратных метров. Мозайка размещена по классическим византийским канонам: в куполе размещён образ Христа Пантократора в медальоне, окружённый серафимами и архангелами. В апсиде – мозаичная икона Богородицы «Державная» высотой 4,5 метра на золотом фоне, где золотая смальта имеет подложку из сусального золота, что создаёт глубину свечения.

Таким образом, все эти памятники, образуют не просто линию архитектурной эволюции, а своего рода историческую хронику, где каждый этап – это ответ на вопрос о том, что значит быть частью евразийского пространства. Поэтому разговор о храмах, их конструкции, декоре и пространстве – это не только узкоспециальный искусствоведческий сюжет. Это разговор о том, как Беларусь осмысляла своё место евразийском пространстве, где встречались и переплетались традиции, как через форму и материал люди пытались зафиксировать своё понимание вечного, как эти зафиксированные смыслы продолжают работать сегодня, побуждая нас не просто сохранять здания, но и вчитываться в них как в текст, который ещё не прочитан до конца.

Библиографический список

1. Виноградов, А. Ю. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников / А. Ю. Виноградов, А. В. Захарова, Д. А. Черноглазов. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2020. – 486 с.

2. Евтушенко, Г. Храм Святой Софии в Константинополе / Г. Евтушенко. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2008. – 268 с.

3. Колпакова, Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды – 2-е изд. / Колпакова, Г. С. // Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. – 559 с.

4. Виноградов, А. Ю. Император и апостолы: храм и мавзолей / А. Ю Виноградов // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – С. 110-124.

5. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) / О. М Иоаннисян., Д. Д. Ёлшин, П. Л. Зыков, Г. Ю. Ивакин, В. К. Козюба, А. В. Комар, Ю. В. Лукомский // Труды Государственного Эрмитажа. – Т. XLVIII. – 2009. – С. 330–366.

6. Давидович, А. С. Культовая архитектура Полоцка IX-XIII вв. / А. С. Давидович, Т. Л. Давидович, Н. В. Пустошило // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия В. Промышленность. Прикладные науки. – 2004. – №6. – С. 76-81.

7. Платонова, Р. М. Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке / Р. М. Платонова, М. А. Платонова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные науки. – 2011. – №8. – С. 19-24.

8. Как минчане строили храм в честь «Державной» иконы. Узнали в преддверии престольного праздника - Минск-новости. URL: https://minsknews.by/kak-minchane-stroili-elisavetinskij-hram-uznali-v-preddverii-prazdnika-ikony-derzhavnaya/ (дата обращения: 26.01.2026).

УДК: 94(430).502.1

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФРГ НА ПРИМЕРЕ ЗАПРОСОВ ДЕПУТАТОВ БУНДЕСТАГА И ОТВЕТОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1970-Е ГГ.)

ENVIRONMENTAL DISCUSSION IN GERMANY: EXAMPLES OF BUNDESTAG QUESTIONS AND FEDERAL GOVERNMENT ANSWERS (1970S)

Д. Н. Кирдик
аспирант
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
Науч. рук. – О. Г. Субботин,
доктор исторических наук, профессор

D. N. Kirdzik
Postgraduate
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – O. G. Subbotin,
Doctor of Historical Sciences, Professor

Аннотация. В статье рассмотрены примеры депутатских запросов и правительственных ответов на них по экологической тематике за 1970-е гг. На основании изученных материалов выявлены ключевые аспекты экологического дискурса на уровне высших органов государственной власти и определена степень его влияния на немецкое общество.

Abstract. The article examines examples of parliamentary inquiries and government responses on environmental issues from the 1970s. Based on the studied materials, the key aspects of environmental discourse at the level of higher state authorities are identified, and the extent of its influence on German society is determined.

Ключевые слова: экологический дискурс, ФРГ, Бундестаг, правительство, экологическая политика.

Keywords: environmental discourse, Germany, Bundestag, government, environmental policy.

Характерной чертой общественно-политической жизни ФРГ в 1970-е гг. стал экологический дискурс, то есть совокупность устных и письменных текстов (научных, медийных, политических), объединенных темой защиты окружающей среды, охраны природы и взаимодействия человека с ней. Существует и более расширенная трактовка данного понятия. Российский лингвист В.И. Карасик понимает под дискурсом «речемыслительный процесс, объективированный во множестве текстов, связанных друг с другом общими когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющих согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащих для передачи и генерирования смысла», а также для «декодирования других текстов» [1, с. 245]. Исходя из сказанного, под экологическим дискурсом следует понимать любые высказывания, как устные, так и письменные, выступления, доклады, документы и так далее, касающиеся проблематики защиты окружающей среды во всех ее аспектах и измерениях.

Помимо общественного и научного уровней экологического дискурса, выраженных в публичных дебатах, демонстрациях, протестах, материалах СМИ, научных исследованиях существует и политический уровень, к которому относятся нормативные правовые акты, выступления политиков в стенах законодательных или исполнительных органов власти, официальные запросы к органам государственной власти со стороны депутатов и реакция на

них. Всё это, в сущности, и составляет основу изучаемого явления общественно-политической жизни Федеративной Республики.

Из всего многообразия форм реализации политической составляющей экологического дискурса весьма показательными представляются запросы депутатов Бундестага и ответы на них федерального правительства. На основании этих двух компонентов можно выстраивать логику процессов, стоящих за реализацией той или иной природоохранной концепции, выявлять интересующие народных избранников темы, анализировать конкретные шаги правительства в данной области. На заре существования экологической политики в ФРГ (1970-е гг.) таких проблемных вопросов было немало. Так, 26 апреля 1972 г. группа депутатов во главе с Гербертом Грулем из фракции ХДС/ХСС направила депутатский запрос в Министерство внутренних дел [2]. Данный документ касался трёх вопросов, возникших у парламентариев в связи с созданием Федерального ведомства по охране окружающей среды. Первый затрагивал высказывание министра внутренних дел, которое содержало в себе упоминание факта выведения из структуры МВД, а конкретнее управления «U» («Umwelt [1]»), технических специалистов и их передачу в подчинение ведомству. Во втором вопросе депутаты уточняли у министерства степень соответствия предполагаемого заявления намерениям данного органа исполнительной власти (если ответ на предыдущий был бы отрицательным) и соответствие законодательных инструментов текущей ситуации. Третий вопрос касался утвердительного ответа на первый вопрос. В этом случае депутаты ставили ряд уточняющих вопросов: (1) Считает ли министерство, что учёные-натуралисты, которые относились к техническим сотрудникам управления «U», не оправдали себя как подходящие специалисты?; (2) Считает ли министерство, что для разработки экологической политики на федеральном уровне, в значительной степени определяемой научно-техническими проблемами, не требуется прямого сотрудничества ученых-естествоиспытателей различных специальностей?; (3) Считает ли министерство, что надлежащая оценка им решений Экспертного совета по экологическим вопросам, состоящего в основном из ученых-естествоиспытателей, будет возможна исключительно силами сотрудников с юридическим образованием? [2, S. 1].

Подробный ответ МВД на данный депутатский запрос последовал 9 мая 1972 г. [3]. Министр Г.-Д. Геншер (ХДС), отвечая на первый вопрос, сослался на документы, в том числе Экологическую программу, а также заключение федерального уполномоченного по экономической эффективности в администрации, суть которого сводилась к тому, что вопрос о передаче функций, полномочий и т.д. требует детального изучения. Кадровые вопросы в данном высказывании министра не затрагивались [3, S. 2]. Относительно второго вопроса, Геншер заявил, что законодательный инструментарий должен быть тщательно дополнен, поскольку конкурирующие законодательные полномочия в таких сферах как обращение с отходами, контроль загрязнения воздуха и снижения уровня шума переданы федеральному правительству, что ведёт к увеличению нагрузки на исполнительную власть страны. Относительно части вопроса, касающегося учёных и иных технических специалистов, министр ответил, что требуется увеличение штатной численности сотрудников, в том числе профильных. Сами же специалисты, в том числе учёные-естествоиспытатели, зарекомендовали себя с положительной стороны, например, при разработке Экологической программы [3, S. 2-3]. В подробности третьего вопроса министр не вдавался, поскольку ответ на него дал в первом.

Ещё одним интересным примером диалога между парламентом и правительством является депутатский запрос фракции ХДС/ХСС во главе с депутатом Фридрихом Циммерманом «Потребность в энергии и использование ядерной энергии в мирных целях» от 4 марта 1977 [4]. Исследуемый источник включает в себя 28 вопросов, распределённых

[1] Окружающая среда (нем.)

между 8 блоками. К экологической тематике относится седьмой блок, в котором содержится три вопроса. В первом депутаты фракции интересовались у правительства степенью воздействия на окружающую среду такого вида преобразования энергии как сжигание топлива, а также эксплуатация технических установок, выделение тепла и т.д. [4, S. 5]. Уточнялось, учитывает ли правительство степень воздействия вышеприведённых факторов в построении энергетической политики ФРГ. Второй волнующий вопрос звучал следующим образом: «Каковы последствия для окружающей среды использования возобновляемых источников энергии в Федеративной Республике Германия и каковы последствия этого для энергетической политики?» [4, S. 6]. Наконец, депутаты интересовались степенью согласованности целей энергетической программы и целей в области природоохранной политики. Фракция ХДС/ХСС запрашивала объяснений по поводу многочисленных фактов несоответствия принимаемых мер по отношению к экологическим аспектам, то есть строительство угольных электростанций, АЭС и т.д. Помимо этого, была высказана просьба уточнить, что намерены предпринять правительственные органы для разрешения противоречий между энергетикой и экологией.

8 июня 1977 г. последовал ответ федерального правительства на представленный выше запрос [5]. На первый вопрос исполнительная власть ответила утвердительно, то есть констатировался факт того, при переработке нефтепродуктов или других видов топлива в окружающую среду неизбежно выбрасываются загрязняющие вещества [5, S. 12]. Федеральное правительство информировало, что лицензии на энергетических объектах производится в обязательном порядке и компетентными органами. Получение же данной лицензии возможно только в случае, когда предприятие своими выбросами не оказывает значительного воздействия на окружающую среду.

В ответе на второй вопрос утверждалось, что мощности гидроэнергетики исчерпаны. Говорилось о развитии других альтернативных источников: солнечная энергия, геотермальная энергия и ветер [5, S. 13]. Использование солнечной энергии признавалось наиболее экологически чистым. Тем не менее, такой способ получения энергии считался приемлемым только в его нецентрализованном (частном) исполнении. В промышленных масштабах использование данного источника энергии вело к экономическим потерям в условиях климата ФРГ и значительному воздействию на экологию, например, через вырубку лесов для подготовки соответствующих площадок. Использование геотермального способа получения энергии признавалось менее безопасным, так как могло привести к локальным повреждениям в земной коре, выбросам в атмосферу и поверхностные воды. Энергия ветра также признана проблемной в связи с воздействие на широкие площади ландшафта. Правительство уточняло, что оценить степень воздействия на окружающую среду на момент публикации ответа невозможно, так как отсутствует достаточное количество данных. Вклад же возобновляемых источников энергии в общее число выработки энергии признавался небольшим.

Относительно третьего вопроса правительство заявило о том, что ещё в сентябре 1973 г., когда и принималась энергетическая программа, безопасность, энергосбережение и защита окружающей среды были выдвинуты в качестве приоритетных направлений в сфере энергетики [5, S. 13]. Касательно степени их согласованности правительственные деятели ссылались на юридические и фактические ограничения. Существующая на тот момент нормативная правовая база оставляла без ответа много. К таким вопросам относились, в частности, разрешённые места для строительств энергетических объектов. Из-за общих формулировок законодательных актов возникала неопределённость при выборе разрешённых мест для строительства подобных объектов. В ответе уточнялось, что министр внутренних дел и министр экономики совместно с правительством земли Северный Рейн-Вестфалия ведут тесную работу по решению возникших противоречий. Оговаривалось, какие меры могут устранить неопределенность, которая может возникнуть при

проектировании угольных электростанций и других крупных промышленных объектов в районах уплотнения из-за действующего законодательства об охране окружающей среды.

Анализ вышеназванных и иных источников данной группы позволяет сделать вывод, что Бундестаг и федеральное правительство находились в постоянном диалоге по вопросам природоохранной деятельности. Депутаты обращались к органам исполнительной власти с запросами, которые отражали общественный интерес в конкретный период времени. Если на начальном этапе экологической политики общество ФРГ и соответственно депутатов волновали вопросы, связанные с организацией и структурой защиты окружающей среды, то по мере развития данного направления политической жизни вопросы становились более сложными, затрагивающими все сферы жизни государства, главным образом экономику и энергетику. При формировании запросов немецкие депутаты опирались на потребности рядовых граждан, так как развитый институт парламентаризма ставил одних (депутатов) в зависимость от других, следовательно, существовала прямая связь между парламентскими запросами и обществом. Как следствие, активность Бундестага подстёгивала деятельность правительства в сфере защиты окружающей среды. Давая ответ, исполнительная власть показывала, что находится в курсе сложившейся обстановки и предпринимает шаги в соответствии с ней.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что политическая составляющая экологического дискурса в ФРГ являлась неотъемлемой частью изучаемого явления. Общество направляло в Бундестаг наиболее актуальные вопросы. Парламентарии, в свою очередь, формировали депутатские запросы для правительства, ожидая развёрнутых и чётких ответов, которые выносили впоследствии на суд общества. Бундестаг, в свою очередь, опираясь на данные ответы мог принимать соответствующую законы, оказывая тем самым поддержку правительства. Очевидно, что все части экологического дискурса в ФРГ были связаны между собой и влияли друг на друга, позволяя на практике выстраивать достаточно эффективную систему защиты окружающей среды.

Библиографический список

1. Зайцева, А. В. Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ [Электронный ресурс] / А. В. Зайцева // Вестник ИГЛУ, 2013. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-ekologicheskogo-diskursa-frg (дата обращения: 08.04.2026).
2. Kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. Gruhl, Volmer, Biechele, Frei - herr von Fircks und Genossen betr. Bundesinnenministerium [Electronic resource] // bundestag.de. – URL: https://dserver.bundestag.de/btd/06/033/0603383.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
3. Antwort auf eine kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. Gruhl, Vollmer, Bichele, Freiherr von Firks und Genossen [Electronic resource] // bundestag.de. – URL: https://dserver.bundestag.de/btd/06/034/0603429.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
4. Große Anfrage der Fraktion der CDU/CSU Energiebedarf und friedliche Nutzung der Kernenergie [Electronic resource] // bundestag.de. – URL: https://dserver.bundestag.de/btd/08/001/0800156.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
5. Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Fraktion der CDU/CSU Energiebedarf und friedliche Nutzung der Kernenergie [Electronic resource] // bundestag.de. – URL: https://dserver.bundestag.de/btd/08/005/0800569.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 001.8:004

ЧИСЛО КАК ДАННОЕ ИСТОРИИ В ЗЕРКАЛЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

NUMBER AS A GIVEN HISTORY IN THE MIRROR OF DIGITALIZATION

В. Ф. Красюк
кандидат философских наук, доцент
УО «Белорусская государственная академия связи»
Минск, Республика Беларусь

V. F. Krasiuk
PhD in Philosophy, Associate Professor
Belarusian State Academy of Communications
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Работа посвящена проблеме места и значимости числовых характеристик исторического исследования. Отмечается, что история как наука объективно нуждается в использовании цифровых показателей для раскрытия социальных процессов. Применение числовых данных обеспечивает исследовательский процесс высоким уровнем достоверности, служит надежным основанием для анализа проблемы. Такой подход является актуальным в свете становления современных цифровых технологий.

Abstract. The paper is devoted to the problem of the place and significance of numerical characteristics in historical research. It is asserted that history as a science objectively needs the use of numerical indicators to reveal social processes. The use of numerical data provides the research process with a high level of reliability and serves as a reliable basis for problem analysis. Such an approach is relevant in light of the emergence of modern digital technologies.

Ключевые слова: история, данные, число, цифры, исследование, достоверность, знание, конкретизация, информация, цифровые технологии.

Keywords: history, data, number, digits, research, reliability, knowledge, concretization, information, digital technologies.

Современная историческая наука переживает нелегкие времена. Устоявшиеся, казалось бы, незыблемые, каноны во взглядах на скрижали истории рушатся под напором постмодернистских интерпретаций. Отрицаются стабильность и упорядоченность как основополагающие скрепы социального бытия. Мир стал неустойчивым. Под лозунгом «Прошлого не изменишь, но можно изменить отношение к нему» переписывается история, усиливаются тенденции предвзятости и мифологизации.

В этом плане настоятельной потребностью является поиск и утверждение тех методологических подходов к пониманию исторических процессов, которые позволяют остановить поток ненаучных инсинуаций и заложить прочные основания адекватного понимания функционирования социума.

Одним из таких приёмов выявления подлинности исторических реалий выступает обнаружение и утверждение их данностей, то есть сведений, информации, смыслового постижения сущности этих реалий. Данность как принятие нами исторического явления фиксируется в том числе в виде научного факта. Взятый в качестве формы научного познания научный факт есть не только достоверное знание о реальных процессах, но и элемент научной теории. Это обязывает необходимость рационального, строгого обращения с историческими фактами, видения их содержания, исключения возможности их произвольного или предвзятого истолкования, искажения или замалчивания. Например, что касается замалчивания – в литературоведческих исследованиях есть мнение, что в силу своего образа бытия на родной земле Адам Мицкевич просто не мог не писать по-белорусски, как это делали его ближайшие друзья Ян Чечот и другие; однако его такие стихи, не исключено, прячутся под сукном определённого рода «учеными» ортодоксами.

Негативное отношение к фактам истории способно мешать преобразованию эмпирического знания факта в теоретическое знание исторической науки, а также сделает невозможным раскрыться в качестве некоторой формы истинного знания науки. Знания об исторических процессах, приобретших статус научного факта, могут выступать в качестве факта науки в познании исторических явлений. Этот факт отражает специфический для исторической науки объект исследований.

Выявление исторического факта являет собой конкретизацию исторического процесса как события материальной и духовной жизни. Материалистическое понимание функционирования общества предполагает, что в своей основе оно состоит из социальных действий людей, что и фиксируется в виде научного факта. Взятый актуально исторический факт характеризует особенности конкретного акта социальной деятельности. Выявлению исходного начала социального действия и одновременно начала построения его историко-научной теории, обнаружению их наиболее общей абстрактной формы служит так называемая клеточка – изначальный пункт восхождения от абстрактного к конкретному. Социальное действие локализовано в пространстве и во времени как конкретный акт, потому что историческая деятельность носит конкретно-исторический характер. Восхождение от абстрактного к конкретному требует определения по возможности исторического факта как данного явления в виде определённой величины, которая потенциально подлежит фиксированию и регистрации. Выражением такого рода величины является число, в самом общем плане – средство счёта и измерения с его порядковой и количественной функциями. Значимость числа как способа фиксации конкретного исторического факта и хранения исторической информации для научного исследования трудно переоценивать. Число есть средство выражения исторического эмпиризма. Разумеется, в истории наличествует, особенно в социальной и духовной истории, множество процессов, которые не подлежат каким-либо измерениям и исчислениями, однако эмпирическая составляющая – важнейшая сфера исторических исследований. Именно она, давая простор для теоретических построений, позволяет удержать историческое знание на уровне научного подхода; не зря говорят: факты – вещь упрямая. Этим во многом отрицается, например, позиция О. Шпенглера и Х. Ортега-и-Гассета, утверждавших невозможность научного обоснования истории человечества.

Эпистемологическая значимость чисел и цифр – тема отдельного исследования, нас интересует в данном плане констатация, что цифры – это условные знаки для обозначения чисел. Для исторической науки феномен счисления, нумерации является одним из краеугольных, в принципе, не столь важно – это сделано словесной записью или цифрой.

Сегодня значимость числа как важнейшей составляющей функционирования исторической науки раскрывается не просто в плане формирования информационного поля, а проявляется в его функциональной значимости как сущностного элемента цифрового пространства. Историческая наука не может стоять в стороне от цифровых технологий, которые путем программирования и обработки данных подают информацию в цифровом формате. Это даёт возможность обрабатывать массивы исторических данных более эффективно и последовательно. Прикладной аспект цифровизации в том, что преобразование информации в цифровом выражении с целью решения практических задач широко внедряются в различных сферах общественной жизни: от науки до сферы услуг. Сферой цифровизации в исторической науке может быть широкий круг проблем.

Так, изменяется форма хранения исторической информации, связанная с переходом к изменению самой структуры фиксации знания. Совершенствуется возможность количественного анализа исторических фактов в плане инсталляции логической структуры выводов. Использование в исторических дисциплинах математических и статистических методов – дело не новое, однако в данном случае исследование цифровых данных в описании исторического бытия соответствующей эпохи означает применение нового

подхода к самой характеристике этого бытия. Использование обновлённых приёмов социальной статистики даёт возможность для выделения новых суммарных показателей состояния общества. Цифровизация в контексте информационных технологий потенциально применима в деле расшифровки текстов, других исторических знаковых систем. Она эффективна для создания и использования графических возможностей в исследовательской деятельности, построения и проверки гипотез и вариантов пока необъясненных процессов и событий прошлого. Её применение для изучения исторического материала – это не только способ обнаружить или пополнить некоторые новые знания, но и особый способ изображения исторической действительности. Дело, например, не только в том, чтобы выявить: сколько винокурен было в той или иной губернии, но и определить динамику развития данной отрасли хозяйствования. Безусловно, оперирование данными, историческими фактами хотя и способствует генерации обоснованных выводов, однако не заменят общего характера исторического исследования и мышления исследователя.

Историческая наука без знаний превращается в мифологизируемую беллетристику, в которой для Клио нет места. В сегодняшнем мире – неустойчивом и нестабильном – значимость данных, выраженных в определенных точных показателях, выступает гарантом адекватного восприятия прошлых и текучих социальных процессов. Роль идет не о цифровой зависимости, а о том, что цифровые технологии выступают в качестве неотъемлемого сегмента исследовательской деятельности, а в целом – средством межкультурных коммуникаций. Числовое обеспечение исследований в историческом локусе познания является частью общего дела науки, расширяет горизонты самопознания общества, когда «в условиях цифровизации важной является задача по стимулированию развития инновационной инфраструктуры, созданию новой системы, обеспечивающей тесную интеграцию науки, образования и бизнеса по разработке и реализации прорывных направлений научно-технической деятельности» [1, с. 316].

Библиографический список:

1. Дубровский, В.В. Информационные и коммуникационные технологии: цифровая связь, информационная безопасность, цифровое государство: монография / В. В. Дубровский, А. О.Зеневич, В. М. Ивашко; под. ред. А. О. Зеневича. – Мн.: БГАС, 2023. – 344 с.

УДК 378 (476) “1960/1970”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В БССР (1960-е – 1970 -е гг.)

ACTIVITIES OF PEOPLE'S UNIVERSITIES OF PEDAGOGICAL KNOWLEDGE IN THE BSSR (1960S – 1970)

Е. Н. Мох
кандидат исторических наук, доцент
ГУО «Академия образования»
Минск, Республика Беларусь

E. N. Mokh
PhD in History, Associate Professor
Academy of Education
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье исследуется деятельность народных университетов педагогических знаний в БССР: виды, типы, структура учебных программ, принципы комплектования слушателей. Описывается содержание и формы работы: тематика лекций, семинаров, практических занятий. Особое внимание уделяется формам повышения квалификации учителей, распространению передового педагогического опыта, а также просвещению родителей и общественности в вопросах воспитания детей. В работе представлены статистические данные сети народных университетов в БССР в 1964–1969 гг.

Abstract. This article examines the activities of people's universities of pedagogical knowledge in the BSSR: their types, styles, curriculum structures, and student recruitment principles. It describes the content and formats of their work, including lectures, seminars, and practical classes. Particular attention is paid to advanced teacher training, the dissemination of best pedagogical practices, and the education of parents and the public in matters of child rearing. The paper presents statistical data on the network of people's universities in the BSSR from 1964 to 1969.

Ключевые слова: народные университеты знаний, государственная политика, слушатели, Всесоюзное общество «Знание», народные университеты педагогических знаний.

Keywords: people's universities of knowledge, public policy, students, the All-Union Society «Knowledge», people's universities of pedagogical knowledge.

Народные университеты знаний представляли собой уникальное явление в культурной и образовательной жизни БССР. Они стали важным инструментом распространения научных, технических и гуманитарных знаний среди широких слоев населения, играя значительную роль в формировании общественного сознания и повышении образовательного уровня населения. Функционирование данных учреждений было обусловлено потребностью в повышении образовательного уровня населения. Они становились площадкой для обсуждения научных, образовательных достижений отраслей экономики.

Являясь своеобразными общественными учебными заведениями, народные университеты должны были отвечать следующим основным требованиям: наличие квалифицированных лекторов и преподавателей; постоянный состав слушателей; работа по учебно-тематическим планам и программам, использование активных форм и методов занятий, организации самостоятельной работы слушателей и др.

К основным направлениям деятельности народных университетов относились: распространение научных, технических и гуманитарных знаний; предоставление знаний, способствующих повышению квалификации и освоению новых профессий среди молодежи; повышение образовательного уровня у слушателей, воспитание патриотизма и трудовой дисциплины [1, л. 264–268].

Учредителями народных университетов могли быть партийные, профсоюзные и комсомольские организации, организации Всесоюзного общества «Знание», органы министерств культуры, просвещения, высшего и среднего специального образования, здравоохранения, сельского хозяйства, научных и научно-технических обществ, творческих союзов и др. Все народные университеты, вне зависимости от их ведомственной принадлежности, регистрировались районными или городскими советами народных университетов и получали паспорт регистрации.

Основными видами народных университетов являлись университеты или факультеты общественно-политических знаний (по основам научного коммунизма, истории, философии, политической экономии, международным отношениям, государству и праву и др.); естественнонаучных знаний (по математике, физике, химии, астрономии, биологии, географии, краеведению, геологии и др.); научно-технических и экономических знаний (по научным основам, технике и экономике ведущих отраслей промышленности, строительства, транспорта и связи); сельскохозяйственных знаний (по научным основам, технике и экономике сельского хозяйства); советской торговли; культуры (литературы и искусства); педагогических знаний; культуры быта; военно-патриотического воспитания; научного атеизма, медицинских знаний; физической культуры и спорта; общественных профессий; лекторского мастерства и т. д. [2, 269 (об).–271]

Типы народных университетов определялись по производственному или территориальному принципу их организации, срокам обучения, ступеням сложности обучения и т. д. Народные университеты создавались на базе предприятий, учреждений культуры, учебных заведений, а также как самостоятельные структуры. Для координации учебного процесса они делились на факультеты или отделения по различным направлениям знаний (например, факультет общественно-политических знаний, факультет технического прогресса, факультет естественных наук, факультет искусства и литературы, факультет здоровья и т.д.).

Они создавались с различными сроками обучения: с программой, рассчитанной на 3 года и более — 148 университетов, 2 года — 824 университета и со сроком обучения в 1 год — 179 университетов. Лекции и занятия проводились как штатными преподавателями, так и приглашенными специалистами – учеными, инженерами, врачами, деятелями культуры, партийными работниками. Основной формой работы были лекции, но также проводились беседы, семинары, дискуссии, консультации, экскурсии, демонстрации. использовали помещения, оборудование и наглядные пособия, предоставляемые организациями, на базе которых они функционировали. Так, в БССР на I апреля 1969 года было 1151 народных университетов, их посещало 163,1 тысячи слушателей, из которых 128,3 тысячи (78,7 %) городские и 34,8 тысячи (21,3 %) сельские жители.

Таблица 1. – «Сеть народных университетов в БССР» (1964–1969 гг.)

	На 1 марта 1964 г.		На 1 апреля 1969 г.		1969 г. в % к 1964 г.	
	Число университетов	В них слушателей	Число университетов	В них слушателей	Число университетов	В них слушателей
Белорусская ССР	1074	127255	1151	163139	107,2	128,2
Брестская область	90	12589	142	15244	157,8	121,1
Витебская область	97	12952	230	25477	237,1	196,7
Гомельская область	117	14692	180	21758	153,8	148,1
Гродненская область	124	15311	107	23968	86,3	156,5
Г. Минск	64	16907	52	11277	81,3	66,7
Минская область	449	40637	282	44725	62,8	110,1
Могилевская область	133	14167	158	20690	118,8	146,0

Содержание образовательных программ было разнообразным и зависело от направленности факультетов и актуальных задач времени. Наибольшее распространение получили народные университеты педагогических, медицинских, сельскохозяйственных знаний и университеты культуры.

Таблица 2. – «Распределение народных университетов БССР по основным видам (на 1 апреля 1969 г.) [3, л. 14]

	Число университетов	В них слушателей	В % к итогу	Из общего числа в сельской местности		
				Университетов	В них слушателей	В % к итогу
Всего народных университетов	1151	163139	100	419	34783	100
из них университеты:						
Педагогических знаний	459	62043	38,0	228	17602	50,6
Медицинский знаний	223	27213	16,7	44	3315	9,6
Сельскохозяйственных знаний	168	21048	12,9	123	10161	29,2
Культуры	138	24989	15,3	19	3026	8,7
Правовых знаний	57	6916	4,3	-	-	-
Научно-технических и экономических знаний	26	4025	2,5	-	-	-
Исторических знаний	16	1664	1,0	1	82	0,2
«Ленинские»	11	1969	1,2	-	-	-
Международных отношений	10	2485	1,5	1	178	0,5
другие	43	10787	6,6	3	419	1,2

Так, например, в 1969-1970 учебном году в Могилевской области функционировали 47 народных университетов педагогических знаний, в которых занималось 5128 человек. Их главная задача – просвещение родителей и повышение их педагогической культуры в рамках концепции воспитания подрастающего поколения. Народные университеты педагогических знаний состояли из одного факультета - воспитание школьника в семье. Продолжительность обучения в большинстве народных университетов составляло 2 года.

Занятия в университетах педагогических знаний проводились по учебным планам и программам, разработанным научно-методическим советом по пропаганде педагогических знаний при правлении Всесоюзного общества «Знание». Состав слушателей университетов является постоянным. В университетах занимались рабочие, служащие, инженерно-технические работники. Так, состав слушателей народного университета педагогических знаний г. Быхова характеризовался следующими данными: количество слушателей составляло 318 человек, из них рабочих – 138, колхозников – 13, служащих – 99, пенсионеров – 13, других – 55 человек. Состав слушателей университета был постоянный в течение всего срока обучения. При поступлении каждый слушатель письменно отвечал на ряд вопросов: почему он поступил в университет, что он хотел бы узнать, какие трудности испытывал в воспитании детей и др. Родители изучали здесь детскую гигиену, детскую психологию, педагогику семейного воспитания и др. Занятия проводились постоянно в определённый день недели [4, 92–114].

Вместе с тем в организации университетов педагогических знаний в БССР имелись недостатки: население, не имеющее детей школьного возраста, как правило, педагогическим просвещением было не охвачено, не уделялось внимание индивидуальной работе с родителями, тематика лекций подбиралась без учета состава слушателей и их запросов.

В связи с этим Бюро обкома КПБ и исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся постановлял до 15 ноября 1968 года организовать во всех городах и

районных центрах, крупных сельских населенных пунктах – народные университеты педагогических знаний, во всех средних и восьмилетних школах – лектории для родителей, во всех начальных школах – школы начального педагогического обучения; обеспечить в течение 1968–1970 годов повсеместное осуществление обязательного педагогического обучения всего взрослого населения: были определены единые дни занятий в каждом городе и районе. Областному отделу народного образования, областному управлению связи, профсоюзным организациям рекомендовалось обеспечить максимальный охват населения подпиской на журнал «Семья и школа»; управлению кинофикации должно было обеспечивать подбор кинофильмов по заявкам организаторов учебы; областной отдел здравоохранения – обеспечить чтение лекций на медицинские темы в соответствии с программами педагогического всеобуча.

Народные университеты педагогических знаний в БССР представляли собой важный элемент системы образования и идеологического воспитания населения БССР. Они сыграли значительную роль в повышении образовательного и культурного уровня трудящихся, способствовали распространению научных знаний. Несмотря на определенные ограничения, связанные с материально-техническими трудностями, кадровыми вопросами они внесли особый вклад в развитие БССР. Их деятельность является примером государственной политики, которая была направлена на обеспечения доступности знаний для населения.

Библиографический список

1. Примерное положение о народных университетах // НАРБ. – Фонд. 42. – Оп.7. – Дело 295. – Л. 264–268.
2. Примерный перечень основных видов народных университетов, их факультетов и отделений // НАРБ. – Фонд. 42. – Оп.7. – Дело 295. – Л. 269 (об.)–271.
3. Распределение народных университетов БССР по основным видам (на 1 апреля 1969 г.) // НАРБ. – Фонд. 42. – Оп.7. – Дело 387. – Л. 14.
4. Справка о работе университетов педагогических знаний в Могилевской области // НАРБ. – Фонд. 42. – Оп.7. – Дело 295. – Л. 92–114.

УДК 94(479.24)

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1868–1900 ГГ.): ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

AGRARIAN RELATIONS IN THE ELIZABETPOL PROVINCE (1868–1900): CHARACTERISTIC FEATURES AND REGIONAL SPECIFICITIES IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN SPACE

Ш. Х. Мусаева
старший преподаватель
Азербайджанский Государственный Аграрный Университет
Гянджа, Республика Азербайджан

Sh. Kh. Musayeva
Senior Lecturer
Azerbaijan State Agrarian University
Ganja, Respublic of Azerbaijan

Аннотация. В статье рассматриваются аграрные отношения в Елизаветпольской губернии в 1868–1900 гг. Исследуются структура землевладения, особенности хозяйственной специализации и социальное положение крестьянства в условиях трансформации традиционного уклада. Сделан вывод о формировании специфической модели аграрных отношений в составе Российской империи, сочетающей элементы модернизации и устойчивости традиционных структур.

Abstract. The article examines agrarian relations in the Elizavetpol Governorate during 1868–1900. It analyzes the structure of land tenure, patterns of agricultural specialization, and the social conditions of the peasantry in the context of the transformation of traditional economic systems. It concludes that a specific model of agrarian relations emerged within the Russian Empire, combining elements of modernization with the persistence of traditional structures.

Ключевые слова: аграрные отношения, крестьянство, землевладение, Елизаветпольская губерния, Российская империя, социальная дифференциация.

Keywords: agrarian relations, peasantry, land tenure, Elizavetpol Governorate, Russian Empire, social differentiation.

Аграрные отношения во второй половине XIX века являлись ключевым фактором социально-экономического развития окраинных регионов Российской империи. В этом контексте особый интерес представляет Елизаветпольская губерния, где традиционная форма хозяйствования происходила под воздействием как имперской аграрной политики, так и местных природно-географических и этнокультурных условий.

Особое значение имеет рассмотрение аграрных процессов 1868–1900 гг., когда происходили постепенные изменения в структуре сельского хозяйства, перераспределение земельных ресурсов и трансформация социального положения сельского населения. Указанные изменения проявлялись с учётом региональных условий, что позволяет говорить о формировании специфической модели аграрных отношений [1, с. 123].

Аграрная экономика Елизаветпольской губернии во второй половине XIX века отличалась многоотраслевым характером. В её структуре сочетались земледелие, садоводство, виноградарство, а также формы животноводства, приспособленные к природным условиям региона. В посевных площадях значительное место занимали зерновые культуры, наряду с которыми в ряде районов возделывались технические культуры, в том числе хлопок и табак.

Заметную роль играли садоводство и виноградарство, получившие распространение прежде всего в зонах с благоприятными климатическими условиями. Эти отрасли в ряде случаев ориентировались не только на местное потребление, но и на сбыт за пределами

губернии, что свидетельствует о постепенном вовлечении региона в межрегиональные хозяйственные связи.

Одним из традиционных направлений хозяйственной деятельности оставалось шелководство, имевшее устойчивые позиции в экономике края. Его развитие было обусловлено как природными условиями, так и наличием соответствующих навыков у местного населения. Существенное значение сохраняло и скотоводство, в том числе отгонные формы, связанные с сезонным перемещением стад. Это направление хозяйства играло важную роль в экономике горных и предгорных районов, дополняя земледельческое производство. Хозяйственная специализация региона отличалась разнообразием и адаптивностью к природно-географическим условиям, что определяло устойчивость аграрной системы и её постепенную трансформацию в условиях расширения рыночных связей.

Во второй половине XIX века в губернии сохранялось многообразие форм землевладения. Земельный фонд включал казённые, общинные, а также частновладельческие земли. Подобная структура являлась результатом как дореформенных порядков, так и политики имперских властей, направленной на постепенную интеграцию региона в общеимперскую систему хозяйствования. Согласно статистическим материалам конца XIX века, крестьянство составляло подавляющее большинство населения Елизаветпольской губернии — около 86 %, при этом земельные отношения отличались значительным разнообразием. Так, приблизительно 50 % сельского населения пользовались казёнными землями, около 35 % — владельческими, и лишь незначительная часть располагала собственными наделами [2]. Важной особенностью являлось преобладание пастбищных угодий, составлявших до 50 % земельного фонда, что свидетельствует о значительной роли скотоводства в экономике региона.

Подобное распределение свидетельствует о сохранении сложной структуры землепользования, в которой сочетались различные формы собственности и хозяйствования. В то же время основная масса населения вела оседлый образ жизни и была связана с земледелием, тогда как часть населения сохраняла полукочевые формы хозяйства, ориентированные преимущественно на скотоводство [3, с. 123]. Согласно статистическим материалам губернии, значительная часть сельского населения пользовалась землёй на общинных началах, что ограничивало развитие индивидуального хозяйства. Вместе с тем происходило постепенное расширение частного землевладения, особенно в районах с благоприятными условиями для товарного земледелия. Наряду с указанными процессами важную роль в аграрных отношениях играли особенности правового регулирования землепользования, которые в кавказских губерниях сохраняли значительную специфику по сравнению с центральными районами Российской империи. Земельные отношения здесь нередко основывались не только на имперском законодательстве, но и на местных обычных нормах, что обусловливало сложность и неоднозначность правового статуса различных категорий населения.

Существенное значение имело и перераспределение земельных ресурсов, происходившее в результате демографического роста и хозяйственного освоения новых территорий. Это вело к постепенному усилению земельной дифференциации: часть сельских хозяйств концентрировала в своих руках более значительные наделы, тогда как другая часть испытывала земельный недостаток, что вынуждало крестьян искать дополнительные источники дохода. В этих условиях усиливалась роль арендных отношений, которые становились одним из механизмов адаптации сельского населения к изменяющимся экономическим реалиям. Распространение аренды свидетельствовало о переходе от замкнутого натурального хозяйства к более гибким формам ведения сельскохозяйственного производства, ориентированным на рынок.

Исследователи отмечают, что в конце XIX века в кавказских регионах происходило постепенное усиление социальной дифференциации сельского населения, связанное с развитием товарного производства и вовлечением крестьянства в рыночные отношения. Часть крестьян укрепляла свои хозяйства, тогда как другая часть утрачивала экономическую самостоятельность. Данная тенденция сопровождалась углублением имущественного расслоения внутри сельского общества. Формировалась сравнительно узкая группа зажиточных хозяйств, обладавших достаточными земельными ресурсами, рабочим скотом и возможностью привлекать наёмный труд [4]. Эти хозяйства быстрее адаптировались к условиям расширяющегося рынка и постепенно ориентировались на производство излишков сельскохозяйственной продукции. В противоположность этому значительная часть крестьянства испытывала дефицит земли и материальных ресурсов. Ограниченность наделов, а также рост налоговой нагрузки и иных обязательств способствовали ухудшению их экономического положения. В результате усиливались процессы сезонной занятости, что свидетельствовало о постепенном выходе части сельского населения за пределы традиционной аграрной сферы.

Особую роль в структуре сельского общества играли промежуточные группы, занимавшие неустойчивое положение между состоятельными и малоземельными хозяйствами. Их социально-экономический статус отличался подвижностью и во многом зависел от урожайности, рыночных и локальных условий хозяйствования. Это придавало социальной структуре деревни динамичный и нестабильный характер.

В рассматриваемый период происходило постепенное расширение товарного сельского хозяйства. Развитие транспортных связей и внутреннего рынка способствовало росту производства на продажу. Однако этот процесс шёл неравномерно: в одних районах усиливалась рыночная направленность хозяйства, в других продолжали преобладать натуральные формы. Включение отдельных территорий в рыночные отношения зависело от их хозяйственной освоенности, природных условий и доступности путей сообщения. Более благоприятные районы быстрее переходили к товарному производству, тогда как в отдалённых зонах изменения происходили медленнее. Переход к рынку сопровождался усилением зависимости сельского хозяйства от цен и спроса. Это создавало новые возможности, но одновременно повышало нестабильность, особенно для мелких хозяйств. При этом традиционные формы ведения хозяйства сохранялись и продолжали играть значительную роль.

Анализ аграрных отношений региона в 1868–1900 гг. показывает, что их развитие носило сложный характер. С одной стороны, происходили изменения, связанные с расширением рыночных связей и постепенной интеграцией региона в экономическое пространство Российской империи. С другой стороны, сохранялись традиционные формы землепользования и хозяйствования, что придавало аграрной системе устойчивость.

Социальная структура сельского населения также претерпевала изменения: усиливалась дифференциация крестьянства, формировались группы с различным уровнем экономической устойчивости. Одновременно сохранялись элементы общинной организации, которые частично смягчали последствия этих процессов.

Таким образом, специфика аграрных отношений региона определялась сочетанием преобразований и устойчивости традиционного уклада. В более широком контексте это позволяет рассматривать Елизаветпольскую губернию как пространство, где происходила адаптация различных форм хозяйствования, что отражает особенности аграрного развития кавказских территорий конца XIX века.

Библиографический список

1.Розинская, Н. А. Эволюция аграрного сектора в предреволюционной России: региональный аспект / Н. А. Розинская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 137–152.

2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1890–1907.
3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 3-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с.
4. Гаджиев А. Т. Аграрные отношения в Азербайджане в XIX – начале XX века // Северо-Кавказский регион: общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 45–52.

УДК 94(479.24)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В IX–XI ВЕКАХ

HISTORICAL PROCESSES IN AZERBAIJAN IN THE 9th–11th CENTURIES

А. Наги
кандидат исторических наук, доцент
Азербайджанский технический университет
Баку, Республика Азербайджан
ORCID: 0009-0005-9762-1886

A. Naqi
PhD in History, Associate Professor
Azerbaijan Technical University
Baku, Respublic of Azerbaijan
ORCID: 0009-0005-9762-1886

Аннотация. В статье рассматриваются основные военно-политические процессы, происходившие в Азербайджане в IX–XI веках. Особое внимание уделяется ослаблению Арабского халифата и формированию независимых местных династий — Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Раввадидов и Шеддадидов. Анализируется их роль в развитии государственности Азербайджана и объединении его территорий.

Abstract. The article examines the main military-political processes that took place in Azerbaijan in the IX–XI centuries. Special attention is paid to the weakening of the Arab Caliphate and the formation of independent local dynasties such as the Shirvanshahs, Sajids, Salarids, Rawwadids and Shaddadids. Their role in the formation of Azerbaijani statehood and the consolidation of the country's territories is analyzed.

Ключевые слова: Азербайджан, средневековая история, Ширваншахи, Саджиды, Сальяриды, государственность.

Keywords: Azerbaijan, medieval history, Shirvanshahs, Sajids, Salarids, statehood.

Введение. История Азербайджана IX–XI веков характеризуется сложными военно-политическими процессами, связанными с ослаблением власти Арабского халифата и формированием независимых местных государственных образований. В этот период на территории страны усиливается стремление к политической самостоятельности, а власть постепенно переходит в руки местных династий.

С распадом централизованной власти халифата в различных регионах Азербайджана появляются самостоятельные правители, которые постепенно укрепляют свои позиции и формируют собственные государства. Важную роль в этом процессе сыграли такие династии, как Ширваншахи, Саджиды, Сальяриды, Раввадиды и Шеддадиды [1, с. 45]. Эти государства не только способствовали развитию политической независимости региона, но и сыграли значительную роль в укреплении экономических и культурных связей между различными областями Азербайджана. Их деятельность оказала существенное влияние на формирование средневековой государственности страны.

Основная часть. Ослабление Арабского халифата и рост независимости.

В IX веке влияние Арабского халифата на территории Азербайджана значительно ослабло. Это было связано с внутренними кризисами в халифате, а также с усилением местных правителей, которые постепенно стремились к независимости. В различных областях страны власть переходила к местным династиям и феодальным правителям [2, с. 132].

Средневековые арабские авторы подробно описывали географию и политическое устройство региона. Так, известный историк и географ Ибн Хаукаль отмечал, что Азербайджан, Арран и Армения рассматривались как единое политико-географическое

пространство. Он подчеркивал важную роль городов Ардебиль и Барда как административных и политических центров региона [3, с. 285]. Ослабление власти халифата привело к формированию самостоятельных государств и усилению местных династий, которые начали проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику.

Государство Ширваншахов. Одним из первых независимых государственных образований на территории Азербайджана в период ослабления власти Арабского халифата стало государство Ширваншахов. Оно сформировалось на северо-востоке Азербайджана и постепенно заняло важное место в политической системе Кавказского региона. Возникновение этого государства было связано с процессом децентрализации власти халифата и усилением местных правителей, стремившихся к политической самостоятельности.

Основателем династии считается Язид ибн Мазйад, представитель арабского рода Шайбани, назначенный наместником в области Ширван. Со временем представители этой династии укрепили свои позиции и фактически стали независимыми правителями региона. В 861 году династия Мазйадидов фактически провозгласила независимость от Арабского халифата. Первым правителем, принявшим титул ширваншаха, стал Хайсам ибн Халид [4, с. 67].

Территория государства включала значительную часть северо-восточного Азербайджана. Его границы простирались от Дербента на севере до реки Куры на юге и от Каспийского моря на востоке до предгорий Кавказа на западе. Благодаря своему выгодному географическому положению Ширван находился на пересечении важных торговых путей, соединявших страны Ближнего Востока, Кавказа и Восточной Европы. Это способствовало экономическому развитию региона и укреплению его политической значимости.Первоначально столицей государства был город Ширван, однако позднее политический центр был перенесён в Шемаху, которая стала одним из крупнейших городов региона. Шемаха играла важную роль как административный, торговый и культурный центр государства. Здесь активно развивались ремёсла, торговля и городская инфраструктура. Правители государства проводили политику укрепления центральной власти и защиты своих территорий от внешних угроз. В различные периоды им приходилось вести борьбу как с соседними государствами, так и с внутренними феодальными правителями. Несмотря на сложные политические условия, династия Ширваншахов сумела сохранить относительную независимость и обеспечить стабильность в регионе. Государство Ширваншахов сыграло значительную роль в политической и культурной истории Азербайджана. Оно просуществовало несколько столетий и стало одним из наиболее устойчивых государственных образований средневекового Кавказа. Деятельность ширваншахов способствовала развитию городов, укреплению торговых связей и формированию культурных традиций региона.

Таким образом, государство Ширваншахов стало важным этапом в процессе формирования средневековой государственности Азербайджана и оказало значительное влияние на политическое развитие всего Южного Кавказа [3, с. 284].

Государство Саджидов. В конце IX века на территории Азербайджана возникло государство Саджидов, которое стало одним из наиболее значительных политических образований региона в период ослабления Арабского халифата. Появление этого государства было связано с усилением местных правителей и постепенным переходом власти от центральных структур халифата к региональным династиям.

Основателем династии Саджидов считается Абу Садж Дивдад — военачальник тюркского происхождения, занимавший высокое положение в военной и административной системе халифата. Благодаря своим военным заслугам и политическому влиянию он получил управление рядом областей на территории Азербайджана. Его деятельность заложила основу для формирования самостоятельной политической силы в регионе.

Решающую роль в создании независимого государства сыграл его сын Мухаммед ибн Абу Садж. В 889 году он объявил независимость от власти халифата и создал самостоятельное государство Саджидов. Первоначально столицей государства был город Марага, который являлся важным политическим и экономическим центром региона. Однако позднее столица была перенесена в Ардебиль — один из крупнейших городов Азербайджана того времени, занимавший важное положение на торговых путях [5, с. 138].

Особенно значительную роль в истории государства сыграл Юсуф ибн Абу Садж. В период его правления государство Саджидов достигло наибольшего могущества и политического влияния. Юсуф ибн Абу Садж проводил активную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на укрепление центральной власти и расширение границ государства. Он сумел значительно усилить военную мощь государства и укрепить административную систему управления.Территория государства в период его наибольшего расцвета охватывала обширные области. Его границы простирались от Дербента на севере до Зенджана на юге и включали значительную часть исторических земель Азербайджана, а также некоторые прилегающие территории Южного Кавказа [6, с. 195]. Такое расширение способствовало укреплению экономических и политических связей между различными регионами страны.

Важное значение в политике Саджидов имело развитие городов и торговых центров. Под их властью активно развивались такие города, как Ардебиль, Марага и Тебриз. Эти города являлись важными центрами торговли, ремесел и культурной жизни региона.

Несмотря на достигнутые успехи, государство Саджидов столкнулось с рядом внутренних и внешних трудностей. После смерти Юсуфа ибн Абу Саджа власть династии постепенно ослабла, что привело к усилению других политических сил и появлению новых династий в регионе.

Тем не менее деятельность Саджидов сыграла важную роль в процессе формирования средневековой государственности Азербайджана. Они смогли объединить значительную часть исторических земель страны в единое государство и создать основу для дальнейшего политического развития региона.

Государство Саларидов. После ослабления и последующего падения государства Саджидов политическая власть в регионе перешла к новой династии — Саларидам. Возникновение этого государства стало важным этапом в политической истории Азербайджана X века. Салариды сумели занять значительное место среди правящих династий Южного Кавказа и продолжили процесс формирования независимых государственных образований на территории региона.

Правление династии началось в 941 году, когда Марзбан ибн Мухаммед захватил город Ардебиль и провозгласил себя правителем страны [6, с. 209]. Он происходил из знатного рода и обладал значительным военным и политическим опытом, что позволило ему быстро укрепить свою власть. Марзбан ибн Мухаммед сумел воспользоваться ослаблением предыдущей династии и установить контроль над важными политическими и экономическими центрами региона.

В период правления Марзбана государство Саларидов достигло значительного политического влияния. Под властью этой династии находились обширные территории Южного Кавказа, включая значительную часть современного Азербайджана, а также некоторые области Армении и Восточной Грузии. Такое территориальное расширение позволило Саларидам укрепить своё положение в регионе и контролировать важные торговые пути.Особое внимание правители государства уделяли укреплению системы управления. Марзбан ибн Мухаммед провёл ряд административных реформ, направленных на упорядочение управления территориями и укрепление центральной власти. Одним из важных достижений стало совершенствование налоговой системы, что способствовало стабилизации экономики и увеличению доходов государства. Важную роль в экономическом

развитии государства играли крупные города, такие как Ардебиль, Тебриз и Марага. Эти города являлись важными центрами торговли и ремесленного производства. Через них проходили торговые пути, связывавшие страны Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии. Несмотря на достигнутые успехи, государство Саларидов столкнулось с рядом трудностей. После смерти Марзбана ибн Мухаммеда центральная власть постепенно ослабла, а внутренние противоречия и борьба за власть между представителями правящей династии привели к политической нестабильности. В результате государство постепенно утратило своё влияние и уступило место другим политическим силам региона.

Тем не менее государство Саларидов сыграло значительную роль в политической истории Азербайджана. Оно продолжило традиции самостоятельного государственного управления и внесло важный вклад в развитие административной системы и укрепление политической структуры региона.

Раввадиды и Шеддадиды. В конце X века на территории Азербайджана усиливаются две новые династии — Раввадиды и Шеддадиды. Раввадиды правили в южных областях страны, главным центром их государства был город Тебриз. Их власть распространилась на значительную часть Южного Азербайджана и прилегающие территории [7, с. 32]. Шеддадиды, в свою очередь, укрепились в Гяндже и контролировали территорию Аррана. Их государство играло важную роль в политической жизни региона и активно участвовало в военных и дипломатических процессах.Деятельность этих династий свидетельствует о продолжающемся процессе формирования региональных государств и укрепления местной власти.

Заключение. Таким образом, IX–XI века стали важным этапом в истории Азербайджана. Ослабление Арабского халифата создало условия для формирования независимых государственных образований.

В этот период на территории страны возникли и развивались такие государства, как Ширваншахи, Саджиды, Салариды, Раввадиды и Шеддадиды. Их деятельность сыграла значительную роль в укреплении политической самостоятельности региона и развитии азербайджанской государственности.

Эти государства способствовали объединению различных областей страны, развитию городов и укреплению культурных и экономических связей. Их историческое наследие занимает важное место в истории Азербайджана и всего Кавказского региона.

Библиографический список

1. Буниятов, З. М. Азербайджан в VII–IX вв. – Баку : Элм, 1965.
2. Шарифли, М. А. IX–XI века в истории Азербайджана. – Баку : Азернешр, 1978.
3. Ибн Хаукаль. Книга путей и стран. – Москва : Наука, 1960.
4. Бартольд, В. В. Сочинения. История Востока. – Москва : Наука, 1963.
5. Джузе, П. К. Очерки по истории Азербайджана. – Баку : АН Азербайджана, 1949.
6. Кесреви, А. История Азербайджана. – Тегеран : 1938.
7. Алиев, И. Г. История Азербайджана с древнейших времен до XX века. – Баку : Элм, 1995.

УДК 94(47)

СМЕРТНОСТЬ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1932–33 ГГ.

MORTALITY IN THE BYELORUSSIAN SSR IN 1932–33

Н. Н. Назаренко
доктор биологических наук, доцент
Южно-Уральский государственный
медицинский университет
Челябинск, Россия

N. N. Nazarenko
D.Sc. in Biology, Associate Professor
South Ural State Medical University
Chelyabinsk, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены показатели смертности населения Белоруской ССР в период голода 1932–33 годов. В 1932 г. пики смертности были сезонными и невысокими. В 1933 г. сезонность пиков смертность сохраняется, но смертность выше, особенно в городах, с локальным демографическим кризисом весны – лета в городах и марта на селе. Динамика смертности не указывает на «голодную» катастрофу в БССР, прямые потери от голодных проявлений оцениваются не более 8 тыс. чел. преимущественно в городах.

Abstract. The problem of population mortality rates assessing in Belarusian SSR during the famine of 1932–33 has been considered in the paper. Mortality peaks were seasonal and low in 1932 and the seasonality of mortality peaks remained in 1933, but mortality was higher, especially in urban areas, with a local demographic crisis of spring and summer, and in march in rural areas. The mortality dynamics does not indicate a famine catastrophe in the BSSR, direct losses from famine are estimated at no more than 8 thousand people, in urban areas essentially.

Ключевые слова: голод 1932–33 гг., смертность, Белорусская ССР.
Keywords: famine of 1932-33, mortality, Belarusian SSR.

В современной российской историографии Белорусскую ССР включают в ареал голода 1932–33 гг. в связи с превышением смертности над рождаемостью в городах [5, с. 654] и опираясь на сообщения белорусских историков [6, с. 118], а также в связи с публикацией документов о голодных проявлениях в БССР и бегства населения из-за голода [3, с. 456–462, 727–731]. Белорусские авторы приводят факты голодания и смертей от голода в отдельных районах и городах БССР в 1932–33 гг. [2, с. 283, 294–295; 4, с. 84;7, с. 39; 9, с. 80, 82, 83, 88]. Большинство приведенных случаев – либо единичные, либо, локальные, не превышающие несколько десятков человек. Картографирование смертности в районном разрезе указывает на ее повышение в 1933 г. в нескольких отдельных районах республики, [8, с. 408], но это превышение значительно меньше средней смертности 1933 г. в РСФСР [12, л. 12]. С точки зрения оценки потерь от голода указывается, что фактически единственная цифра, которую удалось найти в архивных документах (из отчета НКВД о разгроме антисоветского подполья [9, с. 88]) о количестве жертв на территории БССР – 1000 умерших от голода в Наровлянском районе. В украинских же публикациях, наоборот, приводится оценка потерь от голода в БССР 67,6 тыс. человек (12,7 на 1000 населения) [13, с. 287], что сопоставляется с зарегистрированным числом умерших в республике в 1933 г. (66973 чел. или 15,8 на 1000) [12, л. 68]. В связи с чем такие «потери» выглядят крайне завышено и, скорее, указывают на неадекватность использованной модели подсчета потерь для БССР.

В связи с такими разночтениями вопрос оценки показателей смертности населения Белорусской ССР в период голода 1932–33 гг. требует дополнительного рассмотрения.

В качестве источниковой базы взяты подготовленные Центральным управлением народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР сводные помесячные ряды смертности за

1932 [10, л. 8–9]. и 1933 гг. [11, л. 85], выполненные на основе годовых разработок естественного движения населения Белорусского республиканского УНХУ. Рассчитывались месячные показатели умерших на 1000 населения для городского и сельского населения исходя из официальной численности населения БССР на 1 января 1933 г. [1. с. 228–231], что дает сопоставимые данные по городам и сельской местности для всех месяцев рассмотренных лет.

Показатели смертности на 1000 чел. (‰) населения указывают на то, что демографические процессы в городах и на селе БССР в 1932–33 гг. идентичны (рисунок 1). Фактически, динамика смертности в городах БССР в этот период ничем не отличалась от динамики смертности в белорусских селах, но городская смертность превышала сельскую. Это прямо противоречит мнению о т.н. «этноциде – крестьяноциде» или спланированной акции уничтожения белорусского крестьянства голодом. Более высокая смертность в городах, вероятнее всего, связана с проблемой систем жизнеобеспечения городов БССР того времени, либо плохой адаптированностью приезжавшего в города из сел населения к городским условиям жизни. Также в городах и на селе БССР четко видна сезонность смертности с двумя пиками – мартовским весенним и летним, и минимальной месячной смертностью 0,9‰ в городах и 0,5 на селе в октябре. Такая динамика соответствует сельскохозяйственному году и сезонному ходу эпидемических заболеваний.

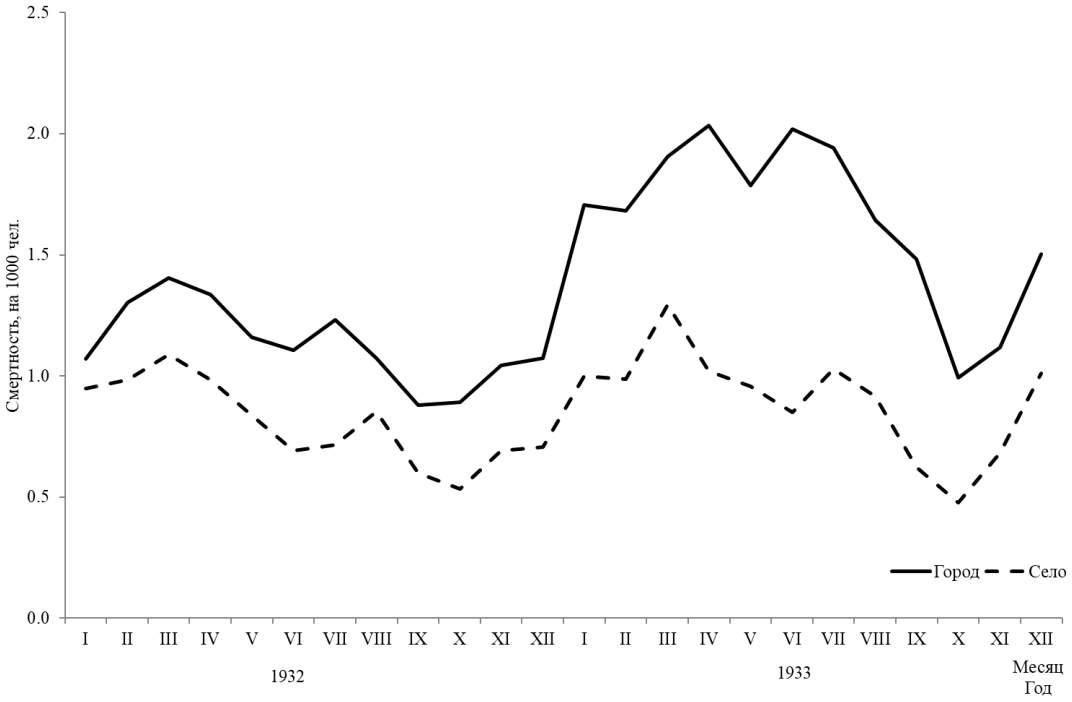


Рисунок 1. – Динамика смертности в Белорусской ССР в 1932–33 гг.
Примечание – Источник: рассчитано и составлено автором
[1, с. 228–231; 10, л. 8–9; 11, л. 85]

В городах БССР в 1932 г. первый пик смертности в феврале – апреле привел к превышению над месячным минимумом 1,4‰ (порядка 1250 чел.), следующий июльский пик невысокий. Данную, преимущественно весеннюю, «сверхсмертность» можно рассматривать в рамках «обычного» весеннего сезонного роста числа умерших.

В 1933 г. ситуация в городах БССР при сохранении сезонных пиков меняется. Рост смертности начала зимы 1933 г. выше, чем в 1932 г. и, несмотря на стабилизацию, далее идет более высокий весенний рост с апрельским пиком, после чего в мае смертность начинает резко снижаться. Это может объясняться кризисом продовольственного снабжения начала

1933 г. в связи с кризисом хлебозаготовок, который наложился на сезонный рост смертности. В целом «сверхсмертность» локального демографического кризиса января – мая 1933 г. в городах составляет 4,2‰ (порядка 3700 чел.), что может рассматриваться как максимальные прямые потери в городах БССР от кризиса снабжения начала 1933 г. Если же учитывать городскую «сверхсмертность» предыдущего года как «обычный» сезонный рост, то прямые потери – порядка 2500 чел. Дальнейший рост смертности с пиком в июне 1933 г., вероятнее всего, связан с сезонными летними эпидемиями, а не с кризисом хлебозаготовок. Безусловно, он выше, чем в предыдущий год, в связи с весенним кризисом, «сверхсмертность» в городах за июнь-август 1933 г. составляет 3,1‰ (порядка 2760 чел.).

На селе БССР в 1932 г. мартовский пик практически не выражен, а сравнительно высокий уровень смертности, вероятнее всего, объясняется «обычной» сезонной зимней повышенной смертностью населения в сельских условиях жизнеобеспечения начала 1930-х гг. С апреля смертность также сезонно резко снижается и наблюдается только локальный небольшой августовский пик смертности, видимо, сезонный эпидемический, с дальнейшим падением смертности к октябрьскому минимуму. Таким образом, в белорусском селе в 1932 г. динамика смертности не показывает каких-либо кризисных явлений.

К 1933 г. и с его началом на селе снова идет сезонный рост смертности, но определяется четкий мартовский пик превышения смертей 0,8‰ над месячным минимумом или 0,3 ‰ «сверхсмертности» над «обычным» ростом смертей (порядка 1400 чел.). Судя по всему, этот пик можно рассматривать как результат голодных проявлений в селах БССР весной 1933 г. В дальнейшем смертность резко падает к середине лета, только в июле – августе снова проявляется сезонный пик смертности. Видимо, эпидемические проявления в 1933 г. начались ранее, чем в предыдущем 1932 г. Также по летним пикам смертности на селе видно, что они смещены по сравнению с городскими на месяц, что может указывать на то, что летнюю смертность в села БССР «завозили» из городов, что косвенно подтверждает ее эпидемический характер. Следовательно, летние пики смертности на селе, фактически, во время уборочной кампании, вероятнее всего, связаны с сезонными летними «привезенными» эпидемиями, а не с кризисом в аграрном секторе или хлебозаготовками.

Таким образом, данные динамических рядов смертности в Белорусской ССР указывают на небольшие локальные демографические кризисы, наиболее сильно проявившиеся в 1933 г. в городах (весна – лето 1933 гг.), на селе кризис краткосрочный в марте 1933 г.

В целом, показатели смертности в городах и селах в 1932 г. были сравнительно низкие с четкими сезонными пиками, имеющими, вероятнее всего, эпидемическую природу с вероятным заносом заболеваний из городов в села. В городах динамика смертности начала 1932 г. может указывать на кризис продовольственного снабжения, что дало некоторый рост числа умерших, оцениваемый порядка 1250 чел.

В 1933 г. наблюдается рост смертности в городах БССР более высокий, чем на селе, что может объясняться кризисом систем жизнеобеспечения и продовольственного снабжения, усугубленным сезонной заболеваемостью. В целом, «голодные» потери в городах БССР могут оцениваться порядка 3700 чел., а повышение смертей от заболеваний ослабленного голодом населения в летний период – порядка 2760 чел. В целом прямые потери городского населения от голодных проявлений и их последствий оцениваются как не более 6,5 тыс. чел. На селе локальный демографический кризис был только в марте с возможными «голодными» прямыми потерями порядка 1400 чел.

Динамика смертности в 1932 – 33 гг. и проведенная оценка «сверхсмертности» не указывает на «голодную» катастрофу в БССР в эти годы и на свидетельствует об уничтожении белорусского крестьянства голодом.

Библиографический список

1. Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). – М.: Изд. Власть Советов при Президиуме ВЦИК. – 1934. – 350 с.

2. Гісторыя Беларусі. Т. 5 Беларусь у 1917–1945 гг. – Мн.: Экаперспектыва. – 2006. – 613 с.
3. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. – М.: МФД. – 2012. – 912 с.
4. Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // Родина. 2007. № 9. С. 79–88.
5. Жиромская, В. Б. Голод 1932 – 1933 гг.: Людские потери / В. Б. Жиромская // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3: Лето 1933 – 1934. – М.: МФД. – 2013. – С. 651–662.
6. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР / В. В. Кондрашин // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 11 – С. 117–120.
7. Лыч, Г. М. Трагедыя беларускага сялянства / Генадзь Лыч. – Мінск: Выд-ва Мінск. ін-та кіравання, 2003. – 269 с.
8. Назаренко, Н. Н. Региональные особенности рождаемости и смертности в период голода 1932–1933 гг. в Белорусской ССР / Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 396–415.
9. Раманава, Ірына. Голад 1932–1934 гг. і БССР / Ірына Раманава // Спадчына. – 2003. – № 1. – С. 80 – 90.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 41
11. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 16.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 19.
13. Рудницький, О. П. Голод 1932–1933 рр. в Україні у демографічному вимірі / О. П. Рудницький, А. Б. Савчук // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. / Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України; Інститут історії України НАН України; Київський національний університет імені Тараса Шевченка; Національний університет «Києво-Могилянська академія». – К. – 2013. – С. 281– 88.

УДК 930:336.02 (476) «1861/1914»

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛАРУСИ В 1861–1914 ГГ.: ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

TAXATION OF THE PEASANTRY OF BELARUS IN 1861–1914: PRE–REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

А. С. Попова
соискатель
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. S. Popova
Academic Degree Applicant
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В данном докладе представлен анализ публикаций дореволюционного периода, посвященный проблеме налогообложения крестьян Беларуси в 1861–1914 гг. Рассмотрены позиции ученых-современников по действующей на территории Российской империи системы налогообложения крестьян. Замечено, что тщательного изучения требует региональные особенности действующей финансово-налоговой системы.

Abstract. This report presents an analysis of publications from the pre-revolutionary period devoted to the problem of taxation of Belarusian peasants in 1861-1914. The positions of contemporary scientists on the peasant taxation system in force in the Russian Empire are considered. The regional specifics of the current financial and tax system require careful study.

Ключевые слова: Беларусь, налогообложение, налоги, крестьяне.
Keywords: Belarus, taxation, taxes, peasants.

Введение. Манифестом от 19 февраля 1861 года Император Александр II объявляет отмену крепостного права на территории Российской Империи. Однако, получив свободу по Манифесту де-юре, де-факто крестьяне оставались без земельной собственности – право владения землей по-прежнему оставалось у помещиков. Чтобы стать полноправным владельцем земельного надела, крестьянин должен был выкупить землю у помещика через государство посредством *выкупных платежей*. Сама операция выкупных платежей выглядела так: 20% стоимости земли выплачивалась сразу, а остальные 80% выплачивались на протяжении 49 лет под 6% в год. Эти платежи заменили прежние повинности и стали основной нагрузкой на крестьянство.

С 1864 года крестьяне обязуются выплачивать местные налоги и сборы – *земские* (налог на землю, даже ранее выкупленную крестьянином и налог на промыслы, если крестьянин занимался ремеслом или торговлей) *и мирские* (собирались сельскими обществами на местные нужды) сборы, которые шли на содержание местных управлений и социально значимых объектов.

Следует отметить, что налогообложение крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. претерпело значительные изменения: от феодальных повинностей к выкупным платежам. В начале XX века налогообложение крестьянства прошло путь от относительного облегчения (отмена выкупных платежей, столыпинские реформы) к резкому усилению бремени в годы войны и революции. Каждый этап отражал экономические задачи и возможности государства, попытки модернизировать экономику [1, с. 420-432].

В отечественной и зарубежной историографии освещена основная проблематика научного анализа крестьянского налогообложения Российской империи в XIX – XX вв., которая является частью экономической истории и истории права. Слабо изученными и недостаточно освещенными остаются вопрос реализации налоговой политики в белорусских губерниях и реакция местного населения на проводимые мероприятия. На региональном уровне историография проблематики налогообложения крестьянства не была предметом изучения. Отсутствует комплексное исследование эволюции налогообложения. Большинство работ, касающихся данной проблемы, затрагивают налоги косвенные, и реже прямые налоги. Исследование может представлять интерес для современных историков и экономистов Беларуси.

Основная часть. В дореволюционных исследованиях освещались различные стороны финансовой политики Российской империи, анализировались вопросы налогообложения и денежного обращения. Отмечено, что работы современников исследуемых процессов представляют наибольшой интерес, так как они являются живым отражением эпохи.

После отмены крепостного права большинство экономистов и публицистов критиковали подушную систему крестьянского налогообложения. Наиболее рациональным считался всеобщий подоходный налог (М.Алексеенко, М.Веселовский, А.Поленов, А.Свирщевский, Н. Шелгунов).

М.Х. Рейтерн в своих трудах и записях отмечает, что необходима либерализация экономики, и что с 1863 г. подушная подать заменяется налогом на недвижимое имущество в городских поселениях.

Ученый и государственный деятель В.И. Ковалевский отмечает, что его современник Н.Х.Бунге был выдающимся русским экономистом, при котором произошли отмена подушной подати, снижение выкупных платежей, повышение государственного земельного налога и в целом улучшение финансового положения страны.

В налоговой практике министра финансов И.А. Вышнеградского был взят курс на повышение налогов, преимущественно косвенных, однако реформы касались и прямых налогов.

Русский историк и философ Н.И. Кареев подмечал, что с середины XIX в. политэкономия начинает использовать исторический метод, а историки используют в своих трудах экономический анализ, то есть наблюдаются междисциплинарные связи.

В трудах исследователей экономики и истории второй половины XIX в. наблюдается многофункциональность налоговой политики (М.М. Алексеенко, И.С. Блиох, А.А. Исаев, В.А. Лебедев).

Благодаря труду И.С. Блиоха «Финансы России XIX столетия» (1882), мы имеем четкое представление как строилась налоговая система Российской империи и какие проблемы были в финансовой системе того времени [2].

В первую очередь, исследователи ищут обоснование налоговых сборов и оптимальной нагрузки податного населения (Е.Н. Анучин, А.А. Дудкин, В.Ф. Залесский, Н.Ф. Смирнов, А.П. Энгельгардт, Ю.Э. Янсон).

Круговой поруке сельских общин в пореформенный период посвящают свои труды С.Г. Алексеев, Н.К. Бржевский, К.Ф. Головин, Н.П. Дружинин, А.С. Изгоев.

Отмене крепостного права с финансовой стороны вопроса посвящены работы И.И. Вильсона и П.Л. Кованько.

В дореволюционной экономической науке не было единства в оценке преимуществ и недостатков косвенного обложения. Но можно отметить, что было единодушие в указании на регрессию косвенного налогообложения, что являлось обоснованием замены косвенных налогов на прогрессивное подоходное налогообложение (Д. Н. Воронов, А. Н. Гурьев, В. К. Дмитриев, Д. А. Миропольский, Ф. Я. Несмелов, В. Самофалов, М. И. Фридман,).

В.П. Шванебах в своих трудах указывал, что крестьяне губерний Западного края выплачивают меньшую сумму налогов, чем представители других губерний. Причиной этому послужили различные обстоятельства наделения землей и региональные политические события 1860-х гг. [3].

К.И. Ровинский рассмотрел подробнее как взимались налоги с крестьян, описал деятельность податной инспекции, в том числе и в белорусских губерниях.

А.Л. Вайнштейн проанализировал налоги, которые взимались с крестьян, а также товары, которые попадали под акцизы [4].

В первой четверти XX в. зарубежной и отечественной финансовой наукой осознается необходимость использования регулирующих функций налогообложения в качестве мощного средства экономической политики, системы мер воздействия на общественное производство, его структуру, динамику, направления и темпы модернизации (М. И. Боголепов, Г. А. Вацуро, П. Вербицкий, П. А. Голубев И. М. Кулишер, Е. Кун, Т. В. Локоть, К. Х. Озеров, В. Н. Твердохлебов, С. С. Хрулев, П. Х. Шванебах).

Из дореволюционных исследователей следует также отметить В.И. Ковалевского, который в работе «Россия в конце XIX в.» отражает события финансовой системы, которые происходили одновременно с денежной реформой [5, 116–125].

Подводя итог, анализ научных трудов и публикаций демонстрирует то, что в Беларуси отсутствовали отдельные исследования касающиеся налогообложения крестьян и налоговой системы Беларуси в дореволюционный период. Имеющиеся исследования дореволюционного периода свидетельствуют о том, что по большей части данную тему исследовали экономисты, не историки, для которых было важнее отразить экономический процесс, а социально-экономическая сторона вопроса была лишь фоном.

Однако, тема вызывала интерес как у русских, так и зарубежных исследователей. Необходимо отметить, что важную роль в представлении финансовой и налоговой системы второй половины XIX в. сыграли такие ученые и экономисты как: Н.Х.Бунге, И.С. Блиох, В.П. Шванебах, А.Л. Вайнштейн и др.

Библиографический список

1. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.

2. Министерство финансов Российской Федерации // Книга почета. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/ministry/honorbook/ (дата обращения: 13.03.2026).

3. Шванебах, П. Х. Наше податное дело / П. Х. Шванебах. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 203 с. – с. 144.

4. Вайнштейн А.Л., Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время : опыт статистического исследования / А. Л. Вайнштейн ; предисл. Н. Д. Кондратьева. – М : Экономист, 1924. –157 с.

5. Мотревич, В. П. Аграрная история России (IX–XX вв.) : учебное пособие В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Урал. аграр. изд-во, 2012. – 448 с.

УДК 94(476):502.1«18/19»

ПРЫМЯНЕННЕ «ПОЛОЖЕНИЯ О СБЕРЕЖЕНИИ ЛЕСОВ» (1888) У ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ (КАНЕЦ XIX – ПАЧАТАК XX СТ.)

IMPLEMENTATION OF THE «POLOZHENIE O SBEREZHENII LESOV» (1888) IN GRODNO PROVINCE (LATE XIXTH – EARLY XXTH CENT.)

І. В. Пугач
кандыдат гістарычных навук
УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка»
Мінск, Рэспубліка Беларусь

I. V. Pugach
PhD in History
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Анатацыя. Публікацыя прысвечана пытанню прымянення «Положения о сбережении лесов» 1888 г. у Гродзенскай губерні ў канцы XIX – пачатку XX ст. У змесце апісваюцца мерапрыемствы па яго рэалізацыі і іх вынікі. На падставе атрыманых даных робіцца выснова пра эфектыўнасць прымянення «Положения о сбережении лесов» 1888 г. у Гродзенскай губерні.

Abstract. This publication is devoted to the implementation of the «Polozhenie o sberezhenii lesov» 1888 in Grodno Province in the late XIXth – early XXth cent. The content describes the activities for its implementation and their results. Based on the data obtained, a conclusion was made about the effectiveness of the implementation of the «Polozhenie o sberezhenii lesov» 1888 in Grodno Province.

Ключавыя словы: «Положение о сбережении лесов», ахова лясоў, Гродзенская губерня, Гродзенскі лесаахоўны камітэт.

Keywords: «Polozhenie o sberezhenii lesov», forest protection, Grodno Province, Grodno Forest Protection Committee.

Павышэнне ролі лясоў у гаспадарчым жыцці Гродзенскай губерні ў парэформенны перыяд прадвызначыла рост увагі дзяржавы да лесазбераж эння. Доўгі час паўнамоцтвы органаў дзяржаўнага кіравання не прадугледжвалі нагляду за прыватнаўласніцкімі лясамі. Аднак, у сувязі з пагаршэннем стану апошніх, сітуацыя змянілася напрыканцы XIX ст.

Да адзначанага перыяду на беларускіх землях ужо склалася стройная сістэма кіравання дзяржаўнымі лясамі, якая засяроджвалася, галоўным чынам, у ведамстве дзяржаўных маёмасцей. Высокі ўзровень развіцця дзяржаўнай лясной адміністрацыі, выключнае гаспадарчае і прыроднае значэнне лясоў, а таксама гістарычна абумоўленая незацікаўленасць істотнай колькасці прыватных лесаўласнікаў у арганізацыі рацыянальнага лесакарыстання, што, акрамя іншага, праяўлялася ў вынішчэнні падуладных ім лясоў, падштурхнулі ўрад да актыўных захадаў па выпраўленні становішча [1, с. 1–7, 14; 2–6; 7, с. 4, 26]. У 60-я – 80-я гг. XIX ст. разгарнулася актыўная распрацоўка новага лесаахоўнага заканадаўства, якое б прадугледжвала распаўсюджванне дзейнасці дзяржаўных органаў кіравання на прыватнае лесаўладанне [8, арк. 174–181 адв., 208б–212 адв.; 9, арк. 1–18]. У выніку, 4 красавіка 1888 г. было выдадзена «Положение о сбережении лесов» [10]. Яго дзеянне распаўсюджвалася на ўсе лясы Еўрапейскай Расіі незалежна ад маёмаснай прыналежнасці. Толькі часова былі прадугледжаны некаторыя абмежаванні. Так, напрыклад, прыватнаўласніцкія лясы Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў да 1892 г. не закраналіся «Положением …» [11; 12, арк. 7]. Да ахоўных лясоў, з папярэднім пацвярджэннем статуса, адносіліся лясы і

хмызнякі, якія ахоўвалі ад пясчаных заносаў населеныя пункты і шляхі зносін, ахоўвалі берагі судаходных рэк, каналаў і водных крыніц ад абрываў ці размываў і г. д. Не дапускалася высечка лясоў у ахоўных дачах перад зацвярджэннем для іх спецыяльных гаспадарчых планаў. Акрамя таго, забараняліся высечка лясоў у ахоўных дачах звыш устаноўленай нормы, несанкцыянаваны выпас жывёлы, пераўтварэнне ахоўных лясоў у іншыя тыпы ўгоддзяў. Дапускалася выкарыстанне сухастойнага лесу і ламачча. Грашовыя спагнанні, атрыманыя дзяржаўнай адміністрацыяй за парушэнне адзначанага рэгламента, накіроўваліся на ўдасканаленне нагляду за лясамі [10].

Лесаахоўнае кіраванне ўскладалася на губернскія лесаахоўныя камітэты, падначаленыя на цэнтральным узроўні Міністэрству дзяржаўных маёмасцей. У Гродзенскай губерні камітэт пачаў сваю дзейнасць восенню 1888 г. [13, арк. 69–71 адв., 78–78 адв., 82, 84]. У склад губернскіх лесаахоўных камітэтаў, пад старшынствам губернатара, уваходзілі віцэ-губернатар (з 26 снежня 1888 г.), губернскі прадвадзіцель дваранства, старшыня акруговага суда, лясныя рэвізоры, старшыня губернскай земскай управы, ці яе член, неадменны член губернскай прысутнасці ці губернскай па сялянскіх справах прысутнасці і два члены ад мясцовых лесаўласнікаў, абраныя мясцовым земскім сходам. У сувязі з тым, што ў Гродзенскай губерні земская рэформа не праводзілася, па «Положению …» старшыня губернскай земскай управы замяняўся яшчэ адным членам ад лесаўласнікаў. Апошнія запрашаліся міністрам унутраных спраў па прадстаўленні губернатара, узгодненым з губернскім прадвадзіцелем дваранства [10; 14, арк. 1–1 адв.; 15; 16, арк. 141–143 адв.]. Калегіяльны характар уладкавання лесаахоўнага камітэта рабіў яго адносна самастойным органам, дзейнасць якога магла забяспечваць ахову інтарэсаў казны і прыватнаўласнікаў пры забеспячэнні каардынацыі рацыянальнай эксплуатацыі лясоў.

Некаторая палеміка ўзнікала датычна да рэалізацыі нарматываў «Положения …» на месцах. У асноўным, выказваліся прапановы наконт інстытуцыянальнага развіцця лесаахоўнай адміністрацыі, скарачэння колькасці дзяржаўных служачых у складзе губернскіх камітэтаў, пашырэння прадстаўніцтва ад мясцовых лесаўласнікаў, надання мясцоваму лясному чыноўніцтву службовай і матэрыяльнай незалежнасці, а таксама пытання парытэтнага ўліку інтарэсаў казны і прыватных лесаўласнікаў [17, с. 19–28; 18]. Адзначаныя ідэі, выказаныя ў пачатку XX ст., знайшлі сваё адлюстраванне ў Лясным статуце 1913 г., які, аднак, у сувязі з цяжкасцямі ваеннага часу не набыў моцы закону і канчаткова страціў актуальнасць са зменай палітычных абставін пасля рэвалюцыйных падзей 1917 г. [19, с. 80].

Непасрэдна пра эфектыўнасць дзейнасці Гродзенскага лесаахоўнага камітэта сведчаць наступныя даныя. Так, у перыяд з 1901 па 1907 гг. пад наглядам Гродзенскага лесаахоўнага камітэта знаходзілася ў сярэднім каля 781,6 тыс. дзес. лясоў. Агульная для беларускіх губерняў тэндэнцыя да колькаснага пераважання прыватнаўласніцкіх лясоў праявілася і ў размеркаванні падведамасных камітэту лясоў па маёмаснай прыналежнасці. На падставе даных за 1905–1907 гг. была зроблена выснова, што ў прыватным уладанні знаходзілася каля 47% лясоў, аднесеных да юрысдыкцыі лесаахоўнага камітэта, казне належала каля 36%. На астатнія статусы (лясы манастырскія, гарадскія, сялянскіх абшчын і г. д.) прыпадала каля 17%. З 1901 па 1907 гг. Гродзенскі лесаахоўны камітэт зацвердзіў гаспадарчыя планы для 469 лясных дач, якія займалі плошчу ў 239 627 дес. (звыш 30% ад агульнай колькасці падведамасных лясоў). Ахоўныя дачы былі вызначаны ў колькасці 46 і займалі плошчу ў 1 602 дзес. (каля 0,2% ад агульнай колькасці падведамасных лясоў). Акрамя таго, за перыяд з 1901 па 1907 гг. на карты было нанесена 23 847 дзес. лясной плошчы (каля 3% ад агульнай колькасці падведамасных лесаахоўнаму камітэту лясоў). За перыяд 1901–1907 гг. адбылося 85 пасяджэнняў, разгледжана 2 387 заяў ад лесаўласнікаў, заведзена 1 663 справы. За парушэнне рэгламента эксплуатацыі лясоў, устаноўленага «Положением …», у гэты ж перыяд было распачата 653 праследаванні на агульную суму спагнанняў 216 438 руб. 22 кап.

За гэты ж час на лесаўласнікаў былі ўскладзены абавязкі па штучным аблясенні 605 дзес. У цэлым, сітуацыя ў Гродзенскай губерні адпавядала сітуацыі ў беларускіх губернях, за выключэннем некаторага разыходжання ў размеркаванні лясоў па маёмаснай прыналежнасці. Так, да 1 студзеня 1908 г. пад наглядам мясцовых лесаахоўных камітэтаў знаходзілася 6 941 715 дзес. лясоў, з якіх каля 74,5% знаходзіліся ў прыватнай уласнасці, 18,6% – належалі казне, каля 6,9% складалі лясы іншых маёмасных станаў. Пры гэтым, менш за 1% лясоў атрымалі статус ахоўных. З 1901 па 1907 г. у лесаахоўных камітэтах былі зацверджаны планы на вядзенне лесагаспадарчай дзейнасці больш чым на 4,5 тыс. дзес. ахоўных лясоў і 1,3 млн дзес. іншых, а таксама нанесена на карты больш за 195 тыс. дзес. лясных плошчаў. На лесаўласнікаў за гэты час былі ўскладзены абавязкі па штучным аблясенні больш за 1,7 тыс. дзес. Варта дадаць, што рэалізацыі галоўнай ідэі «Положения …» – зберажэнню лясоў і іх рацыянальнаму карыстанню – садзейнічала дзейнасць дзяржавы па выдаткоўванні істотных рэсурсаў для патрэбаў прыватнага лесаразвядзення. Так, за перыяд з 1901 па 1907 г. на платнай і бясплатнай аснове прыватным лесаўласнікам было адпушчана пасадачных матэрыялаў на агульную суму каля 14 590 руб. [20, с. 226–229, 240–242; 21, с. 266–269, 280–282; 22, с. 246–251, 260–262; 23, с. 318–323, 332–334; 24, с. 322–361, 434–439, 452–457; 25, с. 318–353, 416–421, 430–433; 26, с. 344–379, 442–447, 456–461]. Адзначанае можа сведчыць пра істотную работу, праведзеную лесаахоўнымі камітэтамі па рэгуляванні лесагаспадарчай дзейнасці ў краі пры адначасовым пазбяганні істотнага ўціску прыватнаўласнікаў.

Такім чынам, выданне і прымяненне «Положения о сбережении лесов» стала актуальным захадам урада. Утвораны Гродзенскі губернскі лесаахоўны камітэт прыняў пад свой нагляд лясы розных маёмасных станаў. У сваёй дзейнасці ён стаў не столькі ўвасабленнем удалай спробы ўмяшальніцтва дзяржавы ў прыватнае лесаўладанне, колькі адыграў станоўчую пасрэдніцкую ролю паміж імі. Нягледзячы на некаторыя арганізацыйныя недахопы і параўнальна кароткі тэрмін дзейнасці, адносна ўскладзеных на яго абавязкаў, Гродзенскі губернскі лесаахоўны камітэт садзейнічаў непасрэднаму абмежаванню бескантрольнай эксплуатацыі лясоў, галоўным чынам прыватнаўласніцкіх, праз рэалізацыю рацыянальнай лясной гаспадаркі, распаўсюджанне ідэй лесазберажэння, якія грунтаваліся на асэнсаванні і прызнанні прыродаахоўнага значэння лясоў.

Бібліяграфічны спіс

1. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. – СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1892. – Вып. 11: Гродненская губерния. – 1896. – [2], 15, 19 с.

2. Полное собрание законов Российской империи (далей – ПСЗРИ). – 3-е собр. – Т. 2. – Отд. 1. – № 1258. – СПб., 1886.

3. ПСЗРИ – 3-е собр. – Т. 14. – Отд. 1. – № 10457. – СПб., 1898.

4. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 22. – Отд. 1. – № 21694. – СПб., 1904.

5. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26172. – СПб., 1908.

6. Приложение. Площадь лесов Европейской России по новейшим данным (1907 год) // Проф. М. М. Орлов. Основы лесоохранения в России. Доклад Всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев для обсуждения лесоохранительного закона. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orl/ovo/sno/vy/3.htm (дата обращения: 25.07.2025).

7. Устав лесной с Высочайше утверждёнными мнениями государственного совета, решениями Правительствующего сената, важнейшими циркулярами Министерства земледелия и государственных имуществ и др. приложениями; сост. М. А. Цейль. – Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Типографии И. Г. Гершуна и Б. М. Вольфа, 1898. – XV, 404, 432 с.

8. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у г. Санкт-Пецярбурзе (далей – РДГА). – Ф. 387. Воп. 21. Спр. 73437.

9. РДГА. – Ф. 387. Воп. 28. Спр. 1222.

10. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 8. – Отд. 1. – № 5120. – СПб., 1890.

11. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 12. – Отд. 1. – № 8560. – СПб., 1895.

12. РДГА. – Ф. 387. Воп. 6. Спр. 35461.

13. РДГА. – Ф. 387. Воп. 4. Спр. 30790.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 31. Воп. 6. Спр. 88.
15. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 8. – Отд. 1. – № 5669. – СПб., 1890.
16. РДГА. – Ф. 387. Воп. 6. Спр. 35432.
17. Зайцев, Д. М. Лесное законодательство (Комментарии к проекту Устава Лесного). Доклад 1-му Всероссийскому Съезду Представителей Лесной Промышленности и Торговли / Д. М. Зайцев. – СПб. : типография М. Я. Квара, 1913. – 152 с.
18. Лесоохранительное управление // Проф. М. М. Орлов. Основы лесоохранения в России. Доклад Всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев для обсуждения лесоохранительного закона. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orl/ovo/sno/vy/2.htm#9 (дата обращения: 25.07.2025).
19. Тяпкин, М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. / М. О. Тяпкин. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. – 496 с.
20. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1901 год // Отчёт по лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1901 год. Составлен IX отделением Лесного департамента. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1902. – 273 с.
21. Приложение 2-е к отчёту по лесному управлению за 1902 год. Ведомости // Отчёт по лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1902 год. Составлен IX отделением Лесного департамента. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1903. – 313 с.
22. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1903 год // Отчёт по лесному управлению за 1903 год. Составлен V отделением Лесного департамента. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1904. – 293 с.
23. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1904 год // Отчёт по лесному управлению за 1904 год. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1906. – 363 с.
24. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1905 год // Отчёт по лесному управлению за 1905 год. Составлен V отделением Лесного департамента. СПб. : Типография под фирмой «Г. П. Пожаров», 1907. – 497 с.
25. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1906 год // Отчёт по лесному управлению за 1906 год. Составлен V отделением Лесного департамента. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1908. – 461 с.
26. Приложение к отчёту по лесному управлению за 1907 год // Отчёт по лесному управлению за 1907 год. Составлен V отделением Лесного департамента. – СПб. : Типолитография Ю. Я. Римана, 1909. – 489 с.

УДК 930(476)

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Н. В. Смехович
доктор исторических наук, доцент
ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси»
Минск, Республика Беларусь

N. V. Smiakhovich
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
The Institute of History of the National Academy Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются две главные проблемы современной белорусской историографии: новая концепция этногенеза белорусов в раннем средневековье; новая концепция истории социально-экономической системы, утвердившейся в России и Беларуси в 1917–1991 гг.

Abstract. The article discusses two main problems of modern Belarusian historiography: a new concept of the ethnogenesis of Belarusians in the early Middle Ages; a new concept of the history of the socio-economic system established in Russia and Belarus in 1917–1991.

Ключевые слова: концепция, этногенез белорусов, история, социально-экономическая система.

Keywords: concept, ethnogenesis of Belarusians, history, socio-economic system.

К числу дискуссионных и до сих пор не решенных относится проблема славянского расселения на территории Беларуси: направления, регион, характер. Значительный вклад в изучение проблем раннеславянской истории внесли российские советские археологи Б. Рыбаков, В. Седов, Л. Алексеев. Большое внимание изучению археологических культур и памятников периода славянского расселения, становлению первых государственных образований на территории Беларуси уделяли белорусские археологи Г. Штыхов, П. Лысенко, О. Левко, Л. Поболь, Д. Дук и др. Стараниями археологов решена проблема ареала расселения летописных славянских родоплеменных объединений. Помимо ареала, принципиально важным оказался вопрос о *характере расселения*. Исследователи, разрабатывавшие балтскую концепцию этногенеза белорусов, придерживались положения о мирном характере славянского расселения, длительном культурно-историческом взаимодействии славян с местным аборигенным населением и формировании на этой основе так называемого балтского этнического субстрата.

Между тем эта концепция не отражала реальности исторического процесса, связанного с расселением восточных славян на территории Беларуси [1, с. 13]. К настоящему времени разработана *новая национальная концепция этногенеза белорусов*, в ее основу положены результаты исследований белорусских генетиков, которыми доказано: «объяснение этногенеза белорусов славяно-балтским синтезом (Седов, 1982) <…> не является обоснованным» [2, с. 2–14]. Проще говоря, так называемого «славяно-балтского синтеза» не произошло, его не было ввиду того, что в период колонизации новых территорий восточные славяне по отношению к балтскому населению выступали завоевателями. Основываясь на результатах исследований белорусских генетиков, можно концептуально утверждать, что летописное деление восточных славян на дреговичей, кривичей и радимичей являлось литературно-предположительным. Летописные прозвища – это не эндоэтнонимы и таковыми они не были [3, с. 67]. Согласно национальной концепции «в VI–XII вв. на территории

Беларуси расселился и жил единый этнос (народ), имевший некоторое разнообразие тех или иных нательных украшений, строений, предметов быта. Формирование белорусского народа происходило на основе сохранения и приумножения собственной этнической, политической и культурной идентичности» [1, с, 11; 3, с. 67].

Помимо расселения, важнейшим вопросом, требующим разрешения, является проблема осмысления последствий призвания варягов. Необходимо обратить внимание на неоспоримый летописный факт: из 12 восточнославянских родоплеменных объединений только полочане и новгородцы на вечевых собраниях выбрали своих представителей, которые были посланы «за море». Это значит, что в исторической действительности второй половины IX – XI в. право на наименование «Русь» принадлежало, прежде всего, новгородцам и полочанам. Еще М. Ломоносов пытался доказать, что имя «Русь» без достаточных оснований было распространено на иные славянские племена, которые к варяжскому призванию не имели отношения. Ввиду того, что варягов призвали полочане, мы обязаны вести речь о *летописной Полоцкой Руси*. В связи с этим, принципиальным вопросом нашей историографии является необходимость в более конкретной территориальной локализации понятий «Русь», «Русская земля». Согласно национальной концепции, «Русь, Русьская земля к концу IX в. охватывала территорию Полоцкого, Новгородского, Смоленского княжений, то есть это была территория Новгородской Руси и Полоцкой Руси. <…> В IX в. у истоков Руси было два политических центра восточных славян – Новгород и Полоцк. <…> Полоцк – отец городам белорусским» [4, с. 72–73]. Необходимо обратить внимание и на трактовку содержания летописно-литературных прозвищ: кривичи, радимичи, дреговичи. «Термин “кривичи-русские” служил для именования славянского рода, захватившего территорию, заселенную балтами. Балты долгие столетия находились в полной даннической зависимости, с IX в. они стали именовать полоцких князей, во власти которых пребывали, русскими (какими те и были), что означало господ, правителей, хозяев, землю-государство, повелителей-господ» [5, с. 75]. Восточнославянский род радимичей не имел никакого отношения ни к ляхам, ни к мифическому предводителю Радиму. Славяне, поселившиеся в Посожье, свое летописное имя получили, благодаря особенностям местного наречия, которые начали проявляться уже в XI – начале XII вв. Радимичи – дети, сыновья своей матери-«Радзімы» [3, с. 70]. Вопросы славянского расселения, летописной Полоцкой Руси территориальной локализации понятий «Русь», «Русская земля» неразрывно связаны с начальной историей белорусской государственности. Национальная концепция этногенеза белорусов в раннем средневековье позволит открыть новые пути к дальнейшему развитию отечественной исторической науки.

Этому послужит и решение чрезвычайно актуальной проблемы историографии Беларуси новейшего времени, связанной с историей социально-экономической системы, утвердившейся в России и Беларуси в 1917–1991 гг., оценкой этапов и итогов ее развития. Более чем 100-летнее использование примитивных политико-идеологических подходов к характеристике государства и общества: военный коммунизм, новая экономическая политика, построение основ социализма, вступление в стадию развитого социализма, до сих пор присущих белорусской историографии, создает препятствия на пути разработки нового поколения научной литературы по истории белорусской государственности. Современная белорусская историография нуждается в новой концептуальной научной оценке фактов, событий и явлений, оказывавших решающее влияние на становление белорусской советской государственности и ее социально-экономической системы. По нашему определению, концепция – это взаимосвязанные и взаимозависимые научные положения, с помощью которых раскрывается сущность исторических фактов, событий и явлений, представляется возможность проследить их генезис, формы, особенности исторического бытия, установить связи, носящие закономерный характер.

К настоящему времени разработаны положения **новой научной концепции истории социально-экономической системы**, утвердившейся в России и Беларуси в 1917–1991 гг. В тезисном формате ее содержание нижеследующее: 1) после победы Октябрьской революции в РСФСР и ССРБ формализовался политический режим, присущий диктатуре пролетариата. Главной целью социально-экономической политики российского и белорусского правительств было создание основ некапиталистического общества. В общем и целом, налаживание взаимодействия между социумом и властью происходило в процессе строительства раннего пролетарского социализма. **Ранний пролетарский социализм – изначальная и единственная форма реализации идеи социализма в истории советской государственности, ее социально-экономической системы, а равно белорусской советской государственности.** Организация нового, распределительного хозяйственного механизма, основанного на прямом продуктообмене, стала закономерным явлением в стремлении пролетарской власти осуществить переход к новым производственным и социальным отношениям. Создание распределительного хозяйственного механизма, его функционирование стало возможным лишь на основе эксплуатации труда крестьянства [6, с. 79–80]. Положение второе: с переходом к нэпу была предпринята попытка модернизации распределительного хозяйственного механизма на принципах коммерческого расчета, но пролетарская диктатура не предполагала выстраивания равноправных отношений с крестьянством в политической области. В результате нэповский проект в его мартовской 1921 г. редакции потерпел неудачу [7, с. 34]. Положение третье: пост нэповская аграрная политика пролетарского государства, нацеленная на превращение крестьянства путем коллективизации в аграрный отряд рабочего класса, с одной стороны, порождала крестьянский протест, но с другой – явилась отражением коренного противоречия между интересами рабочих и интересами крестьян. На этой базе в СССР и БССР нарастали иные социальные противоречия: между крестьянством и правящей элитой государства, противоречия кадровой политики [8, с. 52] и т. д. Положение четвертое: в основе социальных противоречий лежал классовый антагонизм: рабочему классу в лице государства принадлежали власть и собственность на средства производства, крестьянство этого не имело. Эксплуатация пролетарским государством труда крестьянства тормозила развитие сельского хозяйства, советской экономики, создавала предпосылки к развитию латентных форм классового противостояния [8, с. 52]. Положение пятое: классовые противоречия обусловили нарастание общего кризиса советской социально-экономической системы. Формой проявления классовых антагонизмов явилось социальное неравноправие. Попытка советского государства решить крестьянский вопрос – зримое проявление (отражение) сущности социальных противоречий [8, с. 52]. Положение шестое: разрешение коренных социальных противоречий, присущих советской социально-экономической системе, протекало эволюционно, без социальных потрясений. По мере удовлетворения интересов рабочего класса, решения важнейших задач строительства **раннего пролетарского социализма**, пролетарская власть принимала меры по снижению степени эксплуатации крестьянства [8, с. 52]. Положение седьмое: социальное неравноправие, ущемление конституционных прав и свобод колхозного крестьянства не являлось и не могло быть в силу природы пролетарской власти «государственным крепостничеством», «закабалением крестьянства». В СССР и БССР не существовало «крепостного сословия – колхозники», никаких «государственных повинностей» колхозное крестьянство не несло. Колхозное крестьянство – эксплуатируемая, неравноправная, но социальная группа (класс) свободных советских граждан [8, с. 52]. Положение восьмое: нарастание в 1946–1991 гг. в СССР и БССР антагонистических социально-экономических и иных противоречий обесловило развитие процесса загнивания правящей элиты в форме ее коррумпированности, бюрократизации всей системы государственной власти и управления. Всеобщий кризис **раннего пролетарского социализма**, который охватил советское государство и общество в 1971–1991 гг., был

вызван нарастанием антагонистических противоречий. Политическая элита СССР оказалась неспособной обеспечить разрешение социальных противоречий, разработать и предложить новый хозяйственный механизм, защитить государственность, что стало решающим субъективным фактором, который обусловил крушение советской социально-экономической системы, крах советской государственности, распад СССР.

Библиографический список

1. Смехович, Н. В. К проблеме расселения восточных славян на территории Беларуси / Н. В. Смехович // Матэрыялы археалогіі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 35. – Мінск: Беларуская навука, 2025. – С. 5–15.

2. Кушнеревич, Е. И. Полиморфизм нуклеотидных последовательностей метахондриальной ДНК Y-хромосомы современного коренного населения Беларуси: автореф. дис. … канд. биол. наук: 03. 00. 26 / Кушнеревич Елена Ивановна; НАН Беларуси, Ин-т генетики и цитологии. – Минск: 2008. – 17 с.

3. Смехович, Н. Легендарные радимичи: кто они? / Н. В. Смехович // Наука и инновации. – 2025. – № 3. – С. 63–70.

4. Смехович, Н. История Руси в историографии и истории IX–X вв. / Н. Смехович // Наука и инновации. – 2025. – №1. – С. 68–73.

5. Смехович, Н. Летописные кривичи-русские: от прозвища к социальному статусу / Н. Смехович // Наука и инновации. – 2025. – 6. – С. 69–75.

6. Смехович, Н. В. Белорусская национальная государственность (ноябрь 1917 – февраль 1921 года) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2022. – выпуск 36. – С. 63 – 82.

7. Смехович, Н. В. История советской социально-экономической системы в контексте аграрной политики РКП(Б) (1917–1922 гг.): новая концепция / Н. В. Смехович // Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик): сб. статей / редкол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Москва: Фонд «Историческая память», 2023. – С. 14–36.

8. Смехович, Н. В. К вопросу о концепции истории белорусского советского государства / Н. В. Смехович // Романовские чтения – 15: сб. ст. Междун. науч. конф., Могилев, 26–27 ноября 2020 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2021. – С. 51–52.

УДК 94(410):325.14

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

FORMATION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE UK'S STATE IMMIGRATION POLICY

О. Г. Субботин
доктор исторических наук, профессор
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

O. G. Subbotin
Doctor of Historical Sciences, Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Начало XX в. – время фундаментальных изменений в иммиграционной политике Великобритании, тесно связанных геополитическими факторами и социальной конъюнктурой. От либеральных мер в отношении «нежелательных» лиц национальное законодательство в сжатые сроки перешло к ужесточению требований к въезжавшим в страну гражданам, заложив фундамент для системы строгого пограничного контроля и последующей нормативной базы (вторичного права).

Abstract. The early 20th century saw fundamental changes in the UK's immigration policy, driven by geopolitical factors and social conditions. National legislation shifted from liberal measures for "undesirable" individuals to stricter requirements for entering the country, laying the foundation for a rigorous border control system and subsequent regulatory framework (secondary law).

Ключевые слова: Великобритания, иммиграционная политика, иммиграционное законодательство, иммиграционный контроль.

Keywords: UK, immigration policy, immigration legislation, immigration control.

За плечами Великобритании длительная и противоречивая история миграционных процессов, законодательное регулирование которых берет начало в XVIII в. Выходу страны из состава Европейского союза, широко известному под неологизмом «брексит», предшествовала масштабная общественно-политическая полемика по вопросам нелегальной и трудовой иммиграции, проходившая в преддверие исторического голосования 2016 г. Данный факт свидетельствует об актуальности заявленной темы, которая до настоящего времени не была предметом специального исследования в отечественной исторической науке. Между тем ее значимость для понимания современных миграционных процессов очевидна.

Первый законодательный акт, положивший начало иммиграционному контролю на территории Великобритании, был принят в 1793 г. (Aliens Act). Своей целью он преследовал защиту национальной безопасности от потенциальных угроз извне, вызванных Французской революцией и Наполеоновскими войнами, в частности, устанавливал правила регистрации небританцев и порядок их депортации, которые сохраняли силу вплоть до 1836 г., после чего контроль за въезжавшими в Соединенное Королевство лицами фактически отсутствовал до начала XX в. [1]. Лишь в 1905 г. британский парламент предпринял попытку создать систему контролируемой миграции, достигшей благодаря постоянному снижению транспортных расходов и повышению спроса на рабочую силу беспрецедентных масштабов. Если в 1841 г.

0,25 % населения Англии и Уэльса, или приблизительно 100 000 человек, принадлежали к категории иностранцев, то к 1901 г. их численность достигла 475 000 человек (1,5 %) [2].

Беспокойство относительно (им)мигрантов нарастало в обществе с 1840-х гг. Сперва это были ирландцы, которые, спасаясь от картофельного голода, массово обосновались в Англии, Шотландии и Уэльсе, чем вызвали напряжённость на рынке труда и враждебное отношение к себе со стороны местных жителей. Затем настал черед мигрантов с европейского континента, будь то немецкие клерки, работавшие за более низкую заработную плату по сравнению с их коллегами в стране, или итальянские мороженщики, которых обвиняли в несоблюдении санитарных норм и распространении лихорадки. В дальнейшем внимание общественности переключилось на «польских евреев», выходцев из Российской империи, около 150 000 которых сумели обосноваться в Великобритании, спасаясь от антисемитских преследований и погромов [3].

На этом фоне организованный характер стали приобретать антииммигрантские настроения, чему в немалой степени содействовали Лига британских братьев (1901) и депутат парламента от Консервативной партии У. Эванс-Гордон. Риторика их выступлений была не только антисемитской, но и в корне враждебной по отношению к «финансово несостоятельным» иностранцам, «перенаселявшим города, переносящим опасные болезни, отнимавшим работу у местных жителей», вынуждая последних эмигрировать [3; 4]. В конце концов, влияние иммиграции на рынок труда стало обязательной темой публичных дебатов.

В 1902 г. в дискуссию включилось юнионистское правительство, которое, реагируя на запросы общества, учредило Королевскую комиссию по иммиграции иностранцев. Ее деятельность сыграла решающую роль в принятии *Закона об иностранцах 1905 г.* (Aliens Act 1905). По существу, он стал реакцией властей на массовую иммиграцию еврейских беженцев с территории Восточной Европы и рост числа иностранных преступников в британских тюрьмах. Его положения включали: (1) право на отказ во въезде «нежелательным лицам»: тем, кто не имел средств к существованию, был осужден за преступления и мог представлять бремя социальной ответственности для государства или же угрозу общественному порядку (при наличии психических заболеваний); (2) ограничения для беженцев: полного закрытия границ не предусматривалось, однако вводился избирательный подход к иммиграции; (3) ужесточение отбора иммигрантов без жестких квот. Действия документа не распространялись политических и религиозных беженцев, чье право на убежище было зафиксировано в законодательстве [5].

Выражением обширных дискреционных полномочий правительства явилось создание административной системы контроля в недрах Министерства внутренних дел [3]. Ее стержнем стала Инспекция по делам иностранцев, располагавшая штатом иммиграционных офицеров, осуществлявших проверку прибывающих – в строго установленных портах – совместно с представителями службы здравоохранения. В случае запрета на въезд любое «пострадавшее» лицо могло подать апелляцию.

С момента вступления в силу Закона 1905 г. МВД находилось под мощным политическим давлением еврейских организаций, несогласных с критериями «желательности» иммигранта. Росло возмущение «бесчеловечными проверками» и несправедливым разделением на «желательных» и «нежелательных» иностранных граждан, что делало их депортацию и отказы во въезде все более чувствительными для правительства, в среде которого было немало высокопоставленных чиновников с еврейскими корнями. В сочетании с нежеланием кабинета министров препятствовать судоходству, массово останавливая для досмотра суда, это означало, что вышеназванный акт едва ли замедлил еврейскую иммиграцию [6]. К тому же, он применялся избирательно: к судам, перевозившим более 20 «иностранцев» в каютах третьего класса, тогда как пассажиры первого и второго классов освобождались от пограничного контроля.

В дальнейшем, при либеральном министре внутренних дел Г. Гладстоне, спорные ситуации стали трактоваться в пользу иммигрантов, получивших в дополнение право на юридическую помощь. На руку им сыграло присутствие местной прессы на заседаниях Иммиграционного совета (с 1906 г.). В результате число отказов во въезде в страну, по данным М. Ди Томмаси, было невелико (самый высокий показатель составил 6,5 % в 1909 г.) [3]. Нельзя не отметить и «режим благоприятствования» для выходцев из стран Британского Содружества: жители Канады, Австралии и Новой Зеландии сталкивались при въезде в Англию с гораздо меньшими препонами, нежели из стран Европы.

В канун Первой мировой войны власти ужесточили нормы иммиграционного контроля. *Закон о британском гражданстве и статусе иностранцев 1914 г.* (British Nationality and Status of Aliens Act 1914)[2] существенно расширил полномочия правительства: позволил депортировать иностранных граждан, представлявших угрозу национальной безопасности; обязал предъявлять всех прибывающих удостоверения личности и регистрироваться в органах полиции (по достижении 16 лет); ограничивал права на владение собственностью и работу по профессии; запрещал въезд для отдельных категорий граждан [7]. Фактически данный документ выходил за рамки регулирования вопросов национальной безопасности, затрагивая основы института британского гражданства (*Ius Soli*), устанавливая более четкие критерии его получения, в том числе для тех, кто был рожден на территории Соединенного Королевства и проходил натурализацию. Примечательно, что до вступления в силу *Закона о британском гражданстве 1948 г.* (British Nationality Act 1948) все жители империи обладали статусом ее подданных (British subjects) [8]. Это закрепляло за ними определенные права, но не равные с гражданами метрополии, вследствие чего возникали юридические коллизии, преодолеть которые удастся только с окончанием Второй мировой войны.

Первоначально задуманный как мера военного времени, Закон 1914 г. уполномочил правительство издавать нормативные правовые акты по обширным темам. В результате появились указы, запрещавшие иностранцам по собственной инициативе (без предварительной договоренности) приезжать в страну; вводившие строгие ограничения для тех, кому въезд был разрешен; предоставлявшие правительству возможность депортировать иммигрантов без права обжалования. Внешним прикрытием столь жестких мер служила атмосфера военной истерии в обществе, позволявшая властям контролировать не только прибытие людей, но и условия их нахождения в стране. Так, на основании Указа 1915 г. иностранным пассажирам запрещалось выходить на берег при отсутствии паспорта с фотографией (выданного в течение двух предыдущих лет) либо иного документа, подтверждающего личность и национальный статус. Указ 1916 г. обязал всех без исключения иммигрантов регистрироваться в органах полиции и платить регистрационный сбор [9, p. 83; 10]. С целью осуществления контроля за соблюдением условий въезда на территорию Королевства действовал «Индекс трафика», составленный на основе карточек посадки и высадки в портовых городах.

Прямым следствием войны стал рост германофобии среди британцев. Это негативно отразилось на иммигрантах немецкого происхождения. Так, с августа 1914 г. по май 1915 г. власти выборочно интернировали выходцев из Германии и Австро-Венгрии – мужчин призывного возраста (примерно 10 000 к концу 1914 г.), побуждая попутно к отъезду членов их семей. В дальнейшем, после крушение «Лузитании» в мае 1915 г., принудительному задержанию подверглись все граждане мужского пола из вражеских стран, началась систематическая репатриация небританских женщин и детей. В течение двух лет около 32 000 человек были интернированы, а 10 000 принудительно депортированы. Всего в ходе мировой войны было репатриировано более 28 000 иностранцев, в основном немцев. И хотя

[2] Известен также как Закон о регистрации иностранцев 1914 г. Несмотря на формальное действие Закона 1905 г. до 1919 г., на практике он его вытеснил.

данная политика была нацелена против граждан стран-противников, в сети антииностранных настроений, сопровождаемых нередко актами насилия, попали сотни невинных людей, включая российских евреев и азиатов [2; 11].

Таким образом, начало XX в. ознаменовалось становлением иммиграционного законодательства Великобритании, обусловленного во многом геополитическими факторами и социальной конъюнктурой. От либеральных по своему характеру предписаний, ориентированных на контроль за «нежелательными» лицами, в сжатые сроки оно эволюционировало в сторону ужесточения требований к въезжавшим в страну гражданам, заложив тем самым фундамент для системы строго пограничного надзора и последующих иммиграционных правил (вторичного законодательства).

Библиографический список

1. Aliens Act 1793 // VLex. – URL: https://vlex.co.uk/vid/aliens-act-1793-808092233 (date of access: 20.01.2026).

2. Malby, S. From Borders to Cells: The Evolution of British Immigration Detention, 1905–1970 / S. Malby // OpenEdition Journals. – URL : https://journals.openedition.org/mimmoc/12646?lang=en (date of access: 11.10.2025).

3. Di Tommasi, M. A Historic U.K. Law Was Passed After a Wave of Anti-Migrant Sentiment. Here's How It Shaped British Immigration Policy / M. Di Tommasi // Time. – URL : https://time.com/5709932/british-immigration-history/ (date of access: 23.09.2025).

4. Dias-Abey, M. The Aliens Order 1920, the 'Work Permit' and the Making of the National Labour Market / M. Dias-Abey // Bristol University Press. – URL : https://bristoluniversitypressdigital.com/edcollchap-oa/book/9781529234497/ch006.xml (date of access: 23.09.2025).

5. Aliens Act 1905 // Legislation.gov.uk. – URL : https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1914/17/pdfs/ukpga_19140017_en_001.pdf (date of access: 23.09.2025).

6. The Historical Roots of the Windrush Scandal: independent research report (accessible) // GOV.UK. – URL : https://www.gov.uk/government/publications/the-historical-roots-of-the-windrush-scandal/the-historical-roots-of-the-windrush-scandal-independent-research-report-accessible (date of access: 23.09.2025).

7. British Nationality and Status of Aliens Act 1914 // Legislation.gov.uk. – URL : https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/4-5/17/enacted (date of access: 23.09.2025).

8. British Nationality Act 1948 // Legislation.gov.uk. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted (date of access: 12.02.2025).

9. Roche, T. W. E. The key in the lock. A history of immigration control in England from 1066 to the present day / T. W. E. Roche. – London : Murray, Cop. 1969. – 273 p.

10. Aliens' registration cards 1918–1957 // The National Archives. – URL : https://www.nationalarchives.gov.uk/help-with-your-research/research-guides/aliens-registration-cards-1918-1957/ (date of access: 10.03.2025).

11. Taylor, B. A History of Immigration Detention in the UK (1914–2018) / B. Taylor, A. Girvan and L. Matthews // Refugee History and Right to Remain. – URL : https://righttoremain.org.uk/wp-content/uploads/2018/09/DetentionHistory.pdf (date of access: 23.09.2025).

УДК 323(410)«2010/2016»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД РАБОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ Д. КЭМЕРОНА (2010–2016 ГГ.)

FOOD SECURITY OF THE UK DURING THE GOVERNMENT OF D. CAMERON (2010–2016)

А. А. Сурма
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
К. А. Сурма
кандидат исторических наук
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. A. Surma
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
K. A. Surma
PhD in History
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье анализируется сфера продовольственной безопасности Великобритании в период работы правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). Авторы выявляют тенденцию снижения уровня продовольственной безопасности британского населения в исследуемое время, а также место центральной исполнительной власти в решении проблем в изучаемой сфере социальной политики Соединенного Королевства на практическом и идеологическом уровнях.

Abstract. This article analyzes food security in the United Kingdom during the Cameron government (2010–2016). The authors identify the level of food security in the British population during this period, as well as the role of central government in addressing social policy issues of the United Kingdom at both practical and ideological levels.

Ключевые слова: Великобритании, продовольственная безопасность, Д. Кэмерон.

Keywords: UK, food security, D. Cameron.

Обеспечение высокого уровня продовольственной безопасности населения является одной из приоритетных задач любого государства, так как снижение данного уровня может вести к росту преступности, социальным конфликтам, падению показателей здоровья нации и т.д. Вышесказанное обуславливает актуальность темы данной статьи, в которой рассматривается отмеченная проблематика.

В период работы правительств Кэмерона имело место снижение уровня продовольственной безопасности населения. Это подтверждает факт значительного роста обращений британцев в продовольственные банки. Так, количество обращений в продовольственные банки увеличилось с 128 697 человек в 2011/2012 ф. г. до 913 138 в 2013/2014 ф. г. Основными причинами такого поведения были: рост цен на продукты

питания[3] и энергоресурсы (электроэнергию); снижение доходов населения и продолжающееся воздействие экономической рецессии; изменения в системе социального обеспечения; сокращение государственных расходов на социальные нужды населения [2, p. 15–16].

Правящие круги пытались убедить общественность, что между политикой первого правительства Кэмерона и ростом обращений в продовольственные банки не было связи. Например, министр образования коалиционного правительства Кэмерона с 2010 по 2014 г. М. Гоув выдвинул предположение, что сами пользователи продовольственных банков были виноваты в своем положении, «не умея правильно управлять своими финансами» [3, p. 122; 4]. Министр по вопросам реформы системы социального обеспечения от Консервативной партии Д. Фрейд отметил, что востребованность продовольственных банков вызвана тем фактом, что «спрос всегда будет высок на то, что бесплатно» [3, p. 122; 5]. Однако ряд британских исследователей в своих работах высказали мнение противоположное правительственному. Так, они считали, что к снижению продовольственной безопасности населения привели правительственные мероприятия (политика «жесткой экономии» и реформа системы социального обеспечения для лиц трудоспособного возраста в 2012–2016 гг.) [6; 7, p. 8; 8, p. 277; 9, p. 20].

Прямым следствием продовольственной незащищенности было ухудшение здоровья нации. Проблемой стало не только недоедание, но и ожирение, так как домохозяйства с низким доходом не могли себе позволить качественные продукты, питаясь высококалорийными продуктами с низким содержанием питательных веществ[4] [10, p. 95]. Это отчетливо видно на примере Англии, в которой, согласно данным Национальной системы здравоохранения данной страны за 2017 г., что самый большой процент ожирения наблюдался в домохозяйствах с низкими доходами [11, p. 15]. В целом, по данным Организации экономического сотрудничества и развития за 2016 г. либо за последние из доступных лет после указанного года, в Великобритании от ожирения страдали 26,2 % граждан. По данному показателю страна занимала 9-е место среди 32 стран-членов организации, принявших участие в исследовании данного вопроса [12].

В условиях продовольственной незащищенности в Соединенном Королевстве в исследуемый период времени проживало большое количество детей. По данным исследовательского управления ЮНИСЕФ, в 2017 г. в Великобритании более 19 % детей до 15 лет жили в условиях умеренной или сильной продовольственной бедности. Данный показатель был одним из самых худших среди государств – членов ЕС – хуже он был только в Болгарии (25,8 %), Литве (21,53 %) и Румынии (26,32 %) [10, p. 96; 13, p. 27–29].

Все вышеуказанные факты наглядно свидетельствуют о том, что продовольственная защита населения Соединенного Королевства имела тенденцию к снижению и требовала активных действий со стороны правительства. Несмотря на это, в период работы правительств Кэмерона не было создано никакой национальной системы контроля за состоянием продовольственной безопасности населения[5] [10, p. 95–96]. В то же время с идеологической точки зрения, бездействие правительства в отношении роста продовольственной бедности Д. Кэмерон трактовал как возможность проявить себя

---

[3] Согласно индексу потребительских цен, в период с 2007 по 2012 г. стоимость продуктов питания выросла на 11,5 % в реальном выражении [1, p. 15].

[4] Малообеспеченным гражданам было сложнее включать свежие овощи и фрукты в свой рацион. Так, в 2015 г. количество купленных свежих фруктов и овощей самыми бедными гражданами было на 46 % меньше, чем у самых обеспеченных британцев [1, p. 48].

[5] С 2016 г. вневедомственное учреждение Агентство по вопросам пищевых стандартов начало собирать данные о ситуации с продовольственной безопасностью населения в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии, с 2017 г. – в Шотландии. Лишь в 2021 г. в рамках отчета Департамента труда и пенсионного обеспечения о средствах британских семей за 2019/2020 ф. г. началось отслеживание ситуации с продовольственной безопасностью населения [14; 15].

благотворительным организациям (в данном случае продовольственным банкам), и, следовательно, как пример реализации его концепции «большого общества»[6] в действии [18]. Однако, как справедливо заметили британские исследователи Х. Ламби-Мамфорд и М. Грин, перенос ответственности по ликвидации продовольственной незащищенности британского населения на продовольственные банки мог облегчить лишь симптомы данного явления, но не искоренить истинных его причин [8, p. 277].

Таким образом, в период с 2010 по 2016 гг. продовольственная безопасность британского населения снизилась. Несмотря на отмеченную негативную тенденцию, правительства Д. Кэмерона фактически бездействовали и не принимали актив мер для повышения уровня продовольственной безопасность в Соединенном Королевстве. Свое бездействие сам премьер-министр оправдывал идеологическими соображениями: по мнению Д. Кэмерона, проблема роста продовольственной бедности должна была во многом решаться благотворительными организациями в рамках его концепции «большого общества».

Библиографический список

1. Food Statistics Pocketbook 2016 / Department for Environment, Food and Rural Affairs. – [United Kingdom : s. n.], 2017. – 61 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/608426/foodpocketbook-2016report-rev-12apr17.pdf (date of access: 02.04.2026).
2. Emergency Use Only. Understanding and Reducing the Use of Food Banks in the UK / J. Perry [et al.] ; The Child Poverty Action Group, Church of England, Oxfam GB and The Trussell Trust. – [United Kingdom : s. n.], 2014. – 120 p. – URL: https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/335731/rr-emergency-use-only-food-banks-uk-191114-en.pdf;jsessionid=83310BE50D167760762F7AE99E10F11E?sequence=1 (date of access: 02.04.2026).
3. Garthwaite, K. Food Poverty, Welfare Reform and Health Inequalities / K. Garthwaite, C. Bambra // In Defence of Welfare 2 / ed.: L. Foster [et al.]. – Bristol : Policy Press, 2015. – P. 121–123. – Mode of access: http://www.social-policy.org.uk/wordpress/wp-content/uploads/2015/04/IDOW-Complete-text-4-online_secured-compressed.pdf (date of access: 02.04.2026).
4. Michael Gove 'Insulted' Food-bank Users, Says Labour, 10 September 2013 // BBC NEWS. – Mode of access: https://www.bbc.com/news/uk-politics-24042446 (date of access: 02.04.2026).
5. Food: Food Banks. Question, 2 July 2013, Col. 1072 / www.parliament.uk. – URL: https://publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldhansrd/text/130702-0001.htm (date of access: 02.04.2026).
6. Austerity, Sanctions, and the Rise of Food Banks in the UK / R. Loopstra [et. al] // BMJ. – 2015. – URL: https://www.bmj.com/content/350/bmj.h1775.full (date of access: 02.04.2026).
7. Caplan, P. Big Society or Broken Society? Food Banks in the UK / P. Caplan // Anthropology Today. – 2016. – Vol. 32, № 1. – P. 5–9. – URL: https://rai.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1467-8322.12223 (date of access: 02.04.2026).
8. Lambie-Mumford, H. Austerity, Welfare Reform and the Rising Use of Food Banks by Children in England and Wales / H. Lambie-Mumford, M. A Green // Area. – 2017. – Vol. 49, iss. 3. – P. 273–279. – URL: https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/area.12233 (date of access: 02.04.2026).
9. Rise of Food Poverty in the UK / D. Taylor-Robinson [et al.] // BMJ: British Medical Journal. – 2013. – Vol. 347, № 7936. – P. 20. – URL: https://www.jstor.org/stable/43513321?seq=1#metadata_info_tab_contents (date of access: 02.04.2026).
10. Thompson, C. Understanding the Health and Wellbeing Challenges of the Food Banking System: A Qualitative Study of Food Bank Users, Providers and Refferres in London [Electronic resource] / C. Thompson, D. Smith, S. Cimmins // Social Science & Medicine. – 2018. – Vol. 211. – P. 95–101. – URL: https://clck.ru/3Stcme (date of access: 02.04.2026).
11. Health Survey for England 2017: Adult and Child Overweight and Obesity / NHS Digital. – [United Kingdom] : NHS Digital, 2019. – 31 p. – URL: https://files.digital.nhs.uk/EF/AB0F0C/HSE17-Adult-Child-BMI-rep-v2.pdf (date of access: 28.12.2020).
12. Obesity rates // OECD. – URL: clck.ru/3Smt2y (date of access: 27.03.2026).
13. Pereira, A. L. Prevalence and Correlates of Food Insecurity among Children across the Globe / A. L. Pereira, S. Handa, G. Holmqvist ; UNICEF Office of Research. – [S. I. : s. n.], 2017. – 37 p. – URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/IWP_2017_09.pdf. (date of access: 03.04.2026).

[6] Подробнее ознакомиться с концепцией «большого общества» Д. Кэмерона можно в кандидатской диссертации и статье Сурмы А. А. [16, 17].

14. Family Resources Survey: Financial Year 2019 to 2020 // GOV.UK. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/family-resources-survey-financial-year-2019-to-2020/family-resources-survey-financial-year-2019-to-2020. (date of access: 02.04.2026).

15. Household Food Insecurity in the UK // enuf. – URL: https://enuf.org.uk/household-food-insecurity-in-the-uk/. (date of access: 03.04.2026).

16. Сурма, А. А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.) : дис. … ист. наук : 07.00.03 / А. А. Сурма. – Минск, 2021. – 259 л.

17. Сурма, А. А. Британские консерваторы на пути к обновлению: идеологический концепт Дэвида Кэмерона / А. А. Сурма // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2020. – № 2. – С. 93–98.

18. Oral Answers to Questions, Col. 842, 19 December 2012 // www.parliament.uk. – URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm121219/debtext/121219-0001.htm#12121957000007. (date of access: 03.04.2026).

УДК 274.5:323.23

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ ТОМАСА МЮНЦЕРА: ФУНКЦИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВАВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

APOCALYPTIC EXPECTATIONS IN THOMAS MUNZER'S SERMONS: THE FUNCTION OF THE ESCHATOLOGICAL NARRATIVE IN POLITICAL AGITATION

К. В. Харченко
учитель истории, магистр
ГУО «Нарочская средняя школа № 2»
Минск, Республика Беларусь

K. V. Kharchenko
History Teacher, Master's Degree
State Educational Institution «Naroch secondary school No. 2»
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Статья посвящена анализу идей Томаса Мюнцера в период Реформации, а также роли эсхатологического нарратива в его агитации.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Thomas Munzer's ideas during the Reformation period, as well as the role of the eschatological narrative in his agitation.

Ключевые слова: Томас Мюнцер, апокалиптические идеи, Реформация, эсхатология.

Keywords: Thomas Munzer, apocalyptic ideas, Reformation, eschatology.

Эпоха Реформации в Германии XVI века является одним из самых сложных и противоречивых периодов в истории европейской цивилизации. Это время, когда религиозные догматы перестали быть лишь предметом богословских споров и стали мощным инструментом социальной и политической борьбы. В центре этого исторического процесса находился Томас Мюнцер — радикальный реформатор, теолог и революционер, чье имя навсегда связано с Крестьянской войной 1524–1525 годов. В отличие от Мартина Лютера, который стремился к реформированию церкви с высоты и к компромиссу с светской властью, Мюнцер видел в Евангелии призыв к коренному изменению земного общества.

Ключ к пониманию политической активности Мюнцера заключается в его эсхатологическом мировоззрении. Для него конец времен был не отдаленной перспективой, а непосредственной реальностью, требующей активного вмешательства «избранных». Апокалиптические ожидания в его проповедях служили идеологической основой для революционной агитации, превращая социальный протест в священный долг. В его учении теология и политика были неразрывно связаны: эсхатология легитимизировала насилие, мобилизовала народные массы и обосновывала необходимость свержения существующего политического порядка.

Специфика проповедей Мюнцера неразрывно связана с социально-политической ситуацией в Германии начала XVI века. Священная Римская империя германской нации представляла собой сложную мозаику княжеств, свободных городов и церковных владений. Крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения, находилось под гнетом феодальных повинностей, произвола судебных органов и церковной десятины. В то же время городские низы и рыцарство испытывали недовольство из-за усиления княжеской власти и роста налогового бремени.

В этом контексте появление Лютера с его учением об оправдании верой стало искрой, разжигавшей накопившееся напряжение. Однако реформация Лютера быстро приняла консервативный характер. Он проповедовал учение о «двух царствах»: духовном, где царит Бог, и светском, где власть принадлежит князьям, и противостоять ей считалось грехом. Томас Мюнцер, изначально являвшийся последователем Лютера, вскоре разочаровался в этой доктрине, считая такое разделение недопустимым. Он полагал, что истинная вера должна проявляться в делах, а христианское общество не может терпеть нечестивых правителей.

Важно подчеркнуть, что Мюнцер был не только агитатором, но и глубоким мистиком. Его теология формировалась под влиянием позднесредневековой мистики, в частности идей Иоахима Флорского и тауберских пророков, которые акцентировали внимание на непосредственном общении человека с Богом через Духа, минуя церковные институты и даже письменное Писание. Именно этот мистицизм подпитывал его эсхатологизм. Мюнцер был убежден, что живет в последние дни истории, когда Бог готов установить свое Царство на земле, но для этого необходимо очистить мир от «нечестивых».

В проповедях и письмах Томаса Мюнцера эсхатология занимает ключевое место. Его представление о конце времен основывалось на библейских образах, в частности на книге пророка Даниила и Откровении Иоанна, однако они интерпретировались с учетом актуальной социальной ситуации.

Одним из центральных понятий в учении Мюнцера является разделение человечества на «избранных» (electi) и «нечестивых» (impii). Это разделение имело не только духовный, но и ярко выраженный социальный аспект. «Избранными» Мюнцер считал простых людей — крестьян, шахтеров и городскую бедноту, которые, страдая от угнетения, сохранили способность воспринять «живое слово» Божие. В то время как «нечестивыми» он называл князей, дворян, богатых людей и, что особенно важно, духовенство (как католическое, так и лютеранское), которое он именовал «льстецами» и «идолопоклонниками» [1].

В своей знаменитой «Проповеди князьям», произнесенной в июле 1524 года в присутствии герцога Иоганна Саксонского и других правителей, Мюнцер изложил свою эсхатологическую программу. Он предостерегал властителей, что время милости прошло, обращаясь к ним с жесткими словами: «Вы должны быть служителями Бога... но вы делаете из бедных людей своих богов». Используя метафору из книги Даниила о камне, оторвавшемся от горы без помощи рук, Мюнцер намекал на то, что Бог сокрушит существующие государственные структуры. Он прямо заявлял: «Ваше владычество не может длиться вечно... Бог хочет забрать у вас меч».

Особенно примечателен следующий отрывок из этой проповеди: «Если же вы не хотите помочь установить царство Божие, то знайте: Бог найдет других, кто это сделает... Камень, оторвавшийся от горы, сокрушит все царства». Здесь Мюнцер недвусмысленно угрожает правителям божественным судом и намекает на то, что простые люди готовы стать орудием этого суда.

Эсхатологический нарратив Мюнцера отличался чувством неотложности. Он не призывал ждать Второго пришествия в далеком будущем. Напротив, он утверждал, что жатва уже созрела, и серп должен быть пущен в ход. В одном из писем к жителям Альтенбурга он писал: «Время пришло, и Бог хочет очистить свой гумно. Пшеница должна быть отделена от плевел, и плевелы будут сожжены огнем». Эта метафора жатвы стала одной из самых мощных в его арсенале, подразумевая, что разделение пшеницы (избранных) и плевел (нечестивых) произойдет через насилие и кровь. Бог выступает не как пассивный наблюдатель, а как активный участник истории, использующий своих «избранных» как орудие возмездия.

Использование эсхатологического нарратива в проповедях Мюнцера выполняло несколько ключевых функций в контексте политической агитации. Во-первых, оно

обеспечивало идеологическую легитимацию восстания. В средневековом сознании нарушение феодальной иерархии считалось серьезным грехом, и лютеранская доктрина лишь усиливала этот запрет. Мюнцер, называя князей «нечестивцами» и врагами Бога, перевернул эту моральную систему. Теперь повиновение тиранам стало грехом, а сопротивление им — религиозным долгом. Апокалиптика снимала моральные ограничения на насилие, так как враг дегуманизировался и демонизировался.

Во-вторых, эсхатология служила мощным инструментом мобилизации. Крестьянская война охватила обширные территории, но повстанцы часто действовали разрозненно. Общая вера в приближение Царства Божьего создавала чувство единства и исторической миссии. Мюнцер обещал не только улучшение экономических условий (отмену десятины, возвращение общинных земель), но и радикальное преображение мира. В его проповедях звучали хилиастические мотивы: после победы «избранных» исчезнет частная собственность, все блага станут общими, и наступит тысячелетнее царство справедливости. Для угнетенных и бедных крестьян это была гораздо более привлекательная перспектива, чем осторожные реформы лютеран. Как писал Мюнцер в одном из своих посланий: «Все должно быть общим, как было при апостолах... Бог не хочет, чтобы одни были богаты, а другие бедны». Эти слова находили горячий отклик у тех, кто годами терпел нужду и эксплуатацию.

В-третьих, апокалиптический нарратив помогал преодолевать страх перед военной мощью противника. Княжеские армии были лучше вооружены и обучены. Как можно было победить их силами неорганизованных крестьян? Мюнцер отвечал на этот вопрос, опираясь на веру в чудесное вмешательство Бога. Он убеждал своих последователей, что Бог сражается на их стороне. В письмах к жителям Мюльхаузена он призывал не бояться «псов» (князей), ибо Бог пошлет знамения и укрепит их руки. Эта вера в сверхъестественную поддержку была необходима для поддержания боевого духа. Однако эта же функция содержала в себе и фатальную слабость. Полагаясь на божественное вмешательство, Мюнцер и его сторонники часто недооценивали военную стратегию и тактику. Они верили, что если их дело правое, то Бог не допустит поражения, что приводило к роковым ошибкам, таким как ожидание знака с неба вместо укрепления оборонительных позиций [2]..

Наиболее ярко связь между эсхатологией и политикой проявилась в деятельности Мюнцера в городе Мюльхаузен в 1525 году. Здесь он фактически стал духовным и политическим лидером восставших. В проповедях этого периода его риторика становилась еще более радикальной. Он использовал образы Ветхого Завета, сравнивая себя и крестьян с израильтянами, выходящими из египетского плена, а князей — с фараоном.

Особое место занимает символика, используемая Мюнцером. Знаменем восставших под его влиянием стал радужный флаг. Радуга в библейской традиции — знак завета Бога с людьми, но также и символ конца потопа и начала новой эры. Для мюнцеровцев это означало, что они являются новым народом Завета [1]. В своих последних проповедях перед битвой при Франкенхаузене Мюнцер утверждал, что Бог пошлет им победу, указывая на радугу как на божественное знамение. Согласно хроникам, он говорил: «Смотрите на радугу! Это знак завета Бога с нами. Он не допустит, чтобы вы погибли. Ваши враги будут рассеяны, как прах!».

Интересно отметить, как Мюнцер работал с библейскими текстами в своих проповедях. Он часто цитировал псалмы, призывающие к мщению врагам, в частности 137-й псалом: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень», интерпретируя их аллегорически как призыв к уничтожению феодальной элиты [3]. Герметичность его языка, насыщенная библейскими аллюзиями, делала его проповеди понятными и близкими для людей, живших в религиозной культуре того времени, но непонятными для светских историков последующих эпох, которые часто видели в нем лишь демагога.

Кульминацией деятельности Мюнцера стала битва при Франкенхаузене 15 мая 1525 года. К этому моменту эсхатологическое напряжение достигло пика. Крестьяне, окруженные княжескими войсками, надеялись на чудо. Согласно хроникам, Мюнцер указывал на радугу на небе как на знак божественной поддержки, обещая, что Бог соберет вражеские ядра в рукав его плаща [4]. Однако реальность оказалась жестокой. Княжеская конница легко рассеяла плохо вооруженных крестьян. Мюнцер был схвачен, подвергнут пыткам и казнен [5].

Поражение восстания поставило вопрос об истинности эсхатологических притязаний Мюнцера. С точки зрения ортодоксального христианства, поражение могло трактоваться как доказательство того, что Мюнцер был лжепророком, ибо Бог не даровал ему победы. Однако для последователей и для исторической памяти образ Мюнцера трансформировался. Он стал символом мученика, который попытался реализовать Царство Божие на земле и пал в этой борьбе [1, с. 140].

В проповедях перед битвой Мюнцер не сомневался в победе. Его уверенность базировалась на убеждении, что история движется к определенной цели, и он является исполнителем этой воли. Крах этого нарратива в реальности не отменил его влияния на историю. Функция эсхатологии как мобилизующего фактора была выполнена: тысячи людей поднялись на борьбу, поверив в возможность иного мира.

Трагедия Мюнцера заключалась в столкновении хилиастической мечты с суровой политической реальностью. Его вера в непосредственное вмешательство Бога в ход битвы оказалась иллюзией. Однако историческое значение его попытки невозможно переоценить. Томас Мюнцер продемонстрировал, как религиозные идеи, особенно эсхатологического характера, могут стать мощнейшей силой, способной потрясти основы государственности [2]. Его проповеди остаются памятником тому моменту в истории, когда слово теолога стало мечом революционера, а ожидание конца света превратилось в попытку начать новую историю.

Библиографический список

1. Брандт Г. Томас Мюнцер. Жизнь и творчество. — М.: Прогресс, 1974.
2. Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. — М.: Издательство АН СССР, 1947.
3. Гутнова Е. В. Томас Мюнцер и его время. — М.: Наука, 1989.
4. Bainton R. H. Here I Stand: A Life of Martin Luther. — Nashville: Abingdon Press, 1950.
5. Мюнцер Т. Избранные произведения. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

УДК 811.163.42:172.15

РОЛЬ ЛЮДЕВИТА ГАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ «ГАЕВИЦЫ»

THE ROLE OF LUDEVIT GAYA IN THE FORMATION OF CROATIAN NATIONAL IDENTITY THROUGH «GAJEVICA»

К. В. Харченко
учитель истории, магистр
ГУО «Нарочская средняя школа № 2»
Минск, Республика Беларусь

K. V. Kharchenko
History Teacher, Master's Degree
State Educational Institution «Naroch secondary school No. 2»
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления хорватской идентичности посредством проведения Людевитом Гаем языковой реформы, и её влиянию на развитие Хорватии.

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of Croatian identity through the implementation of language reform by Ludevit Guy, and its impact on the development of Croatia.

Ключевые слова: Людевит Гай, «гаевица», босанчица.

Keywords: Ludevit Guy, «gayevitsa», bosanchitsa.

Проблема формирования национальных идентичностей в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX веке представляет собой сложный набор исторических, политических и лингвистических процессов. В эпоху романтизма и национального возрождения язык перестал быть просто средством общения и стал основным маркером этнической принадлежности, инструментом политической мобилизации и символом государственного суверенитета. Для народов, не имевших своей государственности и находившихся в составе многонациональных империй, таких как Австрийская (позже Австро-Венгерская), вопрос кодификации языка и письменности приобрел экзистенциальное значение. В этом контексте следует рассматривать деятельность хорватского политика, лингвиста и публициста Людевита Гая (1809–1872), чья реформа алфавита, известная как «гаевица», стала основой современного хорватского литературного языка и ключевым элементом национальной идентичности.

В первой половине XIX века хорватские земли находились в состоянии глубокой политической и культурной фрагментации. Территории, населенные хорватами, были разделены между различными административными единицами империи: Хорватским королевством, Далмацией, Истрией и Военной границей. Отсутствие политического единства усугублялось лингвистической раздробленностью. В условиях нарастающего венгерского политического давления, когда Будапешт стремился внедрить венгерский язык в качестве официального во всех землях короны Святого Стефана, консолидация хорватского общества вокруг единого культурного стандарта стала вопросом выживания этноса. Людевит Гай, осознав эту угрозу, предложил решение, которое выходило далеко за рамки простой орфографической правки. Его реформа алфавита позволила унифицировать письменность,

создать основу для развития светской литературы и прессы, а также визуально отделить хорватскую культуру от соседних влияний.

Чтобы понять масштаб достижений Людевита Гая, необходимо восстановить языковую ситуацию в хорватских землях начала XIX века. Хорватский язык отличался высокой степенью диалектной дифференциации. Лингвисты традиционно выделяют три основных наречия: чакавское, кайкавское и штокавское. Если штокавское наречие было наиболее распространено географически и легло в основу будущей литературы, то в северных регионах, включая Загреб, доминировало кайкавское наречие, которое в тот период имело свои литературные традиции.

Однако еще более серьезной проблемой была графическая раздробленность. На одной и той же территории использовалось несколько систем письма, каждая из которых несла определенную культурно-религиозную нагрузку. Глаголица, древнейшая славянская азбука, сохраняла свои позиции преимущественно в церковной среде и в приморских регионах, таких как Истрия и остров Крк.

Несмотря на то, что глаголица воспринималась как символ древней хорватской традиции и католической самобытности, она была сложна для типографского набора и не подходила для быстрого распространения светской литературы в условиях промышленной революции.

Босанчица, или хорватское кириллическое письмо, использовалась в Боснии и некоторых частях Хорватии. Однако к началу XIX века она стала ассоциироваться с православным влиянием и османским периодом, что сделало её неприемлемой для католической интеллигенции, стремившейся интегрироваться в западноевропейскую культурную среду. Кроме того, кириллица визуально сближала хорватов с сербами, что в условиях растущего национального соперничества было нежелательно для части хорватской элиты.

Ситуация с латиницей была наиболее хаотичной. Хотя латинский алфавит использовался в северных регионах (таких как Загреб и Славония), он не имел единого стандарта. Орфография основывалась на традициях соседних народов: венгерской, немецкой или итальянской. Это приводило к тому, что один и тот же звук мог обозначаться различными буквосочетаниями в зависимости от образования писца. Например, звук [ч] мог записываться как *cz*, *ch*, *ts* или *tch*, а звук [ш] — через *sch*, *sh* или *s*. Такая орфографическая анархия затрудняла чтение текстов, написанных в других регионах, и делала невозможным создание единого литературного канона. Как отмечает Е. С. Истрина, «полиграфия препятствовала коммуникации между носителями разных диалектов и сохраняла региональную разобщенность».

В условиях, когда венгерская администрация пыталась внедрить венгерский язык в школы и суды, отсутствие единого хорватского литературного стандарта становилось уязвимым местом. Хорватская аристократия часто была венгеризирована и говорила по-венгерски, в то время как народ сохранял свои родные диалекты. Для создания национального движения требовался язык, который мог бы объединить элиту и народ, а также различные регионы. Эту задачу взял на себя Людевит Гай.

Людевит Гай, получивший образование в Праге и находившийся под сильным влиянием чешского национального возрождения, хорошо понимал важность языкового вопроса. Чешские деятели, такие как Йосеф Добровский и Павел Шафарик, уже успешно провели кодификацию чешского языка, создав эффективную систему записи славянской фонетики с помощью латиницы. Гай адаптировал этот опыт к хорватским условиям. В 1830 году он опубликовал брошюру «Kratka osnova horvatsko-slavenskog pravopisanja» («Краткие основы хорватско-славянской орфографии»), которая стала манифестом новой письменности [1].

Ключевым принципом реформы стал строгий фонематический принцип: «один звук — одна буква». Это радикально отличалось от традиционных орфографий того времени, которые часто основывались на этимологическом или историческом принципе, сохраняя написание слов таким, каким оно было в прошлом, несмотря на изменения в произношении. Гай утверждал, что письмо должно быть верным отражением речи, что облегчало обучение грамоте и унифицировало произношение [2].

Внедрение «гаевицы» не произошло мгновенно и встретило определенное сопротивление. Консервативная часть интеллигенции, привыкшая к кайкавской литературной традиции, опасалась, что переход на штокавское наречие (которое Гай выбрал в качестве основы вместе с Вуком Караджичем) и чешскую графику может отдалить хорватов от их исторического наследия Загреба. Тем не менее, прагматизм реформы взял верх. «Гаевица» позволила легко записывать любые диалекты сербохорватского континуума, что открыло возможности для сотрудничества с сербскими писателями, использующими кириллицу, но говорящими на том же штокавском наречии [3].

Принятие нового алфавита оказало глубокое влияние на формирование хорватской национальной идентичности, выходящее за рамки лингвистики. В XIX веке нация понималась, прежде всего, как культурно-языковая общность. Создание единого литературного языка стало необходимым условием для формирования нации. «Гаевица» стала инструментом, который позволил реализовать эту задачу.

Во-первых, реформа обеспечила унификацию литературного пространства. До Гая хорватская литература была раздроблена: писатели из Дубровника, Загреба и Сплета использовали разные диалекты и алфавиты, что затрудняло чтение произведений за пределами их регионов. «Гаевица» стала стандартом, который позволил создать единое литературное поле. Газета «Novine horvatske» (позже переименованная в «Ilirske narodne novine»), издаваемая Гаем, стала первой регулярной публикацией, использующей новый алфавит, и способствовала распространению единых языковых норм среди широкой аудитории. Литературный язык, основанный на «гаевице», стал символом принадлежности к нации [4]. Владение этим стандартом выделяло образованного хорвата на фоне носителей локальных диалектов или представителей других народов.

Во-вторых, «гаевица» сыграла ключевую роль в визуальном разграничении и культурной ориентации. Хорватия исторически находилась на стыке католического и православного миров, а также под влиянием исламской культуры. Кириллица ассоциировалась с православными сербами и российским влиянием, глаголица — с узкой церковной традицией. Латиница же ориентировала хорватскую культуру на Западную Европу. Выбор латиницы в модификации Гая позволил хорватам визуально отличаться от сербов, использующих кириллицу, даже при общности разговорного языка. Это способствовало дифференциации идентичностей в рамках сербохорватского языкового единства. Как отмечают современные исследования в области балканистики, «графическая система становится маркером "свой-чужой" даже быстрее, чем лексические различия». Таким образом, алфавит стал одним из инструментов разграничения хорватских и сербских национальных проектов в XIX веке, укрепляя конфессиональную границу между католиками и православными через письменность [5, с.33].

В-третьих, «гаевица» стала политическим инструментом Иллирийского движения, которое использовало язык как основу для идеи объединения всех южных славян под названием «иллирийцы». «Гаевица» должна была стать общей азбукой для всех южных славян, использующих латиницу, таких как хорваты, словенцы и часть болгар. Хотя политическая идея иллиризма в конечном итоге трансформировалась в конкретный хорватский национализм, лингвистическая основа, созданная Гаем, осталась важным фундаментом. Реформа алфавита позволила выдвигать политические требования на языке, понятном народу. Петиции к венгерскому сейму, публицистические статьи, стихи — всё это

способствовало формированию общественного мнения. В условиях, когда хорватская аристократия часто говорила на венгерском или немецком, «гаевица» демократизировала доступ к культуре и политике для буржуазии и интеллигенции.

Деятельность Людевита Гая по кодификации хорватского алфавита сыграла ключевую роль в формировании современной хорватской национальной идентичности. «Гаевица» решила проблему графической и орфографической разрозненности, создав единую платформу для развития литературы, прессы и образования. Эта реформа вышла за рамки чисто лингвистической задачи и стала инструментом политической мобилизации, позволив хорватам визуально и культурно самоидентифицироваться в многонациональной империи, а также заложила основы для разграничения с соседними славянскими народами при сохранении языковой близости.

Принципы, заложенные Гаем в 1830 году, остаются актуальными и в современной Хорватии, что свидетельствует о продуманности его реформы. «Гаевица» является ярким примером того, как лингвистическая инженерия может влиять на исторические судьбы народов, превращая набор графических знаков в символ национального суверенитета. История хорватского национального возрождения подтверждает тезис о том, что в условиях отсутствия государственности язык и письменность становятся главными хранителями национальной памяти и инструментами борьбы за независимость. Наследие Гая продолжает жить в каждом написанном хорватском слове, напоминая о важной роли культуры в политике.

Библиографический список

1. Гудков, В. В. История сербохорватского языка / В. В. Гудков. — Москва : Изд-во МГУ, 1969. — 215 с.
2. Истрина, Е. С. Очерки по истории сербохорватского литературного языка / Е. С. Истрина. — Москва : Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 1. — 340 с.
3. Гудков, В. В. Язык и нация в истории славянских народов / В. В. Гудков // Вопросы языкознания. — 1995. — № 4. — С. 25–34.
4. Робинсон, М. А. Лингвистический национализм на Балканах в XIX веке / М. А. Робинсон // Славяноведение. — 2005. — № 3. — С. 70–78.
5. Балканистика в России: итоги и перспективы : коллективная монография / под ред. А. Д. Дуличенко. — Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2010. — 250 с.

УДК 93/94

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА В ПЕРИОД С 2014/2015 ПО 2024/2025 ГОД

TECHNICAL SUPPORT FOR THE BELARUSIAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER MAXIM TANK FROM 2014/2015 TO 2024/2025

Т. И. Шупенько
кандидат политических наук
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
В.В. Пивоварчик
студент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

T. I. Shupenko
PhD in Political Science
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
V.V. Pivovarchik
Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье представлен анализ развития материально-технического обеспечения учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Опираясь на данные официальных ежегодных отчетов университета за 2014/2015 и 2024/2025 учебные годы, авторы выявляют ключевые тенденции модернизации инфраструктуры, обновления учебно-лабораторной базы и развития цифровой образовательной среды. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и смены образовательных стандартов на качественное изменение материально-технической базы вуза.

Abstract. This article presents an analysis of the development of the material and technical support of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Drawing on data from the university's official annual reports for the 2014/2015 and 2024/2025 academic years, the authors identify key trends in infrastructure modernization, updating teaching and laboratory facilities, and developing a digital educational environment. Particular attention is paid to the impact of digitalization and changing educational standards on the qualitative change in the university's material and technical support.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение (МТО), БГПУ, цифровизация образования, инфраструктура вуза, учебное оборудование, сравнительный анализ, ежегодник, цифровая трансформация.

Keywords: material and technical support (MTS), BSPU, digitalization of education, university infrastructure, teaching equipment, comparative analysis, yearbook, digital transformation.

Материально-техническое обеспечение (МТО) является важной основой функционирования любого высшего учебного заведения. От него напрямую зависят качество

образовательного процесса, условия для научно-исследовательской работы студентов и преподавателей, а также конкурентоспособность вуза при подготовке новых кадров. В условиях стремительной цифровизации и смены поколений образовательных стандартов анализ динамики развития МТО приобретает особую актуальность. Цель: провести сравнительный анализ состояния материально-технического обеспечения Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (БГПУ) за десятилетний период. Источниковой базой для исследования послужили официальные ежегодники университета за 2014/2015 [1] и 2024/2025 учебные годы [2].

Развитие материально-технической базы неразрывно связано с финансовым состоянием учреждения. Анализ ежегодника 2014/2015 годов показывает, что в тот период университет активно наращивал долю внебюджетных средств в общем объеме финансирования. Согласно данным [1, с.16], в 2014/2015 учебном году общий объем финансирования составил 230,5 млрд рублей, при этом соотношение бюджетных и внебюджетных средств составляло 53% к 47% соответственно. Уже в тот период на приобретение оборудования направлялись значительные внебюджетные средства, в два раза превышающие бюджетные, а на текущий ремонт – в восемь раз больше [1, с.17]. Это свидетельствует о том, что развитие инфраструктуры БГПУ уже тогда обеспечивалось преимущественно за счет внебюджетной деятельности.

К 2024/2025 учебному году эта тенденция не только сохранилась, но и усилилась. Консолидированный бюджет университета в 2024 году достиг 54,8 млн руб. [2, с.136]. При этом доля внебюджетных средств составила 41,6% [2, с.140], что позволило университету направить на модернизацию и обновление учебных корпусов и общежитий более 1 млн руб. только на текущий ремонт, из которых 265 тыс. руб. – собственные средства, и почти 250 тыс. руб. на приобретение оборудования [2, с.140]. Объем финансирования научных исследований и разработок собственными силами в 2024 году составил 994,6 тыс. руб. [2, с.85], что подчеркивает переход от простого поддержания инфраструктуры к инвестициям в инновационное развитие.

Наиболее значимые изменения за десятилетие произошли в качественном изменении учебных аудиторий и лабораторий.

2014/2015 учебный год. В ежегоднике этого периода фиксируется начало активного этапа информатизации. Отмечается внедрение в образовательную деятельность современного оборудования: количество интерактивных досок увеличилось в 1,5 раза, документ-камер – в 8 раз, мультимедийных проекторов – в 2,5 раза [1, с.9]. Знаковым событием стала реализация совместно со Сбербанком проекта «Виртуальная школа» – создание мультисервисной информационной образовательной среды (МИОС) [1, с.8-9]. Это был первый шаг к созданию высокотехнологичных предметных кабинетов. Однако общая картина была неоднородной. В описаниях факультетов того периода часто упоминается необходимость обновления оборудования [1, с.20, 22, 87].

2024/2025 учебный год. Анализ современного ежегодника демонстрирует переход от точечного обновления к системному оснащению. Проект «Виртуальная школа» эволюционировал в создание целых кластеров. Ключевым событием стало открытие в ноябре 2024 года лаборатории цифровой электроники, вошедшей в STEM-кластер физико-математического факультета [2, с.270]. Этот кластер, включающий планетарий, ресурсный центр по робототехнике и лабораторию цифрового моделирования, нацелен на подготовку учителей для работы в высокотехнологичной среде [2, с.270].

Аналогичные процессы происходят на других факультетах. В Институте инклюзивного образования в 2025 году открыт зал сенсомоторной интеграции [2, с.151]. На факультете эстетического образования функционируют мастерские керамики, скульптуры, ткачества, а также фотолаборатория [2, с.302]. Значительно обновилась спортивная инфраструктура: в

2024 году открыт новый зал для занятий ушу и единоборствами [2, с.122], ведется планомерная работа по модернизации стадиона и спортивных залов [2, с.22].

Материально-техническое обеспечение в современном понимании неразрывно связано с IT-инфраструктурой.

В 2014/2015 учебном году основной задачей было создание базовой инфраструктуры: планировалось увеличение пропускной способности канала доступа в интернет до 300 мбит/с [1, с.9]. Началось внедрение Wi-Fi и активное развитие репозитория БГПУ [1, с.3].

Анализ ежегодника 2024/2025 годов демонстрирует кардинальные изменения. Вектор сместился на создание единой цифровой экосистемы. Количество учебных дисциплин, преподаваемых с использованием ИКТ, достигло 1264 [2, с.6]. Компьютерный парк университета насчитывает более 1550 ПК, более 90 аудиторий оснащены мультимедийным оборудованием [2, с.312]. В системе дистанционного обучения Moodle для студентов доступно 1846 курсов [2, с.47], а количество зарегистрированных электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК/ИЭУМК) превысило 1180 [2, с.47]. Пропускная способность сети и покрытие Wi-Fi обеспечивают бесперебойную работу с «тяжелым» контентом во всех корпусах, включая общежития [2, с.115].

Важным аспектом МТО являются условия проживания студентов и доступность среды для лиц с ограниченными возможностями.

В 2014/2015 году основное внимание уделялось ремонту общежитий. Проводились работы по замене оконных блоков и ремонт помещений [1, с.17]. Вопросы создания безбарьерной среды находились в начальной стадии обсуждения [1, с.20-23].

К 2024/2025 году ситуация кардинально изменилась. Университет проводит масштабную модернизацию жилого фонда. Завершены работы по ремонту 111 жилых комнат в общежитии №2 [2, с.142], отремонтированы кухни в общежитиях №7 и №8 [2, с.142], для общежития №8 закуплено 45 новых кухонных гарнитуров [2, с.143]. В общежитии №1 проведена модернизация с заменой кровли и ремонтом фасада [2, с.142]. Важным итогом стало создание безбарьерной среды: почти все корпуса и общежития адаптированы для маломобильных групп населения (пандусы, лифты с тактильными указателями и др.), что является прямым следствием реализации государственных программ по созданию инклюзивной среды.

Проведенный сравнительный анализ ежегодников БГПУ за 2014/2015 и 2024/2025 годы позволяет сделать вывод о глубоком и всестороннем развитии материально-технического обеспечения университета.

За десятилетие ВУЗ прошел путь от фазы активного накопления ресурсов и начала информатизации к фазе системной цифровой трансформации и создания инновационной образовательной среды. Ключевыми итогами этой трансформации стали качественное обновление лабораторного фонда: переход от базовых компьютерных классов к высокотехнологичным STEM-кластерам (лаборатория цифровой электроники, центр робототехники) и специализированным ресурсным центрам (сенсомоторной интеграции, художественным мастерским); формирование цифровой экосистемы: создание мощной IT-инфраструктуры, развитие системы дистанционного обучения (Moodle) и насыщение образовательного процесса современными электронными ресурсами (ЭУМК); развитие комфортной и инклюзивной среды: проведение реновации жилого фонда и комплексная адаптация всей инфраструктуры университета для нужд людей с инвалидностью.

Высокий уровень материально-технического обеспечения позволяет БГПУ быть не просто успешным вузом, а флагманом педагогического образования, чей инновационный опыт востребован во всей Беларуси.

Библиографический список

1. Ежегодник БГПУ – 2014/2015 учебный год / под общ. ред. ректора БГПУ А. И. Жука. – Минск : БГПУ, 2016. – 284 с.

2. Ежегодник Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» – 2024/2025 учебный год / под общ. ред. А. И. Жука. – Минск : БГПУ, 2025. – 358 с.
УДК 94(479.24)

УДК 94(479.24)

СПАДЧЫНА ГЕЙДАРА АЛІЕВА ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ НЕЗАЛЕЖНАГА АЗЕРБАЙДЖАНА: КРЫНІЦАЗНАЎЧЫЯ І ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫЯ АСПЕКТЫ

HEYDAR ALIYEV'S LEGACY AS A SOURCE FOR THE STUDY OF INDEPENDENT AZERBAIJAN: SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS

Э. Абілаў
аспірант гістарычнага факультэта
Бакінскага дзяржаўнага універсітэта
Баку, Рэспубліка Азербайджан
ORCID: 0000-0002-3539-069X
E-mail: elnurabilov@bsu.edu.az

E. Abilov
PhD Candidate, Faculty of History
of Baku State University
Baku, Respublic of Azerbaijan
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3539-069X
E-mail: elnurabilov@bsu.edu.az

Анатацыя. Артыкул прысвечаны аналізу спадчыны Гейдара Аліева як важнай крыніцы для вывучэння гісторыі незалежнага Азербайджана. Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю навуковага асэнсавання працэсаў дзяржаўнага будаўніцтва, палітычнай стабілізацыі і фарміравання нацыянальнай мадэлі развіцця ў постсавецкі перыяд. У працы разглядаюцца асноўныя віды крыніц, у тым ліку афіцыйныя выступленні, дзяржаўныя дакументы, інтэрв'ю і міжнародныя звароты, а таксама іх інфармацыйны патэнцыял і асаблівасці навуковага выкарыстання. Асаблівая ўвага надаецца крыніцазнаўчай каштоўнасці дадзенага дакументальнага комплексу, які адлюстроўвае ключавыя напрамкі ўнутранай і знешняй палітыкі, фарміраванне дзяржаўнай ідэалогіі і стратэгіі нацыянальнага развіцця. У артыкуле таксама аналізуюцца асноўныя напрамкі і этапы гістарыяграфічнага вывучэння палітычнай спадчыны Гейдара Аліева, уключаючы пераход ад публіцыстычнага асэнсавання да сістэмнага акадэмічнага аналізу і канцэптуалізацыі. Робіцца выснова, што разглядаемая спадчына выступае не толькі як гістарычная крыніца, але і як важны фактар фарміравання гістарычнай памяці і нацыянальнай гістарычнай парадыгмы сучаснага Азербайджана.

Abstract. The article examines the legacy of Heydar Aliyev as an important source for studying the history of independent Azerbaijan. The relevance of the research is determined by the need for a scientific understanding of the processes of state-building, political stabilization, and the formation of a national development model in the post-Soviet period. The study analyzes the main types of sources, including official speeches, state documents, interviews, and international addresses, as well as their informational potential and features of academic use. Particular attention is paid to the source value of this documentary corpus, which reflects key directions of domestic and foreign policy, the formation of state ideology, and the strategic priorities of national development. The article also explores the main directions and stages of historiographical interpretation of Heydar Aliyev's political legacy, including the transition from political-publicistic assessments to systematic academic analysis and conceptualization. It is concluded that this legacy functions not only as a historical source but also as an important factor in shaping historical memory and the national historical paradigm of modern Azerbaijan.

Ключавыя словы: Азербайджан, Гейдар Аліеў, гістарычная памяць, гістарыяграфія, крыніцазнаўства.
Keywords: Azerbaijan, Heydar Aliyev, historiography, historical memory, source studies.

Introduction: The history of independent Azerbaijan occupies an important place in modern historical scholarship, as the processes of state building and political transformation following the collapse of the USSR determined the country's subsequent development. Of particular importance is the study of sources reflecting not only the events but also the strategy for the formation of a new model of statehood.

Heydar Aliyev's legacy occupies a special place among these sources. His speeches, official documents, and international statements allow us to trace the strengthening of political stability, the development of statehood, the implementation of energy policy, and the formation of foreign policy. Despite a significant number of publications, this legacy remains understudied as an independent historical source. Most studies examine it primarily from a political and biographical perspective.

The aim of this study is to analyze Heydar Aliyev's legacy as a historical source and historiographical phenomenon. The methodological framework is based on source studies, historiographical, and comparative historical methods, as well as content analysis, which allows us to identify the main ideas and characteristics of political discourse.

Heydar Aliyev's legacy as a historical source and documentary corpus

Heydar Aliyev's legacy is a complex collection of written sources, including official speeches, decrees, orders, interviews, memoirs, and international statements. These materials allow us to reconstruct the development of independent Azerbaijan and trace the evolution of state strategy [1, pp. 12–18].

The most important part of the corpus consists of official speeches and normative documents reflecting the political course, the implementation of reforms, the strengthening of national security and the development of foreign policy [2, pp. 45–52]. Of additional value are interviews and memoirs revealing the motives for decisions and the political atmosphere of the transition period [3, pp. 47–50]. Of particular importance are international speeches demonstrating the formation of multi-vector diplomacy, the development of an energy strategy and the integration of Azerbaijan into the world community [4, pp. 134–138]. Thanks to this, the legacy of Heydar Aliyev has high value for source studies and allows us to study not only the course of political processes, but also the formation of the official ideological paradigm of independent Azerbaijan [5, pp. 33–39].

The documentary heritage corpus includes multi-volume editions of speeches and official documents, archival materials, and electronic databases. Of greatest scholarly value are multi-volume publications of speeches and regulations, allowing us to trace the main stages of political activity and changes in state strategy [2, pp. 15–21]. Archival documents containing official correspondence and draft resolutions occupy an important place. They help clarify the mechanism of political decision-making and improve the reliability of historical reconstructions [3, pp. 52–55]. The use of electronic archives and digital databases has expanded access to sources and simplified their analysis [6].

At the same time, most of the materials are official in nature, which requires a critical approach and comparison of published documents with archival sources and independent research. This avoids one-sided assessments and ensures a more objective study of political processes [5, pp. 79–82].

Historiographic understanding of the legacy

The historiography of Heydar Aliyev's legacy developed in parallel with the establishment of independent Azerbaijan. The main areas of research have become issues of state building, political stability, national security, energy strategy, and foreign policy. In the academic literature, Heydar Aliyev's activities are considered a factor in overcoming the crisis of the 1990s, the formation of a sustainable governance model, and the strengthening of statehood [1, pp. 46–52]. Particular attention is given to oil strategy and energy diplomacy, which are assessed as the basis for economic modernization and the international strengthening of the country [2, pp. 140–146].

The development of historiography has gone through several stages. In the 1990s, journalistic and descriptive works predominated. From 2000 to 2010, research acquired a more scholarly character, the source base expanded, and comparative historical methods began to be actively applied [3, pp. 146–149]. From 2010 to 2020, Heydar Aliyev's legacy began to be viewed as a long-term strategy for modernization and state development, and after 2020, an interdisciplinary approach related to the study of historical memory, national identity, and political culture has intensified.

Heydar Aliyev's legacy plays a vital role in shaping the historical memory of modern Azerbaijan. His speeches and policy documents helped solidify the ideas of national independence, continuity of statehood, and political stability. In official discourse, the period of independence is presented as a stage of overcoming the crisis, consolidating society, and building an effective system of governance [4, pp. 80–84]. The formation of national identity is of particular importance. Heydar Aliyev's texts emphasize the unity of the people and the state, the importance of sovereignty, and the need for strong state institutions. Because of this, his legacy is viewed not only as a source of history but also as an important element of the contemporary historical narrative of independent Azerbaijan [5, pp. 183–187].

Despite the expanding source base, the study of Heydar Aliyev's legacy remains a number of challenges. Most documents are official in nature, requiring a critical approach and consideration of the political context of their creation. Archival materials reflecting internal decision-making mechanisms and the specifics of state strategy formation remain insufficiently studied. A promising area of research is comparing Azerbaijan's experience with other post-Soviet states, which will allow us to identify the specific features of the national development model. Digital research methods—the creation of electronic text corpora, content analysis, and digital archiving—are also crucial, expanding the possibilities of scholarly analysis.

Conclusion

The study revealed that Heydar Aliyev's legacy represents a significant historical source and a significant historiographical phenomenon. His speeches, state documents, and policy materials enable us to study the processes of political stabilization, state-building, and foreign policy development in independent Azerbaijan.

The historiography of this topic has evolved from journalistic assessments to systematic scholarly analysis. At the same time, Heydar Aliyev's legacy has become an important factor in the formation of historical memory and national identity. Further study of this issue requires expanding the archival base, applying comparative approaches, and utilizing digital research methods.

Bibliography

1. Aliyev, H. (1997). Independent Azerbaijan: New Development Strategy. Baku: Azerbaijan Publishing House.
2. Aliyev, H. (1999). Our Independence is Eternal (Vols. 1–20). Baku: Azerneshr.
3. Aliyev, H. (2001). National Statehood and Development Priorities of Azerbaijan. Baku: Presidential Library.
4. Aliyev, H. (2003). Selected Speeches and Addresses. Baku: Azerbaijan State Publishing.
5. Aliyev Heritage Research Center. (2015). Heydar Aliyev and the Formation of Modern Azerbaijan. Baku.
6. Cornell, S. E. (2011). Azerbaijan Since Independence. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
7. Guliyev, F. (2013). Political leadership and state-building in Azerbaijan. Caucasus Analytical Digest, 51, 6–10.
8. Ismayilov, E. (2018). The political legacy of Heydar Aliyev and the institutional development of Azerbaijan. Journal of Eurasian Studies, 9(2), 145–153.
9. Library of the President of the Republic of Azerbaijan. (2014). Heydar Aliyev: Electronic Archive and Documents. Baku.
10. Mammadov, Z. (2016). State-building processes in Azerbaijan during the transition period. Central Asia and the Caucasus, 17(3), 45–57.
11. Nuriyev, E. (2007). The South Caucasus at the Crossroads: Conflicts, Caspian Oil and Great Power Politics. Berlin: LIT Verlag.
12. Official Website of the Heydar Aliyev Foundation. (2020). Documents and Materials on Heydar Aliyev's Legacy. Baku.
13. Swietochowski, T. (2015). Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press.
14. Valiyev, A. (2014). The political system of Azerbaijan: Transformation and continuity. Demokratizatsiya, 22(1), 71–90.
15. Yunusov, A. (2012). History of Azerbaijan in the Post-Soviet Period. Baku: Adiloglu.

УДК 94(479.24)

АТРАПАТЭНА ЯК «БУФЕРНАЯ ДЗЯРЖАВА» Ў СІСТЭМЕ РЫМСКА-ПАРФЯНСКАГА СУПРАЦЬСТАЯННЯ (I–II стст. н. э.)

ATROPATENE AS A “BUFFER STATE” IN THE SYSTEM OF ROMAN–PARTHIAN CONFRONTATION (1st–2nd CENTURIES AD

Я. Алмамадаў
малодшы навуковы супрацоўнік
Інстытута краязнаўства, Гянджынскае аддзяленне
Нацыянальнай акадэміі навук Азербайджана
дактарант Інстытута гісторыі і этналогіі
імя А. А. Бакіханава Нацыянальнай акадэміі навук Азербайджана
Гаянджа, Рэспубліка Азербайджан
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-1204-7255
E-mail: almmmdovyasin@gmail.com

Y. Almammadov
Junior Researcher,
Institute of Local Studies, Ganja Branch
of the Azerbaijan National Academy of Sciences
Doctoral Student,
A.A. Bakikhanov Institute of History and
Ethnology, Azerbaijan National Academy of Sciences
Ganja, Respublic of Azerbaijan
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-1204-7255
E-mail: almmmdovyasin@gmail.com

Анатацыя. У артыкуле даследуецца месца Атрапатэны ў сістэме рымска-парфянскага супрацьстаяння ў I–II стст. н. э. Асноўная ўвага надаецца аналізу яе геаграфічнага становішча, палітычнага статусу і ролі ў адносінах паміж Рымскай імперыяй і Парфянскім царствам. Аўтар разглядае Атрапатэну як «буферную дзяржаву», якая знаходзілася паміж двума магутнымі палітычнымі цэнтрамі і была вымушана пастаянна манеўраваць паміж імі. Паказана, што Атрапатэна не толькі служыла аб’ектам суперніцтва, але і сама адыгрывала актыўную ролю ў рэгіянальнай палітыцы, выкарыстоўваючы дыпламатыю, ваенна-стратэгічнае становішча і сістэму часовых саюзаў. Асобна аналізуецца яе значэнне падчас кампаній Нерона, Корбулона і Траяна, а таксама ў кантэксце рымска-парфянскіх войнаў II ст. н. э.

Abstract. The article examines the place of Atropatene within the system of Roman–Parthian confrontation in the 1st–2nd centuries AD. Particular attention is paid to its geographical position, political status and role in the relations between the Roman Empire and the Parthian Kingdom. The study interprets Atropatene as a “buffer state” located between two major powers and forced to maneuver constantly between them. It is shown that Atropatene was not merely an object of rivalry but also an active participant in regional politics, using diplomacy, its military-strategic position and temporary alliances to preserve its autonomy. The article analyses the significance of Atropatene during the campaigns of Nero, Corbulo and Trajan, as well as in the broader context of the Roman–Parthian wars of the 2nd century AD. The author concludes that Atropatene played a key role in maintaining the geopolitical balance in the Near East.

Ключавыя словы: Атрапатэна, буферная дзяржава, Парфія, Рымская імперыя, рымска-парфянскія войны.

Keywords: Atropatene, buffer state, Parthia, Roman Empire, Roman–Parthian wars.

Introduction: Atropatena occupied a key position in the Roman-Parthian rivalry of the 1st and 2nd centuries CE. Situated between the Roman Empire and the Parthian Kingdom, it controlled the routes linking Mesopotamia, Armenia, the Caucasus, and the Iranian plateau. For Rome,

Atropatena was an important outpost on the route to Armenia and the East, while for Parthia, it was a barrier protecting the western borders of the Arsacid Empire.

In historiography, Atropatene is usually viewed as a dependent region of Parthia. However, a more accurate definition is that of a "buffer state"—a political entity forced to maneuver between two powers to maintain its autonomy. Atropatene was not merely an object of struggle: its rulers exploited the tensions between Rome and Parthia, shifting allies and pursuing a flexible policy.

Atropatena's buffer role was particularly evident in the 1st and 2nd centuries CE, during the reigns of Corbulo, Nero, and Trajan. The purpose of this article is to determine Atropatena's place in the Roman-Parthian conflict and demonstrate how it served as a "buffer state."

Atropatene in the system of Roman-Parthian relations

Atropatena was located in the northwest of the Iranian plateau, around Lake Urmia, between Armenia, Caucasian Albania, and the interior of Iran. Key trade and military routes connecting Mesopotamia, Armenia, and the Caucasus passed through its territory. This made Atropatena of great strategic importance to both powers [1, pp. 17–18].

The mountainous terrain made Atropatene a convenient defensive line. It served as a natural barrier and was often used as an intermediate zone between Rome and Parthia [7, pp. 96–101].

Formally, Atropatena was within the Arsacid sphere of influence, but it retained its own dynasty and considerable internal autonomy. Its rulers were able to negotiate with both Parthia and Rome, using their position to strengthen their autonomy [2, pp. 175–178].

During periods of Parthian strength, Atropatena became its western stronghold. When the Arsacids' position weakened, local rulers sought an alliance with Rome, hoping to secure guarantees of their independence [3, pp. 302–305].

For Rome, Atropatene was primarily of military and strategic importance. Control over it allowed them to hold Armenia, create a base for advancing eastward, and block Parthia's communications. Therefore, during the campaigns of Nero, Corbulo, and Trajan, the Romans sought to win Atropatene over to their side [6, pp. 214–217].

Atropatene was no less important for Parthia, as it protected its western borders and linked Iran with Armenia. The loss of this region opened the way for the Romans to the central regions of the Arsacid empire [5, pp. 143–146].

Thus, neither Rome nor Parthia were able to completely subjugate Atropatene. It remained a place of rivalry, compromise, and temporary alliances.

Atropatene during the main stages of the Roman-Parthian confrontation

In the mid-1st century AD, during the struggle between Rome and Parthia for Armenia, Atropatena proved to be an important staging area. During the campaigns of Nero and Corbulo, Rome sought to win its rulers over to its side, while Parthia used it as a base and supply line. However, Atropatena strove to maintain neutrality and continued to maneuver between the two powers [6, pp. 218–220].

During Trajan's eastern campaign in 114–117 CE, Atropatene's importance grew even further. Rome attempted to establish control over it, recognizing that without this, it would be impossible to hold on to Armenia and advance deeper into Iran. However, the local nobility did not fully support Rome, fearing the restoration of Parthian rule after the Roman withdrawal [4, pp. 105–108].

After Trajan's death, Parthia's position in Atropatena strengthened, but the region retained a certain independence. In the 2nd century AD, during the new Roman-Parthian wars, Atropatena again became a site of rivalry, and its rulers continued to maneuver between Rome and Parthia to preserve their own autonomy [7, pp. 112–115].

Functions of Atropatena as a "buffer state"

Atropatene acted not only as an object of struggle but also as a mediator between Rome and Parthia. Its rulers maintained relations with both powers and used diplomatic contacts to maintain their independence [1, pp. 17–18].

At the same time, Atropatena had great military significance. Its mountainous terrain and important communications made it a natural defensive line and strategic corridor between the Caucasus, Armenia, and Iran [7, pp. 98–101].

However, its buffer position made Atropatene internally unstable. Some of the local nobility oriented themselves toward Parthia, others toward Rome, which intensified conflicts and weakened the state [3, pp. 309–311].

Thus, Atropatena was a classic “buffer state”: it maintained relative independence thanks to constant maneuvering between the two largest powers of the ancient East.

Conclusion

Atropatene was neither a fully-fledged part of the Roman Empire nor a mere outskirts of the Parthian Kingdom. Its historical role lay precisely in its intermediate position between two political worlds. Throughout the first and second centuries CE, it remained a space where the interests of Rome and Parthia clashed, while simultaneously fostering mechanisms of compromise, diplomacy, and temporary equilibrium.

The experience of Atropatena demonstrates that in the ancient world, the fate of a region was determined not only by the greatest powers, but also by relatively small states capable of using their geographic location as a political asset. By maneuvering between Rome and Parthia, Atropatena managed to maintain its autonomy for a long time and become a key element of Eastern policy. This is why the history of Atropatena represents not just an isolated episode in the Roman-Parthian confrontation, but an important example of how "buffer states" influenced the stability and change of the international system in the ancient East.

Bibliography

1. Chaumont, M.-L. Atropatene // Encyclopaedia Iranica. Vol. III, Fasc. 1. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1987, pp. 17–18.
2. Dąbrowa, E. The Arsacid Empire // The Oxford Handbook of Iranian History / ed. by T. Daryaee. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 171–189.
3. Frye, R.N. The History of Ancient Iran. Munich: CH Beck, 1984. 411 p.
4. Gregoratti, L. The Parthians between Rome and China. In: The Age of the Parthians / ed. by V. S. Curtis, M. Alram, T. Daryaee, E. Pendleton. London: IB Tauris, 2007, pp. 95–113.
5. Olbrycht, M. J. Parthia and Nomads of Central Asia: Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran. Kraków: Jagiellonian University Press, 2015. 286 p.
6. Sherwin-White, A.N., Kuhrt, A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley: University of California Press, 1993. 262 p.
7. Wiesehöfer, J. Ancient Persia: From 550 BC to 650 AD. London; New York: IB Tauris, 2001. 340 p.

УДК 94(479.24)

САЦЫЯЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ САВЕЦКАЙ ЖАНОЧАЙ ПАЛІТЫКІ Ў АЗЕРБАЙДЖАНЕ

SOCIAL ASPECTS OF SOVIET WOMEN'S POLICY IN AZERBAIJAN

Л. Г. Дуньямалі
дактарант (PhD па айчыннай гісторыі)
Інстытут гісторыі і этналогіі
Нацыянальнай акадэміі навук Азербайджана
Баку, Республика Азербайджан
ORCID: 0000-0002-6264-9206
E-mail: Leman_134@mail.ru

L. H. Dunyamali
Doctoral Student (PhD Program in National History)
Institute of History and Ethnology,
Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Republic of Azerbaijan
ORCID: 0000-0002-6264-9206
E-mail: Leman_134@mail.ru

Аннотация. У артыкуле разглядаюцца асноўныя сацыяльныя аспекты савецкай жаночай палітыкі ў Азербайджане ў 1920–1980-я гг. Асаблівая ўвага надаецца механізмам уключэння жанчын у сістэму адукацыі, працоўнай дзейнасці і грамадскага жыцця. Паказваецца, што савецкая ўлада імкнулася змяніць традыцыйную мадэль сям'і і становішча жанчыны праз ліквідацыю непісьменнасці, стварэнне жаночых аддзелаў, прыцягненне жанчын да прамысловасці і дзяржаўных структур. Разам з тым рэформы суправаджаліся супярэчнасцямі. Захаванне патрыярхальных традыцый, нераўнамернасць перамен паміж горадам і вёскай, а таксама спалучэнне працоўнай і хатняй нагрузкі абмяжоўвалі рэальнае раўнапраўе. На матэрыялах Азербайджана робіцца выснова, што савецкая жаночая палітыка стала важным фактарам мадэрнізацыі, але не змагла поўнасцю пераадолець сацыяльную і культурную няроўнасць.

Abstract. The article examines the main social aspects of Soviet women's policy in Azerbaijan during the 1920s–1980s. Particular attention is paid to the mechanisms through which women were integrated into education, labor, and public life. The study demonstrates that the Soviet authorities sought to transform the traditional model of family and women's status through literacy campaigns, the establishment of women's departments, and the involvement of women in industry and state institutions. At the same time, these reforms were accompanied by serious contradictions. Patriarchal traditions, the unequal pace of change between urban and rural areas, and the combination of professional and domestic responsibilities limited the achievement of genuine equality. Using the example of Azerbaijan, the article concludes that Soviet women's policy became an important factor of social modernization, yet it failed to eliminate fully social and cultural inequality.

Ключавыя словы: Azerbaijan, education, gender policy, social transformation, Soviet women.
Keywords: Azerbaijan, education, gender policy, social transformation, Soviet women.

Introduction: Studying Soviet policy toward women in Azerbaijan is important because it represented the clash between traditional Muslim norms and the Soviet government's modernization project. In the 1920s and 1930s, the Soviet leadership viewed the "women's question" as an essential part of building a socialist society. It was believed that involving women in education, work, and public life would transform the traditional structure of society.

This policy was particularly significant for Azerbaijan. At the beginning of the 20th century, many women remained outside the education system and public life, especially in rural areas. Therefore, the Soviet government sought to use women's policy as a means of social modernization and strengthening its influence.

Historiography has treated this issue with mixed results. Soviet authors emphasized the achievements in education and labor, while modern researchers also highlight the contradictions of the reforms. It is noted that the expansion of women's rights was accompanied by state control and conflict with local traditions.

The aim of the article is to show the main social aspects of Soviet women's policy in Azerbaijan and to determine its results and limitations.

Formation of Soviet women's policy in Azerbaijan

Soviet policy was based on the idea of complete equality between men and women. Already in the first years after the establishment of Soviet power, women gained the right to participate in elections, work, study, and hold positions in government institutions [1, pp. 145–148].

However, in Azerbaijan, this policy clashed with the influence of family, religion, and patriarchal norms. This was especially noticeable in rural areas, where women remained isolated from public life. Therefore, the authorities created special women's departments—zhenotdels.

Women's sections organized literacy courses, women's clubs, and vocational training. They helped involve women in public life and disseminated Soviet ideas [6, pp. 92–95].

Particular attention was paid to combating illiteracy. Schools and special courses were opened for women, and conditions were created for their work in industry, agriculture, and education [4, pp. 37–40].

One of the most important areas was the fight against traditional restrictions. The Soviet government opposed early marriage, polygamy, and female isolation. The rejection of the chador was seen as a symbol of women's liberation and their inclusion in the new social system [5, pp. 118–121].

At the same time, the reforms provoked resistance. In many areas, especially rural ones, the activities of women's departments were perceived as a threat to the traditional way of life. Women who participated in Soviet initiatives often faced pressure from family and society [7, pp. 201–204].

Thus, already in the 1920s, the main directions of Soviet women's policy were formed: the elimination of illiteracy, the involvement of women in work and public life, as well as the fight against traditional restrictions.

Social transformation of Azerbaijani women

One of the main results of Soviet women's policy was changes in education. While in the early 1920s the majority of women remained illiterate, by the late 1930s, girls' schools, literacy courses, and women's clubs were established in Azerbaijan [4, pp. 42–45].

Women's access to secondary and higher education expanded. In the 1930s, Azerbaijani women began studying in pedagogical, medical, and technical educational institutions. As a result, a new female intelligentsia emerged—teachers, doctors, librarians, and cultural workers [2, pp. 214–217].

The Soviet government sought to involve women in the workforce. They began working in the textile industry, oil companies, schools, hospitals, and collective farms [7, pp. 205–207].

Women's participation in public life increased significantly. From the 1930s to the 1950s, they joined trade unions, Komsomol, and party organizations, and participated in meetings and elections. However, most leadership positions were still held by men [1, pp. 152–154].

Changes also affected family relations. Soviet legislation enshrined equal rights in marriage and opposed early and forced marriages, as well as polygamy [6, pp. 103–106].

Women's daily lives also gradually changed. In cities, a new type of woman emerged—educated and socially active. However, in rural areas, the influence of traditional norms persisted for much longer [5, pp. 126–129].

Contradictions and limitations of Soviet women's policy

Despite the reforms, Soviet women's policy had serious limitations. The main contradiction was the clash between traditional norms and Soviet reforms. This was especially noticeable in rural areas, where society remained patriarchal [3, pp. 181–184].

The conflict manifested itself most acutely in the campaign against the chador and female isolation. Women who supported reforms often faced pressure and resistance from family and society [5, pp. 130–132].

Moreover, formal equality did not eliminate social inequality. Women more often occupied less prestigious positions and rarely achieved leadership positions [7, pp. 214–216].

The Soviet system also imposed a double burden on women: they were expected to work while simultaneously fulfilling traditional family responsibilities. Therefore, even with expanded rights, many women continued to experience social and domestic pressure [4, pp. 51–53].

Thus, Soviet women's policy contributed to the modernization of Azerbaijani society, but was unable to completely overcome traditional ideas and various forms of inequality.

Conclusion

Soviet women's policy in Azerbaijan became a significant factor in social modernization. It contributed to higher levels of education, women's involvement in work and public life, and changes in family relations. However, these transformations did not completely eliminate traditional notions and social inequality. Formal equality often combined with the persistence of patriarchal norms, women's limited participation in governance, and a double social burden. Therefore, the experience of Azerbaijan demonstrates that Soviet women's policy was simultaneously a process of modernization and a source of new contradictions.

Bibliography

1. Akiner, S. Islamic Peoples of the Soviet Union. London: Kegan Paul International, 1983. 352 p.

2. Altstadt, AL The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford: Hoover Institution Press, 1992. 331 p.

3. Edgar, A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004. 416 p.

4. Heyat, F. Azeri Women in Transition: Women in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan. London: Routledge, 2002. 240 p.

5. Kamp, M. The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle: University of Washington Press, 2006. 320 p.

6. Massell, G. J. The Surrogate Proletariat: Muslim Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton: Princeton University Press, 1974. 448 p.

7. Tohidi, N. Soviet in Form and National in Content: The Gender System in Soviet Azerbaijan. In: Women in Muslim Societies: Diversity within Unity / ed. by H. Bodman, N. Tohidi. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998, pp. 193–222.

СЕКЦИЯ 3
БЕЛАРУСЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ

УДК 008 (476) 091

ДЗЕЙНАСЦЬ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ ПА ФАРМІРАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬНА-АДРАДЖЭНСКАГА РУХУ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX СТ.

ACTIVITIES OF THE INTELLIGENTIALS IN FORMING THE NATIONAL REVIVAL MOVEMENT IN BELARUS AT THE END OF THE 19TH CENTURY

А. І. Багдановіч
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
УО «Белорусский национальный технический университет»
Мінск, Рэспубліка Беларусь
A. I. Bogdanovich
PhD in History, Associate Professor
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Анатацыя. У артыкуле прасочваюцца асноўныя напрамкі культурна-асветніцкая дзейнасці інтэлігенцыі, узнікненне і нацыянальная свядомасці і фарміравання нацыянальна-адраджэнскага руху ў Беларусі ў канцы XIX стагоддзя.

Abstract. The article traces the main directions of cultural and educational activities of the intelligentsia, the emergence of national consciousness and the formation of the national renaissance movement in Belarus at the end of the nineteenth century.

Ключавыя словы: нацыянальная інтэлігенцыя, адраджэнскі рух, культурна-асветніцкая дзейнасць, нацыянальна-культурная адметнасць, беларуская дзяржаўнасць

Keywords: national intelligentsia, renaissance movement, cultural and educational activities, national cultural peculiarity, Belarusian statehood

Адмена прыгоннага права і буржуазныя рэформы ў Расійскай імперыі мелі важныя наступствы не толькі для сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і культурнага развіцця народаў, насяляўшых яе, але аб'ектыўна садзейнічала абуджэнню ў іх нацыянальнай самасвядомасці. Асабліва актуальным гэта было для беларусаў, якія толькі ў канцу XIX стагоддзя ачнуліся ад летаргічнага анабіёзу, у якім знаходзіліся з канца XVII ст. Працяглы час нацыянальная свядомасць беларусаў была самай нізкай сярод усіх славянскіх народаў, што тлумачылася шэрагам аб'ектыўных прычын, галоўная з якіх была адарванасць адукаваных, заможных пластоў грамадства, найперш шляхты, ад сваіх культурна-моўных каштоўнасцей і пераход да чужых: з пачатку XVII ст. – польскія, а з пачатку XIX ст. – рускія.

У такіх умовах нельга было спадзявацца, што сярод беларусаў маглі паявіцца людзі са здаровай нацыянальна-дзяржаўнай свядомасцю. Такое магчыма толькі ў грамадстве, якое развіваецца на сваіх, а не на чужых нацыянальна-культурных каштоўнасцях і традыцыях. Не выпадкова, што ў час польскіх нацыянальна-вызваленчых паўстанняў 1830-1831 гг. і 1863-1864 гг. беларуская шляхта ў большай ступені выступілі пад лозунгамі польскай, чым уласнай нацыянальнай ідэі і імкнуліся адрадзіць Рэч Паспалітую ў межах 1772 г.,

спадзюючыся атрымаць ў ёй у большай ступені сімвалічную, чым рэальную палітычную незалежнасць.

Пад уплывам дзяржаўнай палітыкі русіфікацыі, якая актыўна пачала насаджацца пасля падаўлення паўстання 1830-31 гг., адукаваныя і заможныя слаі беларускага грамадства пачалі адыходзіць ад польскіх і станавіцца носьбітамі рускіх культурна-моўных традыцый. На гэты небяспечны для беларускай ідэі працэс нават не паўплывалі даследаванні расійскіх і мясцовых навукоўцаў, якія ў сваіх працах даказалі адметнасць і самабытнасць беларускай мовы і культуры, іх адрозненні ад рускай, польскай і ўкраінскай. Глухімі да вынікаў такіх даследаванняў засталася і большасць рускага вялікадзяржаўнага чыноўніцтва і расійскай інтэлігенцыі. Іх погляды не пахіснула нават паяўленне першых арыгінальных твораў новай беларускай літаратуры, створанай на базе беларускай народнай гаворкі.

Паяўленню гэтых твораў мы абавязаны лепшым прадстаўнікам маладой беларускай інтэлігенцыі, якая выразна ўсвядоміла сваю этнічную прыналежнасць і зрабіла першыя крокі, каб абвясціць усяму свету аб тым, што няглядзячы на абсалютна неспрыяльныя ўмовы існавання, ганенні з боку афіцыйных уладаў, беларускі народ не згінаў, а змог захаваць сваю адметную ад іншых арыгінальную народную мову і культуру у вуснай творчасці, народных традыцыях і абрадах. Насуперак працяглым і ўпартым старанням ўладаў заходняга і ўсходняга славянскіх народаў пазбавіць беларусаў свайго этнічнага “Я”, зрабіць іх падобнымі да палякаў ці рускіх, у многіх сапраўдных патрыётаў Бацькаўшчаны, ніколі не было жадання стаць інструментам дзяржаўнай палітыкі асіміляцыі.

У 1891 годзе у прадмове да зборніка вершаў “Дудка беларуская” Ф. Багушэвіч выступіў супраць зняважлівых адносін да роднай мовы як “мужыцкай”, якія праяўляліся і сярод саміх беларусаў. Ен нагадаў, што ў XVI – XVII ст. беларускай мовай карысталіся “вялікія паны” і зрабіў выснову: “Мова нашая есць такая ж людская і панская, як французская, альбо нямецкая, альбо іншая якая”. Адначасова ён папярэдзіў беларусаў: “Шмат было такіх народаў, што страцілі найперш мову сваю, так як і той чалавек перад скананнем, каторому мову займае, а потым і зусім замерлі. Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі!” [1, с.159]

Адстойваць сваю нацыяльна-культурную адметнасць беларусам істотна перашкаджалі, па словах прафесара Л. Лыча, “Герастраты ўласнай гадоўлі”, такія як ураджэнец Гродзенскай губерні, прафесар Пецярбургскай духоўнай акадэміі Міхаіл Каяловіч (1828-1891 гг.), які нагнаў аскому сваім сцвярджэннем, што Беларусь гэта сапраўды руская вобласць, а яе жыхары, каб не стаць ворагамі свайго роднага вялікарускага народу, павінны пераймаць расійскую асвету і мову і адцурацца ад польскага ўплыву. Ён прапаноўваў царскаму ўраду розныя праекты, ажыццяўленне якіх магло б спрыяць зліццю ў адзінае цэлае Усходняй і Заходняй Русі. Яго зусім не хвалявала тое, што ў выніку такога зліцця нічога не захаваецца ад самабытнай культуры і мовы беларускага народа, што яны “будучы занесенымі ў бязмежны рускі акіян, бясследна растворацца ў ім, паклаўшы гэтым самым канец існаванню аднаго з суб’ектаў славянскай супольнасці” [2, с. 51].

Адмена прыгоннага права і буржуазныя рэформы стварылі спрыяльныя ўмовы для ўзнікнення і развіцця буржуазных адносін у вёсцы, расслаенню сялянства, паяўленню сельскай буржуазіі, якая ў 80-90-я гады XIX ст. ужо склала даволі значную праслойку беларускага грамадства. Менавіта з асяроддзя заможнага сялянства, засцянковай шляхты і арэндатараў пачынае фарміравацца нацыянальная беларуская інтэлігенцыя: студэнты, народныя настаўнікі, фельчары, урачы, паштовыя служачыя, інжынеры, тэхнікі, дробныя чыноўнікі. Менавіта яны і іх дзеці пачынаюць цікавіцца роднай гісторыяй, ствараць нацыянальную літаратуру, тэатр, музыку, заснаваныя на народнай гаворцы і народных культурных традыцыях і самае галоўнае яны пачынаюць весці значную культурна-асветніцкую працу сярод шырокіх слаёў насельніцтва. Толькі пад’ём агульнаадукацыйнага і

культурнага ўзроўню народа мог стварыць перадумовы для адраджэння нацыянальнай свядомасці і афармлення беларускай нацыянальнай ідэі [3, с. 52].

Асноўнымі накірункамі культурна-асветніцкай дзейнасці інтэлігенцыі Беларусі ў парэформенны перыяд, на наш погляд, былі: народныя чытанні, арганізацыя народных бібліятэк і народных чытальняў, музычна-драматычных гурткоў, прафесійных тэатраў, нядзельных школ, адукацыйных курсаў і гандлю кнігамі. Першыя спробы арганізацыі народных чытанняў у Беларусі адносяцца да пачатку 70-х гадоў. Рэальна ж яны пачалі праводзіцца з канца 70-х гадоў XIX ст., а з сярэдзіны 80-х гадоў іх правядзенне набыло масавы характар.

Важным накірункам культурна-асветніцкай дзейнасці інтэлігенцыі было стварэнне і дзейнасць прафесійных і аматарскіх тэатраў. Тая частка інтэлігенцыі, якая прафесійна займалася тэатральна-мастацкай дзейнасцю, імкнулася, нягледзячы на афіцыйныя забароны і цэнзуру, пазнаёміць гледача з лепшымі творамі тагачаснай драматургіі, і, па магчымасці, ва ўмовах дэмакратызацыі тэатральнага гледача (гледачамі становяцца разначынная інтэлігенцыя, рамеснікі, рабочыя і нават прадстаўнікі сялянства) прапагандаваць творы беларускага народнага мастацтва. Гэта ў многім абумовіла станаўленне ў пачатку XX ст. нацыянальнага беларускага тэатра [3, с. 113].

Вялікае месца ў рабоце інтэлігенцыі з насельніцтвам займала арганізацыя нядзельных і вячэрніх адукацыйных і прафесійных курсаў, чаму не магла пярэчыць нават царская адміністрацыя. Яна вымушана была дапамагаць стварэнню спрыяльных умоў для іх работы. Па ініцыятыве перадаваых прадстаўнікоў інтэлігенцыі арганізуюцца: навучанне сялянскіх дзяцей воспапрышчэпванню, сельскагаспадарчыя курсы для настаўнікаў і сялянскай моладзі, агульнаадукацыйныя і прафесійныя курсы і курсы малявання і крэслення для дзяцей рабочых. Пры гэтым сродкі на ўтрыманне курсаў і выкладанне на іх забяспечвалі самі прадстаўнікі інтэлігенцыі, што сведчыць аб іх бескарысным імкненні служыць справе асветы народа.

Менавіта перадавыя прадстаўнікі беларускага студэнцтва ў Пецярбурзе стварылі суполку “Гоман” і пачалі выдаваць аднайменны часопіс, у якім упершыню выразна сфармулявалі і агучылі імкненне беларускага народа на нацыянальнага самавызначэнне. У першым нумары свайго часопіса яны пісалі:”З усіх народнасцяў, якія ўваходзяць у склад сучаснай Расіі, лёс беларусаў адметны тым, што на іх ужо з даўняе пары прывыклі глядзець як на некаторы матэрыял для ўсемагчымых эксперыментаў, а не як на жывую народнасць, здольную самастойна распараджацца сабою. Зыходзячы з гэтага пункту гледжання, бліжэйшыя суседзі беларусаў, карыстаючыся правам моцнага, здзяйснялі над імі свае доследы і бесцырымонна накладвалі рукі на жывы арганізм беларускай народнасці, наперад вызначыўшы, што яна павінна маўкліва падпарадкавацца дужэйшым і асіміляваццa з імі растварыўшыся ў вялікарускім ці польскім моры [4, с. 61].

Рэдакцыя часопіса справядліва ўскладала усе надзеі на інтэлектуальныя сілы народа, якія дапамогуць беларусам некалі ўсё ж даць рашучы адпор любым спробам пераўтварыць іх у безаблічную этнічную масу, прыдатную толькі для колькаснага павелічэння рускага народа. Яна радавалася што “Беларусь у сваёй інтэлігенцыі пачынае патроху ўсведамляць свае адметныя рысы як вобласць, далёка не падобнай да іншых абласцей Расіі. Будучы прасякнутай сучаснымі дэмакратычнымі ідэямі, інтэлігенцыя Беларусі пачала ўсведамляць, што іх Радзіма толькі тады перастане быць яблыкам разладу і прынадным кавалкам для суседзяў, калі яна сама сваімі ўласнымі сіламі даб’ецца волі, сама ўладкуецца [2, с. 22]

Неацанімы ўклад у справу нацыянальна-культурнага адраджэння ўнесла нацыянальна-свядомая інтэлігенцыя, якая згуртавалася ў пачатку XX ст. вакол рэдакцыі газеты “Наша ніва”. Газета стала галоўнай трыбунай, ідэолагам і арганізатарам нацыянальна-культурнага руху, накіраванага супраць вялікадзяржаўнай палітыкі царызму, рэакцыйнай

дзейнасці рускіх чарнасоценна-акцябрысцкіх і польскіх памешчыцка-клерыкальных партый і арганізацый, а таксама царквы і касцёла, якія імкнуліся асіміляваць беларускі народ, далучыўшы праваслаўную яго частку да рускіх, а каталіцкую – да палякаў. Актыўных змагароў супраць гэтых адмоўных з'яў з кожным годам станавілася ўсё больш і больш. З гэтага часу ужо ніякія палітычныя сілы не маглі спыніць рух беларусаў за нацыянальнае адраджэнне, ў якім цэнтральнае месца займалі пытанні мясцовай аўтаноміі. У асяроддзі найбольш прагрэсіўных удзельнікаў нацыянальнага руху ўсё больш папулярнай станавілася ідэя поўнай дзяржаўнай незалежнасці Беларусі.

Такім чынам, буржуазныя рэформы паспрыялі паяўленню хаця і тонкага слою нацыянальнай інтэлігенцыі, якая фарміравалася з прадтаўнікоў дробнай сельскай буржуазіі, сялянства і шляхты. Менавіта інтэлігенцыя разгарнула масавую культурна-асветніцкую работу з насельніцтвам і паспрыяла ўзнікненню нацыянальнай ідэі і нацыянальна-культурнага адраджэння ў канцы XIX – пачатку XXст. Пашырэнне і развіццё гэтай ідэі паступова прыводзіць да ідэі нацыянальна-дзяржаўнай аўтаноміі і ўзнікненне палітычнай партыі, якая галоўнай мэтай сваёй дзейнасці бачыць стварэнне беларускай дзяржаўнасці.

Бібліяграфічны спіс

1. Біч, М.В.Гісторыя Беларусі: канец XVIII – 1917г. : Вучэб. дапам. для 8-го кл. агульнаадукац.школы /М.В. Біч пад рэд. Я.М. Бабосава. – Мн.: Народная асвета,1998. – 288с.
2. Лыч, Л. Праблема захавання беларускай этнакультурнай прысутнасці ў славянскім свеце / Л. Лыч. – Мінск, 2006.
3. Багдановіч А. Асноўныя напрамкі культурна-асветніцкай дзейнасці інтэлігенцыі Беларусі ў другой палове XIXст. / А. Багдановіч. – Гісторыя: праблемы выкладання. - 2002. №4.
4. Публицистика белорусских народников / Под ред. В.И. Мелешко. – Минск,1983.

УДК 908(476)

ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ЖЕНЩИНАХ: КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

OBJECTS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF BELARUS AS A MEANS OF PRESERVING THE MEMORY OF PROMINENT WOMEN: A LOCAL SCIENCE ASPECT

Д. В. Дубинин
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

D. V. Dubinin
PhD in history, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается роль объектов историко-культурного наследия Беларуси в контексте сохранения и популяризации памяти о выдающихся женщинах, внесших значительный вклад в историю и культуру страны. Особое внимание уделяется краеведческому аспекту: анализируются конкретные объекты историко-культурного наследия Беларуси через призму изучения учебной дисциплины «Краеведение Беларуси». Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных экскурсий и региональных краеведческих программ.

Abstract. The article examines the role of objects of historical and cultural heritage of Belarus in the context of preserving and popularizing the memory of outstanding women who made a significant contribution to the history and culture of the country. Special attention is paid to the local history aspect: specific objects of the historical and cultural heritage of Belarus are analyzed through the prism of studying the academic discipline "Local History of Belarus". The research materials can be used in the development of educational excursions and regional local history programs.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Беларусь, выдающиеся женщины, краеведение, историческая память, гендерный аспект, этническая история.

Keywords: historical and cultural heritage, Belarus, outstanding women, local history, historical memory, gender aspect, ethnic history.

Современный этап развития белорусского краеведения характеризуется переходом от описания общих исторических процессов к изучению «человеческого измерения» истории [1]. В этом контексте особое значение приобретает восстановление и популяризация имен женщин, внесших значительный вклад в духовное, политическое и культурное развитие Беларуси.

Мемориальные доски и памятники в данном случае выступают не только как объекты монументального искусства, но и как важнейшие визуальные маркеры исторического пространства. Для учебной дисциплины учреждения высшего образования «Краеведение Беларуси» исследование таких объектов позволяет объективно оценить социокультурный потенциал страны, расширить экскурсионную тематику и усилить воспитательный аспект образовательного процесса.

Рассмотрение данной проблемы приобретает особую актуальность в год, объявленный Президентом нашей страны, как Год женщины. Изучение в рамках учебной дисциплины «Краеведения Беларуси» памятных досок и монументов выдающимся белорусским

женщинам позволяет не только восстановить историческую справедливость, но и глубже понять социокультурное развитие страны.

В белорусском мемориальном ландшафте женские образы представлены духовными просветительницами, защитницами отечества и деятельницами культуры. Женщина в белорусской мемориальной культуре выступает не просто как личность, а как хранительница духовного кода нации и символ самоотверженного служения Отечеству.

В рамках учебной дисциплины «Краеведение Беларуси» данное направление работы связано с выявлением и систематизацией мемориальных объектов (памятники и памятные доски), посвященных выдающимся женщинам Беларуси, определения их роли в формировании государственной идеологии и исторической памяти. На основе комплексного краеведческого анализа в рамках историко-краеведческой практики обучающиеся овладевают умениями инвентаризации основных мемориальных объектов, связанных с женскими именами в городе Минске (регионах Беларуси); разработки типологии данных объектов по сферам деятельности личностей (просветительская, героико-патриотическая, культурная); обоснования возможности включения изученных объектов в учебные экскурсионно-краеведческие маршруты. Исследовательская деятельность в рамках учебной дисциплины осуществляется с помощью описательного метода (фиксация состояния памятников); историко-генетического метода (изучение биографий женщин и истории создания монументов); метода классификации (распределение объектов по тематическим группам).

Мемориализацию образов выдающихся женщин в историко-культурном пространстве Беларуси можно условно разделить на три блока: «Духовность и государственность»; «Ратный подвиг и историческая правда»; «Культурный код нации».

Через образы духовных просветительниц (святая Евфросиния Полоцкая, праведная София Слуцкая) транслируются традиционные духовные и нравственные ценности, подчеркивается историческая глубина белорусской государственности и ее опора на христианские гуманистические идеалы.

Мемориализация подвига женщин в годы Великой Отечественной войны (В. Хоружая, Е. Мазаник, З. Туснолобова-Марченко) является важнейшим элементом сохранения исторической правды. В эпоху попыток фальсификации истории памятники женщинам-героям служат живым доказательством всенародного характера сопротивления и несокрушимости национального духа, являются ключевым фактором патриотического воспитания молодежи в рамках изучения дисциплины «Краеведение Беларуси».

Памятники и памятные знаки деятелям культуры и науки (Э. Ожешко, С. Станюта, Л. Александровская) демонстрируют интеллектуальный и созидательный потенциал белорусской нации.

Таким образом, на примере изучения вопроса мемориализация образов выдающихся женщин в историко-культурном пространстве Беларуси у обучающихся формируется чувство гордости за свой народ, происходит осознание значимости вклада женщины в консолидацию белорусского общества на разных исторических этапах. Женские образы, увековеченные в граните и бронзе, выступают фундаментальными опорами формирования у подрастающего поколения национального самосознания.

Центральное место в системе краеведческих знаний занимают образы святых просветительниц Евфросинии Полоцкой и Софии Слуцкой, которые выступают в качестве символов духовного суверенитета Беларуси. Мемориальные объекты, посвященные этим выдающимся женщинам, транслируют ценности сохранения мира и национального единства.

Памятники и архитектурные сооружения преподобной Евфросинии Полоцкой (Минск, Полоцк, Речица) выступают как монументальное воплощение идеи Просвещения и рассматриваются в рамках учебной дисциплины «Краеведение Беларуси» как визуальные маркеры «золотого века» полоцкой истории.

Памятник Евфросиньи Полоцкой в Минске (скульптор И. Голубев), расположен во внутреннем дворике БГУ. Он акцентирует внимание на интеллектуальном служении Евфросинии Полоцкой народу. Святая изображена со свитком и крестом, что символизирует неразрывность веры и знания. Образ преподобной Евфросинии транслирует идею интеллектуальной преемственности и верности национальным истокам. В идеологическом аспекте памятник подчеркивает, что фундаментом белорусской науки и культуры является многовековая православная традиция и просветительская деятельность женщины, ставшей духовным ориентиром нации [2; 3; 4; 5].

Памятник Евфросиньи Полоцкой в Полоцке (скульптор И. Голубев) установлен как дань уважения женщине, чье имя на протяжении девяти веков олицетворяет нравственную силу и культурное наследие Беларуси. Бронзовая статуя размещена на центральной площади города изображает Ефросинью Полоцкую в полный рост в строгом монашеском одеянии, которое подчеркивает ее благообразность и целомудренность. В руках она держит свою главную святыню — шестиконечный крест, созданный мастером Лазарем Богшей. Скульптура установлена так, что взгляд святой направлен в сторону основанного ею Спасо-Евфросиниевского монастыря, символизируя её земной и духовный путь [3; 5].

В городе Речица образ небесной покровительницы Беларуси увековечен в форме величественной часовни-каплицы (архитектор Э. Агунович). Сооружение представляет собой четыре динамично сходящиеся опоры, которые символизируют развитие жизни и мысли по спирали. Каждая ступень посвящена значимым историческим личностям и святым Беларуси. В центре каплицы установлен гранитный постамент с ликом святой. Вершину каплицы украшает золоченый крест, напоминающий о знаменитой реликвии Лазаря Богши [3; 5].

Исследование этих объектов позволяет обучающимся проследить генезис белорусской книжности и архитектуры, связывая древность с современным образовательным пространством. Если полоцкий памятник — это «встреча» с самой просветительницей, то речицкая каплица — это «молитва» в металле, напоминающая о её вечном присутствии в истории всей страны [2; 3; 5].

Памятник княгине Софии Слуцкой в городе Слуцке (скульптор М. Иньков и архитектор Н. Лукьянчик.) является важным объектом регионального краеведения, отражающим сложный период конфессиональной борьбы конца XVI – начала XVII веков. Памятник представляет собой отлитую из бронзы фигуру святой, а также высокую арку, находящуюся у княжны за спиной, состоящую из трех «лепестков». Важной деталью в композиции является жест левой руки Софии, который призывает остановиться и задуматься на мгновение о быстротечности бытия, о предназначении и жизни человека Арка, в которой установлена фигура, символизирует церковный свод и небесную защиту города. Монумент интерпретируется как символ защиты конституционного права на свободу вероисповедания. София Слуцкая изображена как «миротворица» и хранительница православия. В контексте современной государственной политики образ Софии Слуцкой подчеркивает важность межконфессионального согласия и недопущения раскола в обществе. Её личность демонстрирует пример «мягкой силы» — защиты государственных и духовных интересов через милосердие и твердость убеждений [3; 4].

Изучение мемориализации выдающихся женщин Евфросинии Полоцкой и Софии Слуцкой рассматривается интегрированно в блоке «Духовность и государственность». Евфросиния Полоцкая олицетворяет *истоки* государственности и культуры, а София Слуцкая — *сохранение* идентичности в условиях внешнего давления. Знакомство обучающихся с культурно-исторических пространством Беларуси на примере этих скульптурных и архитектурных сооружений способствует формированию у них идеологического фундамента, на котором базируется представление о белорусской женщине

как о равноправном субъекте истории, чей вклад в государственное строительство был обусловлен прежде всего высокой нравственной миссией.

В контексте Года женщин изучение мемориалов, посвященных женщинам-участницам Великой Отечественной войны, дает возможность познакомиться с женским лицом героизма и белорусского сопротивления в монументальном искусстве. В рамках изучения учебной дисциплины «Краеведение Беларуси» памятники женщинам-участницам Великой Отечественной войны рассматриваются как ключевые инструменты противодействия фальсификации истории. Женский подвиг в белорусской мемориализации представлен как многогранное явление: от героизма на фронте до подпольной борьбы и самоотверженного милосердия.

Особое внимание относительно изучения материала в блоке «Ратный подвиг и историческая правда» уделяется мемориальным знакам в честь Елены Мазаник, Марии Осиповой. Данные объекты служат ключевыми точками в изучении истории антифашистского сопротивления. Их идеологическая нагрузка заключается в демонстрации гражданской смелости и самопожертвования белорусских женщин, чья деятельность внесла решающий вклад в приближение Победы и сохранение жизни мирного населения. Памятные доски служат напоминанием о том, что белорусская женщина в условиях оккупации стала активным субъектом политической и военной борьбы. Эти объекты подчеркивают всенародный характер войны, где идеологическая убежденность и личное мужество женщин позволили осуществить операцию, изменившую ход оккупационного режима. Особое место в краеведении занимают мемориалы, посвященные подвигу женщин-партизанок и подпольщиц (из 190 партизан-Героев Советского Союза — 26 женщины, 11 из которых сражались в Беларуси). Изучение данных локаций позволяет реконструировать топографию минского подполья, связывая конкретные адреса с именами Героев Советского Союза.

Памятники и мемориальные доски Вере Хоружей (Минск, Витебск) отражают образ профессионального революционера и патриота. Её жизнь и мученическая гибель в витебской тюрьме СД демонстрируют несгибаемость духа перед лицом нацизма. Памятник-бюст Вере Хоружей (скульптор З. Азгур) был установлен в 1973-м на территории средней школы № 31, которой в год 75-летия Великой Победы было присвоено ее имя.

Глубоко гуманистический характер носит мемориализация судьбы медсестры Зинаиды Туснолобовой-Марченко в Полоцке и Минске. Мемориальная доска и музей-квартира в Полоцке рассказывают о мужестве медсестры, ставшей символом стойкости. Подвиг Зинаиды Туснолобовой-Марченко, потерявшей на фронте руки и ноги, но нашедшей силы жить и вдохновлять солдат своими письмами, является высшим проявлением моральной победы над врагом. Это символ женской стойкости и способности к возрождению, что созвучно общей идее восстановления Беларуси в послевоенный период. Изучение мемориальных объектов блока «Ратный подвиг и историческая правда» направлено на консолидацию общества (подвиг женщин-героинь объединяет разные социальные группы вокруг идеи защиты Отечества), его коммеморацию (памятные знаки служат «живыми свидетелями», не позволяя стереть память о жертвах и героизме белорусского народа) и образование (через региональные мемориалы реализуется принцип «от малой родины — к великой истории», делая историю ВОВ личностно значимой для каждого обучающегося.).

Изучение памятников и мемориальных досок деятелям культуры в курсе «Краеведения Беларуси» позволяет проследить процесс формирования национальной идентичности через литературу, музыку и театральное искусство. Данные объекты историко-культурного наследия акцентируют внимание на созидательной роли женщины и объединены в блоке «Культурный код нации». Женские образы здесь выступают как «хранительницы живого слова» и символы эстетического возрождения страны. В идеологическом контексте это демонстрирует преемственность таланта, сохранение национального языка и формирование высокого авторитета белорусской культуры на международной арене.

Памятники Алоизе Пашкевич (Тётка) в Щучине и Острино (Гродненская область) являются ключевыми для понимания этапа становления белорусского самосознания в начале XX века. Алоиза Пашкевич мемориализована как патриотка, стоявшая у истоков белорусской школы и печати. Её образ символизирует право народа на самоопределение через развитие родного языка. В курсе краеведения её личность объединяет литературу, педагогику и общественную деятельность, демонстрируя активную роль женщины в защите национальных интересов.

Памятник и дом-музей писательнице Элизе Ожешко в Гродно являются центральными объектами литературного краеведения западного региона. Творчество Элизы Ожешко мемориализовано как пример глубокого гуманизма и любви к «малой родине». В контексте государственной политики по сохранению историко-культурного наследия образ писательницы подчеркивает многогранность белорусской культуры и её включенность в общеевропейский контекст. Её деятельность по защите обездоленных и просвещению крестьян трактуется как пример высокой гражданской ответственности.

Мемориальные доски в Минске (пр-т Независимости, 19 и ул. Захарова, 27) увековечивают память о великой белорусской драматической актрисе Стефания Станюта и оперной певице Ларисе Александровской. Эти имена неразрывно связаны со становлением национального театрального искусства. Мемориализация С. Станюты и Л. Александровской в городском пространстве Минска, включение этих объектов в учебные маршруты позволяет студентам осознать масштаб вклада женщины в формирование современного облика белорусской столицы как культурного центра. Мемориальные объекты выполняют этетическую функцию (формирование вкуса и уважения к высокому искусству); лингвистическую функцию (популяризация белорусского языка через образы его выдающихся носителей); имиджевая функцию (демонстрация интеллектуального богатства Беларуси как страны с глубокими культурными традициями).

Изучение мемориальных объектов, посвященных выдающимся женщинам Беларуси, в рамках учебной дисциплины «Краеведение Беларуси» подтверждает их значимость как носителей глубокого идеологического и образовательного контента. Мемориализация женских образов в монументальном пространстве Беларуси (от святых просветительниц до героинь Великой Отечественной войны и деятелей искусства) способствует формированию целостного представления о созидательной и защитной функции женщины в истории государства, популяризации региональной истории, укреплению государственного иммунитета против фальсификации прошлого. Включение данных материалов в образовательный процесс обеспечит более эмоциональное и глубокое восприятие студентами исторического наследия Беларуси».

Библиографический список

1. Кондратова, Г. А. Человеческое измерение истории : монография / Г. А. Кондратова ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова". — Архангельск : КИРА, 2007. — 310 с.
2. Чантурия, Ю. В. Памятники и памятные места Беларуси / Ю. В. Чантурия. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 2019. – 416 с.
3. Корсаков, Д. Г. Памятники истории и культуры Республики Беларусь : учеб. пособие / Д. Г. Корсаков. – Минск : РИПО, 2021. – 311 с.
4. Летопись памяти поколений: мемориальная архитектура Беларуси / [ред.-сост. С. Л. Витязь]. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 350 с.
5. Сардаров, А. С. Путеводные знаки Беларуси : [об архитектуре малых форм и памятниках, в т. ч. Е. Полоцкой] / А. С. Сардаров. – Минск : Мастацкая літаратура, 2010. – 174 с.
6. Гродно: история в камне. Монументальная скульптура города / И. В. Кудряшов. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017. – 120 с.
7. Ватацы, Н. Б. Шляхамі Цёткі : [пра ўшанаванне памяці А. Пашкевіч] / Н. Б. Ватацы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1981. – 80 с.

УДК 947.6.045

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ВЫВОДЕ ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI – СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

ABUSES DURING THE WITHDRAWAL OF THE NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE XVI – MID-XVII CENTURY AND COUNTERACTION MEASURES

И. В. Красинский
УО «Белорусский государственный университет»
Минск, Республика Беларусь
Науч. рук. – А. Б. Довнар,
кандидат исторических наук, доцент

I. V. Krasinsky
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
Scientific director – A. B. Dovnar,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Аннотация. Рассматриваются основные формы злоупотреблений, возникавших в практике вывода шляхетства в Великом Княжестве Литовском в XVI – середине XVII в. Исследуются административные, процессуальные и доказательственные способы давления, а также меры противодействия им, применявшиеся в судебной и канцелярской практике. Установлено, что развитие книжной проверки, процессуальных гарантий и санкций ограничивало возможности подлога и административного произвола.

Abstract. The article examines the main forms of abuses that arose in the practice of proving nobility in the Grand Duchy of Lithuania in the sixteenth to the mid-seventeenth century. Administrative, procedural and evidentiary forms of pressure, as well as the measures used to counter them in judicial and chancery practice, are analysed. It is established that the development of documentary verification, procedural guarantees and sanctions limited the possibilities of forgery and administrative arbitrariness.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, шляхта, вывод шляхетства, судебная практика, злоупотребления.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, nobility, proof of nobility, judicial practice, abuses.

Практика вывода шляхетства в Великом княжестве Литовском складывалась как средство защиты сословных привилегий, однако в реальных конфликтах она заключала в себе и значительные возможности для злоупотреблений. Эти злоупотребления имели различный характер. В одних случаях они были административными, когда урядники и держатели волостей стремились расширить податно-повинностную базу посредством причисления бояр и земян к тяглым людям. В других случаях они приобретали процессуальную форму, когда сама процедура использовалась для затягивания разбирательства и дискредитации противной стороны. Наконец, встречались и злоупотребления доказательственного порядка, выражавшиеся в подлогах, намеренно неполных родословиях, манипуляциях со свидетелями и данными из актовых книг. Соответственно, средства противодействия формировались в нескольких направлениях: через укрепление книжной проверки, усиление ответственности за необоснованную нагану шляхетства и за незаконное причисление посторонних лиц к шляхетским клейнодам, формализацию требований к составу свидетелей, а также через охранительные меры на время разбирательства.

Одной из наиболее ранних форм злоупотреблений был административный принудительный перевод к тяглым работам и платежам, что и вызывало необходимость

вывода шляхетства. Осенью 1495 г. в Гродне неманойтские бояре Юрий Динктайлович, Юшка Миколаевич, Наць Анорович, Мацко Бутрымович и Радзивилл Немирович сопротивлялись принуждению к сенокосу и иным тяглам со стороны пристава и волостной администрации. Для урегулирования конфликта власть инициировала проверку их происхождения с участием троцкого воеводы Петра Яновича и эйшишского наместника Петраска Радзивиловича, подтвердившего их давнее родство с другими боярами и наличие у них клейнодов. В данном случае злоупотребление выразилось в самовольном расширении повинностей, тогда как противодействие было основано на соединении документального подтверждения и свидетельства урядника, способного отличить боярскую службу от волостной. Результатом стало запрещение дальнейшего привлечения этих лиц к тяглым работам и закрепление за ними боярского статуса [1, p. 84–85].

Сходная ситуация повторилась в феврале 1496 г., когда Ктышевич, Монтайла и Станко жаловались на причисление их к дяклам и взыскание податей. Рассмотрев письма, великокняжеская канцелярия оставила их в шляхетском состоянии и одновременно сформулировала принцип ответственности как за незаконное причисление к шляхте, так и за перевод шляхты в тяглую группу. Тем самым уже в конце XV в. осознавался двойной риск злоупотреблений, а противодействие выражалось в угрозе санкций и письменной проверке [1, p. 90].

Жемойтский материал 1496 г. также отражает злоупотребления держателей, получавших землю вместе с населением. В споре бояр с жемойтским епископом последний стремился подчинить их своей власти и труду, тогда как бояре настаивали на прямой зависимости от государя. Компромисс, по которому епископ возвращал отнятое, а бояре продолжали служить государю, свидетельствует об ограничении частной власти через признание их особого статуса [2, p. 141–142].

Для конца XV в. была характерна практика, при которой утрата документов использовалась как основание для повторного причисления к тяглым. В радунском случае от 23 марта 1496 г. боярам пришлось заново подтверждать свое положение после гибели части грамот в пожаре, однако сохранение хотя бы одного действующего документа и его последовательное предъявление позволили восстановить прежние права [2, p. 135].

В первой половине XVI в. злоупотребления все чаще приобретали процессуальный характер. В 1510 г. Мартын Мишкович добивался защиты чести после публичного обвинения в смердьем происхождении, а в 1524 г. Станислав Мацкович был вынужден одновременно доказывать и свое происхождение, и законность наследственного владения спорной землей [3, p. 370; 4, p. 117]. Близкий по смыслу пример дает дело от 20 мая 1529 г., когда Андрей Рымкевич Алекшутайтис, ссылаясь на старые грамоты, добился сохранения за собой шляхетского статуса [5, с. 84].

Реформа волочной померы середины XVI в. создала условия для злоупотреблений, когда земля включалась в государственные реестры, а ее владелец превращался в подданного с повинностями. В делах 1558–1561 гг. противодействие выражалось в охранительных мандатах, запрете тяглого принуждения и проверке грамот [6, p. 243–249]. Одновременно фиксируются злоупотребления доказательственного характера: в деле Юшковичей суд предпочел письменные доказательства ненадежным свидетельским показаниям, а в решении 1546 г. по делу витебских бояр уничтожил грамоты, ошибочно представленные как подтверждение шляхетского статуса [7, p. 36–38; 8, p. 71–73].

Ссылки на утраченные документы также нередко становились предметом злоупотреблений. Так, запись 1559 г. о пожаре в имении Строчевичей закрепляла сам факт потери грамот в книге, что позволяло использовать ее как доказательственный след и избегать дальнейших споров об утрате [9, с. 113–114]. По той же причине в XVII–XVIII вв. распространялась актикация старых грамот.

Со стороны частных противников одной из наиболее частых форм давления была нагана. В споре 1616 г. между Яковом Гинюшем и Мартином Эйсмантом суд, установив компенсацию по шляхетскому тарифу, тем самым признал статус потерпевшего, а отказ обидчика отозвать обвинение повлек тюремное заключение [10, с. 286]. Аналогичным образом в деле Федора Евлашевского от 21 декабря 1579 г. суд возложил на обвинителя обязанность подтвердить и собственное состояние, предусмотрев денежную санкцию за неявку и уклонение [11, с. 335–337].

Значительная часть злоупотреблений касалась свидетелей, поэтому власть все чаще прибегала к книжной проверке. В деле Довбаровичей от 20 апреля 1562 г. показания подставного свидетеля были опровергнуты свидетельствами по обеим линиям происхождения и проверкой по пописам, подтвердившей военную службу [12, с. 24–26]. Подобную функцию выполняли и судовые книги, и память урядников, как видно в деле Якуба Станислава Войшки 1561 г., где неявка первоначальных свидетелей была восполнена сведениями о службе [9, с. 132–133].

Существенное значение имели и охранительные распоряжения, временно выводившие спорные волоки из хозяйственного оборота до завершения разбирательства [6, p. 297]. На рубеже нобилитации и вывода злоупотребления возникали и при гербовом присоединении, однако в делах ноября 1551 г. их ограничивали строгая процессуальная определенность, участие урядников и свидетельства по обеим линиям происхождения [9, с. 133–136].

Постепенно меры противодействия злоупотреблениям выходили за пределы местной практики и закреплялись в законодательстве. Конституционные решения 1632–1633 гг. установили обязанность представления подлинных письменных доказательств при подтверждении шляхетского статуса и ввели ответственность за незаконное присоединение к гербу лиц нешляхетского происхождения [13, с. 583; 14, с. 179; 15, s. 382]. Тем самым ограничивались произвольные признания и усиливался приоритет документального доказательства.

В XVII в. злоупотребления не исчезли, но изменили форму. Они все чаще проявлялись в манипуляциях доказательственной базой и родословными сведениями. Так, в деле о нагане шляхетства Замайских в Минском воеводстве в 1636 г. противодействие строилось на более строгом рассмотрении дела, проверке родословных данных и привлечении сведений о служебной биографии, которые труднее поддавались фабрикации [16, арк. 871–877].

Сходные риски проявились и в деле 1643 г., когда Казимир Гуринович-Аровинка в споре с Новицкими использовал ограниченный набор документов и родовое предание, где ранний предок мог быть сконструирован применительно к потребностям процесса. В таких случаях противодействие основывалось на внутренней критике представленных сведений, проверке хронологии и сопоставлении их с иными источниками, включая архивные материалы, фиксировавшие реальные владения и службу [17, арк. 7–10 адв.]. Подобная практика демонстрирует постепенное усиление роли документальной проверки и источниковедческой критики в судебном разбирательстве.

К середине XVII в. сформировался комплекс основных средств противодействия злоупотреблениям в практике вывода шляхетства. К их числу относился охранительный процессуальный режим, запрещавший принудительное тягление и изъятие владений на время судебного разбирательства [6, p. 243–249]. Существенное значение имела книжная проверка по пописам, реестрам и судебным выписям, позволявшая выявлять несоответствия в свидетельских показаниях и ограничивать возможности их манипуляции [12, с. 24–26]. Важным механизмом выступала и процессуальная ответственность за нагану, а также за отказ подтвердить собственный статус в случае встречного требования [11, с. 335–337]. Наряду с этим применялась крайняя мера противодействия подлогу – отмена и уничтожение документов, признанных недостоверными или не относящимися к доказательству шляхетского происхождения [8, p. 71–73]. Закрепление данных принципов в

законодательстве 1630-х гг. окончательно усилило значение письменного доказательства в судебной практике и существенно ограничило возможности злоупотреблений в делах о выводе шляхетства [13, с. 583; 15, s. 382].

Таким образом, злоупотребления в практике вывода шляхетства были органически связаны как с социальным конфликтом, так и с административной логикой государства, которое одновременно стремилось охранять шляхетские вольности и поддерживать устойчивость податно-служебной системы. Постепенное усиление книжного контроля, процессуальных гарантий и санкций превращало вывод шляхетства из локального акта сословного признания в более сложную юридико-канцелярскую процедуру. К середине XVII в. эта процедура не устранила злоупотребления полностью, однако заметно увеличила цену фальсификации и существенно ограничила возможности административного произвола.

Библиографический список

1. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 5 : (1427–1506) : Užrašymų knyga 5 / parengė A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. – Vilnius : LII leidykla, 2012. – 583 p.
2. Baliulis, A. (ed.). Lietuvos metrika. Kn. 6 : (1494–1506) : Užrašymų knyga 6 / A. Baliulis. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2007. – 515 p.
3. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 8 : (1499–1514) : Užrašymų knyga 8 / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1995. – 708 p.
4. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 : (1524–1529) : Užrašymų knyga 14 / parengė L. Karalius, D. Antanavičius. – Vilnius : LII leidykla, 2008. – 645, [2] p.
5. Акты Виленской археографической комиссии. Т. XXIV : Акты о боярах. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1897. – 590 с.
6. Lietuvos Metrika. Knyga 37 : (1552–1561) : Užrašymų knyga 37 / parengė D. Baronas. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – 632 p.
7. Lietuvos metrika. 34-oji Teismų bylų knyga : (1554–1556) / N. Šlimienė, I. Valikonytė. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2018. – 762 p.
8. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 29 : (1546–1547) : Užrašymų knyga 29 / parengė I. Ilarienė. – Vilnius : LII, 2016. – XXXII, 234 p.
9. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 35 : (1551–1558) : кніга запісаў № 35 : копія М54 канца XVI ст. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі ; падрыхтаваў А. А. Мяцельскі. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 538 с.
10. Акты, издаваемые комиссиею, Высочайше утверждённою для разбора древних актов в Вильне. Т. I : Акты Гродненского земского суда. – Вильна, 1865. – 402 с.
11. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 272 : (1576–1579) : кніга судовых спраў № 58 : копія канца XVI ст. / падрыхт. А. А. Мялешка. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 437 с.
12. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 44 : Кніга запісаў 44 (1559–1566) / падрыхт. А. І. Груша. – Мінск : Арты-Фэкс, 2001. – 229 с.
13. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VIII : Акты Виленского гродского суда. – Вильна, 1875. – 748 с.
14. Белоруссия в эпоху феодализма / Академия наук БССР, Институт истории, Архивное управление МВД БССР. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1959–1979. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века / сост. З. Ю. Копысский, М. Ф. Залога. – 1959. – 515 с.
15. Volumina legum. T. 3 : Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone. – Petersburg : Drukiem Jozafata Ohryzki, 1859. – 472, XV s.
16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 319. – Воп. 1. – Спр. 82. – Арк. 871–877.
17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 319. – Воп. 2. – Спр. 856. – Арк. 7–10 адв.

УДК 94(476)+37(476)(091)

ТРАНСЛЯЦЫЯ САЦЫЯЛЬНА-ЗНАЧНАГА ДОСВЕДУ ЯК ФАКТАР ПРАГРЭСУ ГІСТАРЫЧНАЙ ЭВАЛЮЦЫІ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ

TRANSMISSION OF SOCIALLY SIGNIFICANT EXPERIENCE AS A FACTOR OF PROGRESS IN THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE BELARUSIAN LAND

В. А. Пілецкі
доктар гістарычных навук, дацэнт
ДНУ "Інстытут гісторыі НАН Беларусі"
Мінск, Рэспубліка Беларусь

V. A. Piletski
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

Анатацыя. На аснове гістарычных крыніц і літаратуры паказана роля трансляцыі сацыяльна-значнага досведу як важнага фактару прагрэсу ў гістарычнай эвалюцыі беларускіх зямель.

Abstract. Based on historical sources and literature, the role of the transmission of socially significant experience as an important factor of progress in the historical evolution of Belarusian lands is shown.

Ключавыя словы: сацыяльна-значны досвед, трасляцыя, эвалюцыя, беларускія землі.

Keywords: socially significant experience, translation, evolution, Belarusian lands.

Адной з важных праблем гісторыі чалавецтва (разам з эканомікай, культурай, палітыкай), з'яўляецца трансляцыя (перадача) досведу ад былых пакаленняў будучым (інакш: выхаваўча-адукацыйны працэс [1, с.49–51]). Яна адлюстроўвае сферу сацыялізацыі падлеткаў. Асваенне маладымі людзьмі існуючага (на момант іх прыходу ў дарослае жыццё) сацыяльнага досведу. Тэрмін "досвед" – гэта адно з паняццяў тэорыі пазнання. Яно акрэслівае наяўнасць пэўнай колькасці ведаў, набытых ў працэсе жыцця, працы, камунікацыі з іншымі людзьмі, прафесійнай (альбо культурна-забаўляльнай) дзейнасці, удзелу ў гістарычных падзеях, ды інш. Гістарычная трансляцыя досведу гэта перадача дарослымі грамадзянамі і засваенне (набыццё) досведу дзецьмі, якое забяспечвае іх сацыялізацыю [2, с.139–143]. Што, у сваю чаргу, азначае працэс набыцця сацыяльнай сутнасці маладога чалавека. Які адбываецца (пад уплывам грамадскага асяроддзя) шляхам засваення ім сацыяльнага досведу – каштоўнасцяў, назапашаных чалавецтвам.

Асабістае набыццё досведу (інакш: адукацыйна-выхаваўчы працэс) – гэта ўсведамленне (інакш: разумовае засваенне) структуры і сутнасці пэўных падзей, працэсаў і з'яў, форм камунікацыі. І ператварэнне яго (гэтага ўсведамлення) у пэўныя ўстойлівыя разумовыя і функцыянальна-дзейсныя стэрэатыпы (шаблоны) практычных дзеянняў, ведаў і навыкаў паводзін у магчымых аналагічных (ці падобных) сітуацыях, працэсах, з'явах альбо падзеях. Якія дазваляюць сацыяльнаму індывіду дастойна (нароўні з іншымі) удзельнічаць у змаганні за выжыванне як у прамым так і пераносным сэнсе.

Даўно вядома, што адукацыйна-выхаваўчы працэс, як паўсядзённая практыка жыцця чалавецтва, маецца ў гісторыі любых сацыяльных супольнасцей. Прысутнічае на любых этапах іх эвалюцыі [3, с.205–230.]. І з'яўляецца асобнай сферай яго жыцця і дзейнасці. Кожная эпоха мае сваё "аблічча" выхаваўча-адукацыйнага працэсу з-за "тактычных" эвалюцыйных змен абумоўленых прыродна-геаграфічнымі, палітычнымі, культурна-рэлігійнымі ўмовамі. І канешне ж, прывязкай да гістарычнага этапу (часу) пражывання пэўнай сацыяльнай групоўкі ў гісторыі чалавецтва (у першабытнасці, сярэднявеччы, новым,

навейшым часе ці інш.). Самыя галоўныя эвалюцыйныя змены тут найперш выяўляюцца ў розных зместавых (*рус*.: «содерженческих») трансфармацыях таго досведу які перадаецца. Бо вядома, што грамадска-гістарычны досвед не з'яўляецца статычным а знаходзіцца ў пастаянным дыялектычным (прагрэсіўна-рухомым) стане. Штодзённа дапаўняецца кожным новым пакаленнем людзей.

Важныя змены таксама выяўляюцца ў педагагічных, метадалагічных, метадычных спосабах яго перадачы моладзі. У зменлівасці арганізацыйных форм выхаваўча-адукацыйных інстытутаў (школ, дашкольных устаноў, універсітэтаў, альбо структур і форм выхаваўча-ініцыяцыйнай абраднасці [4, с.57–66.], якія панавалі ў дадзяржаўным перыядзе гісторыі). І што вельмі важна, у рэлігійна-ідэалагічных адрозненнях. Прычым асновай усіх гэтых змен, як правіла выступае існуючая (на момант кожнага канкрэтнага гістарычнага перыяду) сітуацыя ў сацыяльна-палітычным і рэлігійна-ідэалагічным развіцці дадзенага грамадства. Інакш, яе называюць – "школьна-палітычная сітуацыя" [5, с. 126 – 133].

Калі глядзець на працэс трансляцыі досведу зыходзячы з глабальнага гістарычна-эвалюцыйнага пункту гледжання, улічваючы гісторыю беларускіх зямель, то можна зазначыць што на тэрыторыі нашай краіны выхаваўча-адукацыйны працэс (перадача досведу новым пакаленням) укладваецца ў агульначалавецыя нормы. Разам з тым маецца свая пэўная спецыфіка і пацверджанне наяўнасці тут названай гістарычнай трансляцыі досведу.

Так вядома, што гісторыя чалавецтва, па-сведчанні сучаснай навукі, пачалася з таго, што прадстаўнік "вышэйшых прыматаў" узяў у рукі палку ці камень і выкарыстаў яго для здабычы харчавання. Для палявання на звера і здабычы высокакаларыйнага прадукту – мяса. Альбо, для выкопвання прыдатных для выкарыстання ў якасці харчу салодкіх карэнняў, карняплодаў, клубняў, альбо чаго іншага прыдатнага для ежы. Наступным этапам было ўдасканаленне гэтага пачатковага інструмента ў якасці прылады працы. Завастрэнне палкі, ці кавалка косткі. Альбо стварэнне каменнага (часцей крамянёвага) вострага ляза для выкарыстання яго ў якасці нажа, ды інш.

Накапленне досведу ішло непарыўна. Потым быў вынайдзены навык свідравання адтулін у камені ці костках. Які стварыў магчымасць замацоўваць колючыя і рэжучыя прадметы на палку і ствараць тым самым яшчэ больш тэхналагічную прыладу працы. Яе цяпер можна было скарыстаць напрыклад у якасці кідальнай зброі (дзіды, ці дроціка). Тым самым была павялічана эфектыўнасць важнага жыццёвага працэсу палявання на дзікіх жывёл. Што ў сваю чаргу дазволіла здабываць большую колькасць мяса. А значыць колькасныя параметры папуляцыі чалавекападобных істот, носьбітаў грамадскага досведу жыццядзейнасці пачалі значна павялічвацца.

Той жа працэс вынаходніцтва і ўдасканалення грамадска-значнага досведу дзейнічаў пры стварэнні рыбалоўнага кручка, вуды і пляцення сетак для лоўлі рыбы. Асваення тэхнікі стварэння ляпнога посуду. Апошні быў патрэбен для захавання лішкаў прадуктаў харчавання. Пазней было вынаходніцтва ганчарнага круга. З ім працэс стварэння посуду значна паскорыўся і пачынаў выходзіць на масавы (рамесны) узровень.

Важнай знаходкай было прыстасаванне скур здабытых жывёл у якасці адзення для захавання тэмпературы цела чалавека ва ўмовах халоднага клімату. Пазней, з дапамогай навукі пляцення рыбалоўных сетак (і прадзення), было ажыццёўлена вынаходніцтва такога віду дзейнасці як ткацтва. З гэтага часу з'явілася магчымасць стварэння палатна з якога пачалі вырабляць сапраўднае адзенне. Яно надзейна засцерагала ад холаду, было спадручным у штодзённым выкарыстанні і безумоўна палягчала эфектыўнае засваенне чалавекам новых тэрыторый, асабліва з халоднымі (прыледніковымі) кліматычнымі ўмовамі.

Гэтаму ж спрыяла і вынаходніцтва, а потым і ўдасканаленне тэхнікі пабудовы жытлаў. Спачатку былі створаны "буданы" у прыродных лажбінах (ярах, ці каля абрывістых берагоў рэк [6, с.157]). Абстаўленыя косткамі мамантаў ці іншых буйных жывёл і пакрытыя скурамі. Аб чым сведчаць напрыклад знаходкі на старажытнейшых верхнепалеалітычных стаянках

(Бердыж і Юравічы) на тэрыторыі Беларусі. Дзе ў якасці будаўнічага матэрыялу былі "*...выкарыстаны чарапы, буйныя плоскія і трубчастыя косці Маманта і іншых. жывёл...*" [7, с.87–88]. Потым былі жытлы зямлянкавага і паўзямлянкавага тыпу. У якіх вучоныя знаходзяць нават пэўныя прыкметы дамашняга начыння. Далей былі зрубныя паўзямлянкавыя жытлы, зрубныя наземныя, з дахам і ваканніцамі. Ды іншыя віды, з тэндэнцыяй паступовага ўдасканалення.

І гэтак далей і далей, метадам спроб і памылак, малюсенькімі крокамі чалавецтва ўдасканальвала свой практычны досвед у розных галінах. Пашырала яго ўкараненне ў жыццёвых сітуацыях, развівала геаграфію прымянення, абменьвалася ім павышаючы свой культурны ўзровень на кожным новым вітку гістарычнай эвалюцыі.

Адначасова (паралельна) з накапленнем грамадска-значнага досведу ішло ўдасканаленне спосабаў яго перадачы новым пакаленням людзей. Спачатку дзяцей (асабліва хлопчыкаў пасля палавога выспявання) з дапамогай жорсткіх катаванняў прывучалі да паняцця забароны (табу [8, с.125–162]) на бескантрольныя полавыя кантакты. Што было абумоўлена засцярогай ад кровазмяшэння. Элементарны досвед жыццядзейнасці, у той час яшчэ, набываўся інстынктыўна-рэфлекторным спосабам распаўсюджаным і ў жывёльным асяроддзі (шляхам пераймання).

Крыху пазней пачалі зараджацца ўзроставыя выпрабаванні падлеткаў (ініцыяцыі [9]). Якія канчаткова занялі асноўнае месца сярод першабытных спосабаў сацыялізацыі моладзі [10]. Паступова іх пачалі дапаўняць т.зв. перадініцыяцыйным перыядам. Падчас яго падлеткам паведамлялі комплекс жыццёванеабходных ведаў і навыкаў з матэрыяльнай і духоўна-абрадавай сфер жыцця грамадства. І толькі потым праводзілі ўласна ініцыяцыйныя іспыты. "*Такое навучанне* – у рэліктавых народаў (аўстралійскіх абарыгенаў, што мелі лад жыцця падобны першабытнаму), па-меркаванні вядомага этнолага і антраполага А.П. Элькіна – *звычайна доўжы[-лася] год і больш, хоць часам укладва[-лася] ў карацейшы тэрмін*" [11, с.167].

Самыя раннія этапы ініцыяцый суправаджаліся жорсткімі выпрабаваннямі на мяжы катаванняў (парэзамі на целе, выбіваннем часткі зубоў, уздзеяннем галюцыянагеннымі сродкамі, ударамі дубінай па галаве, выскубаннем валасоў, саскрабаннем скуры, выпрабаваннем агнём [12, с.322], ды інш). Усё гэта павінна было сімвалізаваць уяўную "смерць" былога падлетка і "нараджэнне" новага дарослага чалавека [13, с.46–49].

Паступова, з цягам часу (пад уплывам накаплення жыццёвых кампетэнцый) колькасць ранейшых жорсткіх абрадаў сярод ініцыяцыйных выпрабаванняў паступова змяншалася. Яны саступалі месца павелічэнню аб'ёму досведна-ведавых каштоўнасцей. Уменняў і навыкаў з розных сфер грамадскай жыццядзейнасці. Такіх як паляванне, рыбалоўства, ці іншыя неабходныя практычныя віды дзейнасці абумоўленыя кліматычнымі і геаграфічнымі абставінамі таго ці іншага рэгіёна пражывання. А таксама веданне ўнутрыплемяннай абраднасці і міфалогіі. Уменне абыходзіцца з супрацьлеглым полам у межах мясцовых правіл і традыцый, ды інш. І паспяхова выконваць функцыі гаспадара сям'і (пасля станаўлення парных шлюбных адносін), альбо гаспадыні што валодала разнастайнымі навыкамі рукадзелля (для дзяўчынак). Усё гэта павінен быў засвоіць кандыдат у дарослую супольнасць. І тым самым прадэманстраваць сваю каштоўнасць для суплямённікаў і здольнасць выконваць функцыі дарослага чалавека.

Разам з тым, здольнасць дастойна прайсці ўсе іспыты была не ва ўсіх падлеткаў. Той з дзяцей, хто паспяхова праходзіў складаныя ініцыяцыйныя выпрабаванні атрымліваў права лічыцца дарослым чалавекам. Галоўным паказчыкам чаго быў дазвол на ўдзел у паўсядзённых справах родавага калектыву і права ўступаць у шлюб з мэтай нараджэння дзяцей, як прадаўжальнікаў чалавечай папуляцыі. Калі падлетак не змог прайсці ініцыяцыйныя выпрабаванні (па любой з прычын: з нагоды фізіялагічнага, разумовага, псіхалагічнага ці іншага стану) ён не атрымліваў права лічыцца дарослым чалавекам.

Да яго ставіліся як да вялікаўзроставага дзіцяці, пераростка, “івана-дурачка”. Ён не меў права ўступаць у шлюбныя адносіны, удзельнічаць у нараджэнні дзяцей. Не меў права голасу сярод прадстаўнікоў дарослай грамадзянскай супольнасці. Быў асуджаны на здзеклівыя адносіны супляменнікаў, кпіны і насмешкі як дарослых так і дзяцей. Нездарма такое стаўленне шырока зафіксавана ў фальклорных вобразах старажытнай культуры беларускага [14, с.77–85.], рускага [15, с.320–327] і ўкраінскага народаў.

Шматлікія стагоддзі і тысячагоддзі чалавецтва карысталася вышэйадзначанай формулай накаплення, удасканалення і перадачы моладзі сацыяльна-значнага досведу. Пастаянная гістарычная трансляцыя набыткаў жыццёвай практыкі паступова прывяла сусветную грамадскасць (чалавецтва) да сучаснага высока-прагрэсіўнага стану (у параўнанні з першабытнасцю) і адпаведнага ўзроўню жыцця. Да стварэння і валодання складанымі машынамі і механізмамі, кампутарамі, самалётнай і касмічнай тэхнікай, нанатэхналогіямі, ды інш. Насельніцтва беларускіх зямель безумоўна таксама ўдзельнічала ў названых працэсах.

Такім чынам, прыведзены матэрыял наглядна паказвае што прагрэсіўная эвалюцыя (у тым ліку ў гісторыі грамадства беларускіх зямель), непасрэдна звязана з накапленнем і трансляцыяй сацыяльна-значнага досведу. Якая ў гісторыі чалавецтва (і на беларускіх землях) выступае пераканаўчым фактарам сацыяльнага прагрэсу.

Бібліяграфічны спіс

1. Пілецкі, В. А. Выхаваўча-адукацыйны працэс як гістарычная катэгорыя / В. А. Пілецкі // Беларускі гістарычны часопіс 2004, №8. – С. 49–51.
2. Ковалева, А. И. Социализация / А. И. Ковалева // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2004. – №1. – С. 139–143. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya. (дата обращения: 25.03.2025).
3. Станюкович М.В. Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М. «Наука» 1983. 232 с.
4. Балушок, В. Г. Инициации древних славян (Попытка реконструкции) / В. Г. Балушок // Этнографическое обозрение. – 1993. – №4.
5. Пілецкі, В. А. «Школьная палітыка» і «школьна-палітычная сітуацыя» як гістарычныя катэгорыі / В. А. Пілецкі // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2002. – №1(31).
6. Калечиц, Е. Г. Юровичская верхнепалеолитическая стоянка: реальность и мифы / Е. Г. Калечиц. – Минск : Беларуская навука, 2023. 215 с.
7. Будзько, У. Дз., Ткачоў М. А. Бердыж / У. Дз. Будзько, М. А. Ткачоў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя. У 2 т. Т.1 / рэдкал. : Т. У Бялова (гал. рэд) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2009. – 496 с.
8. Табу и экзогамия // Анисимов, А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества /А. Ф. Анисимов. – М.-Л.: Наука, 1966. – 244 с.
9. Инициация // [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/initsiatsiia-1ac575. (дата обращения: 09.05.2023).
10. Ковалёва, А. И. Социализация // [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya/viewer. (дата обращения: 01.03.2025).
11. Обряд посвящения (с.163–171) // Элькин, А. Коренное население Австралии / А. Элькин / пер. с англ. Л.Я. Бровика и В.П. Михайлова. Предисл. и ред. проф. С. А. Токарева. – М.: Иностранная литература, 1952. – 247 с.
12. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б. И. Шаревской. – М.: Академический проект, 2020. – 430 с.
13. Символика смерти в обряде посвящения // Мирча Элиаде Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Пер. с фр. Г. А. Гельфанд; Науч. ред. А. Б. Никитин. – М.- СПб.: «Университетская книга», 1999. – 356 с.
14. Іван-дурак // Чарадзейныя казкі. У 2 ч. Ч.1. / [Скл. К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч; рэд. В. К. Бандарчык]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1973. – 648 с.
15. Емеля-дурак // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. – М.: Наука, 1984–1985. – (Лит. памятники). Т. 1. – 1984. – 512 с.

УДК 94 (476) “1772/1856”

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И СОСЛОВНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ ГУБЕРНСКИХ ПРАВЛЕНИЙ И КАНЦЕЛЯРИЙ ГУБЕРНАТОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1772–1856 ГГ.)

EDUCATIONAL LEVEL AND CLASS-CONFESSIONAL COMPOSITION OF OFFICIALS OF PROVINCIAL BOARDS AND OFFICES OF GOVERNORS IN BELARUS (1772–1856)

И. Н. Трестьян
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

I. N. Trestian
PhD in history, Associate Professor,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье представлен анализ образовательного уровня и сословно-конфессионального состава губернских правлений и канцелярий губернаторов на территории Беларуси в период с 1772 по 1856 г. Показано, что в указанный исторический период наблюдалась тенденция к постепенному повышению уровня образования, а также большинство чиновников принадлежали к дворянскому сословию римско-католического вероисповедания.

Abstract. The article presents an analysis of the educational level and the class-confessional composition of provincial boards and offices of governors in Belarus from 1772 to 1856. It is shown that during this historical period there was a tendency towards a gradual increase in the level of education, and most officials belonged to the noble estate of the Roman Catholic faith.

Ключевые слова: Беларусь, Российская империя, образовательный уровень, сословно-конфессиональный состав, чиновничий корпус.

Keywords: Belarus, Russian Empire, educational level, class-confessional composition, bureaucratic corps.

В конце XVIII – начале XIX в. на территорию белорусских губерний распространилось действие всех законов Российской империи о государственной службе и, соответственно, не делалось никаких препятствий местным уроженцам в поступлении на гражданскую службу.

Персонал государственных учреждений состоял из трех категорий служащих. Первая категория была представлена чиновниками, имевшими классные чины по «Табели о рангах…». Вторая категория – канцелярскими служителями (канцеляристами), занимавшими низшую ступеньку служебной лестницы. В третью категорию входила так называемая обслуга – швейцары, дворники, истопники, уборщики и т. п. Классные чиновники и канцелярские служители создавали чиновническую касту в Российской империи, которая пользовалась правами и привилегиями государственной службы [1, л. 95–96].

С целью выявления особенностей формирования кадрового состава губернских правлений и канцелярий губернаторов был проведен сравнительный анализ чиновничьего корпуса по отдельным хронологическим периодам, выбор которых основан на законодательных изменениях в кадровой политике российского правительства и утверждении штатов губернских учреждений.

В конце XVIII в. 71,7 % чиновничьего корпуса составляли дворяне, которые занимали основные должности в губернских учреждениях и имели чины V–IX классов, 16,9 % –

представители податных сословий, имевшие в основном чины XII–XIV классов, а также находящиеся в статусе канцеляристов. Преобладание среди чиновников представителей дворянского сословия объясняется продворянским характером кадровой политики самодержавия. предусматривавшей их более быстрое продвижение по службе.

В начале XIX в. доля дворян в составе чиновничьего корпуса уменьшилась до 65,9%, в то время как представители других сословий составили третью часть корпуса. Чины V–VII классов имели исключительно представители дворянского сословия. Среди чиновников, состоявших в чинах IX–XIV классов, наблюдался рост удельного веса лиц, принадлежавших к недворянским сословиям, чему способствовало утверждение в 1790 г. трехлетней выслуги для получения следующего чина [2, л. 132]. Следует отметить, что в связи с министерской реформой Александра I, спровоцировавшей рост государственного аппарата, возникла острая потребность в новых кадрах. В результате, к 1814 г. 46,7% канцеляристов, служивших в белорусских губернских учреждениях, были представлены выходцами из мещан и разночинцев.

Согласно принятому в 1827 г. «Положению о канцелярских служителях», еще больше связывавшему преимущество по службе с сословной принадлежностью, все канцелярские служащие были разделены на три разряда: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян, купцов I гильдии, священников и дьяконов; 3) дети канцелярских служителей, ученых и художников, не имевших классных чинов. Для тех, кто по новому «Положению …» не имел права стать чиновником, но к моменту его издания уже находился на государственной службе, был установлен 4 разряд. К нему относились купцы II и III гильдий, иностранцы, лица податного состояния, отставные нижние военные чины, церковнослужители, дети придворных служащих, не достигших классных чинов, а также дети всех вышеперечисленных категорий [2, л. 132–133]. Этот законодательный акт еще больше закрепил привилегии дворянства на государственной службе. Так, уже в 1830 г. число дворян в составе чиновничьего корпуса на территории Беларуси возросло до 76,1%, при этом они сохранили свою исключительность в обладании чинами V–VII классов, и, соответственно, сократилось до 23,9% число выходцев из других сословий.

Восстание 1830–1831 гг. способствовало уменьшению доли представителей дворянства в составе чиновничьего корпуса до 68,0% в 1839 г. и 65,1% – в 1845 г. и, соответственно, увеличению до 42,0% и 44,9% выходцев из других сословий, часть из которых занимали основные должности в губернских учреждениях и имели чины V–VIII классов. В этот период главным источником пополнения бюрократии, наряду с дворянами, стали лица, связанные с чиновничьей средой (дети офицеров, чиновников и канцеляристов), а также представители духовенства и разночинцы.

Основные причины таких изменений были связаны с внутренней политикой самодержавия, проводимой на территории Беларуси после восстания 1830–1831 гг., во время которого многие чиновники западно-белорусских губерний либо примкнули к его участникам, либо саботировали предписания властей. Несмотря на то, что в восточно-белорусских губерниях чиновничество в большинстве своем оставалось лояльным к престолу и не нарушило присяги, принятые российским правительством защитные меры распространились и на эти земли. Так, в белорусских губерниях во время восстания практиковались увольнения, основаниями для которых являлось наличие у чиновников широких знакомств среди местных дворян или даже слухи об их сочувствии к восставшим [3, с. 77]. Начатый правительством в 1831 г. «разбор шляхты» и причисление к третьему разряду лиц, не доказавших свое дворянство, способствовали пополнению групп чиновников, представлявших другие сословия. Кроме того, согласно указу от 23 января 1837 г., все дворяне католического вероисповедания западных губерний, желавшие стать чиновниками, должны были в течение пяти лет прослужить во внутренних российских

губерниях, что также способствовало уменьшению удельного веса дворянства в чиновничьей среде [2, л. 133–134].

В середине XIX в. 81,7% корпуса чиновников составляли дворяне, остальные 18,3% – дети офицеров, выходцы из духовенства и разночинцы. Увеличение процента дворян в некоторой степени можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, после восстания 1830–1831 гг. гражданская служба для многих мелкопоместных дворян стала единственным источником существования. Во-вторых, часть представителей недворянского сословия получили личное дворянство с приобретением ими после 1845 г. чина VIII класса. Следует отметить, что среди чиновников белорусских губерний в этот период практически отсутствовали выходцы из податных сословий. Это объяснялось принятым в 1848 г. законом, который разрешал определять на службу в виде исключения детей церковнослужителей или лиц податного состояния, если они прослужили более 10 лет и получили одобрение начальства. Те же, кто прослужил менее 10 лет, были уволены [4, с. 494].

До второй половины 1830-х гг. в формулярных списках чиновников отсутствовала отметка об их вероисповедании. Поэтому сравнительный анализ проведен лишь за 1839, 1845 и 1856 г.

В целом, 69,4% корпуса чиновников губернских правлений и канцелярий на территории Беларуси составляли католики. Законодательство о государственной службе Российской империи при Николае I, как правило, не содержало положений, регламентирующих определение на государственную службу лиц в зависимости от их вероисповедания или места рождения [3, с. 25]. Однако после восстания 1830–1831 гг. правительство пыталось свести до минимума присутствие в губернских учреждениях лиц римско-католического вероисповедания. С этой целью в 1832 г. были введены преимущества для чиновников русского происхождения, направлявшихся на службу в Виленскую и Гродненскую губернии, с 1834 г. – в Минскую губернию и Белостокскую область. По положению от 9 июня 1842 г. эти преимущества были распространены и на чиновников, определявшихся на службу в Витебскую и Могилевскую губернии [2, л. 135]. Однако, несмотря на предоставленные льготы лицам православного вероисповедания, их удельный вес в чиновничьем корпусе составил лишь 26,0%. Незначительный процент корпуса был представлен чиновниками-протестантами (лютеранами, евангелистами), а также лицами мусульманского и униатского (до 1839 г.) вероисповеданий.

До начала XIX в. для поступления и продвижения по службе не требовалось никакого образовательного уровня – достаточно было быть грамотным. Так, в конце XVIII в. 92,4% чиновников имели домашнее образование, 3,8% – начальное, 1,9% – среднее и столько же высшее. Преобладание домашнего типа образования у чиновников было обусловлено, прежде всего, отсутствием сети учебных заведений.

Несмотря на обнародование правительством 24 января 1803 г. «Общих правил народного просвещения» (согласно которым для занятия должностей, требовавших юридических и других знаний, необходимо было окончить общественное или частное заведения), а также создание системы учебных заведений, картина к 1814 г. не изменилась, и 91,5% чиновников имели домашнее образование, а число учащихся в новых учебных заведениях не соответствовало расходам на их открытие [5, с. 54–55]. Вместе с тем с 1809 г. правительство ввело образовательный ценз для чиновников, желавших продвигаться по служебной лестнице. Например, для того что бы стать коллежским асессором (этот чин давал потомственное дворянство), помимо выслуги лет, необходимо было иметь высшее образование или сдать экзамены комиссии при университетах по установленной программе [2, л. 136]. Был открыт доступ в университеты для всех сословий, кроме крепостных. Эти меры способствовали росту количества чиновников, получивших высшее образование – 7,3%.

К 1830 г. наблюдались относительное уменьшение до 85,9 % чиновников с домашним образованием и значительный рост числа лиц, получивших среднее образование, что объяснялось принятием в 1827 г. закона «О канцелярских служащих» [2, л. 137]. Согласно этому законодательному акту, образование открывало доступ к службе лицам, не имевшим этого права по своему сословному происхождению. Следует отметить, что к середине 20-х гг. XIX в. действие закона 1809 г. о необходимости высшего образования для получения чинов коллежского асессора и статского советника значительно ослабло, что снизило необходимость получения высшего образования. В результате лишь один чиновник во всех губернских правлениях и канцеляриях губернаторов в 1830 г. имел высшее образование (1,4%).

Принятый 14 ноября 1833 г. указ «О преимуществах воспитанников гимназий и других училищ в губерниях Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской области» и «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», подписанное Николаем I 25 июня 1834 г., способствовали росту образовательного уровня чиновников. В результате принятых вышеуказанных законодательных актов, удельный вес лиц с домашним образованием сократился до 75,2%, 17,1% составили чиновники, получившие среднее образование, 5,4 % – начальное, 2,3 % – высшее.

Постановление от 28 ноября 1844 г. еще больше ограничило права лиц, имевших начальное и домашнее образование. Так, согласно этому законодательному акту, чиновники, не окончившие средние или высшие учебные заведения, или не сдавшие экзамены, могли получить первый классный чин только через 4–12 лет в зависимости от их происхождения, что не могло не отразиться на их образовательном уровне [2, л. 138]. Так, если в 1845 г. 21,2% чиновников корпуса имели среднее образование, 5,8% – начальное, а 3,5% – высшее, то в 1856 г. ситуация резко изменилась. Практически половину чиновничьего корпуса составляли лица, получившие среднее образование (47,8%), 16,5% – начальное, а 7,0% – высшее. Самого низкого показателя за исследуемый период достигла группа чиновников с домашним образованием – 28,7%.

Таким образом, кадровый состав губернских правлений и канцелярий губернаторов на территории Беларуси был разнообразным во многих отношениях. Во-первых, большинство чиновников были дворянами римско-католического вероисповедания. Одну четвертую часть корпуса составляли лица, связанные с чиновничьей средой (дети офицеров, чиновников и канцелярских служителей), а также духовенство и разночинцы православного вероисповедания, которые, как и дворяне, получали достаточно высокие чины. Процент чиновников, представленных другими сословными группами и конфессиями, был незначительным. Преобладанию представителей дворянства среди чиновников способствовала кадровая политика самодержавия, а конфессиональный состав чиновничества был обусловлен соответствующей структурой тех социальных групп, из которых он формировался, в первую очередь, местного дворянства. Во-вторых, большинство чиновников до середины 40-х гг. XIX в. получили домашнее образование. Количество чиновников, имевших системное образование, составило практически треть корпуса. Следует отметить, что до 1831 г. кадровая политика, проводимая российским правительством на территории Беларуси, ни чем не отличалась от той, которую оно осуществляло во внутренних губерниях Российской империи. Однако восстание 1830–1831 гг. внесло определенные изменения в порядок поступления на гражданскую службу. Предпочтение отдавалось лицам русского происхождения, прибывшим, как правило, из внутренних губерний империи.

Библиографический список

1. Токць, С. М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. / Токць Сяргея Міхайлавіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 1997. – 150 л.

2. Трестьян, И. Н. Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Трестьян Ирина Николаевна ; Бел. гос. пед. ун-т. – Мн., 2018 – 243 л.

3. Киселев, А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. А. Киселев. – Мн. : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2007. – 171 с.

4. Варадинов, Н. В. История Министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. – СПб. : тип. М-ва вн. дел, 1858–1862. – Ч. 3. Кн. 3 : Период третий. С 19 ноября 1825 по 20 августа 1855 г. – 1862. – 725 с.

5. Евреинов, В. А. Гражданское чинопроизводство в России : ист. очерк / В. А. Евреинов. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1888. – 116 с.

УДК 165.0(091)(470)«18/19»:929*В.Н.Ивановский

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ИВАНОВСКОГО: МОСКОВСКИЙ И КАЗАНСКИЙ ПЕРИОДЫ

CREATIVE PATH OF VLADIMIR NIKOLAEVICH IVANOVSKY: MOSCOW AND KAZAN PERIOD

М. А. Филипчик
УО «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»
Гомель, Республика Беларусь

M. A. Filipcyk
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению научной, педагогической, общественной деятельности Владимира Николаевича Ивановского в период его работы в Москве и Казани. Владимир Николаевич является автором теории культурных систем, специалистом в области ассоциативной психологии, в области теории познания. Философ занимался переводами ряда трудов по логике и психологии классиков английской ассоциативной философско-психологической школы.

Abstract. This article examines the scientific, pedagogical, and social activities of Vladimir Nikolaevich Ivanovsky during his work in Moscow and Kazan. Vladimir Nikolaevich is the author of the theory of cultural systems, a specialist in associative psychology, and the theory of cognition. The philosopher translated a number of works on logic and psychology by the classics of the English associative philosophical and psychological school.

Ключевые слова: В.Н. Ивановский, философия, научная и общественная деятельность, ассоцианизм.

Keywords: V.N. Ivanovsky, philosophy, scientific and social activities, associationism.

Владимир Николаевич Ивановский – значимый ученый, внесший существенный вклад в развитие философии, психологии и методологии в конце XIX – первой трети XX в. Вопросы, поднимаемые им – влияние методологии на научные исследования, классификация наук, соотношение теории и истории науки, связь между философией и методологией, философией и отдельными науками, содержание университетского образования – сохраняют свою первостепенную важность для решения ключевых задач современной философии, психологии и методологии научного знания. Тем не менее, наследие Ивановского остается недостаточно представленным в современном научном дискурсе; его труды, опубликованные в начале XX века, не переиздавались и остаются малоизвестны для исследователей.

В научной карьере Ивановского можно условно выделить несколько периодов: московский, казанский, самарский и минский. Цель данного исследования – проанализировать интеллектуальное становление выдающегося мыслителя в московский и казанский период.

Родился Владимир Николаевич 13 (25) июля 1867 г. в Вышнем Волочке Тверской губернии. Его родители принадлежали к учительской интеллигенции, что обеспечило ему прекрасное домашнее образование, которое подразумевало свободное владение английским, немецким, французским, а также умение читать на латинском и греческом языках. После успешного окончания в 1885 г. Московской гимназии он поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета, который закончил с дипломом 1-й степени. В университете будущий ученый слушал лекции таких известных профессоров, как В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Фортунатов, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, М.М. Троицкий. Под влиянием М.М. Троицкого, основателя и первого председателя Московского психологического общества, будущий ученый увлекся ассоцианизмом –

влиятельным философским направлением XIX в. [1, с. 127-129; 2. с. 26]. Философ критически осмыслил ассоцианизм, изучая британскую эмпирическую философию и психологию. В отличии от М.М. Троицкого, который рассматривал ассоцианизм только с психологической точки зрения, Ивановский провел детальный анализ английского эмпиризма и выделил ключевое различие двух подходов ассоцианизма – гносеологического и психологического. Это разграничение стало центральной идеей его исследований в области ассоцианизма [3].

Всю свою жизнь Ивановский посвятил плодотворной научной, общественной, литературной деятельности. Он постоянно расширял свои профессиональные контакты и был активным участником различных научных обществ. Московский период интеллектуального становления начинается с посещения заседаний Московского психологического общества. Сначала Владимир Николаевич присутствовал на заседаниях как сторонний посетитель, но уже с 1882 г. стал полноправным член Общества. Его роль в Обществе росла: с 1894 г. Ивановский является товарищем секретаря, а с 1897 по 1900 г. – возглавляет секретариат и уже сам выступает с докладами [1. с. 129].

В 1892 г. выходит отзыв Ивановского на книгу российско-французского социолога, философа-позитивиста Е.В. де Роберти. Эта публикация произвела сильное впечатление на профессора Н.Я. Грота. Будучи редактором журнала «Вопросы философии и психологии», а также видным русским философом-идеалистом, психологом, Н.Я. Грот предложил Ивановскому печатать в журнале свои статьи, обзоры и рецензии. Весной 1893 г. Н.Я. Грот приглашает Владимира Николаевича на должность секретаря редакции, где он проработал до 1896 г. В этот период ученый публикует свои работы: «Ложные вторичные ощущения», «К вопросу об апперцепции», «К вопросу о самообразовательном движении», «Очерк жизни и деятельности Н. Я. Грота» и др. Одновременно В.Н. Ивановский сотрудничает с профессором, редактором «Книги для чтения по истории средних веков» П.Г. Виноградовым, где публикует статьи по истории средних веков: «Народное образование и университеты в средние века», «Мистика и схоластика в XI–XII вв.», «Роджер Бекон» [4. с. 137].

С 1896 г. начинается переводческая деятельность Ивановского. Ему принадлежат переводы сочинений крупных философов и психологов: Д.С. Милля, В. Минто, Ф. Паульсена, «Психологии» А. Бена и «Психологии в беседах с учителями» У. Джемса.

С 1890 г. Ивановский проявил себя как активный деятель в сфере образования и просвещения. Он входит в состав «Комиссии преподавателей истории». Активно принимает участие в жизни учебного отдела просветительского «Общества распространения технических знаний», которое занималось изучением российского и зарубежного опыта ремесленного и технического обучения. Деятельность общества включала разработку учебных планов и программ, организацию и обеспечение непрерывной работы вечерних и воскресных классов для рабочих. Кроме того, Ивановский был избран секретарем «Комиссии для организации домашнего чтения». В рамках этой комиссии он редактировал статьи издававшихся комиссией сборников «Программа домашнего чтения», первые тома серии «Библиотеки для самообразования», которые внесли значительный вклад в распространение научных знаний среди широких слоев населения [2. с. 27].

С осени 1894 г. Владимир Николаевич начинает работать в Московском училище Ордена Святой Екатерины, здесь он давал уроки педагогики, а с осени 1897 г. читал лекции по психологии на Высших женских педагогических курсах. Итогом преподавательской деятельности в данный период стал изданный учебник «Психология: курс лекций, читанный в 1897–1899 на женских педагогических курсах». Также Ивановский активно продолжал заниматься переводами научных трудов В. Вильденбанта, А. Штёкеля, Э. Кассирера, Дж. Милля, Г. Риккерта и др.

В 1899 г. Ивановский получил должность приват-доцента философии историко-философского факультета Московского университета. Это существенно расширило его

научную и преподавательскую деятельность. Он выступал за смену методики преподавания от курсовой к предметной, как более отвечающей развитию науки. В 1899–1900 учебном году он вошел в состав Комиссии по реформе средней школы.

В 1900 г. ученый отправился в заграничную командировку, где углубил свои знания в области философии и психологии, посещая курсы в ведущих университетах Берлина, Парижа, Оксфорда. В Париже он посещает лекции А.Бергсона, Э. Бутру, Л. Леви-Брюля, П. Жанэ; в Оксфорде – Ф.К.С. Шиллера. Одновременно и сам читал лекции в Русской школе общественных наук, основанной в Париже М.М. Ковалевским. Этот год стал важным этапом в его международной карьере. Владимир Николаевич участвовал в работе Первого Международного философского конгресса в Париже, где представил свой доклад. На втором Международном философском конгрессе в Женеве, куда Ивановский отправился с русской делегацией из 20 участников, включавших в себя ведущих философов того времени, активно участвовал в дискуссиях с такими признанными философами, как В. Виндельбанд, А. Бергсон. Его заслуги были отмечены избранием в состав Бюро международных философских конгрессов в качестве представителя от славянских стран. Впоследствии он представлял Россию в этом Бюро до начала 1920-х гг. За время, проведенное в заграничной командировке, ученый познакомился с организацией и функционированием европейских университетов, средней школы, программой подготовки учителей, а также с работой общественных организаций, культурно-просветительных учреждений. Этот опыт позволил ему собрать обширный практический материал, который лег в основу его будущих диссертации и курсов лекций [4. с. 138; 5. с. 86].

Наиболее длительный период в научной деятельности Владимира Николаевича связан с Казанью. Здесь продолжается плодотворная научно-педагогическая и общественная деятельность. Ивановский работал в Казанском университете приват-доцентом с 1904 по 1912 гг., где читал лекции по следующим дисциплинам: введение в философию, история новой философии и психологии, история педагогических учений, дидактика; на юридическом факультете – историю философии права; с 1917 по 1919 гг. работал в качестве профессора. Его лекции и практические занятия пользовались большой популярностью, привлекали в аудиторию студентов не только историко-филологического факультета, но и других факультетов и даже студентов духовной академии.

В этот период философ разработал классификацию культурных систем, ориентированную на психологическое объяснение ее содержания. Основные положения теории культурных систем были опубликованы Ивановским в работе «Введение в философию», изданной в Типолитографии Казанского императорского университета в 1909 г., а позже в минском издании «Методологическое введение в философию и науку» [6]. В 1910 г. Ивановский защитил диссертация на тему «Ассоцианизм гносеологический и психологический», получившую высокую оценку от И.И. Лапшина как «ценный труд», и от А.Н. Бернштейна как «совершенно исключительное исследование» [4, с. 138].

Второе направление казанского периода в научном творчестве мыслителя связано с историей науки. Он публикует ряд статей, посвященных научному наследию в области гуманитарного человекознания [7]. Примером являются статьи, написанные в области истории философии о Н.О. Лосском, И. Канте и др. [5. с. 88].

С самого начала своего интеллектуального становления Владимир Николаевич был включен в задачи развития преподавания гуманитарных наук, среди которых особое место отводил философии, психологии и педагогике. Принимал самое активное участие в организации общего и дополнительного образования в Казани. По его инициативе в 1906 г. в городе были созданы Высшие Женские курсы. Материалы этих лекций были опубликованы в работе «Введение в философию. Курс, читанный в Императорском Казанском университете и на Казанских Высших женских курсах».

Для культурного развития казанского края читал публичные лекции для широкой общественности, трудящихся, специально выезжал читать лекции на рабочие окраины, например, для рабочих Алафузовского завода 1905 г.; и лекции и курсы для смешанной группы на темы: «А.И. Герцен как социалист», «О языке эсперанто», «О гуманитарной школе», курс из семи лекций на тему «Народные университеты» и др. Ивановский всегда проявлял неизменный интерес к вопросам воспитания детей. Совместно с группой студентов для беднейших детей города он инициировал создание игровой площадки. Впоследствии его идеи были положены в основу внешкольной работы и дошкольного воспитания детей рабочих в Казани [1. с. 131; 5. с. 90].

В казанский период своего научного творчества философ входил в состав ряда университетских научных обществ Казани: археологии, истории и этнографии, физико-математического, юридического, педагогического, а также в Казанский семейно-педагогический кружок, где выступал с докладами. Входил в состав «Кантовского философского общества» с 1909 по 1917 гг., принимал участие в съездах этого общества в 1913 и 1914 гг. В 1906 г. был избран в члены Петербургского философского общества, где также выступал с докладами [1. с. 133].

В 1912 г. Ивановский был направлен в заграничную командировку Министерством народного просвещения для научных занятий. Проведя два года в Мюнхене, под влиянием Марбургской философской школы заинтересовался методологией математических наук. Параллельно с этим он работал над переизданием своего перевода «Системы логики» Д.С. Милля (второе издание) и завершил вторую диссертацию «Опыт истории ассоцианизма», отдельные главы которой были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета».

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что интеллектуальное становление Владимира Николаевича Ивановского на рубеже XIX–XXвв. отличалось высокой интенсивностью и результативностью. Многогранная деятельность философа: педагогическая, исследовательская, научная, просветительская, общественная – составили целостную систему, в которой ведущее место занимала научно-педагогическая работа. Вклад Ивановского в философию, психологию, методологию науки и университетское образование носит фундаментальный характер. Поэтому Ивановского можно признать в качестве одного из крупнейших организаторов философского образования в России и СССР. Особое значение в творчестве имеет с казанский период, где он впервые в истории мировой психологии и культурологии был предложен анализ культурных систем через их соотнесенность с психическими феноменами и свойствами.

Библиографический список

1. Ждан, А.Н. В.Н. Ивановский как мыслитель / А.Н. Ждан // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XXвека) : М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. : В.А. Бажанова . – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 127-182

2. Малиновская, Э.Л. В.Н. Ивановский как основоположник развития в Беларуси педагогической психологии и методологии науки в 20-е гг. XX в. / Э.Л. Малиновская // София. – 2017. – № 2. – С. 25-32.

3. Ивановский, В.Н. Ассоцианизм психологический и гносеологический. Историко-критические исследования. Ч.1 / В.Н. Ивановский. – Казань : Типография Императорского Университета,1909. – 227 с.

4. Корсаков, С. Н. Профессор В. Н. Ивановский и его воспоминания / С. Н. Корсаков // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 137-149.

5. Баянова,Л.Ф.Казанскийпериодвтворчестве В.Н. Ивановского / Л.Ф. Баянова, Л.М. Попов, А.О. Прохоров // Психологическийжурнал. – 2016. – № 4. – С. 85-92

6. Ивановский, Вл. Н. Методологическое введение в науку и философию. Т. 1 / Вл. Н. Ивановский. – Минск: Белтрестпечать, 1923. – 239 с.

7. Ивановский, В.Н. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам [Докл., чит. в заседании Петерб. филос. о-ва 8 сент. 1907 г.]. / В.Н. Ивановский. – СПб.: Сенатская типография, 1908. – 56 с. – URL: https://archive.org/details/predmetnajasistemavnashihuniversitetahie68/page/n11/mode/2up (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 930:[323.2:663](476)

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИНОКУРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)

NORMATIVE LEGAL REGULATION OF WINE PRODUCTION IN THE TERRITORY OF BELARUS (END OF THE XVIII – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

А. А. Филистович
соискатель кафедры истории Беларуси
и славянских народов
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

H. A. Filistovich
PhD Student of the Department of History
of Belarus and Slavic Nations
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается история регулирования оборота алкогольных напитков на территории Беларуси в составе Российской империи. Анализируются различные формы государственной и частной торговли алкоголем, включая привилегии шляхты, системы пропинации, откупа, акцизной системы и монополии.

Abstract. This article examines the history of alcoholic beverage regulation in Belarus during the Russian Empire. It analyzes various forms of state and private alcohol trade, including the privileges of the gentry, propination systems, tax farming, excise taxes, and monopolies.

Ключевые слова: акциз, винокуренное производство, монополия, откупная система, пропинация.
Keywords: excise tax, distilling, monopoly, tax-farming system, propination.

Оборот алкоголя на территории Беларуси в составе Российской империи продолжал регулироваться статутом ВКЛ 1588 г. В XVI в., в соответствии с Уставой на волоки, было установлено множество важных законов, касающихся порядка и сборов в Великом Княжестве Литовском. В метрике ВКЛ мы также встречаем ряд важных законов, связанных с регулированием винокурения и продажи алкоголя в XVI в. Эти законы отражают экономическую стратегию, направленную на регулирование производства и продажу алкогольной продукции, а также на установление контроля и порядка в сфере винокурения.

На территории России с 1652 г. по 1795 г. правительство несколько раз поочерёдно то вводило, то отменяло, наряду с казённой, откупную продажу вина. Поэтому можно считать, что виноторговля существовала на этих землях в двух формах: казённая (или «на вере») и частная. Основные правовые основы этого периода были закреплены в главе XXV Соборного уложения, 1649 г. («Указ о корчмах»).

Питейной доход являлся одним из основных источников дохода казны. В 1765 г. был принят Устав о винокурении, устанавливавший правила производства, реализации вина и спиртных напитков в Российской империи, а также их налогообложения через систему откупа. Согласно уставу, право на винокурение закреплялось за дворянами: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их семьям, а остальным – запрещается». Доход от продаж вина поступал в казну и был государственной собственностью [1, с. 208]. В 1767 г. были приняты Кондиции, регулирующие заключение контрактов на откуп питейных сборов. Этот документ вводил систему повторных договоров (откупа) для сбора налогов, за исключением Москвы и

Санкт-Петербурга, с целью повысить эффективность, контроль и доходность сборов. Контракты заключались на четырехлетний период, что обеспечивало регулирование процесса взимания налогов. Условия заключения договоров с этого времени публиковались каждые четыре года, за несколько месяцев до момента заключения контракта на последующий 4-х летний срок действия откупа.

Правительство Российской империи, опасаясь возможных восстаний в западных губерниях, избегало применения принудительных мер для внедрения новых законов. Об этом свидетельствуют Высочайше утвержденный доклад и пункты Белорусского генерал-губернатора графа Чернышова, изданные в 1772 г., касающиеся продажи вина и свободной торговли им, а также работы корчм. Винная сидка и продажа разрешались любому, кто владел деревнями, при условии уплаты ежегодно по 50 копеек за каждого мужчину в деревне. Все корчмы оставались на прежних местах [2, с. 319-321]. Однако уже к концу 1772 г. Екатерина подписала именной указ Чернышову об освобождении белорусских губерний от налоговых платежей на полгода — до 1 июля 1773 г. [2, с. 689]. В апреле 1773 г. был издан указ о сборе с жителей белорусских губерний по 10 копеек за каждого человека, а также о дальнейшем продолжении сбора [2, с. 753-754]. Однако в феврале 1774 г. Императрица дала новый именной указ Чернышову, освобождающий белорусские губернии от налоговых платежей еще на полгода — до 1 июля 1774 г. [2, с. 903].

В 1781 г. был принят Устав о вине. Им подтверждалось право дворян на винокурение, а у откупщиков появлялись собственные винодельческие заводы (при условии дворянского происхождения). Вино добывали либо на казённых заводах и палатах, либо заказывали у частных лиц; операционный план поставок разрабатывался Казенной палатой. Были созданы казённые винные магазины, где всегда хранился полугодовой запас вина и откуда осуществлялась оптовая торговля. Розничная продажа велась через питейные дома, которые отдавались в откуп, а откупщики обязаны были закупать вино у казны. Если же откупщика не удавалось найти или выявлялись злоупотребления, Казенная палата могла открыть питейный дом «на вере», где купцы и мещане либо получали жалованье, либо участвовали в прибыли [3, с. 248-271].

С 1795 г. в империи установилось господство откупной системы, закреплённое, в частности, манифестами и указами Екатерины II и её преемников, направленными на расширение и закрепление системы.

В 1817 г. были прекращены винные откупа в России, а вместо них введена казённая продажа вина. Министр финансов граф Д. А. Гурьев в то время заявил: «Образ взимания питейных сборов посредством откупов достиг той степени неустройства, который делает их более нетерпимыми». К 1818 г. накопилось недоимок 18.400.000 руб. [4, с. 225-226]. По указу императора Александра I управление питейными заведениями на всей территории страны перешло в прямое владение правительства. Однако, в результате этого продажа спиртных напитков начала сокращаться. Эта тенденция вынудила помещиков со временем уменьшать объёмы производства крепких напитков.

В западных губерниях, благодаря особой юрисдикции, ситуация оставалась практически без изменений. Винокурни зажиточной шляхты продолжали работать, причем из-за меньших пошлин на производство вина их продукция, отличающаяся высоким качеством, становилась ещё и дешевле. Эти обстоятельства способствовали массовой контрабанде алкоголя с территории Беларуси вглубь России [5, с. 23].

С 1819 г. по 1827 г. в России осуществлялась централизованная казённая продажа вина. Указ от 9 мая 1819 г. предусматривал увеличение числа питейных домов и выставок, что должно было расширить торговлю алкоголем. Однако, несмотря на рост этих заведений, объемы продажи водки значительно снизились. Причиной этого стало распространение пивоварения, которое, благодаря освобождению от гнета откупщиков, начало развиваться активно — на тот момент насчитывалось уже 877 пивоваренных заводов. За два года после

введения казенной системы продажи вина было открыто более 736 портерных лавок, тогда как при откупах их было всего около 70 [4, с. 229].

В связи с потерями доходов для казны Николай I после вступления на престол, по совету своих приближённых, был вынужден полностью восстановить систему винных откупов. Основная часть алкоголя заготавливалась казной, а изготовление вина с низким содержанием спирта и пива разрешалось самим откупщикам. После этого объем продаж крепких напитков резко увеличился – старые и новые кабаки стали быстро заполняться людьми.

Начиная с 1843 г., на границах западных губерний участились случаи корчемства, сопровождавшиеся насилием и убийствами. В связи с этим в 1850 г. была создана специальная корчемная стража из 450 человек. К 1854 г. масштабы корчемства сократились, и численность стражи снизилась до 100 человек, а в 1855 г. она была полностью ликвидирована [4, с. 231].

До середины XIX в. на территории Беларуси действовали чарочные откупа, регулировавшие торговлю спиртными напитками в городах и местечках, находившихся под казначейским контролем. В этих местах создавались питейные заведения, владельцы которых платили акцизы за каждую проданную чарку. Белорусская корчма значительно отличалась от обычных кабаков, распространённых в других регионах: в кабаках посетителям обычно предлагалось только выпить напитки, тогда как в корчме можно было заказать полноценный обед. Чтобы продавать спиртное в населённых пунктах без чарочных откупов, требовалось приобрести особый патент. Таким образом, шляхта, занимавшаяся винокурением и сохраняющая право пропинации (закон 1469 года, установленный Александром Ягеллоном, разрешающий поместной шляхте производить и продавать алкоголь в своих владениях, а крестьяне были обязаны приобретать напитки только у своих господ), была обложена рядом специальных налогов со стороны царских властей. С 1859 г. чарочные откупа в Минской, Гродненской, Ковенской и Витебской губерниях были упразднены. Вместо них продавцам назначался акцизный сбор — 1,15 рублей за каждое ведро водки и 1,9 рубля за ведро спирта. Если напитки реализовались не по установленным, а по свободным ценам, то питейные заведения дополнительно платили казне патентный сбор от 15 до 35 рублей [5, с. 28].

С 1 января 1863 г. была введена акцизная система налогообложения алкогольной продукции. Размер налога зависел от наличия перегонных аппаратов, объема чанов и кубов, ориентируясь на «нормальный выход» продукции. Торговля спиртным оставалась свободной. Оптовые цены на продукцию определялись винодельческими предприятиями, а розничные — продавцами [6, с. 39-70].

Это касалось и дворянства на территории Беларуси, которое ранее было основным поставщиком алкоголя на региональные рынки. С введением акцизной системы содержание небольших винокурен-ферм стало значительно сложнее с экономической точки зрения. В поместьях по-прежнему производились популярное ординарное горелое вино (историческое название крепкого алкогольного напитка, продукта дистилляции (перегонки), который является предшественником современной водки), а также акавита (устаревшее или местное название крепкого алкогольного напитка, водки или спирта) и другие напитки, существенно превосходившие по качеству государственный товар. Однако главным фактором стала себестоимость основной продукции — массового горелого вина. Владельцам винокурен в Северо-Западном крае было трудно конкурировать с заводами, которые строились не как дополнение к сельскохозяйственным угодьям, а как полностью коммерческие предприятия с передовым оборудованием. Некоторые из них даже имели паровые установки [5, с. 30].

Из-за большей доступности алкоголя его употребление увеличилось. В 1873 г. власти попытались ограничить продажи, но без успеха. С 1881 г. кабаки в империи были полностью запрещены. Хлебное вино (водку) разрешали продавать только в трактирах и корчмах, где

также обязательно торговали горячей едой. Но торговцы научились скрывать их под вывесками «Трактиръ», а коррумпированные чиновники редко препятствовали этому.

В середине 1890-х гг. акцизная система была отменена и заменена государственной монополией на закупку, производство и продажу алкоголя. В 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте предложил соответствующий проект, а уже 6 июня 1894 г. было принято «Положение о казенной продаже питей». В подготовке реформы тщательно прорабатывались финансово-фискальные, организационные и законодательные вопросы [7, с. 404-410].

Около 65% всех частных винных заводов в империи находилось в западных губерниях, а на территориях современной Беларуси действовало около 400 предприятий — более 18%. Большинство из них производили дистилляты, и нововведения грозили им остановкой с серьёзными финансовыми последствиями. С 1895 г. дворянство Беларуси окончательно лишилось права пропинации, даже для личного употребления [5, с. 36].

В 1914 г., с начала войны, Николай II подписал указ о «сухом законе», ограничив продажу алкоголя, которая разрешалась только в ресторанах. Винные склады и лавки были закрыты на неопределённый срок, а продукция отпускалась только для армии и флота.

Таким образом, государство старалось контролировать производство и торговлю алкоголем, поскольку это являлось важным источником налоговых доходов, особенно в условиях, когда государственный бюджет нуждался в стабильных финансовых потоках. Контроль за алкогольной отраслью служил важной мерой борьбы с нелегальной торговлей и контрабандой спиртных напитков, которая могла значительно снизить доходы казны и создать угрозу общественной безопасности. Кроме того, государственное регулирование позволяло контролировать качество продукции для предотвращения распространения опасных и некачественных напитков, способных навредить здоровью населения.

Библиографический список

1. ПСЗРИ. – 1-е собр. – Т. 17.
2. ПСЗРИ. – 1-е собр. – Т. 19.
3. ПСЗРИ. – 1-е собр. – Т. 21.
4. Прыжов, И. История кабаков в России в связи с историей русского народа / И. Прыжов. – СПб.: Изд-во Наследие, 2009. – 319 с.
5. Минск Кристалл. Вкус столетий / автор концепции и текста А. М. Суворов; фото: В. В. Байковский. – Брест : Полиграфика, 2023. – 272 с. : ил.
6. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 36.
7. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 14.

УДК [930:631.6](470)’’18’’

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И.И. ЖИЛИНСКОГО ПО ОСУШЕНИЮ БОЛОТ ПОЛЕСЬЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE ACTIVITIES OF I.I. ZHILINSKY'S WESTERN EXPEDITION TO DRAIN THE POLESIA SWAMPS IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

Я. А. Шедко
аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

Y. A. Shedko
Postgraduate
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Изучение деятельности Западной экспедиции по осушению болот Полесья под руководством И.И. Жилинского занимает особое место в историографии. Это был масштабный проект по осушению болот Полесья, реализация которого затронула территорию более чем 3.2 млн га. Дореволюционная историография позволяет выявить предпосылки организации экспедиции, проследить ход, выделить основные результаты деятельности и определить отношение к экспедиции современников.

Abstract. The study of the Western Expedition to Drain the Polesia Marshes, led by I.I. Zhilinsky, occupies a special place in historiography. This was a large-scale project to drain the Polesia marshes, covering an area of over 3.2 million hectares. Pre-revolutionary historiography allows us to identify the preconditions for the expedition's organization, trace its progress, highlight its main achievements, and determine the attitudes of contemporaries toward it.

Ключевые слова: Беларусь, Полесье, мелиорация, Западная экспедиция, И.И. Жилинский.
Keywords: Belarus, Polesie, land reclamation, Western expedition, I.I. Zhilinsky.

Западная экспедиция И.И. Жилинского внесла огромный вклад в развитие белорусской гидромелиоративной инженерной школы. На территории Полесья были опробованы различные способы мелиорации и осушения болот, отработаны способы строительства осушительно-увлажнительных систем, созданы фундаментальные научные труды по ботанике, болотоведению, почвоведению, гидротехнике, гидрологии, климатологии и геоботанике. Ученые, агрономы и инженеры, современники событий, написали множество исследовательских работ, посвященных деятельности Западной экспедиции, изучая которые мы сможем проследить процесс становления и выявить основателей отечественной школы мелиорации.

Среди работ дореволюционного периода следует особо отметить «Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот», составленный генерал-лейтенантом Иосифом Ипполитовичем Жилинским, непосредственным руководителем экспедиции. Очерк представляет собой подробный отчет о проделанной работе, содержит важные статистические данные, показывающие влияние деятельности экспедиции на экономическое развитие полесского региона, приводит точные данные о вовлечении осушенных территорий в сельскохозяйственный оборот. В «Очерке» приведена финансовая статистика по каждой казенной даче, в которой действовала экспедиция [1, с. 513–516]. Изучая статистические данные, мы можем сделать вывод об экономической целесообразности проведения мелиорационных работ на территории Полесья. Помимо всего прочего, в «Очерке»

представлена информация о деятельности экспедиции по включению осушенных территорий в сельскохозяйственный оборот, об организации опытных и учебных участков, которые стали базой для обучения местного крестьянства и помещиков передовым методам ведения сельского хозяйства, а также содействовали повышению уровня сельскохозяйственной грамотности населения [1, с. 516–568].

«Приложения к Очерку работ Западной экспедиции по осушению болот» содержит в себе ряд научных статей, посвященных деятельности Западной экспедиции. Статья «Климат Полесья», написанная профессором А.И. Воейковым, дает подробное описание климатических условий на территории региона, а также статистические данные и наблюдения, собранные на метеорологических станциях, основанных Западной экспедицией на территории Полесья [2, с. 1–132].

Статья «Геоботаническое описание Полесья», размещенная в «Приложениях», ценна тем, что включает наблюдения профессора Г.И. Танфильева, который по поручению отдела земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ неоднократно посещал места работы Западной экспедиции на Полесье и оставил заметки, посвященные влиянию мелиорации на местные природные условия [2, с. 133–216].

В «Приложениях» также приведён Журнал Техническо-инспекторского комитета шоссейных и водных сообщений № 77 от 8 марта 1875 года с обоснованием необходимости проведения осушительных работ и прокладки каналов через полесские болота. Это документы Департамента общих дел Министерства путей сообщений, Министра государственных имуществ, полковника И.И. Жилинского, а также в письмо Министра государственных имуществ от 5 февраля 1875 года Министру путей сообщения [2, с. 285–297].

«Очерк осушительных работ в Полесье», написанный И.И. Жилинским, содержит подробный отчет о проделанной Западной экспедицией работе по осушению болот и прокладке каналов на территории Полесья к 1882 г. Издание также содержит физико-географическую характеристику полесского региона [3, с. 1–10], статистику доходности казенных дач в начале деятельности экспедиции и после проведения осушительных работ. В издании также размещены данные о проведении мероприятий по введению в оборот осушенных территорий, работе экспедиции по повышению уровня сельскохозяйственных знаний населения, а также оценку местной администрацией и крестьянством проведенных Западной экспедицией работ [3, с. 21–27].

«Сельскохозяйственные гидротехнические работы» – это научный труд, с которым И.И. Жилинский выступал на XI Международном Судоходном конгрессе. В нём представлена информация о важности проведения сельскохозяйственных гидротехнических работ для интенсификации сельского хозяйства в Российской империи, дана физико-географическая характеристика различных регионов империи, а также сведения о наиболее заболоченных регионах страны, где необходимо осушение [4, с. 1–12]. Автор также опубликовал отчеты о деятельности Западной экспедиции по осушению болот в Полесье, с оро-гидрографическим и геологическим описанием полесского региона, причинами возникновения болот в Полесье, данными гидрометрических и метеорологических наблюдений, полученных с основанных Западной экспедицией метеорологических станций, проведенными осушительными работами и статистическими данными о государственных расходах на Западную экспедицию [4, с. 13–45].

«География Минской губернии (Родиноведение)», составленная А.П. Смородским, секретарем Минского губернского статистического комитета, включает информацию об административно-территориальном делении Минской губернии [5, с. 5], особенностях рельефа, почв, климата, животного и растительного мира [5, с. 6–9], численности населения в губернии и уездах, особенностях сельского хозяйства и животноводства, а также о традиционных промыслах: луговодство, огородничество, садоводство, пчеловодство,

рыболовство. Автор дал сведения о промышленных предприятиях, кустарных промыслах, фабриках и заводах, а также о производимой ими продукции [5, с. 27–34].

А.П. Смородский уделил значительное внимание Западной экспедиции И.И. Жилинского. Он представил краткую характеристику её деятельности и оценку достигнутых результатов. Особый интерес представляют статистические данные о площади осушенных и введенных в сельскохозяйственный оборот земель, существенном росте доходности от территории Полесья, затронутой деятельностью Западной экспедиции [5, с. 14–20]. А.П. Смородский также дал общую характеристику состояния грунтовых, почтовых, шоссейных, просёлочных и железных дорог Минской губернии. Для нас особый интерес представляет информация об участке Брянск-Брест, входившего в состав Полесских железных дорог, где действовала Западная экспедиция по осушению болот Полесья [5, с. 20].

«Известия Императорского Русского географического общества. Т. XXIX: 1893» представляет собой собрание отчетов о деятельности РГО, протоколов заседаний профильных комиссий, а также статей исследователей и ученых, посвященных различным географическим, климатическим, экономическим, этнографическим, геологическим и прочим изысканиям. Наибольший интерес для нас представляет статья профессора А.И. Воейкова «Пинское Полесье и результаты его осушения», подготовленная в конце 1892 г. Александр Иванович дал физико-географическую, демографическую, а также инфраструктурную характеристику полесского региона, подчеркивая, что столь обширный регион был крайне слабо заселен, не обладал разветвлённой дорожной сетью и не использовал весь свой экономический потенциал [6, с. 53–55]. Помимо общей характеристики, автор приводит информацию о предпосылках организации, целях и задачах, непосредственной деятельности и предварительных итогах работы экспедиции И.И. Жилинского. Особый интерес для нас представляют отзывы о деятельности Западной экспедиции со стороны инженеров, местных помещиков, крестьян и чиновников Министерства государственных имуществ. Стоит отметить, что мнения названных лиц зачастую диаметрально отличались друг от друга [6, с. 54–55].

Описывая свою экспедицию в Полесье, профессор Воейков, отмечает значительно преобразившийся ландшафт региона, где работала Западная экспедиция. Он акцентирует внимание на факте существенного развития инфраструктуры и дорожного строительства, расширении речного судоходства, а также на значительном преображении лесного массива. Благодаря деятельности экспедиции появился более здоровый и ценный лесной массив с дубами, кленами, березами, грабами, тогда как на заболоченных пространствах лес оставался болезненным и был довольно низкого качества [6, с. 55–56].

Автор также подметил, что мероприятия, проводимые Западной экспедицией по вовлечению осушенных территорий в сельскохозяйственный оборот и повышению сельскохозяйственной грамотности местного населения, имели положительные последствия для социально-экономического развития региона. Крестьянские и помещичьи хозяйства смогли не только значительно расширить границы удобной земли, но и значительно интенсифицировать сельскохозяйственную деятельность, благодаря чему значительно увеличились урожаи ржи, яровых, корнеплодов. Особенно высок был урожай проса, который в иной раз превосходил урожайность в степных губерниях. Также наблюдался рост поголовья крупного рогатого скота у местных помещиков и крестьян, для содержания которого активно использовались введенные в сельскохозяйственный оборот луга, зачастую арендуемые у казны. Стоит отметить, что существенно возросшая ценность осушенных территорий приводила к возникновению периодических земельных споров между казной и крестьянством [6, с. 56–58].

Таким образом, статья профессора А.И. Воейкова «Пинское Полесье и результаты его осушения» не только дает представление о непосредственной работе Западной экспедиции по осушению болот Полесья, но и приводит данные о социально-экономических

последствиях деятельности Западной экспедиции, что позволяет оценить вклад последней в развитие хозяйственной деятельности всего полесского региона.

«Очерк хозяйственных условий Полесья и значение для них производимой ныне канализации этого края» И.О. Левитского даёт сведения о природных условиях Полесья, физико-географическую характеристику полесского региона, данные о хозяйственной деятельности и национальном составе местного населения в 1877 г. [7, с. 1–12]. Особый интерес представляют статистические данные о распределении земель Полесья по владельцам и размерам крестьянских хозяйств, количестве собранного урожая, голов скота, рабочих рук в сопоставлении с площадью земель. Это позволяет нам оценить влияние деятельности Западной экспедиции по осушению болот Полесья на социально-экономическое развитие и положение населения региона. Автор выделяет достижения Западной экспедиции, к которым он относит значительное улучшение условий для земледелия и скотоводства на осушенных территориях, рост благосостояния местного населения, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, введение в сельскохозяйственный оборот новых осушенных территорий, а также бурный рост местной сельской и перерабатывающей (в первую очередь, деревообрабатывающей) промышленности [7, с. 12–25].

Таким образом, изучая отчеты Западной экспедиции, заметки и научные работы, написанные современниками событий, мы можем получить информацию о непосредственном ходе работ по осушению болот Полесья, оценить эффективность вовлечения осушенных территорий в сельскохозяйственный оборот и проследить влияние на социально-экономическое развитие всего полесского региона с точки зрения современников событий.

Библиографический список

1. Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот (1873–1898) / сост.: И. И. Жилинский [и др.]. – СПб. : М-во зем. и гос. имуществ, 1899. – 744 с.
2. Приложения к очерку работ западной экспедиции по осушению болот 1873-1898 гг. / сост.: И.И. Жилинский [и др.]. – СПб. : М-во зем. и гос. имуществ, 1899. – 298 с.
3. Жилинский, И.И. Очерк осушительных работ в Полесье / И.И. Жилинский. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1883. – 36 с.
4. Жилинский, И.И. Сельскохозяйственные гидротехнические работы / И.И. Жилинский. – СПб. : Отд. зем. улучшений, 1908. – 216 с.
5. Смородский, А.П. География Минской губернии (Родиноведение) / А.П. Смородский. – Минск : Паровая типо-литография Х.Я. Дворжеца, 1894. – 46 с.
6. Воейков, А.И. Пинское Полесье и результаты его осушения / А.И. Воейков // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XXIX. 1893. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1893. – С. 53-79
7. Левитский, И.О. Очерк хозяйственных условий Полесья и значение для них производимой ныне канализации этого края / И.О. Левитский. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1878. – 25 с.

СЕКЦИЯ 4
ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ

УДК 351.853.1

РЖЕВСКАЯ БИТВА: МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПОДВИГА

BATTLE OF RZHEV: MEMORIALIZATION OF THE FEAT

Е. В. Ефимович
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

E. V. Efimovich
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Даётся краткое описание боевых действий у города Ржева во время обороны Москвы и вплоть до 1943 г. Приводятся сведения о том, как отмечен подвиг на Ржево-Вяземском выступе. Дана короткая характеристика о идее и создание мемориала на месте Ржевской битвы.

Abstract. The article provides a brief description of the fighting near the city of Rzhev during the defense of Moscow and up until 1943. It also includes information about the heroic deeds in the Rzhev-Vyazma salient. The article provides a brief overview of the idea and creation of the memorial at the site of the Rzhev Battle.

Ключевые слова: Московская битва, Ржевская битва, Ржево-Вяземский выступ, мемориал Советскому солдату, журавли.

Key words: the Battle of Moscow, the Battle of Rzhev, the Rzhevo-Vyazma salient, the Soviet Soldier Memorial, and the cranes.

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.
…
Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.

А. Т. Твардовский

Когда подъезжаешь к городу Ржев на закате, то можно увидеть парящую над землёй фигуру солдата. 30 июня 2020 г., в дни празднования 75-летия Великой Победы, по инициативе руководства Союзного государства и при участии Президента Российской Федерации В. В. Путина и Республики Беларусь А. Г. Лукашенко был открыт мемориал, посвящённый Ржевской битве.

2026 г. богат на круглые даты. 22 июня исполнится 85 лет с начала Великой Отечественной войны, в тот же год началась Московская битва и соответственно битва на Ржевском плацдарме.

Вероломное нападение на СССР, как известно, произошло 22 июня 1941 г. Немецкие войска продвигались в глубь страны и остановить не удавалось ни на одном рубеже. «Отступать некуда – позади Москва!» – слова, сказанные политруком Красной армии В. Г. Ключков во время боя легендарных панфиловцев у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. Надо отметить, что данный лозунг стал ключевым на многих подступах к столице Советского Союза. Сегодня мы знаем, что Москву отстояли – отстояли ценой огромных жертв, но это стало огромным патриотическим толчком для того, чтобы пришло 9 мая 1945 г.

Одним из рубежей Битвы за Москву, которая длилась с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г., был город Ржев.

«Правильно понять прошлое – это значит облегчить поиски верного пути в будущее. Мы знали, за что сражаемся...», – писал в своих «Воспоминаниях...» маршал Г. К. Жуков. [1, с. 45].

Сражения на Ржевско-Вяземском плацдарме (1941-1943 гг.) включают в себя четыре основные операции: 1-я Ржевско-Вяземская, 1-я Ржевско-Сычевская, 2-я Ржевско-Сычевская («Марс»), 2-я Ржевско-Вяземская. В литературе существует множество названий Ржевской битвы: «Верден-советско-германского фронта», «Долгое эхо Брусиловского прорыва» [1, с. 305]; «Ржевский выступ», «Ржев – город-фронт», «Ржевская академия» [2, с. 48], «Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова», «Ржевский прорыв» [2, с. 276], «Ворота в Берлин» [1, с. 170].

Ржевско-Вяземская операция являлась составной частью стратегического наступления советских войск зимой 1941-1942 гг. и имела целью завершить разгром немецкой группы армий «Центр». Несмотря на незавершённость, операция имела важное значение в ходе общего наступления Красной армии. Советские войска отбросили противника на западном направлении, освободив Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей [3].

Первая Ржевско-Сычёвская операция, или Второе сражение за Ржев 30 июля – 1 октября 1942 г. – советские войска продвинулись на запад, освободив три районных центра. Была выполнена задача по отвлечению в центр советско-германского фронта больших сил противника и нанесение ему значительного урона в живой силе и технике. Но основные цели не были достигнуты [4].

Вторая Ржевско-Сычёвская операция, или операция «Марс» 25 ноября – 20 декабря 1942 г. – привела к прорыву северо-западнее Ржева. Кроме того, большое значение имело истощение сил противника, которые могли бы быть направлены в этот момент в район Сталинграда. Несмотря на большие потери, основные цели были достигнуты [5].

Вторая Ржево-Вяземская операция, или операция «Бюффель» 1-31 марта 1943 г. – был ликвидирован Ржевский выступ, линия фронта была значительно сокращена, противник был значительно отброшен от Москвы. Оставление немецкими войсками Ржевского выступа является завершением Ржевской битвы, которая стала одной из самых кровопролитных в Великой Отечественной войне [6].

Битва за Ржев надолго сковала крупные силы группы армий «Центр», обескровила их, притягивала немецкие резервы с других фронтов. Активные действия советской стороны срывали некоторые подготовленные немцами операции: наступление на Киров и Сухиничи. Немецкие войска ушли с него, как под воздействием ослабления войск на выступе, так и в результате советских успехов на южном участке фронта [4, с. 246-252].

Генерал вермахта Х. Гроссман называл Ржев «краеугольным камнем Восточного фронта», подтверждая значимость удержания плацдарма для группы армий «Центр» –

зафиксировал в своих восмпоитганияъ маршал Г. К. Жуков [2, с. 34] Завершилась битва отступлением 9-й армии вермахта 5 марта 1943 года с Ржевско-Вяземского выступа.

Сражения на Ржевско-Вяземском плацдарме остаются сложной темой для научных выводов: одни рассматривают эти сражения «как бои местного значения» в рамках битвы за Москву, другие оценивают их как отдельную битву, имеющую важное значение для итогов войны.

Несмотря на огромные жертвы, которые были во время битвы под Ржевом, город не получил звание «Города-героя». Мемориализация подвига жителей этого города началась только в конце 70-х гг. XX в. Так в 1978 г. за мужество, проявленное трудящимися города в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве город был награждён орденом Отечественной войны I степени.

После развала Советского Союза в Российской Федерации города, подвиги которых велики, стали получать почётное звание «Город воинской славы». «За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 2007 г. городу Ржеву присвоено это почётное звание.

6 июня 2017 г. Российским военно-историческим обществом была поднята тема увековечивания памяти солдат погибшим на Ржевско-Вяземском выступе и было принято решение о возведении мемориала с центральной фигурой Памятник советскому солдату к 75-летию Победы. Примерно треть суммы на создание мемориала было выделено из бюджета Союзного государства Беларуси и России, остальные средства было решено собирать народными пожертвованиями.

В народе говорят, что души праведников улетают в небо, души эти часто в мемориалах изображали в виде журавлей. На трассе М4 «Дон» есть мемориал «Невернувшимся», установленный более 50-ти лет назад, где с одной стороны дороги стоит мать, а с противоположной – колона с улетающими в небо журавлями. Мать и дети, так и не вернувшиеся с войны. За основу для создания этого мемориала легло стихотворение поэта Р. Гамзатова «Журавли»:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Так и в теме Ржевского мемориала основной темой стали журавли – души солдат, оставшиеся здесь на поле брани. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). А на самом мемориале выбита фраза: «Мы за Родину пали, но она – спасена!». Даже днём вблизи создаётся ощущение, что солдат на крыльях журавлей улетает в небо, растворяясь в нём. А на рассвете и на закате за километра 3 до мемориала создаётся впечатление, что солдат парит над землёй, напоминая нам, что он продолжает здесь стоять и охранять свой плацдарм. Подвиг подо Ржевом был увековечен через 75 лет после Победы в Великой Отечественной войне и стал одним из самых ярких и посещаемых мемориалов, посвящённым этим страшным событиям.

Библиографический список

1. Ржев 42-43. От «Марса» до «Бюффеля» / М. В. Фоменко, В. С. Карасев, А. В. Исаев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Драбкина. – Москва : Яуза-каталог, 2024. – 656 с.

2. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. / Г. К. Жуков – Москва : Эксмо, 2023. – 832 с.

3. Хазанов, Д. Ржевский рубеж / Д. Хазанов // АвиаМастер: журнал. – 2001. – № 06. – С. 3-12.

4. Герасимова, С. А. Первая Ржевско-Сычёвская наступательная операция 1942 года URL: https://rshew-42.narod.ru/1rso.html (дата обращения: 14.04.2026).

5. Гареев, М. А. Операция «Марс» и современные «марсиане»: К 60-летию окончания сражений на ржевско-вяземской земле / М. А. Гареев // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 10 – С. 17-21.

6. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общ. рел. Г. Ф. Кривошеева – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2021. – 608 с.

7. Герасимова, С. А. Ржевская бойня. / С. И. Герасимова – Москва : Яуза, 2020. – 316 с.

УДК 94 (476) “1941/1944”

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ ОСИПОВИЧСКОГО РАЙОНА (1941–1944 ГГ.)

OCCUPATION REGIME IN THE OSIPOVICHI REGION (1941–1944)

А. В. Касович
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
Е. С. Горавский
студент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. V. Kasovich
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
E. S. Goravsky
Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье на основе архивных документов анализируется политика германских властей в отношении мирного населения Осиповичского района в условиях оккупации.

Abstract. The article, based on archival documents, analyzes the policy of the German authorities towards the civilian population of the Osipovichi region under occupation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Осиповичский район, оккупационный режим, геноцид, Холокост.

Key words: The Great Patriotic War, Osipovichi region, occupation regime, genocide, Holocaust.

Оккупационный режим нацистской Германии на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны стал временем беспрецедентных по своей жестокости преступлений против человечности. Осиповичский район Могилёвской области, захваченный вермахтом в июле 1941 года, являлся стратегически важным транспортным узлом (железная дорога Минск–Москва), что предопределило особенности оккупационной политики на его территории. Почти трёхлетний период оккупации (30 июня 1941 г. – 28 июня 1944 г.) характеризовался установлением жесткого террористического режима, экономической эксплуатацией и массовым уничтожением мирного населения [2, с. 7].

Цель данной статьи – комплексный анализ политики оккупационных властей в Осиповичском районе, механизмов геноцида и Холокоста на основе широкого круга источников, включая недавно рассекреченные уголовные дела из фонда № 1363 Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) [3], акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) [2], что позволяет реконструировать хронологию и масштабы трагедии.

Летом 1941 года на территории Могилёвской области нацистами был установлен режим, основанный на человеконенавистнической идеологии расового превосходства и необходимости расширения «жизненного пространства» [1, с. 5]. Директива «О военной подсудности» в районе действия плана «Барбаросса» освобождала немецких военнослужащих от ответственности за преступления против гражданского населения, что фактически легализовало массовый террор.

Осиповичский район вошёл в состав генерального комиссариата «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд». Управление на местах осуществлялось через систему полевых (ФК) и местных (ОК) комендатур, подчинённых командующему тылом группы армий «Центр» (М. фон Шенкендорф, затем Л. Кюблер и Э. фон Роткирх-унд-Трах) [2, с. 9–10]. В районе действовали ортскомендатуры в Осиповичах, Свислочи и Старых Дорогах, штат которых насчитывал от 15 до 40 человек и отвечал за борьбу с партизанами, разведку и пропаганду. Ключевую роль в репрессиях играли охранные дивизии, прежде всего 203-я, которая «хозяйничала» в регионе дольше всех [3], а также 707-я пехотная дивизия и батальон СС Дирлевангера. Для реализации политики террора оккупанты активно привлекали коллаборационистов из числа местных жителей в вспомогательную полицию и административные органы [3].

Экономическая политика сводилась к тотальному ограблению региона. Под видом «продовольственных операций» проводились систематические реквизиции продуктов и скота, сопровождавшиеся насилием [3, л. 3, 10, 12]. Трудоспособное население угонялось на принудительные работы в Германию. По данным справки Осиповичского райисполкома от 22 декабря 1945 г., число угнанных составило 3984 человека [2, с. 224].

Наиболее трагическим проявлением оккупационной политики стали карательные операции, направленные на уничтожение партизан и запугивание местного населения. Они привели к массовому уничтожению деревень вместе с жителями. Согласно справке райисполкома от 31 января 1949 г., в районе было расстреляно, повешено и сожжено 11 500 человек, угнано 8000, полностью или частично уничтожено 99 колхозов и более 5000 домов [2, с. 228].

Пик карательных акций пришелся на 1943–1944 гг. в ответ на активизацию партизанского движения. Архивные уголовные дела позволяют детализировать эти события. Операция «Франц» в январе 1943 года, проведенная 203-й охранной дивизией и батальоном Дирлевангера, привела к уничтожению нескольких деревень. Трагедия д. Брицаловичи (Липенский сельсовет) стала одной из самых масштабных: каратели сожгли 144 дома и убили 676 жителей [3; 2, с. 416]. Свидетельница З.И. Романюк описывала окружение деревни, сгон людей и массовый расстрел [2, с. 226]. В д. Большая Горожа (Замошский сельсовет) было уничтожено 118 домов и 219 человек [2, с. 230–231]. Батальон Дирлевангера оставил «кровавый след» в д. Маковье (Гродзянский сельсовет), где сжёг 48 домов и убил 229 человек [2, с. 416]. Общее количество «огненных деревень» в районе, по уточнённым данным, достигло 83 [3].

Таблица 1. – Крупнейшие сожжённые деревни Осиповичского района

Деревня	Дата уничтожения	Убито жителей	Подразделение оккупантов
Брицаловичи	Январь 1943	676	203-я охранная дивизия
Маковье	Январь 1943	229	Батальон Дирлевангера
Большая Горожа	Январь 1943	219	203-я охранная дивизия

Деревня	Дата уничтожения	Убито жителей	Подразделение оккупантов
Гродзянка	Январь 1943	350	Батальон Дирлевангера
Погорелое	Не установлено	187	Не установлено

Примечание – Источник: составлено по [2, с. 416–417; 3].

Уничтожение мирного населения носило планомерный характер, соответствующий нацистскому плану «Ост», предусматривавшему физическое истребление или выселение 75% славянского населения [2, с. 8]. В Осиповичском районе геноцид осуществлялся через массовые расстрелы, сожжения и создание невыносимых условий жизни. В посёлке Елизово весной 1942 г. было казнено местное еврейское население у стеклозавода «Октябрь» [3].

Холокост стал особой страницей трагедии. Согласно административному распоряжению №1 командующего тылом группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа от 7 июля 1941 года, все евреи старше 10 лет обязаны были носить на правом рукаве белую полосу шириной 10 см с сионистской звездой или жёлтую повязку. Евреям запрещалось: появляться в общественных местах (включая рынок); учить детей в школе; разговаривать с нееврейским населением и приветствовать неевреев; ходить по тротуарам; собираться на улицах больше, чем по три человека. Нарушение этих правил каралось расстрелом.

Нацисты организовали на территории района 9 гетто: в Осиповичах, Ясене, Дараганово, Елизово, Гродзянке, Лапичах, Свислочи, Липене и санатории «Крынка». Осиповичское гетто (июль 1941 – февраль 1942 гг.) было одним из крупнейших. Существовало на улицах Коммунистической, Чумакова, Октябрьской, Горького, Рабоче-Крестьянской, Полевой, Калинина, Серова, К. Либкнехта, Красноармейской, Социалистической, Революционной, К. Маркса, Промышленной, Протасевичской. В гетто были переселены евреи из северной части города и других мест. 11 октября 1941 г. и 5 февраля 1942 г. на еврейском кладбище города были проведены массовые расстрелы, жертвами которых стали, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, 2379 и 437 человек соответственно [2, с. 272]. Всего жертвами Холокоста в районе стали несколько тысяч человек.

Архивные материалы раскрывают механизмы участия в преступлениях отдельных лиц. Так, уголовное дело переводчика ортскомендатуры Вильгельма Келлера (№ 1198) свидетельствует о его участии в допросах, казнях, в том числе детей в детском доме д. Крынка, а также в работе с агентурой и вымогательстве [3, л. 16–173]. В Липене в 1941 г. фашисты и их пособники расстреляли и сожгли заживо в школе более 200 евреев.

За время оккупации практически все евреи Осиповичского района были убиты. По данным на октябрь 1942тгода, секретарь Осиповичского подпольного комитета КП(б)Б Р. Х. Голант в докладной записке сообщал: «По Осиповичскому району всего имеется населения 59 тыс. человек, еврейского населения нет…».

Память о жертвах Холокоста увековечена в мемориалах в Осиповичах (1968 г., обновлён в 1993 г.), Липене (2009 г.) и других местах. Например, на еврейском кладбище в Осиповичах в 1968 году установили обелиск с надписью «Память родным и близким, расстрелянным в 1941–1942 гг.».

Оккупационная политика нацистской Германии на территории Осиповичского района являлась составной частью общей стратегии порабощения и уничтожения народов СССР, базировавшейся на расовой теории и плане «Ост». Установленный «новый порядок» представлял собой систему военного, административного, экономического и идеологического террора. Его ключевыми элементами стали карательные операции, проводимые силами

вермахта, СС и коллаборационистов, приведшие к полному или частичному уничтожению десятков населенных пунктов.

Политика геноцида проявилась в массовом уничтожении мирных жителей, включая реализацию «окончательного решения еврейского вопроса». Холокост на территории района унес жизни сотен евреев – стариков, женщин, детей.

Экономическая эксплуатация и принудительный угон населения дополняли картину демографической и социальной катастрофы. За 1 093 дня оккупации оккупанты уничтожили все промышленные предприятия, разрушили большую часть жилых домов и общественных зданий; при отступлении вывели из строя станцию, железнодорожные парки, взорвали водонапорную башню, путепровод, мосты через реку Синюю.

Общие безвозвратные потери района составили более 11 тысяч убитых и 8 тысяч угнанных, а масштабы материальных разрушений требуют дальнейшего изучения. Вовлечение в научный оборот новых архивных источников, в том числе уголовных дел нацистских преступников, позволяет не только восстановить историческую справедливость, но и дать аргументированный отпор современным попыткам переписи истории Великой Отечественной войны. Увековечение памяти жертв геноцида в мемориалах и памятниках района служит нравственным уроком для будущих поколений.

Библиографический список

1. Волчок, Г. И. Могилёвская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / Г. И. Волчок. – Могилёв: [б.и.], 2020. – 200 с.

2. Без срока давности: Беларусь. Могилёвская область : сборник документов и материалов / сост.: А. М. Багдасаров [и др.]. – Минск : Беларусь, 2022. – 568 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1363. – Оп. 1. – Д. 742, 1198, 1529, 1581, 1973, 2188, 2315, 2809.

УДК 94 (476) “1941/1944”

ТРАГЕДИЯ МОЛОДЕЧНЕНСКОГО КРАЯ: ОККУПАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1941–1944 ГОДАХ

THE TRAGEDY OF THE MOLODECHNO REGION: OCCUPATION AND DEPOPULATION IN 1941–1944

А. В. Касович
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
В. Д. Корытько
студент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. V. Kasovich
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
V. D. Korytko
Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье на основе архивных документов анализируется политика германских властей в отношении мирного населения Молодечненского района в условиях оккупации.

Abstract. The article, based on archival documents, analyzes the policy of the German authorities towards the civilian population of the Molodechno region under occupation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Молодечненский район, оккупационный режим, геноцид, Холокост.

Key words: The Great Patriotic War, Molodechno region, occupation regime, genocide, Holocaust.

Июнь 1941 года стал для Молодечненского района началом невиданной трагедии. 22 июня грянула война, а уже 24 числа на подступах к региону развернулись ожесточённые бои. Немецкая группа армий «Центр» – самая мощная из трёх ударных группировок вермахта – стремительно продвигалась к Минску и Москве. Молодечно, являясь крупным железнодорожным узлом на линии Минск – Вильнюс и важным перекрёстком шоссейных дорог, оказалось на направлении главного удара.

Оборону держали подразделения 24-й Самаро-Ульяновской дивизии полковника К.Н. Галицкого, части 5-й танковой дивизии, курсанты Виленского пехотного училища, бойцы 84-го стрелкового полка войск НКВД. Небольшая группа советских солдат до последнего удерживала мост через реку Уша – под массированным огнём они взорвали переправу и отошли.

Авиация противника заранее превратила город в руины. Бомбили станцию, узел связи, аэродром в деревне Хожево – советские самолёты были уничтожены прямо на земле. 26 июня 1941 года танки 39-го моторизованного корпуса вермахта вошли в Молодечно.

Но даже в эти тяжелые дни над районом вспыхнули звёзды бессмертного подвига. 26 июня в небе у Радошкович экипаж капитана Николая Гастелло направил горящий самолёт на колонну вражеской техники. В тот же день такой же таран совершил капитан Александр Маслов, а 27 июня – старший лейтенант Владимир Пресайзен.

Цифры говорят сами за себя: перед войной в Молодечненском районе проживало около 80 тысяч человек, а к 1945-му, после освобождения и возвращения выживших, осталось лишь 65 тысяч. В самом городе из 9500 жителей уцелело 4834.

Вслед за вермахтом в Молодечно прибыли айнзацгруппы, зондеркоманды, тайная полевая полиция, гестапо. Территория района вошла в состав генерального округа «Беларусь» рейхскомиссариата «Остланд». Немецкий зондерфюрер – начальник района – обладал неограниченной властью. Ему помогали местные коллаборационисты: бургомистром назначили В. Грушевского, начальником полиции – А. Богана. Оба позже были признаны военными преступниками.

Первые распоряжения оккупантов были направлены на тотальный контроль: регистрация населения, изъятие оружия и радиоприёмников, комендантский час. За неподчинение – расстрел. Жителям приказали нашивать на одежду номера домов, а за укрывательство красноармейцев или евреев карали смертью.

Экономика района была поставлена на службу рейху. Крестьяне обязаны были сдавать зерно, мясо, молоко по постоянно растущим нормам. Недосдачу карали штрафами, порками, расстрелами. Трудоспособных от 14 до 60 лет регистрировали на бирже труда и гнали на расчистку завалов, ремонт дорог, лесоповал, торфоразработки. Рабочий день длился по 10–12 часов, а оплата труда – минимальная или нулевая.

Особый размах приобрела отправка молодёжи в Германию. Людей хватали прямо на улицах и рынках, грузили в эшелоны и увозили в неизвестность. За годы оккупации из Молодечненского района на принудительные работы угнали 1174 человека. Многие не вернулись.

Система заложничества и коллективной ответственности стала главным инструментом устрашения. За помощь партизанам, побег на работу, нарушение комендантского часа сжигали целые деревни. Публичные казни на центральной площади Молодечно были обычным делом – тела висели сутками, чтобы каждый запомнил цену сопротивления.

Уже в июле 1941 года на территории бывшей учительской семинарии в северо-восточной части Молодечно оккупанты создали лагерь для военнопленных – «Шталаг-342». Задуманный как пересыльный пункт, он быстро превратился в один из крупнейших лагерей смерти на оккупированной территории Беларуси.

Бывший начальник лагерной полиции Пётр Краснотеркин позже вспоминал: «Уже к 1 июля 1941 года здесь находилось несколько тысяч военнопленных и примерно столько же гражданских – от глубоких стариков до 14-15-летних подростков».

Условия были чудовищными. Деревянные бараки – без полов, потолков, печей. К концу июля переполненность достигла такого предела, что люди спали на полу, на чердаках, подвешивали самодельные лежаки. Ночью, чтобы выйти по нужде, приходилось буквально ступать по человеческим телам. Количество узников доходило до 30 тысяч человек.

Кормили раз в сутки: 100 граммов хлеба с опилками и литр жидкого «супа» из гнилых продуктов. Воды почти не было. *«Люди, исхудалые до предела, напоминали скелеты, – писал Красноцеркин. – Голод был королём лагеря, но немцы были теми, кто вручил ему корону»*.

Осенью 1941 года ударили морозы. Бараки не отапливались, бани не было. В ноябре вспыхнул сыпной тиф – лагерь закрыли на карантин, но медикаментов не давали.

Смертность достигла 350–400 человек в сутки. За два с половиной месяца, с середины ноября 1941 по 1 февраля 1942 года, из 20 тысяч узников осталось в живых всего 4406.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии, через «Шталаг-342» прошло около 70–80 тысяч человек, из которых 33 150 были уничтожены. Расстреливали по ночам, сбрасывая тела в ямы по 150–300 человек. На лагерном кладбище находилась 221 братская могила. После войны их уничтожили. Лагерь действовал до самого освобождения Молодечно – 5 июля 1944 года.

Долгие десятилетия «Шталаг-342» оставался забытым. Благодаря инициативе ветерана войны, почётного гражданина Молодечно Александра Мазаника, который более 25 лет возглавлял добровольное общество охраны памятников, лагерь наконец признали концентрационным. 5 июля 1995 года на его месте открыли мемориальный комплекс.

Проект создал архитектор Леонид Левин – один из авторов хатынского мемориала. Камни символизируют братские могилы, колючая проволока по периметру напоминает об ограждении лагеря, а чёрные цветы – о тех, кто никогда не вернётся.

В акте районной комиссии ЧГК от 26 апреля 1945 года названы главные палачи: главный комендант подполковник Жудан, его заместитель обер-лейтенант Майн, начальник особого отдела лагеря обер-лейтенант Бусс, коменданты полиции Косяк и Боган. Многие из них ушли от правосудия, но история всё расставила по местам.

Нацистская политика «окончательного решения еврейского вопроса» не обошла стороной и этот регион. Оккупанты создали на территории района девять гетто – в самом Молодечно, Красном, Радошковичах, Лебедево, Городке, Засковичах и других населённых пунктах.

Сразу после оккупации города евреям приказали носить на правом рукаве белую полосу с сионистской звездой или жёлтую повязку. Им запрещалось ходить по тротуарам, появляться в общественных местах, менять жильё. Началось тотальное ограбление: изымались ценности, имущество, дома. Продовольственные пайки для евреев были минимальными – людей обрекали на голод.

В Молодечненском гетто, созданном летом 1941 года, содержалось около 3000 узников. Уничтожение проходило в несколько этапов: в июле 1941 года расстреляли около 600 человек за рекой Уша, в конце сентября – ещё около тысячи, в феврале 1942 года – 500 человек в деревне Цна, осенью 1942-го провели массовую «зачистку». К июлю 1943 года гетто перестало существовать – погибли все.

Крупнейшим на районе было гетто в Красном. Осенью 1941 года его организовали в центре местечка – 20–30 домов, обнесённых колючей проволокой, где в каждом ютились по несколько семей. Позже на территории лесничества создали второе гетто, куда свезли трудоспособных евреев из Городка, Олехновичей, Радошковичей и Молодечно – они работали на ремонте немецкой техники. Всего через эти два гетто прошло около пяти тысяч человек. Никто не выжил.

Карательные операции против мирного населения носили систематический характер. Особенно жестокими они становились в ответ на действия партизан. Летом 1943 года немецкое командование устроило масштабную блокаду партизанской зоны с участием отрядов СС и украинских «добровольческих» батальонов.

Деревня Саковщина разделила судьбу Хатыни. 11 ноября 1943 года фашисты сожгли её вместе с жителями. В огне погибли 12 человек. После войны деревня не возродилась – она навсегда исчезла с карты. В 1973 году на её месте насыпали курган и установили стелу.

20 октября 1943 года нацисты окружили деревню Осовец, согнали жителей к церкви и стали допрашивать о партизанах. Люди молчали. Тогда оккупанты загнали всех в сарай и подожгли. Погибло 28 человек – женщины, дети, старики.

В июне 1944 года каратели сожгли 38 дворов из 40, убили 5 мирных жителей деревни Радевцы, ещё четверых угнали в Германию.

Всего за годы оккупации на территории Молодечненского района было полностью или частично уничтожено 63 деревни. По данным исторической справки, фашисты и их пособники убили 10 263 мирных жителя, среди которых 2817 женщин и 1262 ребёнка.

Три года германского «нового порядка» унесли жизни более десяти тысяч мирных жителей. Сожжённые деревни, лагерь смерти «Шталаг-342», девять гетто и тысячи расстрелянных – такова страшная цена войны для этого уголка Беларуси.

Мы не вправе забыть: за три года оккупации Молодечненский район потерял каждого седьмого своего жителя. Десять тысяч жизней – это не статистика. Это матери, отцы, дети, которые просто хотели жить.

Библиографический список

1. Акулич, М. В. Молодечно и евреи. История, холокост, наши дни / М. В. Акулич. – [Б. м.] : Издательские решения , 2023. – 124 с.

2. Памяць. Маладзечна, Маладзечанскі раён. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: Л. М. Карповіч; рэдкал.: Г. П. Пашкоў, Н. С. Гайковіч і інш. – Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2002. — 792 с.

3. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941 – 1944 / сост. В. И. Адамушко, О. В. Бирюкова, В. П. Крюк, Г. А. Кудрякова. – Мн.: Национальный архив Республики Беларусь, Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, 2001. – 158 с.

УДК 94 (476) “1941/1944”

КАТАСТРОФА СОЛИГОРСКОГО КРАЯ: НАЦИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА И ТЕРРОРА

THE SOLIGORSK REGION DISASTER: NAZI GENOCIDE AND TERROR POLICY

А. В. Касович
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
А. А. Ульянович
студент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. V. Kasovich
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
A. A. Ulyanovich
Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается политика геноцида в отношении мирного населения Солигорского района в условиях германской оккупации.

Abstract. The article examines the policy of genocide against the civilian population of the Soligorsk region under the German occupation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Солигорский район, уничтожение населения, геноцид, Холокост.

Key words: The Great Patriotic War, Soligorsk region, destruction of the population, genocide, Holocaust.

Солигорский район был полностью оккупирован германскими войсками в июле 1941 года и находился под оккупацией более трех лет. Административный центр Старобин стал опорным пунктом новой администрации. Вся полнота власти в районе принадлежала зондерфюреру – немецкому шефу района, который подчинялся руководителю округи – гебитскомиссару. Во всех крупных деревнях района были созданы районные (волостные) управы и полицейские гарнизоны из коллаборационистов.

Оккупационные власти установили в крае жесткий режим, уничтожая местное население, подозреваемое в связи с партизанами, и сжигая деревни. Для осуществления политики геноцида и проведения карательных операций сразу вслед за войсками в район прибыли карательные подразделения войск СС, айнзатцгруппы, зондеркоманды, тайная полевая полиция, полиция безопасности и СД, жандармерия и гестапо.

Самые кровавые карательные операции на этих землях проводились в 1943-1944 годах. Их результатом стало уничтожение более 3 640 дворов, убийство и сожжение более 5 100 жителей. И это лишь документально установленные факты.

Каратели действовали в основном по одному и тому же сценарию: врывались в деревню, сгоняли жителей в большой сарай, расстреливали, поджигали, забирали скот и провизию и оправлялись в следующую деревню. Часто случалось, что сельчан предупреждали о готовящемся налёте партизаны. В таких случаях жителям деревень удавалось лишь на время отложить трагическую участь. Каратели либо находили их в лесу и расстреливали на месте, либо возвращались в деревню спустя несколько дней и, застав крестьян в их жилищах, вершили кровавую миссию.

Пощады не было никому. Просьбы матерей оставить в живых их детей лишь разжигали в убийцах агрессию, немощные старики становились объектами насмешек, молодые женщины подвергались жестокому насилию. Выжить в этом полыхающем аду удалось единицам. Они спаслись чудом: кому-то удалось спрятаться на чердаке или в погребе и потом сбежать в лес, другие, получив ранение, притворились убитыми и смогли избежать смерти.

По количеству жертв среди сожженных деревень Солигорского района больше всего пострадала деревня Пузичи**.** Здесь в марте 1943 года было убито 788 человек. В деревне Копацевичи в феврале 1943 года убито 426 человек, в том числе 200 детей до 16 лет, разрушены все 126 дворов.

Данные актов партизанского отряда и отчетов Солигорского подпольного райкома КП(б)Б свидетельствуют, что в числе убитых карателями больше половины составляют дети. Так, в дер. Забродье убито и сожжено 312 человек, из них 167 – дети до 16 лет. Из 213 погибших жителей дер. Домановичи 126 – дети. В дер. Писаревичи карателями убито 202 человека, из них 134 – дети до 16 лет, в дер. Осово убито 212 человек, из них 121 – дети.

Одновременно с уничтожением мирного населения нацисты и их приспешники приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» – массовому истреблению местного еврейского населения. «Акции» (таким эвфемизмом гитлеровцы называли организованные ими массовые убийства) повторялись множество раз во многих местах. В тех населенных пунктах, где евреев истребили не сразу, их содержали в условиях гетто вплоть до полного уничтожения, используя на тяжелых принудительных работах, от чего многие узники умирали от непосильных нагрузок в условиях постоянного голода и отсутствия медицинской помощи.

Оккупационные власти под страхом смерти запретили евреям снимать желтые латы или шестиконечные звезды (опознавательные знаки на верхней одежде), выходить из гетто без специального разрешения, менять место проживания и квартиру внутри гетто, ходить по тротуарам, пользоваться общественным транспортом, находиться на территории парков и общественных мест, посещать школы.

Немцы, реализуя нацистскую программу уничтожения евреев, создали на территории района три гетто.

Так, гетто в Красной Слободе, созданное с первых дней оккупации района, просуществовало до весны 1942 года. 3 августа 1941 года немцы убили 73 еврея. Осенью 1941 года немцы провели второй массовый расстрел евреев посёлка, убив около 900 человек. Перед окончательной ликвидацией гетто в апреле 1942 года несколько евреев 22 апреля совершили побег и впоследствии воевали в составе партизанского отряда. В память о трагических событиях на восточной окраине посёлка на месте массовой казни мирных жителей в 1967 году установлены 3 памятника, опубликованы неполные списки убитых жителей Красной Слободы.

Из немногим более 3000 жителей посёлка Старобин 90 % составляли евреи, и только незначительная часть из них сумела эвакуироваться с отступающими на восток советскими частями.

Ещё до создания гетто, сразу после оккупации, немцы согнали евреев из района рынка к месту скотобойни и убили. Затем собрали большое число евреев на Слуцком шоссе, завели их в лес у Козьей горы около Старобина и расстреляли. 29 июля 1941 года айнзацкоманда под командованием Карла Рурберга во время первой «акции» убила 120 старобинских евреев. Их согнали в одно место и повели в направлении деревень Поварчицы и Овины. Сейчас это место в районе торфобрикетного завода между дорогами Минск – Микашевичи и Старобин – Поварчицы. Евреев убили, сбросили в большую яму и засыпали. 22 августа 1941 года были расстреляны ещё 79 евреев. 23 августа 4-й эскадрон СС расстрелял 203 еврея, а 3-й эскадрон в этот же день – 15 евреев. 28-29 августа были расстреляны ещё 89 евреев.

Летом 1941 года во время первой «акции» на улице Пролетарской были убиты 400 узников, и ещё 400 – во время второй «акции» в августе 1941 года на улице Краснознамённой. Всего в Старобине и районе были расстреляны около 700 евреев.

В 1948 году на братской могиле жертв Холокоста Старобина на улице Пролетарской был поставлен обелиск. Он находится на окраине Старобина и зарегистрирован как «братская могила мирных жителей городского посёлка Старобин, расстрелянных фашистами в августе 1941 года». Второй монумент установлен на месте массового убийства евреев на Козьей горе около Старобина.

В конце июня 1941 года нацисты организовали гетто в Погосте. Гетто занимало район улицы Набережной. Оно было огорожено колючей проволокой с одним выходом, возле которого круглосуточно дежурили полицейские. Немцы очень серьёзно относились к возможности еврейского сопротивления, и поэтому в большинстве случаев в первую очередь убивали в гетто или ещё до его создания евреев-мужчин в возрасте от 15 до 50 лет. По этим соображениям в начале августа 1941 года немцы около сотни евреев Погоста погрузили на машины, увезли в лес за десять километров от местечка и всех расстреляли.

24 августа полк СС расстрелял 39 евреев. 25 августа 1941 года на окраине Погоста при ликвидации гетто были убиты по разным оценкам от 440 до 800 человек. В сообщении «О положении в оккупированных областях Белоруссии» от 19 августа 1941 года партийный руководитель Беларуси П. К. Пономаренко писал о расправе над евреями в Погосте: «*Еврейское население подвергается беспощадному уничтожению… В Погосте, Минской области, немецкий офицер вывел евреев на окраину деревни, приказал им вырыть могилу и после этого расстрелял… Такие факты многочисленны*».

В 1946 на двух могилах жертв геноцида в Погосте установлены обелиски. В 2016 году они были заменены на новые памятники.

Массовые убийства евреев происходили в Копацевичах, Островках, Косыничах, Кривичах, Большом Рожане, Челонце, Чепелях, Кулаках, Пузичах и других местах.

Библиографический список

1. Памяць. Салігорскі раён». Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: Л. М. Драбовіч; рэдкал.:Г. К. Кісялёў і інш. – Мн.: «БЕЛТА», 2004. –573 с.

2. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941 – 1944 / сост. В. И. Адамушко, О. В. Бирюкова, В. П. Крюк, Г. А. Кудрякова. – Мн.: Национальный архив Республики Беларусь, Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, 2001. – 158 с.

3. Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. / Сост. В. И. Адамушко, И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. – 2-е издание. – Минск: НАРБ, 2010. – 199 с.

4. Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2011. – 1143 с.

УДК 330

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

CIVIC-PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH THROUGH THE PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE WITHIN THE FRAMEWORK OF PUBLIC-PRIVATE INTERACTION

Л. С. Ковальчук
магистр экономических наук
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка» Минск, Беларусь
С. В. Богданов
пом. директора, Благотворительный фонд помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» Минск, Беларусь
М. А. Метла
пом. директора по юридическим вопросам, Благотворительный фонд помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» Минск, Беларусь

L. S. Kovalchuk
Master of Economics
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk, Belarus
S. V. Bogdanov
Assistant Director, "Memory of Afghanistan" Charitable Foundation for Assistance to Internationalist Soldiers Minsk, Belarus
M. A. Metla
Assistant Director for Legal Affairs Memory of Afghanistan Charitable Foundation for Assistance to Internationalist Soldiers Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема реализации идеологического, гражданского, патриотического, поликультурного воспитания через сохранение историко-культурного наследия в рамках государственно-частного взаимодействия на примере деятельности историко-культурного комплекса «Линия Сталина». Рассматриваются различные аспекты воспитания гражданственности и патриотизма, включающие традиционные и инновационные методы. Особое внимание уделяется роли историко-культурного наследия как ресурса, способствующего формированию национальной идентичности и гражданско-патриотических установок у молодежи.

Abstract. This article examines the pressing issue of implementing ideological, civic, and patriotic education through the preservation of historical and cultural heritage within the framework of public-private cooperation, using the example of the Stalin Line historical and cultural complex. Various aspects of civic and patriotic education are examined, encompassing traditional and innovative methods. Particular attention is paid to the role of historical and cultural heritage as a resource for fostering national identity and civic and patriotic attitudes in young people.

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, государственная идеология, патриотическое воспитание, национальное самосознание.

Keywords: education, patriotism, state ideology, patriotic education, national identity.

В настоящее время всевозрастающее значение для современного общества имеют вопросы и проблемы патриотизма, как высшей формы проявления гражданственности. Отсутствие четких положительных жизненных ориентиров, системы патриотического воспитания для молодого поколения может приводить к серьезным проблемам в государстве. Поэтому патриотическое и гражданское воспитание молодежи и граждан выступает одной из фундаментальных задач государства в целом. В конце XX начале XXI столетий вследствие кризисных явлений произошел резкий спад патриотизма у населения страны, изменилась работа по воспитанию учащихся в рамках осуществления внутренней политики государства.

Гражданско-патриотическое воспитание, уважение к историко-культурному наследию белорусского народа должно проявляться не только на государственном уровне. В данную работу должны быть включены как граждане страны, так и общественные организации, органы государственной власти, крупные промышленные и иные субъекты хозяйствования различных форм собственности.

В целом, воспитание является составляющей частью образования и основывается на государственной идеологии, общечеловеческих гуманистических ценностях, культурных и духовных традициях белорусского народа [1]. Целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. Воспитание направлено на обеспечение успешной социализации личности в современном обществе, формирование патриотического сознания, подготовку к самостоятельной жизни, продуктивной трудовой и профессиональной деятельности; формирование конкурентоспособной личности, готовой к принятию ответственных решений [1].

Особыми формами воспитания выступают идеологическое, гражданско-патриотическое и поликультурное воспитание, которые реализуются как на государственном уровне, так и способны реализовываться в рамках государственно-частного взаимодействия.

Содержание идеологического воспитания включает формирование патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии, уважения и преданности белорусскому государству, глубокого понимания конституционного долга гражданина, политической культуры личности [1]. Идеологическое, гражданское, патриотическое воспитание должно реализовываться с учетом возрастных особенностей обучающихся. Поликультурное воспитание направлено на формирование у обучающихся толерантного отношения к представителям других культур, национальностей, вероисповеданий и включает: изучение истории, обычаев и традиций белорусского народа и народов других стран; воспитание уважительного отношения к национальному достоинству людей; развитие культуры межнационального общения [1].

Идеологическое, патриотическое и гражданское воспитание, а также поликультурное воспитание должны быть разноплановыми, системными, целенаправленными и скоординированными действиями государства. Патриотизм, как правило, не закреплен законодательными актами, он проявляется в ценностях и поступках, таких как: забота об интересах своего Отечества, гордость за достижения своей страны, уважение к историческому прошлому Родины и др.

Учитывая сложность и многогранность задач гражданско-патриотического воспитания государство должно оказывать поддержку и взять на себя роль стратегического координатора этой работы, объединив усилия всех в достижении поставленной цели – воспитания Гражданина и Патриота.

Примером государственного и частного взаимодействия государства и частной организации является историко-культурный комплекс «Линия Сталина». В год 60-летия Великой Победы, в 2005 г. благотворительный фонд помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» предложил на исторической основе, в рамках сохранившихся с 30-х гг. XX века долговременных огневых точек Минского укрепленного района общей системы оборонительных сооружений на западной границе СССР, создать историко-культурный

комплекс «Линия Сталина», который стал одним из центров военно-патриотического воспитания широких слоев населения, в том числе детей и учащейся молодежи и, одновременно, уникальным туристическим объектом, вызывающим живой интерес туристов из разных стран мира. Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» включен в состав Благотворительного фонда помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана», который, в свою очередь, в соответствии с Уставом, является некоммерческой организацией, преследующей социальные, благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно полезные цели. Согласно Распоряжению Президента Республики Беларусь №304рп от 20 октября 2005г. историко-культурный комплекс «Линия Сталина» передан фонду «Память Афгана» на содержание и дальнейшее развитие без привлечения бюджетных средств.

За период с 2014 года по настоящее время общее количество посетителей комплекса составило более 1 млн. 200 тыс. человек.

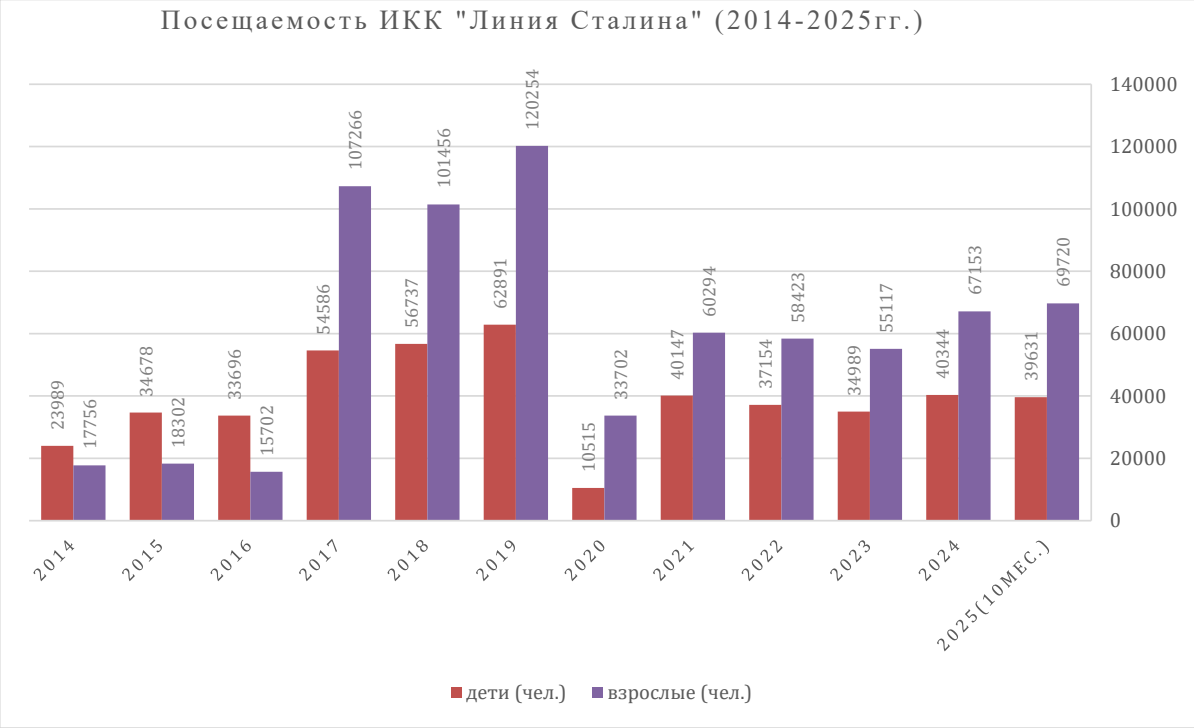


Рис.1. Посещаемость ИКК «Линия Сталина» [2]

Следует отметить резкое снижение посещаемости историко-культурного комплекса «Линия Сталина» в период пандемии, что было связано с введением ограничений в функционировании объектов, предполагающих высокую клиентскую проходимость. Немалую роль сыграло введение санкционного режима, нашедшего отражение в сокращении возможностей передвижении иностранных туристов. Однако, по мере снятия ковидных ограничений и восстановления туристических потоков наблюдается постепенный устойчивый рост динамики посещения историко-культурного комплекса «Линия Сталина».

Территория историко-культурного комплекса «Линия Сталина» реализует принцип «безопасно – удобно». Грамотное расположение тематических площадок, игровых зон, зон питания, реставрационных мастерских, парка для обслуживания техники, временных экспозиций, где представлена техника, участвующая в реконструкциях, открытой экспозиции «Наш Бронепоезд» с элементами железной дороги (создавалась при участии Белорусской железной дороги и посвящена труженикам железных дорог в годы Великой Отечественной войны), содействует комфортному длительному пребыванию посетителей на

территории историко-культурного комплекса «Линия Сталина». Все это способствует тому, что воспитанники учреждений дошкольного образования, обучающиеся различных ступеней образования и различных учреждений образования имеют возможность фактически прикоснуться к объектам, представленным в экспозициях историко-культурного комплекса «Линия Сталина», сформировать собственную позицию по отношению к исторической памяти белорусского народа, духовным и культурным ценностям и традициям белорусского народа. Относительно недавно получил реализацию в период новогодних каникул инновационный тематический проект - Резиденция Деда Мороза, который вызывает неподдельный интерес у детей. Ежегодно сотрудниками комплекса осуществляются проекты по поиску и восстановлению техники времен Великой Отечественной войны и расширению экспозиции комплекса. Особым вниманием пользуется у студенческой молодежи еще один инновационный проект историко-культурного комплекса «Линия Сталина» - видеоматериалы, размещенные на различных интернет-площадках и в социальных сетях, позволяющие в режиме реального времени следить за восстановлением и реставрацией боевой техники. В рамках гражданского, патриотического и идеологического воспитания, а также поликультурного воспитания детей и молодежи было принято решение расширить образовательную деятельность с использованием социальных сетей по представлению фактов о героических белорусских личностях, внесших значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне. В социальных сетях данные факты представлены в интересной форме, кратко и способствуют формированию познавательного интереса. Кроме того, посетители из других государств, посещая историко-культурный комплекс «Линия Сталина», имеют возможность осуществить поднятие флага своего государства (для этого установлен специальный флагшток и оборудована фотозона).

Особым направлением деятельности историко-культурного комплекса «Линия Сталина» выступает реализация движения реконструкторов: работают военно-исторический клуб «Солдаты Победы» и группа военно-исторических реконструкций «Шурави», которые ежегодно организуют и проводят Международный фестиваль военно-исторических клубов «Багратион», фестиваль «Афганское небо», в которых принимают участие представители не только Республики Беларусь и Российской Федерации, но и дальнего зарубежья. Особенно следует отметить в числе участников военно-патриотических реконструкций студенческую молодежь, выступающих на разных сторонах представителей армий-участников реконструкции исторических событий. Так, в частности, в течение года при поддержке Министерства обороны Республики Беларусь обычно проводится 12-15 военно-театрализованных представлений по реконструкции событий времен различных войн. В дни проведения военно-театрализованных представлений наблюдается большой приток посетителей.

Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» осуществляет международную деятельность. Так, за период функционирования историко-культурного комплекса «Линия Сталина» в числе посетителей были представлены международные делегации из разных стран, среди них Президент Боливарианской Республики Венесуэла Уго Чавес, высшие руководители Китайской Народной Республики, Чехии, Сирии, Словакии и др. Для посетителей-туристов из других стран проводятся экскурсии на иностранных языках.

Принимая во внимание социальные, культурные, образовательные и иные цели общества и государства, а также понимая важность и значение историко-культурного комплекса «Линия Сталина», были рассмотрены предложения по совершенствованию направлений деятельности и приняты решения об изменении ценовой политики, в частности, установлено бесплатное посещение комплекса для определенных категорий: дети дошкольного возраста (до 6 лет); дети-сироты; инвалиды I и II групп; ветераны Великой Отечественной войны и войны в Афганистане; военнослужащие срочной военной службы; участники строительства историко-культурного комплекса «Линия Сталина»; особое

внимание уделено студенческой молодежи – стоимость входного билета была снижена на 20%; для многодетных семей стоимость детского билета сформирована в 2,5 раза ниже обычной цены. В последние несколько лет с целью обеспечения комфорта посещения историко-культурного комплекса «Линия Сталина» в особые праздничные дни используется коллаборация государственного предприятия «Минсктранс» и Благотворительного фонда помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана», что позволяет организовать комфортный приезд и отъезд посетителей историко-культурного комплекса «Линия Сталина», т.к. автобусы курсируют из г. Минска до историко-культурного комплекса «Линия Сталина» и обратно по приемлемым для посетителей ценам и интервалам движения. Данный маркетинговый инструмент позволил решить проблему с парковочными местами для автотранспорта посетителей, а также обеспечить комфорт для посетителей, т.к. автобус доставляет посетителей историко-культурного комплекса «Линия Сталина» к центральному входу комплекса.

Очевидно, что именно школьный, студенческий возраст является наиболее благоприятным для формирования чувства любви к Родине, ответственности, активной жизненной позиции. Ежегодно в период летних каникул на территории историко-культурного комплекса «Линия Сталина» создается и осуществляет деятельность военно-патриотический лагерь для обучающихся учреждений образования Республики Беларусь и Российской Федерации. За непродолжительный период пребывания в военно-патриотическом лагере с успехом удается изменить отношение к таким непреходящим ценностям, как Отечество, верность долгу и героическим традициям. Время пребывания в военно-патриотическом лагере структурировано: обеспечены комфортные условия проживания, питание, предусмотрены практические занятия, проводятся образовательные мероприятия, посещение интерактивных выставок. Комфортному отдыху обучающихся способствует наличие детских площадок историко-культурного комплекса «Линии Сталина» и возможность их использования. Для обучающихся учреждений образования возрождаются и приобретают актуальность такие понятия, как долг, честь, достоинство, знание истории своего народа.

Таким образом, историко-культурный комплекс «Линия Сталина» представляет собой яркий пример государственного и частного сотрудничества в сохранении историко-культурного наследия и гражданско-патриотического воспитания молодежи, реализованный на практике. Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» позволяет в полной мере реализовывать воспитание культуры быта и досуга, предусмотренное «Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи», т.к. территория историко-культурного комплекса «Линия Сталина» абсолютно способствует реализации различных видов деятельности, в результате которых может происходить развитие личностных качеств, удовлетворяться интеллектуальные, духовные, физические и другие социально значимые потребности человека.

Библиографический список

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи. URL: https://vospitanie.adu.by/organizatsiya-vospitaniya/normativnye-pravovye-dokumenty.html (дата обращения: 05.03.2026).

2. Благотворительный фонд помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» : [сайт]. – Мн., 2002-2025. – URL: http://www.fondafgana.by (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 433

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ: ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN BELARUS: DIALOGUE OF GENERATIONS – DIALOGUE OF CULTURES

К. И. Козак
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный университет»
Минск, Республика Беларусь

K. I. Kozak
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье представлены этапы трансформации исторической памяти Великой Отечественной войны, процесс мемориализации на местах памяти солдат Красной Армии, партизан и мирных жителей. Отмечены основные характеристики центров формирования исторической памяти, а также роль и значение Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в разработке исторической памяти геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Abstract. This article presents the stages of transformation of the historical memory of the Great Patriotic War and the process of memorialization at sites commemorating Red Army soldiers, partisans, and civilians. It also outlines the key characteristics of historical memory centers, as well as the role and significance of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus in developing the historical memory of the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: историческая память, место памяти, мемориализация, Великая Отечественная война, геноцид, диалог.

Key words: historical memory, place of memory, memorialization, Great Patriotic War, genocide, dialogue.

Учитывая значимость исторической победы над нацизмом в годы Второй мировой войны, где каждый четвертый житель Беларуси являлся участником сопротивления, а каждый третий – жертва геноцида германской оккупационной политики, то в конституционных нормах Республики Беларусь определено особое отношение к событиям Великой Отечественной войны. Это ответственность за сохранение историко-культурного и духовного наследия, исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ст. 15); возложена патриотическая обязанность о бережном сохранении исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа (ст. 54). В новых условиях, в отсутствии свидетелей и участников войны наряду с их документальными свидетельствами и воспоминаниями, актуализированы разнообразные трактовки, суждения и толкования об исторической памяти от Морис Хальбвакса до Пьера Нора, Теадора Адарно, Хаттона, Мишеля Фуко, Поль Рикера, Франка Анкерсмита, Джефри Олика, Алейды и Яна Ассман. Таким образом историческую ценность военного прошлого в современном обществе только возрастает [1; 2].

Этапы формирования исторической памяти. В Беларуси особо чтут память о Великой Отечественной войне. В историографическом описании ее событий главное место правомерно принадлежит партизанской и фронтовой тематике. В мемориализации больше всего отражается фронтовая история «блицкрига» 1941 г. и одна из самых крупных стратегических операций Второй мировой войны – «Багратион» (1944). Важно, что архивное наследие Беларуси, прежде всего НАРБ, представлено уникальными комплексами о

массовом партизанском движении. В российских – о Красной Армии в ЦАМО, ГАРФ. Их информационный ресурс позволяет больше узнать о 6829 захоронениях всех типов Второй мировой войны в Беларуси с классификационными характеристиками: военнослужащие, участники сопротивления, жертвы и военнопленные (2 072 461 чел.) [3, с. 90–91]. Так, на пути от первого этапа, который характеризуется больше стихийными формами мемориализации захоронений 1941–1944 гг., второй (1945–1990) – значим обустройством государственными органами памятных знаков, обелисков, памятников, мемориалов. Третий этап (1991–2026), как один из важных элементов государственной политики Республики Беларусь, характерен определением национальных мемориальных мест памяти геноцида и героизма солдат, партизан, подпольщиков.

Следует отметить, что по ряду тематических направлений историческая память отражает их специфику. Так, массовое партизанское и подпольное движения больше представлено в рамках двух этапов (1941–1944; 1945–2026). Что касается геноцида белорусского народа, то с 2020 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь актуализирована данная тема. Приняты Закон о геноциде (2022), внесены конституционные положения об исторической памяти. Таким образом, историческая память о геноциде на первом этапе 1941–1942 гг. отражает нацистскую политику поиска и определения наиболее эффективных способов массового убийства, организации карательных операций, утверждения директив, приказов для выявления широкого круга противников германского оккупационного режима. Второй этап (1943) характерен разнообразием форм карательных операций, тактикой массового сожжения населенных пунктов вместе с населением, депортаций части населения из партизанских зон, в том числе в лагеря смерти Майданек, Освенцим (Аушвиц), Собибор, Треблинка. Третий этап (1944) отмечен активной фазой массового уничтожения и созданием «мертвых зон» в прифронтовой части территории Беларуси. Так, образ несломленности жертв геноцида, определили коллективную белорусскую идентичность (1945–2020). Четвертый этап (с 2021) отражает геноцид белорусского народа как особое место в политике памяти государственных органов Республики Беларусь.

В исторической памяти Великой Отечественной войны определения и характеристики мест памяти также нашли свое отражение. Первый этап 1941–1945: определение категорий жертв и формата мест памяти захоронений. Второй (1945–1990): мемориализация в разных формах мест памяти. С 1964 г. организованы Всесоюзные походы молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы; бессрочные операции «Долг» (1971), затем «Цитадель мужества», «Победа», «Восстановление». С 1978 г. комсомол и вся молодежь привлечена к делу создания «Летописи народной славы». Практически на всей территории СССР открыты уголки и музеи народной славы, парки и аллеи, обелиски и памятники, мемориалы. Третий (1991–2020): трансформация «общей памяти» через усиление национальных аспектов Второй мировой и Великой Отечественной войн. Четвертый (с 2020): государственная политика сохранения исторической памяти Великой Отечественной войны представлена одним из главных элементов государственного строительства [4, с. 182-193].

Государственная политика и формирование Центров исторической памяти. На первом и втором этапах исторической памяти партийные и советские органы (НКВД, МВД) сформировали крупные ведомственные архивные комплексы по истории Великой Отечественной войны. Культурным и образовательным центром стал Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (1944). В массовой работе, начиная с сельских советов комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК), на уровне сельских советов, районов, областей, республики – включились в сбор материалов. Одновременно с этим, появление концептуального труда руководителя

НКВД БССР Лаврентия Цанавы о всенародной партизанской войне в Белоруссии против фашистских захватчиков (1949, 1951), помогло определить коллективную советскую идентичность в образе Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Коллаборация (в немалой степени антисоветская) в этой борьбе названа злейшим врагом белорусского народа. В рамках общей борьбы против врага воспоминая жертв нацисткой политики, в том числе в лагерях смерти, обозначились только в 1958 г. В контексте новых тенденций национальных историй республик СССР, в Беларуси с 1960-х годов отмечены литературные произведения о войне Василия Быкова, Алеся Адамовича, Янки Брыля. Среди художников особо заметна серия картин Михаила Савицкого «Партизанская мадонна» (1967), «Поле» (1973), цикл "Цифры на сердце» (с 1974), «Мадонна Биркенау» (1978). Открыты масштабные памятники и обелиски, советские мемориалы о трагедии и величии Победы войны: «Тростенец» (1963); «Шталаг 352» (1965), «Катюша» («За нашу советскую Родину», 1966), «Хатынь» (1969), «Курган Славы» (1969), «Брестская крепость» (1971), "Проклятие фашизму», «Прорыв» (1974) и другие [5].

Активному формированию национального вектора о партизанском движении, трагедии сожженных деревень, массовом уничтожения военнопленных на территории Беларуси послужило присуждение Брестской крепости звания «Крепость-Герой» за выдающуюся воинскую доблесть, массовый героизм и мужество, ставшие символом беспримерной стойкости советского народа (1969), Минску – за выдающиеся заслуги, мужество и героизм, проявленные ее жителями в борьбе с гитлеровскими оккупантами, развертывании партизанского движения в Белоруссии – высокого звания «Город-Герой» (1974). В этот период городская топонимика все больше отражает, как в Минске, военно-патриотическую маркировку не менее третьей части в названии именами героев войны улиц и площадей, скверов и парков. Попытка такой же масштабной работы была обозначена историками, специалистами культуры при подготовке историко-документальных хроник городов и районов Беларуси «Память» (154 книги, 1985–2005).

На третьем этапе значимые функции решений и контроля осуществляют законодательные и исполнительные органы Республики Беларусь (Генеральная прокуратура, Министерство юстиции). Стабилизирующим и центральным звеном исторической памяти для белорусского народа стали решения референдума: объявить день освобождения Минска от германской оккупации 3 июля главным государственным праздником – Днем Республики (1996). В немалой степени данное позволило для патриотического воспитания молодого поколения, закрепления традиционных представлений о Победе и трагедии белорусского народа, ввести курс с методическим обеспечением «Великая Отечественная война в контексте Второй мировой войны» (2004). Новыми тенденциями обозначено массовое открытие на местах памяти памятников, мемориалов, проведение научных международных конференций. Всехсвятская церковь, с заложенной криптой (2010) как «Минский храм-памятник во имя Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших», сохраняя останки воинов трех названных отечественными войн: Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны 1914–1918 гг., Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стала своеобразной книгой памяти, свидетельством нашего покаяния ушедшим, и играет важную роль в духовном, историческом и культурном развитии нации и консолидации нашего общества. Сюда, практически со всех мест принудительного содержания белорусов и лагеря Тростенец, как главного места нацистского геноцида (546 тыс. убитых солдат, партизан, подпольщиков гражданского населения и депортированных евреев из Германии, Австрии и Чехии) доставлена для хранения символическая земля. При разрушении памятников и мест захоронения солдат Красной Армии на территории Европы такие центры значимо актуализируют работу по сохранению памятников, мест памяти погибших в борьбе против нацизма [6].

Новый этап в формировани исторической памяти истории Великой Отечественной войны начался с попыток «декомунизации» в Беларуси в 2020 г. Данный процесс не был в институционализирован. Он способствовал восстановлению чувства истории «победы в Великой Отечественной войне» и усилению основы для модели коллективной идентичности. Таким образом был закреплен государственный правовой статус исторической памяти на основе законов о недопущении реабилитации нацизма (2021), о геноциде белорусского народа, признании 22 июня – Днем всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа (2022).

Таким образом, белорусский дискурс о Второй мировой войне, не без оснований, представляется наиболее пострадавшим государством от нацизма. Два ее ключевые элементы: историческое знание (знание основных событий истории); усвоение уроков истории и понимание важности тех или иных событий, а также поступков людей-героев для современного развития белорусского государства остаются в центре политического дискурса. Тенденция восприятия памятников и обелисков передается новым поколениям в форме мемориальных комплексов. Среди них монумент Победы (1954), который получил статус площади Победы (1958) с символом вечного огня памяти (1961), Постом № 1 символической «Вахты Памяти» (1984), мемориальный залом в честь погибших Героев Советского Союза за освобождение Белоруссии (1985). Обелиск на месте массового убийства евреев Минска (1946), после открытия скульптурной группы и аллеи Праведникам народов мира, получил, как центральное место Холокоста на территории Беларуси, статус мемориала «Яма» (2000). Инициатива студентов и преподавателей об открытии памятника погибшим студентам, сотрудникам и преподавателям БГУ (1975) помогла учредить 29 июня – День Памяти студентов, преподавателей и сотрудников университета, героически сражавшихся на полях Великой Отечественной войны и отдавших свои жизни за освобождение и независимость Беларуси (2005). Там же студенческий сквер университета стал памятным мемориалом «Память во имя живых» (2017). Мемориал в Хатыни Минской области с его памятником, увековечивающих жилые дома деревни, кладбищем деревень и мемориальным парком с урнами с землей из 290 населенных пунктов уничтоженных и не восстановленных вместе с ее жителями, композицией «Стена памяти концлагерей» и «Площадь памяти», а также новым музеем, в значимой степени способствовал формированию областных мемориальных центров. Это Дремлево (286 жертв, Брестская обл.), Росица (1528 жертв, Витебская), Ола (1758 жертв, Гомельская), Шауличи (366 жертв, Гродненская), Борки (2027 жертв, Могилевская).

Новые данные Генеральной прокуратуры Республики Беларусь о преступлениях нацистов на территории Беларуси отражены в трагедии 12 868 полностью или частично сожженных населенных пунктов, 187 карательных операциях, 800 местах массового уничтожения, 578 мест принудительного содержания, из которых более 560 лагеря смерти. Во многом такая значимая трансформация исторической памяти нашла отражение благодаря совместным усилиям государственной политики союзного государства Беларуси и России [7].

Таким образом, при конкурирующих и приспособленных к новой модели европейской памяти, отрицающей жертвенность советского народа в достижении победы над нацизмом, историческая память о Великой Отечественной войне остается уникальным примером сохранения своей коллективной идентичности на основе героических и трагических страниц, реальным уроком памяти трагедии белорусского народа для мирового сообщества.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (дата обращения: 15.04.2026).

2. Закон Республики Беларусь о геноциде белорусского народа от 5 января 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: etalonline.by. (дата обращения: 15.04.2026).

3. Корсак А. И. «Места памяти» Великой Отечественной войны на территории Беларуси / А. И. Корсак // От Бреста до Нюрнберга. Материалы международных конференций и круглых столов. — М.: Фонд «Историческая память», 2022. – 416 с.

4. Козак, К. И. Вторая мировая война в школьных учебниках Беларуси: культура памяти и исторические парадигмы / К. И. Козак // Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории / под общ. ред. И. М. Суворовой ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. — 310 с.

5. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: монография / Т. П. Савчук. – Брест : БрГУ, 2013. – 168 с.

6. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): [учебное пособие для высших учебных заведений]: пер. с белорус. / А. А. Коваленя, В. И. Лемешонок, Б. Д. Долготович, М. Г. Жилинский, К. И. Козак, С. Е. Новиков; под ред. А. А. Коваленя, Н. С. Сташкевич; пер. А. В. Скороход. – Минск : Издательский центр БГУ, 2004. – 279 с.

7. Расследование уголовного дела о геноциде [Электронный ресурс]. – URL: https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside (дата обращения: 15. 04.2026).

УДК 94(476)+94(574)”1941/1944”

СЕМИПАЛАТИНЦЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ МИНЩИНЫ (1941–1944 ГГ.)

SEMIPALATINSK RESIDENTS IN THE MINSK REGION PARTISAN MOVEMENT (1941–1944)

И. С. Кравчук
магистрант
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

I. S. Kravchuk
Master’s Student
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье, на основе оцифрованных документов интернет-портала «Партизаны Беларуси» рассматривается роль уроженцев Семипалатинской области Казахской ССР в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны на территории Минской области Беларуси в 1941 – 1944 гг.

Abstract. The article examines the role of natives of the Semipalatinsk region of the Kazakh SSR in the partisan movement during the Great Patriotic War in the territory of the Minsk region of Belarus in 1941–1944 based on digitized documents from the Internet portal “Partisans of Belarus”.

Ключевые слова: партизанское движение, Великая Отечественная война, Минская область, Семипалатинская область, Казахстан.

Keywords: partisan movement, Great Patriotic War, Minsk region, Semipalatinsk region, Kazakhstan.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была достигнута благодаря героической борьбе всех народов многонационального государства. На территории Беларуси в годы войны были образованы и вели боевые действия 1255 советских партизанских отрядов, из них 997 входили в состав 213 партизанских бригад, а 258 сражались самостоятельно. Эти формирования насчитывали более 374 тыс. вооруженных бойцов 70 национальностей и народностей СССР, среди которых были сыновья казахстанского народа [1, с. 172].

Изучение участия казахстанцев в партизанском движении на территории БССР берет начало в трудах казахстанских советских исследователей Н. Е. Едыгенова, П. С. Белана и Д. Ф. Наумова, а на современном этот вопрос изучается А. М. Литвиным, К. А. Енсеновым, Г. Т. Мусабалиной, К. К. Абдрахмановой, А. Ф. Ратько, Т. В. Кошман.

Семипалатинская область Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны была не только важным центром приёма эвакуированных предприятий и снабжения фронта. Здесь формировались боевые резервы. Из области на фронт ушли десятки тысяч человек, а оставшиеся жители обеспечивали армию продовольствием и обмундированием. Воевали семипалатинцы также и партизанских формированиях оккупированной Беларуси. Пути их прихода в ряды белорусских партизан были самыми разными. Многие бойцы и командиры в первые дни войны оказались в окружении не сумели пробиться на соединение с отошедшими на восток частями Красной армии. Некоторые бежали из немецкого плена и присоединились к партизанам. Были и такие, кто прибыл на оккупированную территорию из-за линии фронта в составе различных разведывательных и диверсионных групп. Также встречались и те, кто бежал к партизанам из немецких воинских формирований.

Уразбаев Валий Бальджанович родился в 1914 г. в городе Семипалатинск в крестьянской семье. В 1939 г. В. Б. Уразбаев был призван в ряды Красной армии и попал служить на территорию Беларуси. В первые дни войны он вместе со своими товарищами оказался в окружении. Но, уже весной 1942 г. отважный казахский войн начнет формировать партизанский отряд «Большевик» на территории Червенского и Березинского районов Минской области. Командиром отряда стал опытный офицер Красной армии Н. Л. Дербан, комиссаром был назначен В. Б. Уразбаев. Вначале отряд действовал самостоятельно, с августа по октябрь 1942 года – в составе бригады «Старик», а с октября того же года – в составе бригады им. Н. А. Щорса. В этом прославленном соединении В. Б. Уразбаев занимал должность комиссара.

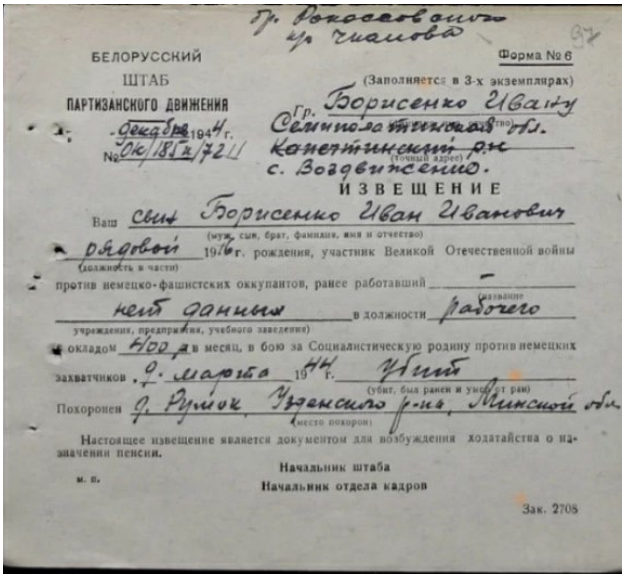
Уразбаев Валий Бальджанович был представлен к наградам: Орден Отечественной войны II-й степени, Орден Красной Звезды. Награжден Орденом Отечественной войны I-й степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени [2, с. 189-192; 3].

Рисунок 1. – Горланов В.

В августе 1941 года уроженец села Георгиевка Жарминского района Семипалатинской области Виктор Петрович Горланов, 1912 года рождения, был зачислен во 2-й отряд бригады имени Н. М. Никитина на должность начальника штаба (рисунок 1). В наградном листе была дана краткая характеристика героя: «За время пребывания в партизанском отряде, действуя в тылу противника по разгрому немецких захватчиков показал себя отважным патриотом нашей родины. 14 июня 1942 года в бою у села Александровка не жалея жизни 3 часа 45 минут поливал свинцом немецкую свору, в упор расстреливая атакующих немцев… В этом бою уничтожено 775 фрицев и свыше 1000 ранено, отбита 21 атака противника…». За свои боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны семипалатинец Горланов Виктор Петрович был представлен к высокой государственной награде – Ордену Ленина [4].

Уроженец села Пятигорское (в ряде исторических документов упоминаемого как Пятигорск или искаженно Петигорек) Урджарского района Семипалатинской области Зинченко Алексей Иванович (1921 г.р.) принимал участие в боях под городами Жлобин и Рогачев с 28 июня по 7 августа 1941 года. Позже, 16 октября 1943 года, он прибыл из Минска в партизанский отряд имени П. К. Пономаренко 2-й Минской бригады. В этом же месяце принимал участие в подрыве эшелона на участке железной дороги Пуховичи – Дричин в составе группы из 5 человек, в результате диверсии был поврежден паровоз, уничтожено 2 платформы с военной техникой и задержано движение поездов на 3 часа. На протяжении 9 месяцев действовал в районе гарнизона Руденск и обеспечивал отряд солью, бумагой и медикаментами. Был представлен к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» II-й степени [5].

Партизан Борисенко Иван Иванович, 1916 г.р., уроженец деревни Воздвиженка Кокпектинского района Семипалатинской области, служил рядовым в отряде имени В. П. Чкалова бригады имени К. К. Рокоссовского. Бригада действовала преимущественно на оккупированной территории Витебской и Минской областей БССР. В списках личного состава и погибших партизан бригад и отрядов Минской области указано, что И. И. Борисенко погиб в бою у деревни Румок Узденского района. Местом его захоронения значится обочина проселочной дороги между деревнями Мрочки (в документах часто упоминаются как Мурочки) и Пырашево Узденского района Минской области [6]. На сайте «Партизаны Беларуси» размещено извещение о гибели бойца, адресованное его отцу – Ивану Борисенко (рисунок 2). Там же указана и дата гибели – 9 марта 1944 года [7].



БЕЛОРУССКИЙ
ШТАБ
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
декабря 1944 г.
№ Ок/185к/7211

Форма № 6
(Заполняется в 3-х экземплярах)

Гр. Борисенко Ивану
Семипалатинской обл.
Капеттинский р-н
с. Воздвиженко.
(точный адрес)

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын Борисенко Иван Иванович
(муж, сын, брат, фамилия, имя и отчество)
рядовой 1916 г. рождения, участник Великой Отечественной войны
(должность в части)
против немецко-фашистских оккупантов, ранее работавший —
(название)
нет данных в должности рабочего
(учреждения, предприятия, учебного заведения)
с окладом 400 р. в месяц, в бою за Социалистическую родину против немецких
захватчиков 9 марта 1944 г. убит
(убит, был ранен и умер от ран)
Похоронен д. Румок, Узденского р-на, Минской обл.
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии.

Начальник штаба
Начальник отдела кадров

м. п.

Зак. 2708

Рисунок 2. – Извещение о гибели партизана И. И. Борисенко

По данным, имеющимся на сайте «Партизаны Беларуси», а также в документах Национального архива Республики Беларусь, на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны сражались с врагом и другие семипалатинцы:

Исергепов Сергей родился в городе Семипалатинске в 1914 г. 16 ноября 1942 г. прибыл в отряд имени М. В. Фрунзе 225-й бригады имени А. В. Суворова из плена. Бригада действовала на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Слуцкого, Гресского и соседних районов Минской области. Участвовал в боевых и диверсионных операциях 2 раза, 1 раз в уничтожении линии связи, подрыве железной дороги на участке Минск – Негорелое, боях у деревень Хорошево и Селец, где был ранен [8].

Уроженец Аксуатского района Семипалатинской области Чимбаев Халель родился в 1922 г. Принимал участие в боях Великой Отечественной войны в 1941 г. Находился в плену в Смоленской области вплоть до 28 июня 1943 г., совершил побег. Прибыл в отряд «За Родину» бригады имени П. К. Пономаренко. Принимал участие в диверсии по уничтожению линии связи противника. В ходе боевых операций рядовым Х. Чимбаевым, было уничтожено 7 автомашин и 1 мотоцикл, 2 эшелона, 42 солдата противника [9].

Уроженец города Семипалатинск Гельмединов Михаил Шагиев 1920 года рождения являлся партизаном 1-й антифашистской бригады. Погиб в боях 4 мая 1944 г. Место захоронения неизвестно [10].

Джакупов Бердабай родился в 1916 г. в Аягузском районе Семипалатинской области. Принимал участие в партизанском движении в качестве рядового отряда имени М. И. Кутузова бригады «Буревестник». Погиб в боях с противником 18 мая 1944 г. Похоронен в деревне Горелец Пуховичского района [11].

Уроженец Аягузского района Семипалатинской области Дюсембаев Тюмграз 1916 года рождения был связистом неустановленного отряда 2-й Минской бригады, обеспечивал координацию между подразделениями и штабом бригады. Участник засады, в ходе которой было уничтожено 8 автомашин и 74 солдата противника. «...Первый поднялся в атаку и в упор расстреливал на машинах гитлеровцев…», во время разгрома полицейского гарнизона в д. Дражно первым ворвался в его расположение и погиб при штурме. Посмертно был представлен к награде «Орден Красного Знамени» [12].

Уроженец Аксуатского района Семипалатинской области Кинобаев Чужин 1911 года рождения являлся бойцом отряда имени М. И. Кутузова бригады «Буревестник». Погиб в боях с противником 24 февраля 1944 г. Похоронен в деревне Румок Узденского района [13].

Уроженец Урджарского района Семипалатинской области Цибенко Дмитрий Андреевич 1920 года рождения являлся бойцом отряда «За Отечество» бригады «Штурмовая». В составе отряда принимал участие в разгроме вражеского гарнизона «Дифференция» (Минский район) и других операциях, где было уничтожено 8 и ранено 3 солдата и офицера противника. Представлен к награде – медаль «За отвагу» [14].

Журавлев Сергей Андреевич родился в селе Покровка Жарминского района Семипалатинской области в 1909 г. Сражался в отряде имени Комсомола 1-й Минской бригады, где принял участие в 2 операциях, в которых было уничтожено 5 полицейских, 2

солдата противника захвачены в плен. В качестве трофеев добыт 1 пулемет, 10 мин, 3 винтовки [15].

Уроженец Семипалатинской области Василий Караканов 1918 года рождения прибыл в отряд «Буревестник» одноименной бригады 15 июля 1943 г. В составе отряда принимал участие в 12 операциях, во время одной из которых огнем из пулемета уничтожил 30 солдат и офицеров противника [16].

Уроженец деревни Кондратьевка Новошульбинского района Семипалатинской области Бахарев Никифор Феоктистович родился в 1919 г. Принимал участие в боях на Западном фронте в 1941 г. В 756-й отряд 12-й Кавалерийской бригады имени И. В. Сталина прибыл 24 ноября 1942 г. из д. Осмоловка Березинского района. В составе отряда принимал участие в 2 боях по разгрому вражеских гарнизонов, в 3 операциях по подрыву рельсов, где лично подорвал 12 рельсов, принимал участие в операциях, в которых было уничтожено 60 вагонов противника. Принимал участие в 12 иных операциях (уничтожение линий связи противника и др.). За активную партизанскую деятельность был представлен к следующим наградам: медаль «За отвагу» и медаль «Партизану Отечественной войны» II-й степени, был награжден медалью «За боевые заслуги» в 1948 г. [17].

Гончаров Петр Никитич родился в 1919 г. в д. Ивановка Кокпектинского района Семипалатинской области. Был призван в ряды РККА в 1939 г. В звании сержанта принимал участие в боях первых месяцев войны: г. Лида, д. Нивки. 4 декабря 1942 г. прибыл в 3-й отряд бригады «Железняк», получив должность командира отделения. Под руководством П. Н. Гончарова отделение участвовало в разгроме вражеских гарнизонов в Бегомле (20 декабря 1942 г.), Парфианове (18 февраля 1943 г.) и Долгинове (26 марта 1943 г.), а также пять раз осуществляло подрыв железной дороги на участке Парфианово. В 1944 г. был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени в 1944 г. [18].

Гнатко Михаил Степанович родился в городе Семипалатинске в 1920 г. Окончил Московское Краснознамённое военно-политическое училище в 1941 г. В звании младшего политрука принимал участие в боях с оккупантами в начале войны. 15 августа 1942 г. прибыл в отряд «За Родину» бригады имени П. К. Пономаренко, заняв должность начальника штаба отряда. Участвовал в нападении на вражеский гарнизон в деревне Зачистье Борисовского района 18 января 1943 г. и деревне Хрост 14 февраля 1943 г., где лично убил офицера и 3 солдат противника. В должности начальника штаба отряда занимался снабжением отряда вооружением и боеприпасами. За активную партизанскую деятельность был представлен к следующим наградам: медаль «За отвагу» и медаль «Партизану Отечественной войны» II-й степени. Погиб 18 июня 1943 г. в боях с противником, похоронен в деревне Пострежье Бегомльского района [19].

На территории Минской области в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны с врагом сражались 16 уроженцев Семипалатинской области. Подразделением с наибольшей концентрацией семипалатинцев являлась бригада «Буревестник», в чьих рядах насчитывалось 3 уроженца области. В рядах партизан сражались люди разных поколений. Возрастное распределение партизан-семипалатинцев выглядело следующим образом: от 18 до 25 лет – 50%; от 26 до 35 лет – 50%. Крестьяне и рабочие составляли 37,5% от общего числа семипалатинцев. Интеллигенция и служащие, включавшая учителей, партийных и советских работников, которые часто становились командирами или комиссарами отрядов благодаря своим организаторским навыкам составляла 18.5% от общего числа. Партизанское движение было многонациональным. Среди партизан-семипалатинцев Минщины было 8 казахов, 6 русских и 2 украинца.

В годы Великой Отечественной войны семипалатинцы в партизанских отрядах Минской области, занимали самые разные должности – от рядовых бойцов (75%) до командиров отделений (6,25%), комиссаров (6,25%), начальников штабов отрядов (12,5%).

Партийный состав выглядел следующим образом: 9 беспартийных, 2 члена ВКП(б) и 5 членов ВЛКСМ.

Участие представителей Семипалатинской области в партизанском движении Минщины (1941–1944 гг.) стало ярким примером интернационального характера борьбы против нацистских оккупантов. Казахстанские партизаны внесли весомый вклад в освобождение региона. Они демонстрировали мужество и героизм участвуя в диверсиях, «рельсовой войне» и действиях в составе отдельных отрядов и крупных партизанских формирований.

Библиографический список

1. Литвин, А. М. Советское партизанское движение как стратегический фактор Великой Отечественной войны: на примере Беларуси / А. М. Литвин // Республика-партизанка. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Изд. 2-е. / отв. ред. С. Л. Кандыбович [и др.]. – М. : Студия «Этника», 2020. – С. 156–175.

2. Едыгенов, Н. Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н. Е. Едыгенов. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 208 с.

3. Уразбаев Валий Бальджанович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/63104/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Горланов Виктор Петрович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/57772/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Зинченко Алексей Иванович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/47911/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 31 (107). – Л. 7 об.

7. Борисенко Иван Иванович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/220095/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Исергепов Сергей // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/45583/ (дата обращения: 12.04.2026).

9. Чимбаев Халель // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/115780/ (дата обращения: 12.04.2026).

10. Гельмединов Михаил Шагиев // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/219351/ (дата обращения: 12.04.2026).

11. Джакупов Бердабай // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/219668/ (дата обращения: 12.04.2026).

12. Дюсембаев Тюмграз // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/30797/ (дата обращения: 12.04.2026).

13. Кинобаев Чужин // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/219665/ (дата обращения: 12.04.2026).

14. Цибенко Дмитрий Андреевич // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/96040/ (дата обращения: 12.04.2026).

15. Журавлев Сергей Андреевич // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/46099/ (дата обращения: 12.04.2026).

16. Василий Караканов // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/118437/ (дата обращения: 12.04.2026).

17. Бахарев Никифор Феоктистович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/57628/ (дата обращения: 12.04.2026).

18. Гончаров Петр Никитич // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/46222/ (дата обращения: 12.04.2026).

19. Гнатко Михаил Степанович // Партизаны Беларуси. – URL: https://partizany.by/partisans/57163/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 94(574:476.5)«1941/1944»

КАЗАХСТАНЦЫ В РУКОВОДСТВЕ ПАРТИЗАНСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ ВИТЕБЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 ГГ.)

KAZAKHSTAN CITIZENS LEADERED PARTISAN FORMATIONS IN THE VITEBSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1944)

А. Ф. Ратько
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
А. Г. Новикова
магистрант
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. F. Ratsko
PhD in History, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
A. G. Novikova
Master's Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме участия казахов и уроженцев Казахской ССР в организации и руководстве партизанским движением на территории Витебской области БССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.). Кратко анализируется боевой путь отдельных казахстанцев, занимавших командные должности в партизанских формированиях Витебщины.

Abstract. This article explores the little-studied role of Kazakhs and natives of the Kazakh SSR in organizing and leading the partisan movement in the Vitebsk region of the Byelorussian SSR during the Great Patriotic War (1941–1944). It briefly analyzes the combat experience of individual Kazakhs who held command positions in partisan formations in the Vitebsk region.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, Витебская область, казахстанцы, командный состав.

Keywords: The Great Patriotic War, partisan movement, Vitebsk region, Kazakhstanis, command staff.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для всех народов Советского Союза. Одним из важнейших направлений борьбы с гитлеровскими захватчиками на оккупированной территории Беларуси являлось партизанское движение. Витебская область, находившаяся в зоне активных боевых действий с первых дней войны, стала местом концентрации значительных партизанских сил. Уже к концу 1942 г. область стала сильным и четко управляемым центром массового сопротивления врагу. По официальным данным Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), на 1 ноября и 15 декабря 1942 г. на Витебскую область приходилось свыше одной трети всех партизан Беларуси [1, с. 109].

Среди тех, кто с оружием в руках противостоял врагу на этой земле, было немало представителей Казахстана.

Цель этой статьи – показать участие казахстанцев, занимавших руководящие посты в партизанских формированиях Витебской области, в борьбе против германских агрессоров в годы Великой Отечественной войны; на примерах отдельных представителей казахстанского народа отразить вклад казахов и уроженцев Казахстана в общую победу над врагом.

По нашим подсчетам на территории БССР в годы войны сражалось 1340 казахстанцев. Кроме этого, мы располагаем данными на 63 человека, район действия которых пока неизвестен. Значительное количество казахстанцев воевало в составе многочисленных опергрупп НКГБ («Неуловимый», «Курган», «Олимп», «Победители» и др.), спецотрядов («Боевой», «Западные» и др.), в партизанских формированиях соседних областей России (Смоленская, Брянская, Курская, Калининская). В общей сложности, это еще 239 человек. В различных источниках выявлены сведения о 20-ти лётчиках-казахстанцах, доставлявших грузы партизанам Беларуси. Их боевая деятельность не могла быть строго привязана к определённой территории Беларуси.

Витебская область среди других регионов Беларуси занимает третье место по численности казахстанцев-партизан (152 чел.) после Минской (286) и Могилевской (207 чел.) областей. Следует отметить, что в современную территорию Витебщины к началу войны входила часть Вилейской области (существовала с 1939 по 1944 гг.). Из бывшей Вилейской области в состав современной Витебской области вошли преимущественно северные и северо-западные районы: Браславский, Глубокский, Миорский, Поставский, Шарковщинский, Докшицкий. В партизанских формированиях этих районов также воевало не мало казахстанцев. Так, например, в бригаде им. К. Е. Ворошилова сражалось с врагом 8, а в бригаде им. Г. К. Жукова – 6 казахстанцев. Таким образом на территории современной Витебщины в годы войны в партизанских формированиях было более 200 казахстанцев. Вместе с тем эти данные не являются окончательными, поскольку продолжаются поиск и уточнение сведений.

Командиры партизанских формирований играли особо важную роль в становлении и развитии партизанского движения. От них в первую очередь зависела эффективность боевой и разведывательной деятельности народных мстителей. Большое значение имела организационно-партийная работа комиссаров в партизанских формированиях. Они отвечали за боевой дух лесных солдат, вели пропаганду среди местного населения, разоблачали нацистскую агитацию. Часто комиссары заменяли командиров.

В годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) в руководстве партизанскими формированиями Витебщины было немало представителей Казахстана. Среди них: 1 комиссар бригады, 1 заместитель командира бригады, 2 заместителя командира бригады по разведке, 2 начальника штаба бригады (табл. 1).

Таблица 1. – Казахстанцы – представители командования бригад Витебской области*

Должность	**Ф.И.О.**	**Бригада (командир бригады)**	**Время нахождения на должности**
Комиссар бригады	Булойчик Платон Петрович	Бригада им. Г.К. Жукова (Сыромаха П.Я.)	сентябрь-октябрь 1943 г.
Заместитель командира бригады	Антоненко Евгений Никитич	Бригада им. А. Данукалова (Данукалов А.Ф; Блохин В.А.)	с октября 1942 г. по 10.05.1943
Заместитель командира бригады по	Леухненко Георгий Осипович	1-я Белорусская бригада (второго состава) (Гурко А.Д., Шкредо, Р.В.)	с января 1944 г. по июнь 1944 г.
	Сидоренко Григорий	Бригада им. Краснознаменного	с ноября 1942 г.

разведке	Емельянович	Ленинского комсомола (Райцев Д.Ф.)	по ноябрь 1943 г.
Начальник штаба бригады	Ахмедьяров Галим Ахмедьярович	Освейская бригада им. М.В. Фрунзе (Заслонов К.С., Селицкий, Л.И., Иванов Б.К.)	с февраля 1944 г. по июль 1944 г.
	Золин Михаил Александрович	1-я Белорусская бригада (М.Ф. Шмырев, Я.З. Захаров)	с сентября 1943 по 10.11.1943

*Таблица составлена по материалам справочника: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А. Л. [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983, – 765 с.; Партизаны Беларуси [Электронный ресурс] : [сайт] / Нац. архив Респ. Беларусь, Изд. дом «Беларусь сегодня». – Минск, 2020–2025. – Режим доступа: https://partizany.by/. – дата обращения: 04.05.2026.

Комиссаром бригады им. Г.К. Жукова (командир Сыромаха, П.Я.), созданной в июле 1943 г. в Россонском районе Витебской области, был Булойчик Платон Петрович (рисунок 1). Белорус по национальности. Родился в 1906 г. в с. Капланцы (Березинский район, Минская область). В 1927 г. П. Булойчик стал членом ВКП(б). Учился в Минском торфяном институте (1930-1933). С 1935 г. по направлению ЦК КП(б)Б работал директором Машинно-тракторной станция (МТС) в Чимкентской (Шымкентской) области КазССР. Живя и работая в далёком Казахстане, Платон Петрович готовил себя для партизанской борьбы в своей родной Беларуси. Для предварительной подготовки кандидатов к последующему обучению в спецшколах в стране действовали специальные курсы, которые представляли собой специализированные учебные заведения КГБ СССР, предназначенные для подготовки и повышения квалификации сотрудников оперативных и технических служб. Одна из спецшкол находилась в Алма-Ате [2].

Рисунок 1. – Комиссар партизанской бригады им. Г.К. Жукова Платон Булойчик

Согласно документам о выполнении постановления Бюро ЦК КП(б)К от 26 сентября 1942 г., начальник политотдела Ленгеровской МТС Булойчик Платон Петрович вошел в число слушателей спецкурсов, направленных из Алма-Аты в Центральный штаб партизанского движения от Южно-Казахстанской области [3]. После обучения П.П. Булойчик был заброшен в тыл врага на территорию оккупированной Беларуси. В сентябре 1943 г. решением ЦК КП(б)Б П. Булойчик был утвержден секретарём Брасловского подпольного райкома КП(б)Б Вилейской области. С сентября по октябрь 1943 г. он занимает должность комиссара партизанской бригады им. Г.К. Жукова, передислоцированной из Россонского района в Браславский. Будлойчик проводил большую политическую работу среди партизан и населения, широко вовлекал местных жителей в партизанское движение. Коммунисты проводили собрания, индивидуальные беседы в населенных пунктах, создавали инициативные группы, которые должны были стать ядром новых отрядов. Райком партии и командование бригады им. Г.К. Жукова наладили тесную связь с подпольем в населенных пунктах. Борьба приняла более организованный характер. Партизаны своими действиями наносили немалый ущерб оккупантам. Бригада разгромила сильный фашистский гарнизон в Куриловичах. Подрывники бригады провели несколько диверсий на железной дороге Вильнюс-Даугавпилс [4, с. 61-63].

В октябре 1943 г. гитлеровцы организовали против партизан и мирного населения очередную карательную операцию под кодовым названием «Фриц». При вынужденном

отступлении партизаны минировали дороги, вели засадные бои в некоторых местах прорвали окружение и вышли в соседние районы Витебской области. 21 октября 1943 г. в бою с карателями, прикрывая выход из окружения партизанского отряда, комиссар бригады им. Г.К. Жукова, секретарь Брасловского райкома КП(б)Б П.П. Булойчик погиб [5, с. 162]. Его похоронили в д. Замошье вместе с 4 партизанами в братской могиле, позже там была установлена стела. П. Булойчик посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени за организацию партизанской борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Приведенные в таблице 1. данные свидетельствуют о высоком уровне военного профессионализма, организаторских способностях и боевом авторитете воинов из Казахстана среди личного состава партизанских формирований Витебской области и БШПД.

Примером организации и дальнейшего руководства партизанским движением на севере Витебщины служит деятельность начальника штаба Освейской партизанской бригады им. М.В. Фрунзе Галима Ахмедьярова (рисунок 2). Ахмедьяров Галим Ахмедьярович (1911 г.р. житель Западно-Казахстанской области). В начале войны был ранен и попал в плен. В августе 1941 г. он совершает побег и оказывается в одной из деревень Освейского района Витебской области, где устанавливает связь с местными подпольщиками и с января по апрель 1942 г. входит в состав Красовской подпольной группы Прошковского комсомольско-молодёжного подполья [6]. Подпольщикам удалось создать партизанскую группу, а затем партизанский отряд, в котором Г. Ахмедьяров был командиром взвода. Вскоре отряд вырос до 200 человек, и назрела необходимость в создании на базе старого отряда четырёх новых, объединении их в партизанскую бригаду им. М.В. Фрунзе (командир И.К. Захаров). Г. Ахмедьярову была выделена группа партизан в 15 человек с учётом дальнейшего роста и организационного укрепления отряда. Новый отряд был назван именем Г.К. Орджоникидзе. Благодаря опыту и организаторским способностям Г. Ахмедьярова, отряд постоянно рос и укреплялся, и уже к январю 1943 г. в нём числилось 185 человек [7]. За свою активную деятельность Ахмедьяров Галим Ахмедьярович был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени, Орденом Отечественной войны II-й степени, Орденом Ленина.

Рисунок 2. – Начальник штаба Освейской бригады им. М.В. Фрунзе Галим Ахмедьяров

В Витебской области 11 казахстанцев входило в состав командования на уровне партизанского отряда (таблица 2). Нами было выявлено 3 командира партизанских отрядов, 2 заместителя командира, 1 начальник штаба, 1 комиссар, 1 заместитель командира отряда по разведке и контрразведке, 2 уполномоченных особого отдела, 1 начальник хозяйственной части.

Таблица 2. – Казахстанцы в составе командования партизанских отрядов Витебской области*

Должность	Ф.И.О.	Бригада/полк
Командир отряда	Глуховский Николай Кирсантьевич	Россонская бригада им. И.В. Сталина (Охотин Р.А.)
	Добчинский Михаил Максимович	Смоленский партизанский полк (Садчиков, И.Ф.)
	Рудаков Николай Михайлович	Богушевская бригада (второго состава) (Прохоренко Е.Н.)
Заместитель командира отряда	Калмыков Никифор Фёдорович	1-я бригада им. К.С. Заслонова (Заслонов К.С., Селицкий Л.И., Иванов Б.К.)
	Кухарев Николай Романович	Бригада им. ВЛКСМ (Куксенок И.А.)

Начальник штаба отряда	Россохин Иван Андреевич	Бригада им. В. И. Ленина (Сакмаркин Н.А.)
Комиссар отряда	Федоренко Иван Дмитриевич	Чашникская бригада «Дубова» (Дубровский Ф.Ф. «Дубов»)
Заместитель командира отряда по разведке и контрразведке	Чередниченко Дмитрий Иосифович	Бригада «За Советскую Белоруссию» (Романов П.М.)
Уполномоченный особого отдела	Кушнаренко Дмитрий Петрович	Чашникская бригада «Дубова» (Дубровский Ф. Ф.)
	Редин Петр Сергеевич	2-я Белорусская бригада им. П.К. Пономаренко (Дьячков М.И., Барсуков Я.Н., Сафронов М.Ф.)
Начальник хозяйственной части	Гайворонский Василий Семенович	2-я Ушачская бригада им. П.К. Пономаренко (Уткин Н.В.)

*Таблица составлена по материалам справочника: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А. Л. [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983, – 765 с.; Партизаны Беларуси [Электронный ресурс] : [сайт] / Нац. архив Респ. Беларусь, Изд. дом «Беларусь сегодня». – Минск, 2020–2025. – Режим доступа: https://partizany.by/. – дата обращения: 04.05.2026.

Рисунок. 3 – Командир отряда им. М.Ф. Фрунзе Николай Глуховский

Одним из руководителей партизанского движения на территории Россонско-Освейской зоны Витебщины был старший лейтенант Николай Кирсантьевич Глуховский (рисунок 3). Он родился в 1916 г. в с. Чилик Чиликского района Алма-Атинской области. Закончил 7 классов школы и стал работать шофёром. В 1938 г. был призван в РККА, где служил пограничником. В 1938 г. его направляют на учебу в г. Ташкент, после чего он получил звание младшего лейтенанта. Дивизия, в которой служил Н.К. Глуховский, находилась на Западном фронте под г. Волоколамском. Попав в плен, бежал и присоединился к партизанам отряда им. И.В. Сталина № 2 (впоследствии переименованный в отряд им. М.В. Фрунзе), где сначала был назначен командиром взвода, а с сентября 1942 г. – командиром отряда [8]. За время боевых действий в тылу врага отрядом им. М.В. Фрунзе бригады им. И.В. Сталина было уничтожено 1937 и выведено из строя 732 солдата противника, пущено под откос 14 эшелонов, подбито 4 танка и 8 пушек. За умелое руководство отрядом Н.К. Глуховский был награждён орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени [9, с. 69].

В Витебской области среди представителей среднего и младшего командного состава отрядов нами было выявлено 33 казахстанца, в том числе: 3 командира роты, 2 ротных политрука, 1 старшина роты, 17 командиров отделений, 10 командиров взводов.

Большинство казахстанцев в руководстве партизанскими формированиями Витебщины в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) были военнослужащими. Их социальный состав был многообразным. Преимущественно это были выходцы из крестьянских и рабочих семей. Многие из них имели среднее образование (7-летняя школа), а также прошли обучение в школах младших командиров, могли заниматься планированием операций, организацией связи и пропагандой, были командирами, комиссарами, ответственными за агитационные мероприятия. Примерно половина командиров-казахстанцев были членами ВКП(б), комсомольцами. Они, как правило, являлись

организаторами и костяком партизанского движения, играя ключевую роль в его руководстве и боевой деятельности.

Социальный и демографический состав командиров-казахстанцев, воевавших с врагом на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны, был очень разнообразным. В партизанских отрядах области мужественно сражались военнослужащие, в прошлом разных профессий и социального положения. Среди них были люди разных возрастов, разного социального статуса (крестьяне, рабочие, интеллигенция).

Таким образом, число казахстанцев в руководстве партизанскими формированиями на оккупированной территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) было значительным. Военнослужащие этой среднеазиатской республики, попавшие в окружение, а также те, кто был переброшен с «большой земли», стали одними из первых, кто вступил в борьбу против немецких захватчиков на Витебщине. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что казахстанцы внесли весомый вклад в организацию и развитие партизанского движения. Казахстанцы-командиры, занимавшие ключевые посты в штабах и подразделениях, играли важную роль в обеспечении боеспособности партизанских формирований, организации диверсионной деятельности и взаимодействии с регулярными частями Красной армии.

Библиографический список

1. Иоффе, Э. Г. К вопросу о руководстве партизанским движением в Витебской области в 1941–1944 гг. / Э. Г. Иоффе // Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны : зб. навук. арт. / склад.: А. А. Крыварот [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – С. 109–114.
2. Пережогин, В. А. Подготовка кадров для партизанского движения / В. А. Пережогин // Вопросы истории. – 1998. – № 10. – С. 13–21.
3. Белан, П. Нераскрытые тайны войны / П. Белан // Время раскрывает все новые и новые тайны истории Великой Отечественной войны. Одна из таких тайн была связана с Казахстаном. – URL: https://nomad.su/?a=15-200803030122 (дата обращения: 15.04.2026).
4. Сыромаха, П. Я. В озерном краю / П. Я. Сыромаха // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944: Страницы воспоминаний. Вилей., Баранович., Пин., Брест., Белосток. обл. / Ин-т истории Акад. наук БССР, Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии, фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1986. – С. 60–68.
5. Браслаўскі раён // Памяць Беларусі: 1941–1945 : Рэспубліканская кніга / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – С. 160-163.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 111. Л. 38, 86.
7. Едыгенов, Н. Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н. Е. Едыгенов ; отв. ред. Т. Балакаев ; АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 208 с.
8. Глуховский Николай Кирсантьевич : [персоналия] // Партизаны Беларуси : спец. проект Издат. дома «Беларусь сегодня» и Нац. архива Респ. Беларусь. – URL: https://partizany.by/partisans/210801/ (дата обращения: 10.06.2025).
9. Победа одна на всех. Казахстан – Беларусь / Посольство Республики Казахстан в Республике Беларусь. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2015. – 144 с.

УДК 908

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1921–1939 ГОДЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

PROBLEMS OF LEGALIZATION OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS IN THE POLESIE VOIVODESHIP IN 1921–1939: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

С. М. Романовский
аспирант
УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»
Брест, Республика Беларусь

S. M. Romanovsky
Postgraduate
Brest State University
named after A. S. Pushkin
Brest, Republic of Belarus

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа внутренней документации воеводского и поветовых управлений Полесского воеводства Польской Республики. Рассматриваются проблемы, возникавшие при официальной легализации сельскохозяйственных организаций в воеводстве. Приводятся примеры конкретных претензий, выдвигаемых руководству данных организаций польскими административными органами.

Abstract. This article presents the results of an analysis of the internal documentation of the voivodeship and district offices of the Polesie Voivodeship of the Republic of Poland. It examines the problems that arose during the official legalization of agricultural organizations in the voivodeship. Examples of specific complaints made against the management of these organizations by Polish administrative authorities are provided.

Ключевые слова: Полесское воеводство, легализация, сельскохозяйственное самоуправление, юридические тонкости.

Keywords: Polesie Voivodeship, legalization, agricultural self-government, legal subtleties.

При изучении проблематики истории Западной Беларуси в составе Польши чаще всего уделяется внимание государственной политике польского правительства в межвоенный период. Но для более полного понимания условий жизни населения белорусских земель широкие возможности представляет исследование политики местных органов управления. Разумеется, воеводские и поветовые администрации работали в русле государственных интересов. Но реакция на конкретные вызовы, с которыми они сталкивались на низовом уровне, позволяет дать характеристику местной политике, понять, как она изменялась со временем и какие условия для деятельности населения формировала.

Ниже мы подробно рассмотрим примеры проблем, которые возникали при легализации различных сельскохозяйственных организаций. Понимание этих проблем позволяет по-иному взглянуть на организацию сельскохозяйственного самоуправления в Польской Республике.

Организованные и работающие организации сельскохозяйственного самоуправления позволяли польским властям следить за развитием сельского хозяйства на различных уровнях. На государственном уровне существование подобных организаций позволяло объединить в больших масштабах работу представителей конкретных отраслей, понимать их возможности, проблемы и развивать их взаимодействие с государством. На региональном уровне взаимодействие с представителями сельскохозяйственного самоуправления помогало направлять и развивать развитие региональной специализации, а поддержка низовой

инициативы позволяла встроить в крупные экономические процессы конкретную деревню или даже физическое лицо.

Польские власти понимали важность сельскохозяйственного самоуправления. Особенно большое внимание ему они начали уделять в годы мирового экономического кризиса. Тогда властями проводилась работа в создании иерархии самоуправляемых организаций, чтобы лучше контролировать развитие сельского хозяйства. На вершине предполагаемой пирамиды были воеводские сельскохозяйственные палаты, которые отчитывались перед министерством сельского хозяйства. В помощь палатам, для управления низовыми организациями создавались органы поветового сельскохозяйственного самоуправления. Например, 24 мая 1934 г. датируется регистрация устава поветового сельскохозяйственного союза в Бресте-над-Бугом. Членами союза провозглашались гмины Брестского повета [1, л. 1], которые приравнивались к юридическим лицам и при вступлении должны были уплатить членский взнос в 100 злотых. Войты деревень, где не существовало организаций самоуправления, при этом приравнивались к президентам деревенских кружков.

Таким образом, обозначив большое значение сельскохозяйственных организаций, перейдём к вызовам, с которыми они сталкивались при легализации.

Первую особенность административной политики в Полесском воеводстве разберём на примере регистрации летом 1921 г. окружных отделений Окраинного союза землевладельцев (Kresowego Związku Ziemian województw nowogródzkiego, poleskiego i wileńskiego). Отделения этого союза создавались в поветах Полесского воеводства. В большинстве из них регистрация прошла без проблем: старосты прислали в Брест письма, сообщив воеводской администрации о факте легализации и о номере, под которым отделения союза были зарегистрированы местными отделами МВД. Среди общих отчётов выделился староста Кобринского повета, который 30 июля 1921 г. направил воеводе письмо, где сообщил о поступившей просьбе зарегистрировать в повете отделение союза землевладельцев и спросил, можно ли эту организацию регистрировать [2, л. 7]. 2 августа воевода указал старосте, что союз землевладельцев на государственном уровне зарегистрирован министерством внутренних дел, поэтому его местные отделения считаются легальными [2, л. 8]. Тем самым воевода продублировал информацию из письма кобринскому старосте от главного правления союза землевладельцев, который 13 июля 1921 г. запросил регистрацию своего местного отделения, особенно подчеркнув факт легализации через МВД [2, л. 2]. Таким образом мы видим, что разные условия для деятельности в юридическом поле создавались для сельскохозяйственных организаций даже фактором излишней исполнительности чиновников.

С тем же фактором столкнулось правление союза землевладельцев в 1929 г. при регистрации воеводской рады союза в Бресте. Выше мы указывали, что в определённый момент в деятельности самоуправляемых организаций Польши возникла тенденция на создание иерархичных связей. Воеводская рада должна была стать таким элементом иерархии для союза землевладельцев, по задумке его руководства. Однако при реализации замысла возникли проблемы, ярко описанные в переписке между главной радой союза в Варшаве и полесским воеводой.

В письме от 21 сентября 1929 г. правление союза жалуется на препятствия легализации со стороны старосты Брестского повета. Формальной причиной для отказа в регистрации воеводской рады стали недостатки её устава. Правление союза настаивало на том, что данный устав без замечаний и изменений приняли в Виленском и Новогрудском воеводствах, где рады уже были легализованы. Для руководства союза казалось странным даже с юридической точки зрения, что у разных филиалов одной организации могут быть различные уставы. Но для старосты в Бресте факт легализации в других регионах ничего не значил [3, л. 13].

Приведём пример формулировки, привлёкшей внимание старосты. Пункт 13 Устава воеводской рады союза гласил: «Председатели отделов, расположенных в данном воеводстве, или заместители председателей, являются Радой воеводского союза землевладельцев». Претензия старосты касалась слов «данном воеводстве», желанная для него формулировка заключалась в упоминании конкретно Полесского воеводства [3, л. 15]. С юридической точки зрения данная претензия имеет смысл, но для руководства союза, не сталкивавшегося до этого с сопротивлением, она стала проявлением формализма и предвзятости [3, л. 15].

Но негативное отношение к инициативе союза было не только у старосты. Сохранилась оценка деятельности воеводской рады союза землевладельцев от административного отдела полесского воеводского управления. Документ был составлен 11 мая 1929 г., за три месяца до вышеописанной переписки. Оценка указывала на бессмысленность создания рады, по мнению составителя она не могла стать иерархичной структурой союза и создаётся с непонятной целью. Приведём цитату: «Трудно представить, чтобы некое тело, сборно называемое «Советом», было создано не для совещания» [3, л. 21].

В конечном счёте, после правок Устава, Полесская Рада союза землевладельцев была зарегистрирована. Произошло это 19 декабря 1930 г., о чём сообщил брестскому старосте полесский воевода [3, л. 1].

С чисто юридическим, временным препятствием при легализации столкнулся союз земледельцев-христиан в местечке Шерешево Пружанского повета. Регистрация союза проходила в 1921 г., в её процессе союзу направили несколько заметных правок к уставу. Одна из правок касалась уточнения возраста членов союза, требовалось указать, что членами союза могли стать только совершеннолетние. Другая правка касалась территории деятельности: не «окрестности местечка Шерешево», а конкретные деревни или гмины. Третья правка заключалась в точном указании размера членских взносов [4, л. 24].

Совсем другая проблема при легализации организаций возникла в конце 1920-х. К тому времени из-за экономического кризиса обострились социальные противоречия, новую жизнь в Польше обрело революционное движение. Органы государственного управления и до этого момента уделяли внимание политическим взглядам людей, которые были причастны к официальной деятельности. В некоторых случаях, если руководителям самоуправляемых организаций давалась крайне негативная оценка, за этим мог последовать отказ в легализации. Но собиралась информация не только о политических взглядах. В протоколах 1930 г. о легализации кружков сельской молодёжи можно увидеть различие подхода к сбору персональных данных в зависимости от повета. В запросе 12 июля 1930 г. о легализации кружка от старосты Лунинца были перечислены основатели кружка, указано что они имеют польское гражданство, являются дееспособными и не имеют проблем с политическими взглядами [5, л. 5]. Позже, в запросе 17 октября 1930 г., можно увидеть улучшение подхода при обработке информации: данные вписывались в заранее подготовленные бланки, но перечень критериев оценки граждан не усложнился [5, л. 35]. Совсем другой подход был в Камень-Каширском повете. В письмах-характеристиках оттуда указывали возраст членов правления создаваемых кружков и их профессии [5, л. 39]. Такая практика сбора информации со временем распространилась на остальные поветы воеводства.

Таким образом, анализ примеров легализации сельскохозяйственных организаций в Полесском воеводстве показывает, что деятельность юридических лиц часто зависела от формализма чиновников и индивидуальных трактовок законодательства. В юридической практике обозначилась вариативность подходов: одни поветы следовали законодательству, другие ввязывались в бюрократические споры, что приводило к длительным согласованиям. В итоге, хотя легальные структуры сельских общин способствовали интеграции местной экономики в общегосударственную, их развитие ограничивалось административной инерцией, локальными особенностями и политическим климатом Польши.

Библиографический список

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 383. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 62.
3. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 524.
4. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 55.
5. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1013.

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВИДЕОИГРАХ

IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN VIDEO GAMES

М. И. Тулузакова
кандидат исторических наук
Самарский государственный
социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация

M. I. Tuluzakova
PhD in History
Samara State Social and Pedagogical University
Samara, Russian Federation

Аннотация. Исследование посвящено формированию образов Великой Отечественной войны в играх жанра «стратегия», влияющих на формирование исторической памяти как ключевого компонента целостной системы воспитания.

Abstract. This study examines the development of images of the Great Patriotic War in strategy games, which influence the development of historical memory as a key component of a holistic educational system.

Ключевые слова: видеоигры, Великая Отечественная, формирование образов.

Keywords: video games, Great Patriotic War, image formation.

Использование видеоигр как средства формирования образов «своих» и «чужих» началось практически сразу же с их возникновением, еще в 1980-х годах. Уже во время Холодной войны данный метод пропаганды также применялся американской стороной для создания образа врага и "советского чужого" (игры Missile Command, Spy Hunter, Raid over Moscow и другие). Однако, чем больше развивается игровая индустрия, тем сильнее становится влияние видеоигр на сознание каждого отдельного игрока, массовую культуру и историческую память.

Одним из первых исследователей, приступивших к изучению влияния видеоигр на общественное мнение, стал Мэтью Томпсон в работе «Военные компьютерные игры и новый американский милитаризм: чему учат нас компьютерные игры о войне» [1]. В исследовании автор указывает, что игры, изначально позиционирующиеся как продукт для развлечения детей, активно используются в образовании, в терапии и в военной подготовке. Видеоигры, с точки зрения автора, превратились в продукт двойного назначения, функционирующий под контролем военного и политического истеблишмента США и продвигающий милитаристские идеалы неконсервативной администрации Буша. Анализ Томпсона сосредоточен на трех основных областях: во-первых, на содержании компьютерных игр, во-вторых, на детерминантах, влияющих на репрезентацию войны в играх, в-третьих, на факторы, создающие искаженное представление о самой войне и ее ведении. Последние, по мнению автора, и поддерживают американский милитаризм. Развитие мысли о множественности назначений видеоигр можно наблюдать также в труде нидерландского исследователя Питера Ван ден Хиде «Вовлечение во Вторую мировую войну с помощью цифровых игр» [2]. Одной из тем, поднимаемой в диссертации выступает формирование отношение к Холокосту в играх Wolfenstein: The New Order и Call of Duty. Кроме того, автор предлагает методы, которые позволяет использовать видеоигры для критического осмысления Второй мировой войны.

В русскоязычной историографии нельзя не отметить статью Беляева Д.А., Беляевой У.П. «Исторические видеоигры в контексте PublicHistory: стратегии реконструкции,

деконструкции и политизации истории» [3]. Авторы статьи указывают, что видеоигры обладают интенцией к деконструкции «метафизики присутствия» и основных репрессивных инстанций, характерных для традиционного исторического нарратива. В то же время, основываясь на концепции симуляций Г. Фраски, раскрываются три основных формата исторических видеоигровых реконструкций: фактологический (сюжетный и сеттинговый), логико-динамический и гибридный. В статье определены наиболее распространенные способы искажения, мифологизации и политизации истории в видеоиграх. Отдельное внимание уделяется экспликации в видеоигровых сюжетах идеологизированного концепта «антисоветизм», как формы квазиисторической критики советского режима и продолжения риторики «холодной войны». Крупнейшим исследователем темы влияния видеоигр на массовое сознание и политику памяти является Сергей Игоревич Белов. В статье «Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх)» автор в качестве эмпирической базы использует контент таких видеоигр, как «Call of Duty 1», «Call of Duty 14: WWII», «Company of Heroes 2» и «Commandos 3: Destination Berlin» [4]. Автор приходит к заключению, что ознакомление пользователей с обозначенными играми способствует закреплению в их сознании негативных стереотипов относительно участия Красной Армии в Великой Отечественной войне. Процесс интеграции отрицательных образов осуществляется посредством использования методов оперантного обуславливания. Интеграцию системы негативных образов в массовое сознание жителей постсоветского пространства затрудняет сохранение остатков советской политической символики и элементов конструируемой ранее на их основе идентичности. Автор выдвигает гипотезу, что в случае полной десоветизации пространства публичной политики в государствах, возникших в результате распада СССР, задача ревизии истории Великой Отечественной войны будет существенно облегчена, а с последующим уход из жизни последних очевидцев соответствующих событий достижение этой цели станет лишь вопросом времени.

В методологическом плане исследование базируется как на традиционных методах исторического исследования, так и на методах имагологии, с помощью которых стало возможным изучить образы Великой Отечественной войны и приёмы его визуализации и мифологизации через видеоигры. Видеоигры о Великой Отечественной войне охватывают разные жанры: стратегии, симуляторы, шутеры, RPG. В качестве материала для исследования были выбраны стратегии. Игры жанра можно разделить на три группы: тактические стратегии («В тылу врага», «Партизаны 1941»), стратегии в реальном времени (Company of Heroes 2, Блицкриг (1-3), Sudden Strike 4), глобальные стратегии (Hearts of Iron IV, Steel Division 2, Unity of Command II). Подобное разделение позволяет рассмотреть образы от рядового бойца красной армии до образа всей страны.

Тактические стратегии в фокус игрока помещают управление конкретными людьми и их возможностями. В подобном типе видеоигр нет возможности создать танковый корпус, в распоряжении игрока чаще всего небольшой отряд (от 3 до 15 человек), а каждый юнит обладает уникальной ролью: снайпер, сапер, медик или пулеметчик. Важным образом Великой Отечественной войны в играх подобного жанра будет конкретный боец. В серии игр «В тылу врага» он строится на технической грамотности: боец может починить сломанный трак танка, заправить его найденной канистрой топлива и использовать любую трофейную технику – от мотоцикла до тяжелого «Тигра». Советский солдат здесь – это не просто юнит, а «супергерой реализма», который может в одиночку проползти через всё поле, заминировать дорогу и подорвать колонну. Игра «Партизаны 1941» создает образ советского бойца не только как кадрового военного: им может быть как вчерашний школьник, так и окруженец. В отличие от «В тылу врага», здесь открытый бой почти всегда ведет к смерти. Образ бойца – это «призрак» в лесу. Он не идет в лобовую атаку, а использует нож, ловушки и окружение. Видеоигра транслирует и психологию: бойцы обсуждают страх, ненависть к оккупантам и

надежду. Формируется образ человека, который потерял всё, но продолжает сопротивляться в невозможных условиях. В игре «Партизаны 1941» капитан Алексей Зорин является центральной фигурой, и через него транслируется образ кадрового советского офицера, оказавшегося в экстремальных условиях: он берет на себя ответственность за разношерстную группу (от подростков до стариков) не потому, что хочет власти, а потому, что он единственный, кто знает, как воевать профессионально. В диалогах и квестах он часто сталкивается с моральным выбором (как поступить с предателями, как распределить еду) – это образ «строгого, но справедливого отца» отряда. Его внешний вид подчеркивает статус «окруженца»: поношенная офицерская гимнастерка, фуражка (которую он сохраняет как символ принадлежности к РККА). Схожесть транслируемых образов заключается в смекалке, которой наделены бойцы, и их автономностью – это люди, оторванные от штабов и снабжения, которые принимают решения самостоятельно в сложных условиях войны.

Стратегии в реальном времени (RTS) – это жанр видеоигр, где игроки действуют одновременно и в реальном времени, без возможности тактической паузы. Игрок должен одновременно заниматься развитием базы, разведкой территорий и управлением войсками на поле боя. Одна из наиболее известных видеоигр подобного жанра – Company of Heroes 2. Образы советских бойцов в данной игре вызвали в своё время скандал и стали причиной прекращения продаж игры на дисках в России. Игра рисует образ советского солдата как жертвы двух огней: с одной стороны – враг, с другой – беспощадное собственное командование. Сюжет строится на воспоминаниях офицера Льва Исаковича и эксплуатирует ряд стереотипов: в начале игры есть эпизоды, где новобранцев посылают в атаку без оружия, заставляя подбирать его у павших товарищей; игрока заставляют использовать тактику «выжженной земли» – например, сжигать дома вместе с находящимися внутри советскими мирными жителями или бросать своих солдат в огне, чтобы задержать врага; офицеры и генералы показаны как люди, готовые бессмысленно жертвовать тысячами жизней ради малейшего продвижения, что контрастирует с первой частью игры, где американские солдаты показаны как сплоченное «братство». В серии «Блицкриг» образ советского бойца кардинально отличается от того, что представлено в Company of Heroes 2. В первых двух частях советские солдаты показаны максимально нейтрально и профессионально. В игре нет заградотрядов или расстрелов своих, кампания за СССР подается как освободительная война, подчеркивающая полководческий талант игрока. В третьей части визуализация стала более детальной, но общий дух сохранился: советские бойцы выглядят как классические герои плакатов и кинохроники. Акцент сделан на стойкости и мощи техники (легендарные Т-34, КВ, ИС-2). Если в Company of Heroes 2 советский солдат – это часто трагический персонаж, зажатый между двумя фронтами, то в Блицкриге он победитель. Еще одна игра в этом жанре – Sudden Strike 4. В ней нет акцента на «штрафниках» или заградотрядах. Советские солдаты представлены как дисциплинированная, мощная и эффективная военная сила. Озвучка юнитов спокойная и сугубо военная. Разработчики уделили большое внимание деталям униформы. Можно увидеть эволюцию снаряжения от летних гимнастерок образца 1941 года до формы с погонами и орденами в битве за Берлин. Советская кампания охватывает ключевые победы: Сталинградскую битву, Курскую дугу и штурм Берлина. Для игрока создается возможность ощутить себя полководцем, который управляет не «жертвами режима», а организованными подразделениями.

Глобальные стратегии отличаются масштабностью и комплексностью. Игрок контролирует все аспекты развития: экономику, внутреннюю и внешнюю политику, научный прогресс, культуру и социальные процессы. Важным аспектом подобных видеоигр оказывается дипломатия. Видеоигра Hearts of Iron IV при формировании образа СССР акцентирует внимание на тоталитарном контроле. Как игровая фракция СССР обладает огромным мобилизационным потенциалом и бонусами к партизанской деятельности на оккупированных территориях, что подчеркивает народный характер войны в советском

представлении. При этом репрессии накладывают тяжелые дебаффы на командный состав армии, делая ее слабой в начале конфликта (отсылка к состоянию РККА перед 1941 годом). В отличие от Германии, чей геймплей строится на блицкриге, СССР в игре – это «стена», которая должна выдержать первый удар, используя огромные территории и мобилизационные ресурсы для изматывания противника. В Steel Division 2 образ Советского Союза радикально отличается от Hearts of Iron IV. Если в первой СССР – это политический гигант с внутренними интригами, то в Steel Division 2 – это военная машина в зените своего могущества. Игра посвящена операции «Багратион», поэтому СССР здесь представлен не как обороняющаяся сторона, а как неостановимая наступающая сила. В Unity of Command II образ Советского Союза представлен через призму оперативного искусства и постепенного перерождения армии из «жертвы» в «сокрушительный молот». Если в двух других играх акцент на политике или тактике, то здесь – на логистике и глубоких прорывах. Образ СССР в Unity of Command II – это умение воевать в условиях бездорожья и суровой зимы: в то время как немецкие войска критически зависят от идеальных линий снабжения и страдают от штрафов зимой, советские войска имеют бонусы к операциям в снегу и грязи. Это создает образ «неприхотливой и выносливой машины», которая продолжает движение там, где вермахт замерзает и останавливается.

Формирование образов Великой Отечественной войны в видеоиграх напрямую влияет на систему воспитания патриотизма и гражданственности молодежи. Видеоигры позволяют игроку поставить себя на место рядового бойца, пробивающегося к своим, командующего фронтом, отвечающего за успех операции «Багратион» или даже главой государства, от которого зависит выживание всей страны. Возможность смены ролей, влияние аудиовизуального компонента, исторический контекст, игровая система вознаграждений – все это создает эффект погружения и сопричастности. Согласно данным ресурса HowLongToPlay.ru полное прохождение игры Company of Heroes 2 заняло у игроков в среднем 66 часов 17 минут. Все это время на игрока оказывалось воздействие и формировались соответствующие образы в его сознании. Значительная часть разработчиков видеоигр находятся на территории стран, которые сейчас принято называть «недружественными». Такая ситуация увеличивает риски искажения образов и их использования в пропагандистских целях.

Библиографический список

1. Matthew Thomson // Military Computer Games and the New American Militarism: What Computer Games Teach Us About War. – URL: https://scispace.com/pdf/what-computer-games-teach-us-about-war-3fw2w5lj6i.pdf (дата обращения 15.04.2026)
2. P.J.B.J. Van den Heede (Pieter) // Engaging with the Second World War through Digital Gaming. – URL: https://repub.eur.nl/pub/134918/134918.pdf (дата обращения15.04.2026)
3. Belyaev Dmitriy A., Belyaeva Ulyana P. // Historical Video Games in the Context of Public History: Strategies for Reconstruction, Deconstruction and Politization of History. – URL: https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/204 (дата обращения 15.04.2026)
4. Белов С.И. // Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх). – URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/18133 (дата обращения 15.04.2026)

УДК 371

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

PATRIOTIC EDUCATION: THE EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL PRACTICES

Е. П. Шабалина
кандидат педагогических наук, доцент
Бийский филиал им. В. М. Шукшина АлтГПУ
Бийск, Российская Федерация
Н. В. Виницкая
кандидат искусствоведения, доцент
Бийский филиал им. В. М. Шукшина АлтГПУ
Бийск, Российская Федерация
И. А. Шевлякова
преподаватель обществознания
Бийский филиал им. В. М. Шукшина АлтГПУ
Бийск, Российская Федерация

E. P. Shabalina
cand. of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
Altai State Pedagogical University
Biysk branch named after V. M. Shukshin
Biysk, Russian Federation
N. V. Vinitskaya
cand. of Sciences (Art History), Associate Professor
Altai State Pedagogical University
Biysk branch named after V. M. Shukshin
Biysk, Russian Federation
I. A. Shevlyakova
Social Science Lecturer
Altai State Pedagogical University
Biysk branch named after V. M. Shukshin
Biysk, Russian Federation

Аннотация. В статье раскрывается образовательный потенциал педагогического вуза, единство взаимосвязанных компонентов по формированию патриотического сознания обучающихся. Авторы представили анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы и описали практики взаимодействия социальных институтов, партнёров по сохранению исторической памяти. Приведённые примеры проектной деятельности студентов по патриотическому воспитанию, способствуют формированию их профессиональной готовности.

Abstract. This article explores the educational potential of a pedagogical university and the unity of interconnected components for fostering students' patriotic consciousness. The authors present an analysis of recent research and publications examining aspects of this issue and describe the collaboration practices of social institutions and partners in preserving and enhancing historical memory. The cited examples of student projects focused on patriotic education contribute to the development of their professional readiness.

Ключевые слова: историческая память, патриотическое воспитание, образовательное пространство, проектная деятельность, ценности

Keywords: historical memory, patriotic education, educational space, project activities, values

Одним из приоритетных направлений в российской государственной социальной политике является формирование гражданско-патриотического самосознания

подрастающего поколения. Воспитание гражданина и патриота в настоящее время – это ключевой момент в образовательной деятельности вуза. В настоящее время (время «идеологических перемен» в мире) необходимо защитить, сохранить и приумножить историческую память о Великой Победе 1941-1945 гг., всех участников Великой Отечественной войны, внесших достойный вклад в защиту нашей Родины.

По мнению А.М. Хинской, главная педагогическая задача воспитания патриотизма: донести до молодёжи «эмоционально окрашенные и рационально прочувствованные факты, события истории, жизни и придать им осмысленный и логически оправданный нравственно оценочный вес» [1, с. 122].

Для решения главной задачи на современном этапе в Бийском филиале им. В. М. Шукшина АлтГПУ в процессе взаимодействия на разных уровнях с социальными институтами, партнёрами по вопросу создания педагогических условий формирования гармоничной личности с высокими нравственными и гражданскими качествами, проводятся образовательные и воспитательные мероприятия с целью сохранения исторической правды и увековечивание памяти героических подвигов нашего народа.

Как отмечают Е. А. Пушкаренко, М. С. Пушкаренко, патриотическое воспитание невозможно без изучения истории родного края, его места и значения в истории России [2, с. 404]. История малого города дает уникальную возможность внести вклад в летопись исторической памяти народа, содействовать патриотическому воспитанию молодёжи. Так, например, в нашем педагогическом вузе имеется положительный опыт совмещения в рамках учебной проектно-технологической практики и учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла, пополнения фондов музейных единиц в школах региона.

Сегодня школьные музеи включены в целостную педагогическую систему образовательного учреждения и способствуют формированию патриотизма, гордости за свою Родину и уважения к ее истории [3, с. 7]. Музеи в последнее время часто становятся центрами проектной деятельности, в которой совместно участвуют обучающиеся школы и вуза с целью исследования истории региона, сохранения традиций, способствующих углублению знаний и проявления познавательного интереса к истории, создания передвижных патриотических выставок. Проведение выставок, таких как «Учителя на века», «Мои земляки» и др., затрагивают исторические моменты Великой Отечественной войны и нашего вуза в столь тяжелые годы войны (в то время в корпусах университета были военные госпитали). Просматривая экспонаты памяти, созданные студентами, мы лишь укажем несколько преподавателей-участников Великой Победы: капитан Бутурлакин Григорий Дмитриевич, младший сержант Жданов Василий Иванович, гвардии рядовой Казаков Валентин Федорович, капитан Тарасов Федор Иванович, капитан Шуйский Василий Сафонович, майор Шаров Александр Александрович, лейтенант Бороданов Михаил Матвеевич, подполковник Поляков Алексей Ульянович, рядовой Форнель Степан Мартынович, рядовая Черникова Августа Никифоровна и др.

Представленная выставка для разных целевых аудиторий, формирует у обучающихся знания и умения исследовательской деятельности, критического анализа и оценки исторического материала, закрепляет навыки работы с сайтами, подвергая проверке исторические факты, и тем самым развивает аналитическое мышление студентов.

Результаты проектной деятельности патриотической направленности студенты представляют на конференциях разного уровня, патриотических марафонах, так как: «Истории служения Отечеству», «Течение времени», которые входят в программу комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых». Участвуя в подобной деятельности, обучающиеся учатся работать в команде, проявляют свою креативность. По мнению Л. В. Климова, М. Д. Черкашин, Д. С. Пашутко, развитие креативного потенциала, можно реализовать путём «включения участников образовательного процесса в рефлексивно-инновационные технологии обучения, направленные на максимальное

раскрытие творческих возможностей студентов» [4, с. 97]. Результатом уважения к наследию своей страны, развитие патриотического сознания, стал познавательный поиск и сбор студентами уникальных семейных фотографий и видеоматериалов, восстанавливающих исторические события и факты прошлых времён, придавая им глубочайшее уважение мужеству, стойкости и самоотверженности учителей, преподавателей города Бийска в годы Великой Отечественной войны [5, с. 217].

Проект «Семейная книга памяти» стал свидетелем исторической памяти о героях трагических событий 1941-1945 гг. нашего региона, сохраняя их героический подвиг для нашей молодёжи. Несмотря на то, что 80 лет назад закончилась Великая Отечественная война, изменившая ход мировой истории, свыше ста национальностей защищали от врага наше Отечество, выстояв и победив, скрепив кровью свое нерушимое братство, судьбы людей нашего региона создают всю картину не только малой родины, но и мира в целом. Имена героев живут в названиях улиц и площадей, но всё это отражает лишь малую часть великого подвига народа. Чтение «Семейной книги памяти» студенты начали с уважаемого и всеми почитаемого кандидата педагогических наук, Почетного профессора кафедры педагогики и психологии нашего вуза, Заслуженного учителя Российской Федерации, почётного работника науки и техники Жаркова Сергея Маркисовича. В 1940 году он стал учителем истории в Соусканихинской семилетней школе, а в годы Великой Отечественной войны с 1941-1945 гг. Сергей Маркисович имел 906 боевых вылетов 1-й эскадрильи и закончил войну Победой в Берлине. Славный боевой путь прошел в составе полка, уничтожая врага в прорыве Ленинграда, в Курской битве, освобождении Украины, Польши, Чехословакии. За боевые заслуги Сергей Маркисович награжден орденами («Орден Красной Звезды» и «Орден Отечественной войны») и медалями («За боевые заслуги» (1944 г.), «За победу над Германией в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.» (1945 г.); «За взятие Берлина» (1945 г.); «За освобождение Праги» (1945 г.); знаком «Отличник авиации». После войны в 1946 году, получив высшее педагогическое образование в г. Барнауле Алтайского края, Сергей Маркисович двадцать три года проработал в школе. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию и работал старшим преподавателем кафедры педагогики и психологии, затем долгое время возглавлял её, работал проректором по учебной и научной работе Бийского государственного педагогического института. В 2012 году накануне своего 90-летия Сергей Маркисович представил педагогическому сообществу свой новый труд «Педагогика действия». Нельзя было читать без волнения эту книгу памяти, она вызывала боль воспоминаний родных и коллег по работе, студентов и вместе с тем, гордость за людей, проявивших мужество и героизм, прошагавших дорогами войны, и в столь тяжелое послевоенное время продолживших педагогическую деятельность, неся доброту и любовь к малой родине и стране. Изучая историю учительской династии Жарковых, (а это более 400 лет – таков педагогический стаж семьи), нельзя не вспомнить слова А. С. Макаренко: «Воспитание в том и заключается, что более взрослое поколение передает свой опыт, свои убеждения младшему поколению» [6, с. 7]. Сергей Маркисович Жарков – уникальный человек и талантливый учитель, который щедро делился со студентами своим богатым профессиональным опытом, воспитывая поколение патриотов.

Не стирается память и о тех, кто отдал жизнь, здоровье, свои силы, оставив яркий след в Великой Победе. История помнит их, уважает и ценит. Немало славных страниц военной летописи написали хрупкие женские руки, которые за годы войны взвалили на себя все мужские заботы. Великая Отечественная война для нашего народа оказалась самой тяжелой и жестокой. Нелегок был путь к Победе. На примере Крайцер Клавдии Александровны (1925 г.р.), уроженки посёлка Беловский Троицкого района Алтайского края, студенты рассмотрели яркий след в истории её жизни. «Всё для фронта! Всё для Победы» – это лозунг военного времени требовал большой самоотдачи, огромных усилий в работе. Работа в тылу стала главной женской профессией, с которой справлялись на «отлично». Наверное, в них и

было заключено то, что называют «русской силой». Наши женщины, которые остались в тылу (65%), не воевали, а приумножали Победу, работая по 12-16 часов в сутки, без выходных и продолжая учить подрастающее поколение в столь трудное время, воспитывая личностным примером патриотические качества.

Вклад нашего народа, а в частности, учителей-участников Победы будет вечным примером для нынешних и грядущих поколений, вызывая гордость и восхищение.

Таким образом, новые вызовы в современном обществе порождают и новые трансформации к пониманию и переосмыслению патриотизма. Именно образовательное пространство вуза создает организационно-педагогические условия воспитания гражданина и патриота, опираясь на исторические ценности и традиции. Оно по-новому представляет богатый опыт патриотического воспитания через различные виды деятельности, в том числе и проектную деятельность, формируя уважение к истории региона и страны, воспитывая национальную гордость, любовь к Отечеству.

Примеры героических подвигов преподавателей педагогического вуза в годы Великой Отечественной войны оказывают влияние не только на формирование личности обучающихся, но и способствуют развитию патриотических качеств.

Библиографический список

1. Виницкая, Н. В. Опыт использования музейной технологии обучения как средство развития поликультурной компетентности студентов / Н. В. Виницкая, Е. П. Шабалина // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 216-218.

2. Пушкаренко, Е. А. Изучение военной истории родного края как ключевой фактор воспитания патриотизма / Е. А. Пушкаренко, М. С. Пушкаренко // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы IV Международной научной конференции, Москва 18 сентября 2020 г. – Москва : МХПИ, 2020. – 846 с.

3. Виницкая, Н. В. Квиз-технология как форма организации учебной деятельности по патриотическому воспитанию молодежи / Н. В. Виницкая, Е. П. Шабалина // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19-20 апреля 2024 г. – Москва : МХПИ, 2024. – С. 94-100.

4. Климова, Л. В. Развитие творческого потенциала как условие формирования конкурентноспособности будущего специалиста / Л. В. Климова, М. Д. Черкашин, Д. С. Пашутко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. – 2024. – №14(1). – С. 91-104.

5. Хинская, А. М. К вопросу о воспитании патриотизма в творческом вузе / А. М. Хаминская // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы Международной научной конференции, Москва, 21 апреля 2017 г. – Москва : МХПИ, 2017. – С. 252. С 404

6. Фролов, А. А.. Макаренко Антон Семёнович – теоретик и практик педагогики / А. А. Фролов // Социальная педагогика : Практический журнал для социальных работников и педагогов. – 2016. – № 4-5. – С. 7.

УДК 37.017.93

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ И ПРАВА ТГПУ им. Л.Н. ТОЛСТОГО

COMMEMORATIVE PRACTICES RELATING TO THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A KEY FACTOR IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION FOR HISTORY STUDENTS AT THE FACULTY OF HISTORY AND LAW OF TULA STATE LEV TOLSTOY PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Е. В. Шушунова
кандидат исторических наук
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
С. В. Ярцев
доктор исторических наук, доцент
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Тула–Белгород, Российская Федерация

E. V. Shushunova
Candidate of Historical Sciences
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
S. V. Yartsev
Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor)
Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Belgorod State national research university
Tula – Belgorod, Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена сложной теме патриотического воспитания студентов, обучающихся на факультете истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Авторы доказывают, что историческая память о Великой Отечественной войне, о героических подвигах советского народа, является лучшей информационной базой для формирования у современной молодежи гражданско-патриотических ценностей. Авторы делятся собственным опытом использования духовно-нравственного потенциала Крымского полуострова, связанного с событиями Великой Отечественной войны, в патриотическом воспитании учащихся.

Abstract. This article addresses the complex issue of patriotic education among students at the Faculty of History and Law of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. The authors argue that commemorative practices relating to the Great Patriotic War and the heroic achievements of the Soviet people serve as the optimal informational and experiential foundation for cultivating civic and patriotic values in modern youth. Furthermore, the authors share their pedagogical experience in utilizing the spiritual and moral potential of the Crimean Peninsula, specifically regarding the events of the Great Patriotic War, as a tool for the patriotic upbringing of students.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, мировоззрение, историческая память, духовно-нравственные ценности, воспитание.

Keywords: Great Patriotic War, patriotism, worldview, commemorative practices, spiritual and moral values, education.

Патриотизм − это, наверное, самая значимая нравственная ценность и важнейший фактор духовного развития личности. Известно, что он проявляется в первую очередь в отношении к народу, Родине и государству. Активная позиция личности, ее готовность к самореализации и даже к самопожертвованию на благо Отечества во многом обусловлены именно патриотизмом [3, с. 105]. Не вызывает сомнений, что проявление человеком или социальной группой таких духовных качеств свидетельствует о наивысшем уровне нравственного развития. Мы согласны также с мнением, что дальнейшее прогрессивное развитие государства невозможно, если подрастающее поколение и все общество в целом не демонстрирует моральные, нравственные и этические нормы, совокупность которых и проявляется в патриотизме [3, с. 108]. По словам В.В. Путина, «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [6, с. 10]. При этом это не только «чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями», но и «стремление сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее» [5, с. 4].

Такой подход, безусловно, подводит нас к важной мысли, что в основе указанных сформированных представлений должны лежать достоверные исторические знания о своей Родине – России, ее многонациональном народе, его традициях и обычаях, ведь именно они являются базовыми для мировоззрения человека. Без таких подлинных знаний правильное понимание человеком окружающего мира и своего места в нем явно будет деформировано и сильно искажено [2, с. 25]. Не зря говорят, что именно целенаправленная и хорошо продуманная фальсификация истории является самым страшным оружием против не только настоящего, но и будущего [3, с. 105]. В любой войне противник пытается в первую очередь уничтожить врага идеологически, что делает его фактически неспособным к активной защите [3, с. 105]. Эта стратегия хорошо просматривается по действиям некоторых враждебно настроенных по отношению к России западных стран, дискредитирующих политику нашей страны и ее историю, особенно подвергая нападкам события, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. [7, с. 31; 2, с. 27]. Противопоставить таким фальсификаторам истории мы можем лишь исторические факты и базирующуюся на них историческую память о тех героических событиях, то есть подлинную правдивую историю, которая и должна стать основой мировоззрения подрастающего поколения в нашей стране.

Таким образом, очевидно, что историческая память о Великой Отечественной войне, о героических подвигах советского народа, является лучшей информационной базой для формирования у современной молодежи гражданско-патриотических ценностей. Справедливо считается, что именно историческая память о Великой Отечественной войне, как неиссякаемый источник патриотического воспитания, создает идеальные условия для формирования связи между поколениями [3, с. 106], для перевода знаний о тех героических событиях в активную жизненную позицию, способствуя формированию духовно-нравственных идеалов и ценностных установок [2, с. 27]. Из средств формирования такой исторической памяти многие авторы называют школьные и вузовские учебники, произведения искусства, включая художественные и документальные фильмы с соответствующей тематикой, праздники, уроки мужества, дискуссии, военно-патриотические проекты, поисковое движение, посещение музеев [3, с. 111; 7, с. 32–35]. При этом очевидно, что для наибольшей эффективности такая деятельность должна носить комплексный характер [7, с. 35; 4, с. 156–161].

Надо сказать, что подобный подход в патриотическом воспитании студентов используется и на факультете истории и права в ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Студенты постоянно участвуют в конференциях, посвященных Великой Отечественной войне, готовят проекты на тему подвигов советских людей в годы войны, принимают участие во всероссийских и международных акциях, как «Вахта Памяти» или «Диктант Победы». Даже в период летних каникул, когда для студентов факультета ежегодно организуется и проводится летняя научно-образовательная школа «Таврида» с целью патриотического

воспитания обучающихся, в первую очередь нами используется духовно-нравственный потенциал Крымского полуострова, связанный с событиями Великой Отечественной войны. Для всех участников летней школы мы организуем обязательное посещение двух крымских музеев: Мемориальный комплекс Аджимушкайских каменоломен в городе-герое Керчи и Музейный комплекс «35-я береговая батарея» в городе-герое Севастополе. Это не совсем обычные музеи. Они связаны с историческими местами, где в годы войны был проявлен массовый героизм советских людей, подвиги которых никого не могут оставить равнодушным. Как известно, спустившиеся под землю в древние катакомбы советские бойцы и жители Керчи после обвала крымского фронта в 1942 году несколько месяцев отважно сражались с врагом, невзирая на голод, жажду и ядовитый газ, который закачивали фашисты под землю. Из почти 20-тысячного гарнизона все предпочли смерть, чем позорный плен. Только после гибели почти всех героев, в нечеловеческих условиях державших оборону 170 дней, немцы смогли захватить здесь несколько изможденных человек [8, с. 60–61].

Историю невероятного мужества советских воинов демонстрирует и выставочное пространство музейного комплекса «35-я береговая батарея» в Севастополе. Здесь, в драматические дни захвата Севастополя фашистами, тысячи советских воинов продолжали сражаться с врагом до последней капли крови, навечно вписав свои имена в славную героическую летопись легендарного города русских моряков. Очевидно, что только на таких подвигах можно достойно воспитать и даже необходимо воспитывать нашу молодежь. При этом здоровое в духовно-нравственном смысле поколение будет трудно сформировать, если ограничить воспитание исключительно доведением до учащихся знаний о Великой Отечественной войне. Другое дело, когда такие знания закрепляются посещением мест массового героизма наших людей, где невозможно сохранить безразличие и отстраненность, свойственные современному поколению. Трудно остаться равнодушным при посещении Пантеона Памяти Музейного комплекса «35-я береговая батарея», когда на пришедшую сюда молодежь сверху смотрят тысячи погибших героев, своим взглядом вопрошающие их: «Мы отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины, так будьте же достойны наших подвигов…».

Учитывая комплексный подход к организации патриотического воспитания, посещение тульскими молодыми историками Музейного комплекса «35-я береговая батарея» всегда сопровождается встречами с интересными людьми, беседами и дискуссиями, просмотром патриотических фильмов и т. д. При этом, помимо посещения указанных музеев и иногда некоторых других, также связанных с исторической памятью о Великой Отечественной войне (Мемориального комплекса «Сапун-гора», Музея истории Керченско-Эльтигенского десанта и т.д.), тульские студенты, приехавшие в Крым, участвуют еще в целом ряде патриотических мероприятий. Особой популярностью у молодых историков пользуются спортивные походы по местам боев крымских партизан. Хорошо известно, что именно военно-спортивное воспитание через организацию и проведение туристических слетов и походов по местам воинской славы способствует формированию особых духовно-нравственных качеств личности. Речь идет о таких морально-психологических ее аспектах, как твердость характера, решительность, физическая выносливость, смелость [4, с. 157–158]. Другими словами, организация спортивных походов способствует окончательному формированию духовного облика молодых людей, их характера и жизненных ориентиров [1, с. 80–81]. Тем более если, как в нашем случае, в таких походах ежедневно читаются лекции о конкретных подвигах героев, могилы которых посещают студенты во время движения по маршруту, а также проводятся патриотические акции. Из последних таких мероприятий, отметим возложение венка на месте гибели Клавы Юрьевой на Зуйской заставе и подъем знамени на высоте 1025 рядом с легендарной партизанской пушкой.

Таким образом, патриотическое воспитание студентов-историков на факультете истории и права в ТГПУ им. Л.Н. Толстого по большей части проводится на основе формирования у молодежи исторической памяти о Великой Отечественной войне. Однако данный фактор становления и развития личности в полной используется нами при проведении ежегодной летней научно-образовательной школы «Таврида», в которой традиционно участвует большая часть студентов 1 курса. Значительная воспитательная часть «Тавриды» формируется именно на информативном материале, посвященном героическим событиям Великой Отечественной войны. Учитывая указанные выше особенности организации патриотического воспитания молодежи в ТГПУ им. Л.Н. Толстого, здесь наши усилия приносят самые плодотворные плоды. Исходя из многочисленных отзывов студентов, прошедших летнюю школу в Крыму, как и наших наблюдений за учащимися, выбранное направление патриотического воспитания молодежи, как и подход в его реализации, в достаточной степени эффективны. Эту деятельность необходимо продолжать и развивать.

Библиографический список

1. Баранов Е.И. Физическое и нравственное воспитание студентов и молодежи средствами спортивного туризма / Е.И. Баранов // Вестник Российской международной академии туризма. 2018. №4. С. 80–85.
2. Быков А.К. Формирование патриотического сознания молодежи на истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.К. Быков // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. №1(30). С. 24–28.
3. Кондратенко А.П. Воспитание патриотизма современной молодежи на основе духовного наследия Великой Отечественной войны / А.П. Кондратенко // Духовное наследие Великой Отечественной войны – важнейший источник духовно-нравственного воспитания молодёжи / Под ред. О.В. Розина. М.: Принтика, 2020. С. 104–112.
4. Константинов С.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи как комплексная образовательная технология / С.А. Константинов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. №3(43). С. 156–161.
5. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий / В.В. Путин // Независимая газета. 1999. 30 декабря.
6. Путин В.В. Мысли о России. Президент о самом важном / В.В. Путин. М.: «Центрполиграф», 2016. 192 с.
7. Тетуев А.И. Патриотическое воспитание подрастающего поколения на историческом наследии Великой Отечественной войны 1941 –1945 гг. / А.И. Тетуев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №1(66). С. 30–37.
8. Титова А.Н. Каменоломни судьбы / А.Н. Титова // Природное и культурное наследие Урала / Под ред. С.Б. Синецкого. Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 2025. С. 60–66.

УДК 94:355.48

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

REFLECTION OF THE PROBLEMS OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SCIENTIFIC DISCOURSE AND IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Л. А. Явнова
кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет
Бийский филиал им. В. М. Шукшина
г. Бийск, Российская Федерация

L. A. Yavnova
Ph.D. of Historical Sciences
Altai State Pedagogical University
Biysk branch named after V. M. Shukshin
Biysk, Russian Federation

Аннотация. В статье прослеживаются проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны, как в отечественных, так и зарубежных научных исследованиях. Рассматриваются цели и направления, определяющие искажение исторических фактов, причин и характера войны. Анализируются результаты анкетирования по проблеме «Фальсификаты истории Великой Отечественной войны», что позволило выявить методические ресурсы и подходы к обучению и воспитанию уважения к историческому наследию Великой Отечественной войны.

Summary. This article explores the falsification of the history of the Great Patriotic War in both domestic and international academic research. It examines the goals and trends that drive the distortion of historical facts, causes, and nature of the war. It analyzes the results of a survey on "Falsifications of the History of the Great Patriotic War," which allowed for the identification of methodological resources and approaches to teaching and fostering respect for the historical legacy of the Great Patriotic War.

Ключевые слова: фальсификация истории, Великая Отечественная война, образовательный процесс.
Key words: falsification of history, the Great Patriotic War, educational process.

Проблема фальсификации истории Великой Отечественной войны является одной из актуальных в современном историческом дискурсе. В условиях информационного общества, где доступ к информации стал свободным и неограниченным, проблема фальсификации истории приобретает новые формы и масштабы. Понятие «фальсификация» происходит от латинского falsificatio - подделка, и определяется как, сознательное, преднамеренное искажение исторических событий, фактов, как правило, с целью достижения политических интересов, именно преднамеренное и с определенной целью [1; 2]. Фальсификация истории Великой Отечественной войны связана с попытками пересмотра итогов войны и снижения роли Советского Союза в победе над фашизмом.

Негативное влияние фальсификация истории Великой Отечественной войны оказывает на общественное сознание и историческую память. Она может привести к искажённому восприятию исторических событий, формированию стереотипов и предрассудков, а также к снижению уровня исторических знаний, а также грамотности и культуры. Историческая память о войне играет важную роль в сохранении связи между поколениями, передаче ценностей и формировании национального самосознания [3].

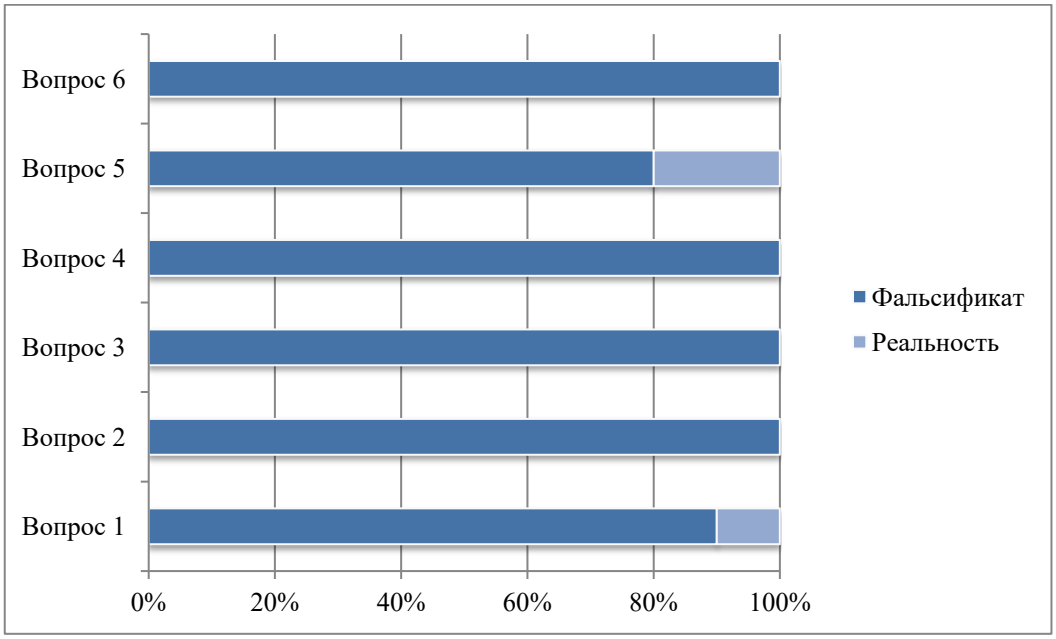
Тема героического подвига советских людей в борьбе против германского фашизма, критика попыток принижения роли Советского Союза, фальсификации истории Второй мировой войны и итогов Великой Отечественной войны советского народа, прослеживается в исследовании С. М. Абдуразакова и Н. Н. Гасанова «Победа советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) и попытки ее фальсификации» [4]. В работе говорится, что отличительной чертой последних лет становится то, что ложные и клеветнические фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны имеют место не только в теории, но и реализуются на практике (борьба с памятниками, дегероизация советских воинов, возвеличивание предателей и коллаборационистов и т. д.). Авторы приходят к выводу, что попытки интерпретировать трактовку событий и итогов Великой Отечественной войны в соответствии с политической конъюнктурой являются важнейшим направлением в информационной войне Запада против России, это делает актуальной задачей необходимость противодействия историческому ревизионизму и защиты подлинной истории Великой Отечественной войны. Среди наиболее распространенных фальсификаций можно выделить попытки переосмысления причин начала войны и ее характера. Принижение вклада Советского Союза в победу над нацизмом также является распространенной практикой, что противоречит многим историческим фактам и свидетельствам.

Среди зарубежных общественных деятелей, журналистов и историков наблюдается желание пересмотреть вопрос о роли СССР и советского народа в победе над фашизмом. Например, в европейской исторической литературе фигурирует такой оборот как «великие битвы Второй мировой войны». Американский историк Хэнсон Болдуин называет 11 таких битв, которые все в основном относятся к Тихоокеанскому и Североафриканскому фронтам военных действий [5, с. 115-127].

Фальсификация истории Великой Отечественной войны преследует несколько ключевых целей, включая попытки подорвать национальную идентичность, изменить восприятие исторических событий и героев, а также оправдать агрессивные политические действия в настоящем. Эти направления фальсификации подчеркивают важность защиты исторической памяти и необходимость критического подхода к источникам информации для формирования объективного понимания событий войны. В отечественных исследованиях акцент делается на сохранении правды о подвиге советского народа и противостоянии попыткам переписывания истории, в то время как зарубежные исследования зачастую могут быть направлены на критику советского наследия и переосмысление роли различных стран в конфликте [6].

В связи с проведением года «Защитника Отечества» в 2025 году был проведен опрос по анкете из шести вопросов «Фальсификаты Великой Отечественной войны» студентам Бийского филиала им. В.М. Шукшина АлтГПУ не исторического профиля и школьникам из шести школ Алтайского края, Краснодарского края и Новосибирской области. Всего в анкетировании приняло участие около восьмисот обучающихся. Вопросы касались начала Великой Отечественной войны, героизма советских людей, термина «Великая Отечественная война», роли союзников, окончания войны.

Таблица 1. – Результаты анкетирования по теме «Фальсификаты Великой Отечественной войны»



С помощью данного анкетирования, было определено, знают ли обучающиеся информацию, которая поддается фальсификации, могут ли отличить факты от выдуманных теорий. В результате исследования было выявлено, что 87,5 %, опрошенных, ознакомлены с возможными фальсификатами событий Великой Отечественной войны. Также было определено, что наибольшее изучение информации требует тема численности погибших и пленных в период начала Великой Отечественной войны, тема геноцида советского народа на оккупированных нацистами территориях СССР. Это, прежде всего, западные республики – Белорусская ССР и Украинская ССР, а также вошедшие в его состав незадолго до Великой Отечественной войны республики Прибалтики и Молдавская ССР. Была оккупирована немецко-фашистскими войсками и немалая часть РСФСР (полностью или частично), находившихся под игом нацистов в течение различного времени. Из 70 млн. оказавшихся под властью нацистов советских граждан выжил лишь каждый пятый.

Проведенное анкетирование «Фальсификаты Великой Отечественной войны» среди студентов и школьников 9-11 классов из двух школ Алтайского края, двух школ Краснодарского края и двух школ Новосибирской области показало высокий уровень осведомленности среди участников. Это свидетельствует о значительном интересе к истории и критическом подходе к информации, находящейся в интернете и социальных сетях. Это также подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и обсуждения исторических фактов в образовательном процессе.

Анализ существующих методических ресурсов показал [7; 8; 9], что важным аспектом является интеграция тематики исторической памяти в учебный процесс. Учебные материалы должны быть направлены на формирование у обучающихся навыков анализа информации и уважения к историческому наследию, что поможет им противостоять фальсификациям и сохранить истинное понимание исторических событий. Работа над темой фальсификации истории Великой Отечественной войны подчеркивает необходимость активного изучения и обсуждения данной проблемы в образовательном и общественном пространстве. Важно осознавать, что искажение фактов и манипуляции с историей могут привести к созданию ложных представлений о событиях войны, что в свою очередь влияет на национальную идентичность и общественное мнение. Поэтому необходимо стремиться к объективному и

всестороннему изучению истории Великой Отечественной войны, основанному на проверенных источниках и научных исследованиях.

Таким образом, теоретические основы проблемы искажения истории подчеркивают важность осознания взаимосвязи между историей, памятью и идентичностью, а также необходимость ответственного подхода к её интерпретации в образовательном и воспитательном процессе.

Библиографический список

1. Акопьянц А. С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2020. - № 2(8). [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.04.2025).

2. Ковалев А. М. О некоторых уроках Отечественной войны против фашистской Германии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. - № 2. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-urokah-otechestvennoy-voyny-protiv-fashistskoy-germanii (дата обращения: 23.03.2026).

3. Сидорова Л. О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» // Вестник МГУКИ. 2012. - №4 (48). [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-podhody-k-ponyatiyu-istoricheskaya-pamyat (дата обращения: 18.01.2025).

4. Абдуразакова С. М., Гасанов Н. Н. Победа Советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) и попытки ее фальсификации // Социально-гуманитарные знания. 2015. - № 6. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-1941-1945-gg-i-popytki-ee-falsifikatsii (дата обращения: 25.03.2026).

5. Болдуин Хэнсон. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. Battles lost and won: Battles lost and won: [Пер. с англ. Павлов А.Н.] / Хэнсон Болдуин. - Москва: Центрполиграф. - 2021. – 624 с.

6. Фальсификация истории Великой Отечественной войны: список статей / Курганская областная универсальная научная библиотека им. А.К. Югова, Отдел информационно–библиографического обслуживания; составитель К. А. Питерскова. – Курган, 2020. – 23 с. – (К 75–летию Победы в Великой Отечественной войне) [Электронный ресурс] // сайт Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А. К. Югова. - URL: http://yugovalib.ru/site/read?id=768 (дата обращения 12.01.2025г.).

7. Мединский В.Р. История. История России. 1914—1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Электронная форма учебника / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. - Москва: Просвещение. - 2024. [Электронный ресурс] - URL: https://ibooks.ru/bookshelf/391018/reading (дата обращения: 21.01.2025).

8. Рабочая программа воспитания на 2021-2025 год МБОУ «Линевская СОШ» Смоленского района Алтайского края [Электронный ресурс] // Сайт школы - URL: https://linschool.gosuslugi.ru/ofitsialno/vospitanie/ (дата обращения: 15.02.2025).

9. Сборник мероприятий ко Дню Победы, Дню защитника Отечества и другим патриотическим праздникам: сценарии торжественных линеек, вечеров, литературно-музыкальных композиций, классных часов, военно-спортивных игр. – изд. 2-е, испр. / авт.-сост. М.В. Видякин и др. – Волгоград: Учитель, 2016. – 280 с.

СЕКЦИЯ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

УДК 37.016:94(47+476)”1917”

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 Г. В КУРСЕ «ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

USING CASE STUDY TECHNOLOGY IN STUDYNG THE EVENTS OF THE FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS OF 1917 IN THE COURSE «HISTORY OF BELARUS IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORY» IN SECONDARY SCHOOL

П. В. Алисиевич
магистр исторических наук, преподаватель
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
А. И. Долбик
студент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

P. V. Alisievich
Master of Historical sciences, Lecturer
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
A. I. Dolbik
Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В публикации представлен дидактический кейс *«Императорская семья: от отречения до гибели»*, разработанный и апробированный в 11-м классе при изучении истории Беларуси в контексте всемирной истории. Выполнение заданий кейса способствует углублению знаний учащихся по истории Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и формированию у них образовательных компетенций, предусмотренных учебной программой.

Summary. The publication presents a didactic case study *«The Imperial Family: from abdication to Death»*, developed and tested in 11th-grade students studying the history of Belarus in the context of world history. Completing the case study assignments deepens students' knowledge of the history of the February and October Revolutions of 1917 and develops their educational competencies outlined in the curriculum.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Николай II, история Беларуси в контексте всемирной истории, кейс-технология.

Key words: February Revolution, October Revolution, Nicholas II, the history of Belarus in the context of world history, case technology.

События Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России стали переломными для отечественной истории. Они оказали значительное влияние на дальнейший исторический процесс, а также имели свою специфику на территории белорусских земель. Это период упразднения монархического строя, последних попыток проведения либерально-демократических реформ, кульминации глубоких социально-экономических и общественно-политических потрясений и перехода к социалистическому этапу развития государства.

Реализация концентрического принципа построения содержания учебного материала обеспечивает двухуровневое освоение учащимися рассматриваемых событий.

На событийно-хронологическом уровне они рассматриваются в рамках учебной дисциплины «Всемирная история» в VIII классе (§21 «Россия в годы революционных потрясений (1905 – 1917 гг.)») и в IX классе (§9 «Октябрьская революция и установление советской власти в России»), а также в курсе истории Беларуси в VIII классе (§28 «События Февральской революции 1917 г. в Беларуси. Обострение политической ситуации в Беларуси весной – летом 1917 г.») и в IX классе (§1 «События Октябрьской революции 1917 г. в Беларуси»).

Изучение учащимися данных событий на проблемно-теоретическом уровне предусматривается в курсе «История Беларуси в контексте всемирной истории» в XI классе (§18 «Беларусь в Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.»).

Чтобы избежать дублирования материала и простого добавления новых фактов к уже изученным, а также для реализации компетентностного подхода и проблемного характера обучения при изучении данной темы, авторами был разработан дидактический кейс *«Императорская семья: от отречения до гибели»*. Разработка кейса проводилась на основе учебной программы и содержания учебного пособия по «Истории Беларуси в контексте всемирной истории» для 11 класса [1; 2].

Класс: 11.

Время проведения: 45 мин.

Форма работы: групповая.

Тип урока: урок изучения нового материала.

***Дидактическая цель решения кейса*:**

по итогам решения кейса учащиеся будут *знать*:

1) особенности политической ситуации, сложившейся в Российской империи к 1917 г.;

2) причины, хронологические рамки, основные события и этапы Февральской и Октябрьской революций 1917 г.;

3) функции и позиции действовавших политических сил в период Февральской и Октябрьской революций 1917 г.;

4) исторические последствия и значение двух революций для России и Беларуси.

будут *уметь*:

1) формулировать определения понятий «революция», «гражданская война», «политическая партия», «политический кризис» и их конкретизировать;

2) локализовать события Февральской и Октябрьской революций во времени и пространстве;

3) устанавливать и объяснять причинно-следственные связи между политическими событиями и их влиянием на развитие революционного кризиса;

4) анализировать, интерпретировать, сравнивать и обобщать разные виды исторических источников (документы, дневники, официальные сообщения);

5) формулировать личное мнение, основанное на аргументированных фактах и выводах.

Задачи личностного развития:

развивающая: способствовать формированию умений у учащихся устанавливать причинно-следственные связи, осуществлять систематизацию полученных знаний по теме, анализировать, сравнивать, делать выводы, аргументировать свою точку зрения.

воспитательная: способствовать формированию у учащихся эмпатии, гуманистических чувств, негативного отношения к жестокости как к инструменту политической борьбы.

Материально-техническое обеспечение: компьютер, мультимедиа, фотоматериалы, архивные документы [7].

Вступительная часть:

Приветствие учащихся, проверка готовности к уроку. Сообщение темы урока: §18 «Беларусь в Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.». Объяснение учащимся формы работы на уроке, формулирование цели и задач урока, ознакомление со структурой кейса.

Введение:

Учащимся предлагается вспомнить:

1. Какие факторы оказали значительное влияние на углубление кризиса к началу 1917 г. в Российской империи?

2. Как изменилось положение российской армии на фронте в 1916–1917 гг. и каким образом это повлияло на политическую ситуацию в стране?

3. Почему императорская власть утратила поддержку общества и армии?

Слово учителя: В ходе Февральской революции Николай II был вынужден подписать акт отречения от престола. Изначально он намеревался отречься в пользу своего сына, цесаревича Алексея, однако, учитывая неизлечимую болезнь наследника, отрекся за себя и за него в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича. Но Михаил также отрекся от престола, в результате чего власть перешла к Временному правительству. Однако кризис в стране продолжал усугубляться.

После отречения семья Николая II находилась под арестом в Царском Селе до августа 1917 г. Затем Временное правительство распорядилось переправить её в Тобольск, а в апреле 1918 г. последовало решение советской власти о переводе семьи в Екатеринбург.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Николай II, его семья и их приближенные были убиты в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Однако долгое время советская власть скрывала обстоятельства произошедшего, что порождало многочисленные слухи и версии [3, с. 64–65].

Основная часть:

Действительно ли обострение революционной ситуации в феврале 1917 г. делало отречение Николая II единственно возможным шагом, или существовали альтернативы? Какую роль в принятии этого решения сыграло российское военное командование?

Учащимся предлагается ознакомиться с источниками № 1-3.

Вопросы и задания к источникам 1-3 [4; 5]:

1. Сравните телеграммы генерал-адъютантов Н.Н. Романова и А.А. Брусилова. Как они оценивают сложившуюся ситуацию в стране и на фронте? Какие аргументы в необходимости отречения от престола Николая II приводятся ими, и что в их позициях совпадает?

[7] Необходимые для работы с дидактическим кейсом материалы размещены на Google Диске (https://drive.google.com/drive/folders/1IQXtViO4K46Mf6L84FxWtVABKakVAs8I?usp=drive_link) и доступны по QR-коду.

2. Какой вывод из записи в дневнике Николая II о его восприятии позиции высшего военного командования вы можете сделать? Позволяют ли источники говорить о наличии у него реальных альтернатив?

Предполагаемый вывод учащихся: *инициатива отречения исходила не от самого Николая II, а от высшего военного командования, которое рассматривало этот шаг как единственно возможный для сохранения фронта и предотвращения распада российской армии. Рассмотренные источники позволяют сделать вывод, что к началу марта 1917 г. император полностью утратил поддержку армии, которая являлась его последней опорой, и был вынужден принять данное решение под давлением обстоятельств и окружения.*

Слово учителя: после отречения Николая II политическая ситуация в стране продолжала усугубляться. Происходившие процессы напрямую отражались и на положении его семьи. Можно ли утверждать, что изменение политической ситуации в 1917–1918 гг. в России неизбежно вело к ужесточению режима содержания семьи Николая II?

Учащимся предлагается ознакомиться с источниками № 4-6.

Вопросы и задания к источникам 4-6 [5; 6; 7]:

1. Каким образом изменились условия проживания семьи Николая II в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге. Какие факты из приведенных источников указывают на постепенное усиление контроля и изоляции со стороны власти?

2. Какие обстоятельства могут объяснять постепенное ужесточение мер в отношении семьи Николая II?

Предполагаемый вывод учащихся: *проанализировав источники, можно сделать вывод, что постепенно происходило ужесточение режима содержания семьи Николая II. Незначительные ограничения со временем переросли в полную изоляцию, цензуру всей переписки и строгий контроль. Ужесточение условий проживания происходило по мере усиления политической напряженности и роста угрозы внешнего вмешательства.*

Слово учителя: по мере усиления революционного кризиса и нарастания политической борьбы менялось не только положение семьи Николая II, но и характер решений, принимаемых центральными и местными властями. Эти изменения постепенно обостряли ситуацию вокруг бывшего императора. Необходимо выяснить какие факторы привели к трагической развязке в Екатеринбурге и определили формирование последующей официальной версии произошедшего.

Учащимся предлагается ознакомиться с источниками № 7-11

Вопросы и задания к источникам 7-11 [8]:

1. На ваш взгляд, в чем заключалась цель расправы над царской семьей? Чем могло быть обусловлено это решение?

2. Какие расхождения в позициях центральной власти и местных советов касательно судьбы Николая Романова вы можете выделить?

3. Как вы думаете, почему в официальных сообщениях большевиков упоминалось только об убийстве Николая II, а о судьбе остальных членов царской семьи умалчивалось? Какие причины могли скрываться за этим?

Предполагаемый вывод учащихся: *цель расправы над царской семьей заключалась в демонстрации решимости новой власти вести беспощадную борьбу со своими «врагами». Большевистское руководство осознавало международные последствия данного акта, т.к. многие монаршие дома Европы находились в родственных связях между собой. Стараясь избежать негативной реакции зарубежных держав, упор в официальных заявлениях делался исключительно на ликвидацию Николая Романова, в то время как судьба остальных членов царской семьи оставалась неизвестной.*

В завершение выполнения заданий дидактического кейса учащимся предлагается провести групповое обсуждение, в ходе которого они должны сформулировать развернутый вывод и подвести итог.

Предполагаемый вывод учащихся: таким образом, отречение Николая II в марте 1917 г. не было его личным решением. Ключевую роль в этом вопросе сыграла позиция высшего армейского командования, в результате чего император лишился своей последней опоры – армии, что сделало отречение неизбежным. По мере углубления революционного кризиса ухудшалось и положение царской семьи, условия их содержания постепенно ужесточалось. Цель расправы над царской семьей заключалась в демонстрации решимости новой власти вести беспощадную борьбу со своими «врагами». Большевистское руководство осознавало международные последствия данного акта, т.к. многие монаршие дома Европы находились в родственных связях между собой. Стараясь избежать негативной реакции со стороны зарубежных держав, упор в официальных заявлениях делался исключительно на ликвидацию Николая Романова, в то время как судьба остальных членов царской семьи оставалась неизвестной.

Рефлексия:

Что при работе с кейсом я (узнал, хотел бы ещё узнать).

Узнал	Хотел бы ещё узнать

Библиографический список

1. Кохановский, А. Г. История Беларуси в контексте всемирной истории : учеб. пособие для 11-го кл. учреждений образования, реализующих образовательные прогр. общ. сред. образования, с рус. яз. обучения и воспитания (с электронным приложением для повышенного уровня) : в 2 ч. Ч. 1 / А. Г. Кохановский [и др.] ; под ред. А. Г. Кохановского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2025. — 311, [1] с. : ил.
2. Учебная программа по учебному предмету «История Беларуси в контексте всемирной истории» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с русским языком обучения и воспитания (базовый уровень). URL https://adu.by/images/2025/08/12/up-ist-bel-v-kont-vs-ist-11-kl-baz-rus.pdf (дата доступа: 16.03.2026 г.).
3. Долбик, А. И. Гибель семьи Николая II: обстоятельства, мотивы и версии в исторических документах / А. И. Долбик // Актуальные проблемы исторических исследований: сборник материалов V Международной студенческой конференции (г. Уфа, 20 ноября 2025 г.). – 2025. – С. 64-68.
4. Телеграмма начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева Николаю II в Ставку о необходимости отречения от престола № 1878. Передана 2 марта 1917 г. URL https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80239#mode/inspect/page/3/zoom/4 – (дата доступа: 28.01.2026).
5. Платонов, О. А. Николай II в секретной переписке / О. А. Платонов. – М. : Родник, 1996. – 800 с. – (Терновый венец России).
6. Жильяр, П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / П. Жильяр ; предисл. С. Д. Сазонова. – Вена : Русь, 1921. – 287 с.
7. Алексеев, В. В. Гибель царской семьи : мифы и реальность. Новые документы о трагедии на Урале / В. В. Алексеев. – Екатеринбург : Урал, 1993. – 286 с.
8. Преступление века. Материалы следствия: документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных : в 3 т. – М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2021. – 552 с.

УДК 37.03

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СПО

DIGITAL LITERACY AS A COMPONENT OF FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS OF SECONDARY EDUCATION INSTITUTIONS

М. А. Антонова
аспирант
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»
Смоленск, Российская Федерация

M. A. Antonova
Postgraduate
Smolensk State Institute of Arts,
Smolensk, Russian Federation

Аннотация. В статье цифровая грамотность рассматривается как компонент функциональной грамотности обучающихся СПО. Уточнено содержание данных понятий и их взаимосвязь. Определено место цифровой грамотности в системе образовательных результатов и обоснована необходимость ее включения в образовательный процесс.

Abstract. The article examines digital literacy as a component of functional literacy among students in secondary vocational education. The content of these concepts and their interrelationship are clarified. The place of digital literacy within the system of educational outcomes is determined, and the necessity of its integration into the educational process is substantiated.

Ключевые слова: цифровая грамотность, функциональная грамотность, обучающиеся СПО.

Key words: digital literacy, functional literacy, students in secondary vocational education.

В современных условиях цифровизация образования и всех сфер общественной жизни определяет новые требования к подготовке специалистов СПО. Работодатели ориентируются не только на уровень профессиональных знаний, но и на способность выпускников эффективно использовать цифровые технологии в решении практических задач. В связи с этим особое значение приобретает развитие функциональной грамотности обучающихся, включающей умение применять знания в реальных жизненных и профессиональных ситуациях. Требования к результатам освоения образовательных программ, закреплённые в ФГОС СПО, также подчеркивают необходимость развития универсальных компетенций, тесно связанных с цифровыми навыками.

Несмотря на активное изучение проблемы функциональной грамотности, вопрос о месте цифровой грамотности в её структуре остаётся недостаточно разработанным. В ряде исследований цифровая грамотность рассматривается как самостоятельное явление или как часть ИТ-компетенции, однако её роль именно как компонента функциональной грамотности обучающихся СПО требует дополнительного теоретического осмысления.

Целью данной статьи является рассмотрение цифровой грамотности как компонента функциональной грамотности обучающихся СПО. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: уточнить сущность понятия функциональной грамотности; определить место цифровой грамотности в её структуре; обозначить основные подходы к развитию цифровой грамотности обучающихся СПО.

Функциональная грамотность сегодня рассматривается как один из ключевых результатов образования. В самом общем виде под ней понимается способность человека применять полученные знания и умения для решения практических задач в различных жизненных ситуациях. Речь идёт не просто о владении информацией, а о её осмысленном

использовании — в учёбе, профессиональной деятельности и повседневной жизни [1, с. 198-199].

Современные подходы к определению структуры функциональной грамотности выделяют несколько взаимосвязанных компонентов. Наиболее часто речь идёт о читательской, математической и естественно-научной грамотности. Читательская грамотность связана с умением понимать, интерпретировать и критически оценивать тексты. Математическая — с использованием количественных и логических методов для решения задач. Естественно-научная грамотность предполагает понимание научных явлений и способность применять научный подход в анализе окружающего мира [2, с. 16].

В дальнейшем перечень компонентов был расширен. В него стали включать финансовую грамотность, глобальные компетенции, креативное мышление. Это связано с изменениями в обществе и усложнением требований к подготовке обучающихся. Функциональная грамотность постепенно перестаёт восприниматься как фиксированный набор навыков — скорее, это динамическая система, которая развивается вместе с социально-экономической средой [3, с. 7].

Сегодня значительная часть деятельности человека переносится в цифровую среду. Работа с информацией, коммуникация, обучение и профессиональная деятельность всё чаще осуществляются с использованием цифровых технологий. В этих условиях традиционные компоненты функциональной грамотности уже не в полной мере отражают реальные требования к современному специалисту.

Поэтому представляется обоснованным говорить о необходимости расширения структуры функциональной грамотности. Одним из таких направлений становится включение цифровой грамотности. Цифровая грамотность позволяет эффективно действовать в современной информационной среде. Она обеспечивает работу с данными, использование цифровых инструментов и сервисов, а также взаимодействие в онлайн-пространстве. В этой связи её можно рассматривать как важный компонент функциональной грамотности.

В современной педагогической литературе понятие цифровой грамотности используется достаточно широко. Однако его содержание трактуется неоднозначно. Чаще всего под цифровой грамотностью понимается способность человека уверенно, критически и безопасно использовать цифровые технологии в различных сферах деятельности. При этом акцент делается на работу с информацией и применение цифровых инструментов для решения учебных и профессиональных задач.

Структура цифровой грамотности включает несколько взаимосвязанных элементов. К ним относятся навыки поиска, отбора и анализа информации, обеспечение цифровой безопасности, коммуникация в цифровой среде, а также использование программных и онлайн-инструментов. Эти компоненты формируют основу деятельности человека в условиях цифровизации [4, с. 113].

Развитие цифровой грамотности в системе СПО имеет прикладной характер. Обучение ориентировано на подготовку к профессиональной деятельности, поэтому цифровые навыки должны развиваться в контексте решения практических задач.

В процессе обучения студенты активно используют цифровые инструменты — от базовых сервисов до специализированных программ. В связи с этим развитие цифровой грамотности должно быть встроено в образовательный процесс и реализовываться через различные виды учебной деятельности.

Одним из наиболее эффективных средств развития цифровой грамотности в условиях СПО является проектная деятельность. Она позволяет соединить теоретические знания и практическое применение технологий. В ходе работы над проектами обучающиеся анализируют информацию, взаимодействуют в цифровой среде и используют современные сервисы для представления результатов.

Опыт колледжа Президентской академии (РАНХиГС) демонстрирует возможности применения проектного обучения, цифровых образовательных сред и смешанных форматов обучения для повышения качества подготовки выпускников. Анализ результатов применения проектного обучения в образовательном процессе говорит о его высокой эффективности в развитии цифровой грамотности обучающихся.

Отметим, что развитие цифровой грамотности является неотъемлемой частью формирования функциональной грамотности обучающихся СПО. Владение современными информационными технологиями будет способствовать их успешной социализации, профессиональному росту и адаптации к вызовам цифровой экономики. Необходимо совершенствовать методики ее развития с учетом специальности. Это позволит повысить уровень подготовки выпускников колледжа с учетом требований цифровой экономики.

Библиографический список

1. Пигорева, М. С. Функциональная грамотность: содержание и основные характеристики понятия / М. С. Пигорева // Психология: новые горизонты : Сборник трудов Студенческого форума II Международной научно-практической конференции, Евпатория, 09 декабря 2022 года / Редколлегия: Н.Н. Колосова, А.В. Хитрова. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 196-201. – EDN AGETFR.

2. Веряев, А. А. Функциональная грамотность учащихся: представления, критический анализ, измерение / А. А. Веряев, М. Н. Нечунаева, Г. В. Татарникова // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2-2(78). – С. 013-017. – EDN RSEXTX.

3. Николина, В. В. Развитие функциональной грамотности обучающихся в образовательном процессе / В. В. Николина // Нижегородское образование. – 2021. – № 1. – С. 4-13. – EDN WDCDQY.

4. Соболева, Ж. С. Теоретические предпосылки формирования понятий "цифровая грамотность" и "цифровая компетенция" / Ж. С. Соболева // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2019. – № 13. – С. 110-114. – EDN LEVWOH.

УДК 378.147

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕРЕЗ БИЗНЕС-СИМУЛЯЦИИ И ИГРОВЫЕ МОДЕЛИ В ЦИФРОВОМ ОБУЧЕНИИ

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES THROUGH BUSINESS SIMULATIONS AND GAME MODELS IN DIGITAL LEARNING

А. В. Антошков
старший преподаватель
ГАОУ ВО ЛО Гатчинского
государственного университета
г. Гатчина, Российская Федерация

A. V. Antoshkov
Senior Lecturer
Gatchina State University
Gatchina, Russian Federation

Аннотация. Потенциал деловых симулятивных моделей и игровых методик в процессе развития профессиональных умений у обучающихся инженерных, управленческих и экономических направлений подвергается подробному рассмотрению. В центре внимания находится оценка того, каким образом имитационные игры с бизнес-сценариями способствуют углублённому освоению аспектов управленческого взаимодействия, расширяют способности принимать рациональные решения, формируют эффективные стратегии коллективной деятельности и способствуют детальному осмыслению динамики экономических явлений. Авторы анализируют педагогические подходы к внедрению симулятивных практик в образовательные траектории, параллельно исследуя их роль в становлении критического и интегративного типа мышления у студентов.

Abstract. The potential of business simulation models and game techniques in the process of developing professional skills among students of engineering, management and economic fields is being examined in detail. The focus is on assessing how simulation games with business scenarios contribute to the in-depth development of aspects of managerial interaction, expand the ability to make rational decisions, form effective strategies for collective activity and contribute to a detailed understanding of the dynamics of economic phenomena. The authors analyze pedagogical approaches to the implementation of simulation practices in educational trajectories, while simultaneously exploring their role in the development of critical and integrative thinking among students.

Ключевые слова: бизнес-симуляция, профессиональные компетенции, игровые методики, коллективная деятельность.

Keywords: business simulation, professional competencies, game techniques, collective activity.

Современные тенденции в экономике и усложнение ситуации на рынке труда выдвигают на первый план необходимость формирования у выпускников широкого спектра профессиональных умений и навыков. Ограниченность преимущественно теоретически ориентированных образовательных стратегий становится очевидной в аспекте развития практико-ориентированной составляющей подготовки специалистов, поскольку такие подходы редко способствуют углублённому освоению прикладных умений. На этом фоне инновационные цифровые инструменты, к числу которых относятся бизнес-симуляции и игровые модели, обретают особое значение благодаря возможности воспроизведения комплексных управленческих сценариев и механизмов функционирования бизнес-процессов в контролируемой учебной среде, не сопряжённой с реальными рисками.

В рамках проведённого исследования акцентируется внимание на анализе потенциала бизнес-симуляций и игровых моделей применительно к развитию профессиональных компетенций, а также рассмотрении эффективности интеграции указанных технологий в педагогическую практику. В задачи научной работы входит, прежде всего, систематизация

разновидностей бизнес-симуляций с позиции их обучающего ресурса; разработка и описание педагогических стратегий интеграции симуляционных методик в образовательные курсы; определение вклада симуляционных технологий в формирование системного и критического типа мышления, а равно анализ положительных примеров использования бизнес-симуляций в различных программах подготовки специалистов [3].

Бизнес-симулятивные инструменты поддаются систематизации по множеству оснований. Если принимать во внимание спектр моделируемых задач, встречаются отраслевые симуляции, акцентированные на особенности определённых индустрий, макроуровневые симуляции, охватывающие целостное функционирование компании, а также микросимуляции, локализующиеся на отдельных ключевых направлениях деятельности — таких как сфера финансов, вопросы логистики или динамика маркетинга. Помимо этого, уровень сложности моделей варьируется: существуют базовые симуляции, рассчитанные на пользователей с минимальным опытом, усложнённые — ориентированные на детальное погружение, и экспертные решения, предоставляющие возможность тренировки в условиях высокоуровневых управленческих дилемм. Форматы взаимодействия участников также разнообразны: реализуются индивидуальные, в которых все функции берет на себя один субъект; командные, где требуется координация нескольких соучастников; и наконец, симуляции с конкуренцией между коллективами.

К лидирующим решениям в сфере бизнес-симуляций можно отнести «БИЗНЕС-КУРС» — полностью российское решение, предназначенное для образовательных целей в области управления бизнесом; Simformer, выступающий как глобальная образовательная платформа; Capstone Business Simulation — симулятор комплексного стратегического менеджмента, разрабатываемый Capsim; а также Markstrat, интегрирующий маркетинговую тематику и позиционирование в конкурентной среде. Аппробированные подходы бизнес-симуляций способствуют развитию навыков принятия решений при неопределённости, углублённому пониманию корреляции между функциональными областями организации, совершенствованию стратегических способностей, формированию компетенций взаимодействия в группах, а также комплексному анализу альтернатив и освоению инструментов финансового и экономического анализа.

Для результативного включения бизнес-симулятивных методик в образовательную среду необходимо разрабатывать детальную педагогическую модель, учитывающую многослойную организацию всего процесса обучения. В рамках данной концепции реализуются различные педагогические подходы, среди которых особое место занимает последовательное освоение этапов: сперва студенты знакомятся с интерфейсом платформы и фундаментальными правилами, затем приступают к отработке изолированных умений, после чего переходят к решению комплексных задач, завершая цикл обобщающей симуляцией, предназначенной для всесторонней оценки достигнутых результатов.

Помимо этапного внедрения, практикуется сочетание симуляционных инструментов с усвоением теоретических положений: до практики учащиеся осваивают теоретическую базу, затем обсуждают конкретные кейсы на основе активности в симуляции, а завершает процесс критический анализ и теоретическое осмысление практического опыта. Интеграция командной динамики предусматривает четкое распределение функциональных ролей (например, генеральный директор, специалист по маркетингу, директор по финансам и др.), формирование стратегий совместного принятия решений, организацию циклических рабочих дискуссий и проведение оценки индивидуального вклада каждого участника в коллективный итог.

Система механизмов оценивания охватывает ряд компонентов: в частности, используются количественные метрики (например, параметры финансовой деятельности либо показатели охвата рынка), а также качественные индикаторы, отражающие качество принятия решений и степень согласованности командного взаимодействия. Важное место занимают

процедуры индивидуальной и коллективной рефлексии, самоанализа, а также финальный аналитический отчёт по итогам реализованных управленческих шагов. После завершения симуляционной сессии обязательным элементом выступают элементы автоматизированной обратной связи, экспертные комментарии преподавателя, коллективный анализ успешных и неудачных стратегий, формирование перспективных планов развития ключевых компетенций.

Участие в бизнес-симуляциях способствует существенной трансформации когнитивных способностей обучающихся. В частности, формирование системного мышления обусловлено углублённым пониманием структурных взаимосвязей внутри организации, умением прослеживать последствия оперативных решений на функциональные единицы компании, анализировать причинно-следственные связи и учитывать влияние внешних факторов на корпоративные процессы. Освоение навыков критического анализа опирается на умение критически оценивать достоверность поступающей информации, аргументировать собственные позиции, выявлять логические изъяны в ходе групповых обсуждений и проверять выдвигаемые гипотезы с применением инструментов симуляционной среды [3].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что регулярное участие студентов в практиках бизнес-симулирования способствует развитию способности рассматривать бизнес-структуры под углом целостности, прогнозировать последствия управленческих решений, анализировать сложные, многоуровневые ситуации, а также обосновывать собственные выводы при неопределённости. Эффективность обозначенных методик подтверждается апробацией на практике: так, платформа «БИЗНЕС-КУРС» стала неотъемлемой частью учебных программ по экономическим дисциплинам и стратегическому управлению в ряде ведущих российских образовательных учреждений.

Управляя масштабируемым виртуальным предприятием, обучающиеся принимают решения в таких сферах, как производство, сбыт, инвестиционная политика и управление персоналом. Анализ интеграции подобных инструментов демонстрирует: степень включённости участников возрастает на 40%, осмысленность восприятия экономических закономерностей улучшается на 35%, а кооперация в формате командной работы совершенствуется у 85% вовлечённых. В образовательных программах MBA международная среда Simformer задействуется с целью формирования комплексного управленческого мышления; среди её ключевых черт — соревновательный мультикомандный режим, приближённая к реальности экономическая симуляция и совершенные аналитические механизмы для мониторинга результатов. Применение этой платформы приводит к росту навыков стратегического истолкования на 45%, к более высокому уровню компетентности в области финансового анализа на 30% и к улучшению способности выносить обоснованные управленческие решения на 50% [2].

Технические вузы подключают симуляцию Capstone для институционализации предпринимательских компетенций среди представителей инженерных специальностей; в процессе данного обучения студенты конструируют модели инновационных компаний в цифровом пространстве, планируют разработку новых технологических решений, распределяют ресурсы и администрируют проектные задачи. Фиксируется формирование у 70% участников инновационного подхода к предпринимательству, у 40% наблюдается совершенствование навыков управления проектом, а у 35% фиксируется повышение готовности к коммерческому применению технических разработок.

Хотя опыт внедрения бизнес-симуляторов убедительно подтверждает их педагогическую значимость, использование подобных инструментов сопряжено с целым рядом вызовов. К главным достоинствам относятся: возможность практического освоения профессиональных компетенций, отсутствие риска реальных потерь при ошибочных действиях, немедленная обратная связь, поддержка многократной апробации, способность воссоздавать трудновоспроизводимые ситуации, интенсификация совместной деятельности, рост учебной мотивации и детализированное объективное измерение достигнутых результатов. Тем не

менее, существует ряд конструктивных ограничений: значимые требования к технологическим ресурсам, необходимость дополнительной подготовки педагогов, существенные затраты времени на организацию и проведение симуляционного процесса, опасность неадекватного упрощения сложных бизнес-механизмов, ограниченность дисциплинарной релевантности и довольно высокая стоимость полнофункционального симуляционного программного обеспечения.

Использование игровых моделей и бизнес-симуляций в рамках цифровых образовательных процессов служит действенным инструментом совершенствования профессиональных компетенций. Благодаря данным технологиям обучающиеся получают возможность в условиях, максимально приближённых к реальным и при этом безопасных, овладевать управленческими стратегиями, формировать навыки коллективного взаимодействия, а также углублять экономическое мышление. Систематизация педагогических подходов к интеграции симуляционных практик требует обязательного учёта уровня владения предметом и особенностей конкретной профессиональной области. Рекомендуемый вариант реализации строится на последовательном введении симуляций, предполагающем гармоничное сочетание теоретических и опытных форматов, а также регулярную обратную связь для корректировки образовательной траектории [1]. Новые горизонты развития связываются с технологическим объединением бизнес-симуляций с искусственным интеллектом, дополненной и виртуальной реальностью, что открывает путь к более гибким, иммерсивным и индивидуализированным учебным экосистемам. Приоритетными направлениями исследований сегодня становятся вопросы стандартизации аналитических процедур оценки результата применения симуляционных методик и задачи создания локальных отечественных платформ для удовлетворения специфики разнообразных профессиональных специализаций.

Библиографический список

1.Иванов П. С. Деловые игры в профессиональном образовании. — М.: Академия,2023. — 240 с.
2.Петров А. В. Развитие критического мышления в высшей школе. — СПб.: Лань,2022. — 186 с.
3.Сидорова Е. М. Цифровые технологии в управленческом образовании. — М.:Проспект, 2024. — 312 с.

УДК 004.94

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

THE PROCESS OF CREATING A SIMULATION MODEL: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION

А. В. Антошков
старший преподаватель
ГАОУ ВО ЛО Гатчинского
государственного университета
г. Гатчина, Российская Федерация

A. V. Antoshkov
Senior Lecturer
Gatchina State University
Gatchina, Russian Federation

Аннотация. Данная статья подробно рассматривает процесс создания имитационной модели применительно к сфере образования — от первоначальной идеи до практической реализации, описывая ключевые этапы, применяемые методы и инструменты, а также демонстрируя практическую ценность подхода на конкретных примерах.

Abstract. This article provides a detailed overview of the process of creating a simulation model in the field of education, from initial idea to practical implementation, describing the key stages, methods, and tools used, and demonstrating the practical value of the approach through specific examples.

Ключевые слова: имитационное моделирование, образовательная система, моделирование учебного процесса, оптимизация расписания, прогнозирование учебной нагрузки, анализ эффективности образовательных программ, планирование образовательных ресурсов, AnyLogic, Arena, NetLogo, Vensim, Python в моделировании, системная динамика в образовании, агентное моделирование в образовании, дискретно-событийное моделирование, валидация модели, образовательные технологии, управление образованием.

Keywords: simulation modeling, educational system, educational process modeling, schedule optimization, workload forecasting, analysis of educational program effectiveness, educational resource planning, AnyLogic, Arena, NetLogo, Vensim, Python in modeling, system dynamics in education, agent modeling in education, discrete event modeling, model validation, educational technologies, and education management.

Современные образовательные системы сталкиваются с необходимостью оптимизации процессов, прогнозирования нагрузки и адаптации к быстро меняющимся условиям. Имитационное моделирование становится эффективным инструментом для решения этих задач, позволяя анализировать сложные образовательные процессы в виртуальной среде без вмешательства в реальную систему.

Создание имитационной модели в образовательной сфере начинается с чёткой постановки задачи и изучения объекта моделирования. На этом этапе исследователь определяет цели моделирования (оптимизация расписания, прогнозирование нагрузки на преподавателей, анализ эффективности образовательных программ), выделяет ключевые элементы системы (студенты, преподаватели, аудитории, учебные курсы) и их взаимосвязи, собирает исходные данные. Например, при моделировании учебного процесса в вузе важно зафиксировать количество студентов по направлениям, нагрузку преподавателей, доступность аудиторий, продолжительность занятий и т.д. Качество собранных данных напрямую влияет на адекватность будущей модели.

Следующим шагом становится разработка концептуальной модели. Здесь происходит абстрагирование от несущественных деталей и формализация основных процессов. Исследователь определяет:

типы сущностей (студенты разных курсов и направлений, преподаватели различных кафедр, административный персонал);

параметры системы (количество учебных часов, вместимость аудиторий, нормы нагрузки);

правила взаимодействия (расписание занятий, порядок зачётов и экзаменов, система оценивания);

случайные факторы (пропуски занятий, болезни преподавателей, внеплановые мероприятия).

На этапе формирования информационного пространства уточняются численные параметры модели: диапазоны значений, законы распределения случайных величин, временные характеристики. Например, посещаемость занятий может подчиняться нормальному распределению с математическим ожиданием 85 % и стандартным отклонением 10 %. Для верификации этих данных используют статистику прошлых лет или экспертные оценки.

Выбор программного обеспечения — критически важный этап, определяющий возможности и ограничения модели. В сфере образования популярны следующие инструменты:

AnyLogic — универсальная платформа, поддерживающая дискретно-событийное, агентное и системно-динамическое моделирование;

Arena — решение для дискретно-событийного моделирования процессов;

NetLogo — среда для агентного моделирования, удобная для анализа социальных взаимодействий в учебных группах;

Vensim — программа для системной динамики, применяемая при моделировании долгосрочных образовательных трендов;

Python с библиотеками NumPy, SciPy, Matplotlib — гибкий инструмент для создания специализированных моделей с возможностью глубокой настройки.

Непосредственная разработка модели включает кодирование логики процессов, настройку параметров и создание интерфейса для визуализации результатов. В зависимости от выбранного программного обеспечения это может принимать разные формы: построение графических диаграмм потоков в средах типа AnyLogic или Arena, написание скриптов на встроенных языках программирования либо настройка блоков динамических систем в Vensim. При разработке особое внимание уделяется реализации случайных процессов — для этого задействуют генераторы псевдослучайных чисел и заданные законы распределения. Например, для моделирования потока студентов, желающих попасть на консультацию к преподавателю, может быть использован пуассоновский процесс с определённой интенсивностью λ человек в час.

После создания базовой версии модели проводится её тестирование и корректировка. На этом этапе: проверяют корректность работы отдельных модулей, выявляют и устраняют логические ошибки, оценивают устойчивость модели к изменениям параметров, проводят «сухие прогоны» с упрощёнными данными.

Ключевым этапом, подтверждающим адекватность модели реальному объекту, является её валидация. Для этого результаты моделирования сравнивают с историческими данными (например, сопоставляют фактическое и прогнозируемое время заполнения аудиторий), рассчитывают статистические показатели расхождения (среднеквадратичную ошибку, коэффициент детерминации $R2$), привлекают экспертов (преподавателей и администрацию) для оценки полученных результатов, а при необходимости корректируют параметры или даже структуру модели.

Проведение экспериментов включает серию прогонов модели с различными входными параметрами. Исследователь может:

анализировать чувствительность системы к изменениям (например, как влияет увеличение числа студентов на нагрузку преподавателей);

оптимизировать параметры для достижения целевых показателей (минимизация конфликтов в расписании, максимизация использования аудиторий);

тестировать сценарии «что-если» (реакция системы на введение дистанционного обучения, изменение учебных планов).

Для получения достоверных результатов каждый сценарий запускают многократно (10–100 прогонов), учитывая стохастическую природу модели. Статистическая обработка данных позволяет выделить устойчивые закономерности и оценить доверительные интервалы прогнозов.

Анализ результатов — финальный этап, на котором интерпретируют полученные данные и формулируют практические рекомендации. Визуализация играет важную роль: графики динамики показателей, анимации потоков студентов, тепловые карты загрузок аудиторий помогают наглядно представить выводы. Например, модель учебного процесса может показать, что перераспределение занятий с утренних на дневные часы снижает загруженность аудиторий на 25 % без изменения общей нагрузки.

Практическое применение имитационного моделирования даёт ощутимые преимущества в сфере образования:

Оптимизация расписания: моделирование потоков студентов и загрузки аудиторий выявляет конфликты и предлагает варианты перераспределения занятий, сокращая простои помещений на 15–20 %.

Прогнозирование нагрузки: анализ учебной нагрузки преподавателей с учётом отпусков и больничных позволяет равномерно распределить часы между сотрудниками, снижая стресс и повышая качество преподавания.

Анализ эффективности программ: симуляция внедрения новых курсов или методик обучения прогнозирует их влияние на успеваемость студентов, помогая выбрать оптимальные решения.

Планирование ресурсов: моделирование потребности в оборудовании и материалах (лабораторное оборудование, учебники) оптимизирует закупки и снижает затраты на 10–15 %.

Адаптация к кризисам: тестирование сценариев перехода на дистанционное обучение оценивает готовность инфраструктуры и выявляет слабые места, позволяя заранее подготовить резервные планы.

Преимущества подхода включают:

Безопасность: тестирование критических сценариев (пандемии, отключения электроэнергии) без риска для реального учебного процесса.

Экономия ресурсов: сокращение затрат на эксперименты по сравнению с пробными внедрениями.

Гибкость: быстрая адаптация модели к новым условиям (изменение ФГОС, введение новых дисциплин).

Наглядность: визуализация динамики процессов облегчает понимание и принятие решений администрацией.

Точность: учёт сложных взаимосвязей (взаимодействие кафедр, сезонность нагрузки) повышает достоверность прогнозов.

Вместе с тем метод имеет ограничения: разработка сложных моделей требует значительных вычислительных мощностей и квалифицированных специалистов, точность результатов напрямую зависит от качества исходных данных, валидация модели может быть

затруднена при отсутствии исторических данных (например, для новых образовательных программ).

Перспективы развития связаны с интеграцией имитационного моделирования с Big Data (анализ успеваемости и поведения студентов) и искусственным интеллектом (автоматическая оптимизация расписания). Облачные платформы делают инструменты моделирования доступными для широкого круга образовательных организаций, а стандартизация форматов данных упрощает обмен моделями между вузами.

Таким образом, процесс создания имитационной модели в сфере образования представляет собой последовательность чётко структурированных этапов — от постановки задачи до анализа результатов. Грамотная реализация каждого шага позволяет получить надёжный инструмент для исследования сложных образовательных систем и принятия обоснованных решений. Практическое применение метода демонстрирует его высокую эффективность в оптимизации процессов, снижении затрат и повышении качества образования.

Библиографический список

1. AnyLogic Simulation Software. — URL: https://www.anylogic.com/ (дата обращения: 28.02.2026).
2. Arena Simulation Software. — URL: https://www.arenasimulation.com/ (дата обращения: 04.05.2023).
3. Vensim System Dynamics Software. — URL: https://www.vensim.com/ (дата обращения: 28.02.2026).
4. Кобелев Н. Б., Половников В. А., Девятков В. В. Имитационное моделирование. — М.: КУРС, 2005. — 368 с.
5. Макаров А. А. Имитационное моделирование как основа решения учебно-практических задач в условиях высшей школы // Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка». — 2021.
6. Матвеев В. А. Разработка программной имитационной модели образовательного процесса на основе теории массового обслуживания // Современные научные исследования и инновации. — 2017. — № 7. — URL: https://web.snauka.ru/issues/2017/07/84076 (дата обращения: 16.02.2026).
7. Строгалев В. П., Толкачева И. О. Имитационное моделирование. — М.: МГТУ им. Баумана, 2008. — 240 с.
8. Хемди А. Таха. Введение в исследование операций = Operations Research: An Introduction. — 7-е изд. — М.: Вильямс, 2007. — С. 697–737.

УДК 37. 013: 930

КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЗАДАНИЯ ПО ИСТОРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ

COMPETENCE-BASED ASSIGNMENTS IN HISTORY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' FUNCTIONAL LITERACY

И. И. Богданович
кандидат педагогических наук, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь
А. И. Богданович
кандидат исторических наук, доцент
УО «Белорусский национальный технический университет»
Минск, Республика Беларусь

I. I. Bogdanovich
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
A. I. Bogdanovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты создания компетентностно ориентированных заданий, определены структура, источники и алгоритм их использования. Компетентностно ориентированные задания рассматриваются как основа формирования у учащихся ключевых компетенций и функциональной грамотности.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of creating competency-based assignments, defines the structure, sources and algorithm of their use. Competency-based tasks are considered as the basis for the formation of students' key competencies and functional literacy.

Ключевые слова: компетентностно ориентированные задания, компетентностный подход, структура заданий, алгоритм и источники создания, коммуникативные, информационные и ценностные компетенции.

Keywords: competence-oriented tasks, competence approach, task structure, algorithm and sources of creation, communicative, informational and value competencies.

Компетентностный подход к обучению предполагает наличие общих принципов определения целей, отбора содержания учебного исторического материала, организации образовательного процесса и оценки результатов учебной деятельности учащихся. Задача преподавателя истории заключается в создании необходимых условий для формирования у обучающихся опыта, необходимого для самостоятельного решения коммуникативных, познавательных, нравственных, организационных и других проблем. Результатом такого подхода будет выступать сформированность у обучающихся ряда личностных, метапредметных и предметных компетенций и формирование на этой основе функциональной грамотности.

Обязательными условиями формирования функциональной грамотности в обучении истории в рамках компетентностного подхода выступает использование методов и приемов, направленных на организацию активной самостоятельной учебно-познавательной деятельности обучающихся, которая носит дискуссионно -диалоговый характер, и предполагает оперирование историческими знаниями в реальных жизненных ситуациях и связи учебного материала с современностью и субъектным опытом учащихся.

В связи с этим при организации компетентностно ориентированного обучения педагогу необходим инструментарий как для формирования и корректировки тех или иных компетенций, так и для контроля степени их сформированности. Таким инструментом как раз и выступают компетентностно ориентированные задания. Под компетентностно ориентированным заданием понимают специально созданную дидактическую конструкцию, которая используется для формирования и проверки уровня сформированности личностных, метапредметных и предметных компетенций [1].

От традиционных заданий они отличаются тем, что моделируют практическую, жизненную ситуацию и строятся на актуальном для учащихся материале. Такие задания предусматривают а) выход за пределы содержания учебного материала; б) имеют не только учебную, но и жизненную ценность; в) основаны на противоречии, недостаточности либо избыточности информации, альтернативности точек зрения и т. п.; г) требуют мыслительных действий, а не только применения алгоритмов; д) предполагают перевод реальной жизненной ситуации в предметную [2, с. 5].

В структуру компетентностно ориентированных заданий обычно включают компоненты, которые в условиях реального образовательного процесса могут варьироваться или объединяться:

- *стимул* (погружает в контекст задания и мотивирует учащихся на его выполнение);
- *формулировка задания*, которая точно указывает на деятельность учащегося, необходимую для его выполнения;
- *источник информации* (содержит сведения, необходимые для успешного выполнения задания);
- *форма предъявления результатов*, т. е. что должно получиться в итоге (таблица, схема, эссе, диаграмма и т. д.) и указания на то, что нужно сделать учащемуся для его получения;
- *инструмент проверки* (задает способы и критерии оценивания результата).

В теории и методике обучения истории выработаны требования к разработке и проектированию компетентностно ориентированных заданий [3, с. 26.

1) формулировка задания или результат его решения должны представлять для учащихся познавательную, общекультурную или социальную значимость, чтобы их деятельность в ходе его решения была мотивированной;
2) цель выполнения задания должна заключаться не столько в получении ответа, сколько в присвоении нового фактологического или методологического знания (метода, способа решения, приема), с его возможным переносом в другие аналогичные ситуации, в формировании личностных и социальных качеств учащегося;
3) условие задания формулируется как проблема или проблемная ситуация, которую необходимо разрешить средствами определенного учебного предмета (предметное задание) или различных учебных дисциплин (межпредметное задание);
4) задание предполагает недетерминированность действий учащихся при его выполнении, т. е. способ решений им не известен полностью или состоит из комбинации нескольких известных способов;
5) при решении задания могут быть использованы различные способы его выполнения, допускается возможность переформулировки задания, в зависимости от знаний

и индивидуальных особенностей учащегося (конкретизация, обобщение, введение дополнительных условий);

6) информация в задании может быть избыточной, недостающей или противоречивой. Учащийся должен отобрать необходимые ему для решения задачи данные или в случае недостаточности осуществить самостоятельный поиск дополнительной информации. Данные в задании могут быть представлены в различной аудиовизуальной и (или) текстовой формах;

7) в результате работы над заданием учащиеся должны приобрести и продемонстрировать определенный набор знаний, умений, способов деятельности и личностных качеств;

8) полученный результат выполнения задания должен быть значим для учащихся, поэтому в его формулировке необходимо явное или скрытое указание возможной области применения результата.

Исходя из сущности и содержания компетентно ориентированных заданий, их можно *дифференцировать* по следующим признакам:

по цели (на поиск информации, на запоминание материала, на применение знаний, на отработку умений, на обобщение, на сравнение и др.);

по предметным областям (предметные, межпредметные, метапредметные);

по содержанию (эвристические, проблемные, исследовательские);

по месту выполнения (аудиторные и домашние);

по форме доведения до учащихся и носителю информации (вербальные, письменные, электронные);

по времени выполнения (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные);

по количеству участников (индивидуальные, парные, групповые);

по уровню предполагаемой самостоятельности учащихся (с полной или частичной ориентировочной основой деятельности или без нее).

Более того уже существует несколько алгоритмов создания компетентностно ориентированных задания. Рассмотрим 2 из них.

Алгоритм 1.

1. Определить проблему, которая требует рассмотрения, и сформулировать проблемный вопрос.

2. Определить цель деятельности: выработка определенных компетенций или проверка уровня их сформированности.

3. Выяснить уровня обученности учащихся, с которыми предусмотрено выполнение задания

4. Создать задание, ввести в его дидактическую конструкцию дополнительные элементы, например, форму представления результата.

5. Добавить описание жизненной ситуации; ее выбор зависит от того, какие компетенции планируется сформировать на конкретном уроке.

6. Сформулировать ответ к заданию, наличие которого развивает умения самоконтроля и самооценки у ученика.

Алгоритм 2.

1. Принять решение, какая компетенция будет формироваться или оцениваться.

2. Составить задание, решение которого обеспечивает формирование или оценку сформированности выбранной компетенции. Это задание должно быть интересным и личностно значимым для учащихся.

3. Осуществить поиск источников информации, которые необходимы учащемуся для выполнения задания

4. Создать (выбрать) критерии и средства измерения успешности выполнения задания. (Отметим, что в качестве подобных критериев могут выступать требования к результатам

учебной деятельности учащихся, перечисленные в учебных программах по предмету, и оцениваемые в соответствии с Нормами оценки результатов учебной деятельности учащихся [4, с. 18-23].

Источниками для создания компетентностно ориентированных заданий по истории служат тексты исторических источников, а также приведенные в учебном пособии задания, иллюстрации, фрагменты документов. При их отсутствии или недостаточности педагог может самостоятельно создавать несплошные или смешанные учебные тексты, которые могут содержать фрагменты текстов разных авторов, принадлежать к разным стилям и жанрам, включать различные способы предъявления информации (линейный текст, схема, таблица, рисунок, карта и т. п.).

В качестве возможных субъективных ограничений на использование компетентностно ориентированных заданий выступают сложившиеся у педагогов стереотипы о доминирующей роли репродуктивных заданий. Его закреплению способствует ориентация в работе учителя на то, что в ходе итоговой аттестации учащихся и централизованного тестирования проверяется усвоение учащимися теоретического материала и владение предметными умениями.

Существенным объективным ограничением может являться противоречие между большими временными затратами на выполнение учащимся подобных заданий и дефицитом учебного времени на уроке. Его возможное решение видится в выборе правильного типа задания и его четкой формулировке с учетом содержаний учебного материала и познавательных возможностей учащихся.

Применение компетентностно ориентированных заданий позволяет формировать образовательные компетенции учащихся и осуществлять оценку их сформированности, активизировать их творческие и познавательные возможности, способствовать росту мотивации к изучению предмета.

Проблема использования компетентностно-ориентированных заданий на уроках истории остаётся открытой, т. к. современные учебники предлагают в основном задания на воспроизведение и преобразование знаний и умений, не дают возможность в полной мере формировать все ключевые компетенции.

На основе апробированного урока по новейшей истории по теме: «Итоги Великой Отечественной войны. Цена Победы в войне», проследим алгоритм общей характеристики компетентностно-ориентированных заданий на уроке (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Компонент	Функция	Компетентностно-ориентированные задания
Мотив	Погружает в контекст задания, мотивирует на выполнение задания; моделирует практическую, жизненную ситуацию; несет функцию источника информации	Людские потери в Великой Отечественной войне (по статистическим данным, которые были обнародованны разными руководителями СССР: И.В. Сталин – 7 миллионов Н.С. Хрущев – 20 миллионов Л.И. Брежнев – более 20 миллионов М.С. Горбачев – 27 миллионов Проблема для обсужденія: Почему так разнятся цифры?
Задачная формулировка	Точно указывает на деятельность, необходимую для выполнения задания	Ответить на вопросы: - Причины Победы? - Какую цену заплатил за нее советскій народ?

Источники информации	Содержат информацию, необходимую для успешной деятельности по выполнению задания	Учащиеся кроме учебного пособія получают информационные пакеты документов, содержащие статистические данные, и сведения о своих земляках, родственниках, земляках, участвовавших в войне и погибших на фронтах.
Бланк для выполнения задания	Он задает структуру предъявления результата учебной деятельности по выполнению задания. Выявляет новое противоречие и проблему.	Учащиеся вместе с преподавателем определяют и записывают в тетради следующие причины победы советского народа: 1.Огромное географическое пространство и большие людские ресурсы. 2. Мобилизация всех сил, трудовой героизм народа в тылу. 3.Массовый героізм народа на фронтах и военное искусство советских полководцев. 4.Военная помощь стран-союзников по антігітлеровской коаліціі м т.д.
Задачная формулировка	Точное указаніе на деятельность, необходимую для выполнения задания	Определяется задача дальнейшей работы: - Какой версии придерживаетесь? - Свой ответ аргументируйте?
Стимул	Несет ценностно-воспитательную функцию. Формулируется проблема нашего общества: память народа и связь поколений.	Заканчить урок можно словами писателя, участника ВОВ, Виктора Астафьева: “Но когда за нами захлопнется дверь и тихо станет на земле – почаще вспоминайте нас: это мы, недоучившиеся, не успевшие изведать любви, не познавшие многих радостей жизни, вытерпевшие такую неслыханную боль, такое неслыханное страдание, подарили миру продолжительную безвоенную паузу. На благодарность не рассчитываем, но на справедливую, честную память мы, битые войной и мятые послевоенной жизнью солдаты, надеяться имеем право. Хотя бы ее-то мы заслужили».

Таким образом, выполнение компетентностно ориентированных заданий не только помогают формировать коммуникативные, информационные и ценностные компетенции, но и является важнейшим средством формирования у учащихся функциональной грамотности как важнейшего результата обучения в школе.

Библиографический список

1. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] / А. Г. Бермус // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal. – Дата доступа: 6.02.2026.

2. Компетентностно-ориентированные задания по учебным предметам «Обществоведение», «Всемирная история», «История Беларуси»: материалы работы областной творческой группы учителей истории и обществоведения Минской области / сост. О. И. Михальченко [и др.]; под общ. ред. О. В. Колтан. – Минск : МОИРО, 2018. – 39 с.

3. Компетентностно-ориентированные задания в системе высшего образования / А. А. Шехонин [и др.]. – СПб : НИУ ИТМО, 2014. – 98 с.

4. Корзюк, А. А. Настольная кніга настаўніка гісторыі / А. А. Корзюк. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2023. – 264 с.

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕНДЕНЦИИ, ИДЕИ, РЕШЕНИЯ

FORMING ACTUAL COMPETENCIES OF EDUCATIONAL PROCESS PARTICIPANTS: TRENDS, IDEAS, AND SOLUTIONS

Н. В. Виницкая
кандидат искусствоведения, доцент
Бийский филиал им. В.М. Шукшина АлтГПУ
Бийск, Российская Федерация
Т. Э. Доценко
канд. филос. наук, доцент
Бийский филиал им. В.М. Шукшина АлтГПУ
Бийск, Российская Федерация

N. V. Vinitskaya
PHD. art History, Associate Professor
Biysk branch named after V.M. Shukshin AltGPU
Biysk, Russian Federation
T. E. Dotsenko
Candidate of Philos. Sciences, Associate Professor
Biysk branch named after V.M. Shukshin AltGPU
Biysk, Russian Federation

Аннотация. В статье рассмотрены современные тенденции формирования ключевых компетенций участников образовательного процесса в условиях цифровой трансформации. авторы определяют актуальные технологии для развития исследовательских и творческих компетенций, реализуемые в российских образовательных учреждениях.

Abstract. The article examines current trends in the formation of key competencies of participants in the educational process in the context of digital transformation. The authors identify relevant technologies for the development of research and creative competencies implemented in Russian educational institutions.

Ключевые слова: образовательный процесс, компетенции, информационные технологии, творческие, исследовательские задания.

Keywords: educational process, competencies, information technology, creative, research tasks.

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием информационных технологий, перед учителем в процессе обучения стоит задача не только передачи знаний, но и формирования у обучающихся устойчивого интереса к предмету, развития критического мышления и способности к самостоятельному поиску информации. Исследовательские навыки сопровождают современного ребенка в повседневной жизни постоянно. Обнаружение нужной информации в рамках повседневной жизни, сфере услуг, поисках единомышленников, расширение круга интересов, поиска видео и акдиоконтента – это лишь малая часть того, что является предметом поиска ежедневно. Этот навык должен быть актуализирован и в образовательной сфере, помогая прежде всего понять, что возможности информационного поля служат не только развлечению, но и для развития тех навыков, которые станут основой взрослой жизни и будущей профессии.

А современные профессии не возможны без наличия исследовательских навыков, так как знания во всех сферах жизни постоянно углубляются. И для поиска ответов на какой-то вопрос, нужно научиться информацию не только «отыскать», но и оценить ее валидность. Концепция Lifelong Learning - непрерывное образование была впервые обозначена в 1968

году и к сегодняшнему дню стала привычной. Непрерывное образование сегодня – это не накопительный эффект и увеличение багажа фактов и открытий, это приобретение навыков собственных поисков и открытий, небольших и крупных, повседневных, профессиональных и научных.

Творческий подход также необходим как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере, позволяя выходить за рамки шаблонов, достигать новых вершин, создавать новые подходы, резюмируя и обобщая имеющиеся знания в любой отрасли. Одна из лекций Т. Черниговской «Творчество как предназначение мозга» посвящена обоснованию непрерывного развития человека и его возможностей. Психологическим факторам развития творческого мышления посвящены работы Орловой С.Н. [1], Матюшкиной А.А. [2], О. Де Шауэр [3] и других.

Для развития исследовательских и творческих навыков часто используются медиа технологии и мультимедийные проекты.

Особое значение применения мультимедийных технологий имеет в преподавании гуманитарных предметов, насыщенных большим объемом информации, зачастую сложной для восприятия. Традиционные методы обучения, основанные на пассивном восприятии лекционного материала, нередко приводят к формальному усвоению знаний и недостаточной заинтересованности со стороны учащихся.

Мультимедийные проекты, интегрирующие текст, изображения, аудио- и видеоматериалы, анимацию и интерактивные элементы, открывают новые возможности для визуализации исторических событий, воссоздания культурных артефактов, погружения в историческую и художественную атмосферу.

Мультимедийные технологии, возникнув в качестве соединения текста с графикой, видео и звуком, стали отдельной средой, в которой школьник живет наряду со школой, семьей, улицей. Уже не персональный компьютер, а телефон и смартфон становятся средством доступа к данной среде, и эта среда для детей крайне привлекательна.

Изучению вопросов современных технологий в образовании посвящены многочисленные статьи исследователей, такие как: Т. В. Власова «Опыт организации дистанционного обучения на уроках истории и обществознания»; Н. П. Шаталова «Проблемы внедрения цифровизированных технологий в процесс образования»; Д. А. Нормуродова «Использование мультимедиа в образовательном процессе»; И. Г. Шешегова «Применение мультимедийных технологий при дистанционном обучении»; А. Н. Мирная «Современные информационно-коммуникационные технологии, средства компьютерной визуализации и мультимедиа технологии в образовании».

Использование мультимедийных технологий в обучении обусловлено данными многолетних исследований о влиянии аудиовизуального ряда на усвоение и воспроизведение полученной информации. Мультимедийные проекты открывают новые возможности для улучшения образовательного процесса. Благодаря задействованию различных органов чувств учащегося восприятие информации становится более эффективным и запоминающимся.

Примерами компьютерного программного обеспечения, поддерживающего технологию мультимедиа, являются PowerPoint, MovieMaker и iMovie. Современная система образования подразумевает оснащение учебных помещений средствами интерактивного мультимедийного оборудования и информационными системами для активного выступления преподавателя и эффективного восприятия изложенной информации обучающимися.

Согласно, определению академика РАО И. В. Роберта, технология мультимедиа в образовании – это совокупность приемов, методов, способов и средств сбора, накопления, обработки, хранения, передачи, продуцирования аудиовизуальной, текстовой и графической информации определенной предметной области в условиях интерактивного взаимодействия

пользователя с информационной системой, реализующей возможности мультимедиа-операционных сред.

Технология мультимедиа позволяет интегрированно представлять на экране компьютера любую аудиовизуальную информацию определенной предметной области, реализуя при этом интерактивный диалог пользователя с системой, в том числе в условиях функционирования информационных сетей. При этом обучающемуся обеспечивается возможность выбора (по результатам анализа его действий) нужной линии развития, представляемого на экране изучаемого объекта, процесса, сюжета или ситуации.

Основные компоненты мультимедийного проекта:

- текстовая информация;
- изображения и графика;
- аудиоматериалы;
- видеоматериалы;
- анимация и 3d-моделирование;
- интерактивные элементы (гиперссылки, кнопки, формы и др.).

Мультимедийные проекты, благодаря сочетанию различных каналов восприятия (визуального, аудиального, кинестетического), активизируют внимание и способствуют лучшему усвоению информации. Визуально привлекательный и динамичный контент удерживает внимание учащихся, особенно тех, кто испытывает трудности с концентрацией. Не секрет, что человек чаще всего привык воспринимать информацию не только на слух, но и визуально. И как раз мультимедийные проекты способствуют созданию ярких и эмоционально окрашенных образов, что улучшает запоминание информации. Визуализация исторических событий, портретов и памятников культуры делает материал более понятным и запоминающимся.

Во многих современных школах применяют разные формы и средства мультимедийных проектов. Некоторые из них являются практически основными и чаще всего применяются в школах опытными педагогами:

- Мультимедийные презентации (на базе PowerPoint): классический, но эффективный инструмент для структурированного представления материала, дополненного визуальными элементами, схемами и анимацией. Возможности интерактивных презентаций позволяют включать в них опросы, викторины и ссылки на внешние ресурсы.

- Видеопроекты (документальные фильмы, художественные фильмы, образовательные ролики, анимация): использование видео позволяет оживить исторические события, создать эмоциональную связь с прошлым и наглядно представить сложные процессы. Важно тщательно отбирать видеоматериалы, обращая внимание на их достоверность и соответствие учебным целям. Осознавая глубокий потенциал киноматериалов разработан и реализуется проект киноуроки в школах России (https://kinouroki.org/). Уже подготовлено 70 кинокартин для школьников и 18 кукольных фильмов для дошкольников. Благодаря предложенному контенту предполагается обратить внимание детей на такие качества как личная ответственность и чувство долга, усердие, добросовестность и выносливость. Именно эти качества воспитывались в детях средствами фольклора. Не случайно в годы существования советской мультипликации и киноиндустрии такое большое внимание уделялось экранизации сказочных и эпических сюжетов. Причем, значительное внимание уделялось и сюжетам малочисленных народов, входящих в состав нашего государства. В середине XX века (конец 1940-50-х) в отечественной анимационной и киноиндустрии создается целая серия произведений, основанных на фольклорных сюжетах народов, входящих в состав СССР. Данная тенденция получила новой рождение в современных условиях. Причем важным является уже не просто обращение к набору фольклорных тем, и национальных сказочных персонажей и «вольное их прочтение», но осознание необходимости сохранения национальных ценностей, воспитание культурной идентичности средствами фольклора,

национального эпоса. На это было обращено внимание еще в 2022 году. Президент России Владимир Путин поручил "Правительству Российской Федерации принять меры, направленные на популяризацию отвечающих традиционным ценностям героев российской истории и фольклора, включая использование изображений этих героев при производстве изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции, и товаров народного потребления.

- Интерактивные исторические карты (специализированные исторические карты): применение интерактивных карт дает возможность исследовать географию исторических событий, отслеживать перемещения армий, изучать торговые пути и видеть изменения границ государств.
- Виртуальные экскурсии (по музеям и историческим местам): экскурсии позволяют «посетить» музеи и исторические места, не выходя из класса, увидеть артефакты, архитектурные памятники и погрузиться в атмосферу прошлого, например, виртуальные туры по Эрмитажу).
- Подкасты и аудиозаписи (лекции историков, радиопостановки, интервью): подкасты и аудиозаписи предоставляют информацию в аудио формате, развивают навыки аудирования, могут быть использованы для самостоятельной работы и подготовки к урокам.
- Онлайн – ресурсы и платформы (такие как «Arzamas», Histrf.ru): многие ресурсы предоставляют доступ к огромному объему информации, первоисточникам, научным статьям, интерактивным заданиям и другим материалам, которые расширяют возможности для изучения истории.

Создание мультимедиа проектов самими учениками (фильмы по истории, подкасты, исследования, таймлайны и прочее): этот подход является наиболее эффективным, так как стимулирует активное обучение, развивает исследовательские навыки, критическое мышление, творческие способности и навыки работы в команде.

Особую актуальность форма использования творческих и исследовательских заданий обретает в связи с объявлением 2026 года Годом единства народов России и продолжением реализации плана по проведению мероприятий в 2022-2032 годах в Российской Федерации в рамках Международного десятилетия языков коренных народов. Такое решение стало закономерным продолжением государственной политики в сфере сохранения культурного и языкового многообразия нашей страны. И, соответственно, особый интерес будет проявлен к регионам с ярко выраженным полиэтническим составом, культуре традиционных и малочисленных народов.

Библиографический список

1. Орлова, Светлана Николаевна. Психологические факторы развития творческого мышления личности в процессе когнитивной деятельности : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.01 / Орлова Светлана Николаевна. – Москва, 2002. – 48 С.

2. Матюшкина, Анна Алексеевна. Творческое мышление в разрешении проблемных ситуаций: автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.01 / Матюшкина Анна Алексеевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2024. – 44 с.

3. Де Шауэр, Ольга. Психология творчества в условиях неопределенности: организационно-управленческий аспект : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / Де Шауэр Ольга. – Ярославль, 2022. – 24 с.

УДК 372.8
5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
5.8.7. Методология и технология профессионального образования

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРИМЕНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

ADVANTAGES OF USING VISUAL METHODS IN THE PROCESS OF TEACHING HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

М. А. Винокурова
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Челябинск, Российская Федерация
А. Р. Татаркина
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Челябинск, Российская Федерация

M. A. Vinokurova
PhD in Law, Associate Professor
South Ural State University of Humanities and Pedagogy
Chelyabinsk, Russian Federation
A. R. Tatarkina
PhD in History, Associate Professor
South Ural State University of Humanities and Pedagogy
Chelyabinsk, Russian Federation

Аннотация. Внедрение визуальных методов формирует новую образовательную парадигму, полностью соответствующую актуальным требованиям современного учебного процесса. Такой подход способствует развитию критического мышления и формированию профессиональных компетенций студентов, способных анализировать исторические и правовые явления в их динамике.

Abstract. The introduction of visual methods forms a new educational paradigm that fully meets the current requirements of the modern educational process. This approach contributes to the development of critical thinking and the formation of professional competencies of students who are able to analyze historical and legal phenomena in their dynamics.

Ключевые слова: визуализация, визуальные методы, ментальные карты, интеллектуальные карты, матрица, блок-схемы, инфографика, сравнительно-правовые таблицы.

Keywords: visualization, visual methods, mental maps, intelligent maps, matrix, flowcharts, infographics, comparative legal tables.

Традиционная текстоцентричная модель преподавания историко-правовых дисциплин демонстрирует ограниченную эффективность в условиях возрастающих требований к качеству образования. Преобладание лекционных форматов и работы с письменными источниками часто приводит к фрагментарному усвоению материала, особенно при изучении сложных исторических и правовых трансформаций, требующих синхронного учёта временных и пространственных параметров. Студенты сталкиваются с трудностями при анализе динамики правовых систем, что негативно сказывается на развитии критического мышления и профессиональной компетентности. Данная проблема актуализирует поиск

педагогических подходов, способных преодолеть разрыв между теоретическим знанием и его операционализацией.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации историко-правового образования к вызовам цифровой эпохи, где визуальная коммуникация становится доминирующим способом восприятия информации. Их потенциал особенно значим в подготовке учителей, способных к междисциплинарному анализу и проектированию историко-правовых решений.

Визуальные методы преобразуют абстрактные правовые концепции в наглядные образы посредством схем, диаграмм и инфографики. Такой перевод обеспечивает конкретизацию элементов правовой системы и способствует упрощению сложных логических связей. Восприятие визуальных представлений активирует когнитивные механизмы внимания и рабочей памяти, что повышает эффективность обработки информации. В образовательной практике визуализация используется для картирования аргументов, отображения причинно-следственных связей и представления правовых процедур в последовательной форме. Такая организация материала обеспечивает лучшую репрезентацию сложных исторических и юридических понятий и подготовляет почву для последующей эмпирической проверки эффективности методов.

Адаптация визуализации к различным стилям обучения расширяет инклюзивность образовательного процесса, позволяя учитывать индивидуальные особенности восприятия. Для визуалов применяются статические и динамические графические формы, а для кинестетов — интерактивные элементы и практические задания, усиливающие вовлечение. Интеграция таких подходов снижает барьеры усвоения материала и создает предпосылки для равного доступа к образовательным результатам, формируя концептуальную рамку для последующих методических рекомендаций.

Визуализация временных осей и ментальных карт способствует реконструкции причинно-следственных связей в эволюции исторических событий и правовых институтов за счёт наглядного упорядочения событий и институциональных изменений. Такие инструменты позволяют выставлять ключевые вехи и взаимосвязи в виде последовательных иерархий, что облегчает установление причинно-следственных цепочек. Ментальные карты фиксируют связи между нормативными актами, судебной практикой и социально-политическими факторами, что делает явными механизмы роста и трансформации институтов. Для обучающего процесса это создает условие системного анализа исторических феноменов без утраты хронологической последовательности.

Анализ визуальных источников права формирует навыки критической интерпретации исторического контекста посредством работы с первичными материалами. Систематическая работа с такими изображениями развивает умение соотносить текстуальные и визуальные свидетельства, различать исторические источники.

Сравнительные правовые таблицы и матрицы визуализируют синхронные изменения в различных правовых системах посредством параллельного представления нормативных индикаторов. Такие визуальные формы упрощают сопоставление темпов реформ, сфер регулирования и структурных различий, что облегчает выявление общих тенденций и уникальных траекторий развития. Матрицы обеспечивают основу для количественного и качественного анализа и содействуют выработке обоснованных сравнительно-правовых выводов в учебном процессе.

В анализируемых моделях интеграции визуальных методов отмечено их последовательное применение на разных этапах учебного цикла: лекции, семинары и практические занятия. На лекциях визуальные инструменты применялись для структурирования и представления обобщённого материала, что облегчало восприятие сложных историко-правовых концепций. Семинары ориентировались на коллективный анализ источников с опорой на карты и схемы, а практические занятия и контрольные

работы использовались для проверки умений интерпретировать и применять визуальную информацию.

Успешность описанных учебных ситуация определяется рядом контекстуальных факторов, среди которых предметная специфика материала выступает ключевым фактором, влияющим на выбор визуального средства. Для исторического материала предпочтительны таймлайны и картографические реконструкции, тогда как нормативный контент требует схем и диаграмм, демонстрирующих структуру норм и процедур. Кроме того, размер аудитории, квалификация преподавателя и доступность наглядных материалов рассматриваются как условия, определяющие эффективность применения визуализации, и требуют адаптации методик к локальным образовательным условиям.

Стоит отметить, что критерии отбора визуальных средств должны выстраиваться на основе сопоставления типов визуализации (хронологические шкалы, тематические карты, инфографика, иллюстративные документы, видеоматериалы) с когнитивными задачами обучения (запоминание, причинно-следственный анализ, сопоставление источников, формирование правовой аргументации) и академическим уровнем студентов. «Технологически визуализация означает свёртку и кодировку информации. Преобразованная и представленная в ином формальном алфавите, она приобретает свойства активного катализатора построения образов, помещаемых в тезаурус обучающегося [3, с.302].» Выбор конкретного типа визуализации следует осуществлять с учётом требуемого уровня абстракции и когнитивной нагрузки, поскольку хронологические шкалы в первую очередь поддерживают установление временных связей и запоминание, тогда как тематические карты и инфографика способствуют сравнению источников и выработке аргументации.

Методика подготовки и внедрения визуального контента должна опираться на принципы дизайна и научной достоверности, включая ясность представления, иерархию информации, обязательную атрибуцию источников, а также соответствие хронологии и терминологии. Последовательность использования визуальных инструментов в занятии рекомендуется строить по этапам: введение через визуализацию для актуализации знаний, коллективный анализ для формирования интерпретаций и индивидуальная работа для закрепления навыков визуально-аналитической деятельности. Для контроля усвоения необходимо применять формативные задания и чёткие критерии оценивания визуально-аналитических навыков, которые обеспечивают объективность обратной связи и позволяют интегрировать визуальные методы в стандартные оценочные процедуры; такие методические шаги формируют практический алгоритм внедрения в учебный процесс.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило теоретическую состоятельность визуальных методов как эффективного инструмента преодоления когнитивных барьеров в обучении историко-правовым дисциплинам. Это позволяет студентам визуализировать динамику правовых систем, устанавливая непосредственную связь между историческим контекстом и современными юридическими реалиями.

Библиографический список

1. Винокурова М.А., Татаркина А.Р. Визуализация как эффективная методика в преподавании историко-правовых дисциплин в вузе // Инновации в образовании. — 2023. — №10. — С. 43–52.

2. Голубкина Т.М., Мягтина Н.В. Методика преподавания истории. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. — 32 с.

3. Лобашев И.В., Лобашев В.Д. Визуализация информации в образовательном процессе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: педагогика. психология. социокинетика. — 2021. — №4. — С. 299–304.

4. Молодцова Н.Г. Визуальное мышление как инструмент когнитивной интеграции: нейропсихологические основы и педагогическая модель // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». — 2025. — №4. — С. 68–79.

5. Румянцева-Томашевич Ю., Нмези А. Визуализация права // Российский адвокат / Avocadojuice. — 2021. — №2. — С. 36–41.

6. Штейнберг В.Э., Асадуллин Р.М., Фатхулова Д.Р. и др. Применение визуальных дидактических регулятивов в дистанционном обучении // Образование и наука. — 2022. — №7. — С. 45–75.

7. Юрченко Н.А., Медянкова Е.В. Интерактивное обучение при изучении юридических дисциплин в неюридическом вузе // Известия МГТУ «МАМИ». — 2013. — №4. — С. 410–412.

УДК 37.02

ЗНАЧЕНИЕ ИГР И ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И УСЛОВИЯ ИХ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО УЧЕБНОМУ ПРЕДМЕТУ «ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ» В 6–9 КЛАССАХ

THE IMPORTANCE OF GAMES AND GAME TECHNOLOGIES AND THE CONDITIONS FOR THEIR SUCCESSFUL IMPLEMENTATION IN CLASSROOM TEACHING OF THE SUBJECT "HISTORY OF BELARUS" IN 6-9 CLASSES

О. Н. Гончар
учитель истории и обществоведения,
ГУО «Гимназия № 40
имени Янки Лучины г. Минска»,
аспирант ГУО «Академия образования»
Минск, Республика Беларусь

O. N. Gonchar
Teacher of History and Social Studies
State Educational Institution Gymnasium No. 40
named after Yanka Luchina in Minsk,
Postgraduate
of the Academy of Education
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассмотрена проблема использования игровых технологий на уроках истории в 6-9 классах. Предложена система использование игровых методов и приемов обучения на учебных занятиях по истории, которая эффективно обеспечивает формирование предметных компетенций учащихся подросткового возраста, тем самым способствует формированию надпредметных компетенций.

Abstract. The article discusses the problem of using game technologies in history lessons in grades 6-9. It proposes a system of using game methods and techniques in history lessons, which effectively promotes the formation of subject-specific competencies among adolescents, thereby contributing to the development of cross-subject competencies.

Ключевые слова: игровые технологии, информационная компетенция, квесты, цифровые сервисы, учебные занятия, критическое мышление.

Keywords: game technologies, information competence, quests, digital services, training sessions, and critical thinking.

Ценность игровых технологий не исчерпывается развлекательной функцией. Их уникальность заключается в способности, начинаясь как развлечение, трансформироваться в обучение, творчество, терапию, модель человеческих взаимоотношений, проявляющихся в работе и воспитательном процессе [3, с. 12].

В современной школе, стремящейся к интенсификации обучения, игровые технологии применяются, как:

– самостоятельные методы освоения тем, разделов учебного предмета;

– элементы более комплексных методик;

– способ организации занятия или его части (введение, объяснение, закрепление, контроль);

– форма внеурочной деятельности.

Игровые технологии охватывают широкий спектр методов организации обучения в форме педагогических игр. В отличие от обычных игр, педагогическая игра имеет четкую

обучающую цель и ожидаемый педагогический результат, который должен быть обоснован, явно сформулирован и ориентирован на учебно-познавательную деятельность.

В учебном процессе игровая форма реализуется через применение игровых методов и создание ситуаций, которые мотивируют и активизируют познавательную деятельность учащихся [2, с. 30–31]. Обучение строится на основе творческого применения игр и игровых элементов, интегрированных в образовательный процесс.

Внедрение игровых приемов на уроках осуществляется по следующим ключевым направлениям:

– дидактическая задача формулируется как игровая цель;

– учебный процесс организуется в соответствии с правилами игры;

– учебные материалы используются в качестве игровых инструментов;

– вводится соревновательный компонент, трансформирующий дидактическую задачу в игровую;

– успешное выполнение учебного задания напрямую связано с достижением игрового результата [1, с. 67–68].

Такой подход позволяет сделать обучение более увлекательным и эффективным.

Игра является мощным инструментом социализации, объединяющим как направленное воздействие на развитие личности, усвоение знаний и ценностей, так и стихийные процессы, формирующие человека. Она помогает ребенку осваивать социальные нормы и ценности общества. Социокультурная роль игры заключается в том, что она способствует усвоению культурного наследия, воспитанию и становлению личности, способной полноценно участвовать в жизни общества.

Игры способствуют развитию аналитических способностей, умения оценивать информацию и принимать решения. Например, ролевые игры дают возможность учащимся погрузиться в исторические события, ощутить себя современниками эпохи и понять логику поступков исторических персонажей. Разработка исторических квестов и викторин стимулирует познавательную деятельность и создает здоровую конкуренцию [2, с. 33].

Применение игровых методик демонстрирует положительное влияние на успеваемость и улучшение процесса усвоения информации. Ключевым моментом является продуманный выбор и создание игр, учитывающих специфику изучаемых тем и возрастные характеристики учеников. Разумное использование игр преобразует уроки по истории Беларуси, делая их более захватывающими и результативными.

Использование игровых технологий подразумевает наличие у педагога не только знаний предмета, но и понимания основ геймификации. Необходимо уметь разрабатывать структуру игры, четко формулировать цели и задачи, разрабатывать правила и систему оценки результатов. Важно соблюдать баланс между игровыми и классическими формами обучения, чтобы игра оставалась инструментом, а не подменяла собой учебный процесс.

Существует множество форм интеграции игровых технологий в образовательный процесс по учебному предмету «История Беларуси» для учащихся 6-9 классов. К таким формам можно отнести не только компьютерные и настольные игры, но и ролевые игры, квесты, викторины, исторические реконструкции и многое другое. Конкретный выбор игрового метода зависит от темы урока, возрастных особенностей учащихся и доступных ресурсов.

Использование игровых технологий не ограничивается лишь симуляциями. Возможно создание квестов, стратегических игр, ролевых проектов, которые будут стимулировать творческое мышление, исследовательские навыки и критическое осмысление информации [4, с. 46]. Например, игра, построенная на изучении документов, писем и дневников периода Великой Отечественной войны, может потребовать от ученика анализа различных источников, сравнения информации, выявления противоречий и выстраивания собственной

версии событий. Это значительно превосходит по эффективности традиционное заучивание фактов, превращая обучение в увлекательный процесс открытий и исследования.

Внедрение игровых технологий на уроках истории Беларуси способствует активизации познавательной активности учащихся, усиливая их интерес к предмету и углубляя понимание исторических процессов. Интерактивные подходы, такие как викторины, ролевые игры, квесты и симуляции, вовлекают школьников в образовательный процесс, развивают критическое мышление и содействуют формированию навыков командной работы.

Использование исторических карт в игровом формате помогает лучше понять территориальные изменения и значимые геополитические события. Создание виртуальных реконструкций исторических мест и событий через компьютерные игры позволяет учащимся погрузиться в атмосферу далекого прошлого, что способствует более глубокому осмыслению изучаемого материала.

Необходимо подчеркнуть, что применение игровых технологий в образовательном процессе должно иметь четкое педагогическое обоснование и соответствовать целям конкретного занятия. Умелое сочетание традиционных методов обучения с игровыми компонентами способствует тому, чтобы изучение истории Беларуси стало более увлекательным и продуктивным. Создание игровых сценариев требует внимательной подготовки, учитывающей возрастные характеристики обучающихся. Важно предусмотреть различные уровни сложности заданий, чтобы каждый участник игры мог ощутить свою успешность. Включение мультимедийных средств, таких как аудио- и видеоматериалы, делает образовательные игры более привлекательными и информативными.

Ключевое значение имеет оценка результатов обучения, достигнутых с применением игровых технологий. Необходимо учитывать не только усвоение фактического материала, но и развитие аналитических навыков, умение интерпретировать исторические события и формулировать обоснованные выводы. Обратная связь с учащимися играет важную роль, позволяя корректировать игровые сценарии и повышать их эффективность.

Применение цифровых игровых платформ, таких как Kahoot! или Quizlet, позволяет не только нетривиально и интересно проверить уровень усвоения материала, но и адаптировать обучение к индивидуальным потребностям каждого ученика. Система мгновенной обратной связи дает возможность педагогу оперативно отслеживать пробелы в знаниях и корректировать образовательный процесс. Многочисленные исследования подтверждают эффективность такого подхода, демонстрируя статистически значимое повышение познавательного интереса у учащихся и улучшение запоминания исторических фактов. Ученики лучше запоминают информацию, представленную в игровой форме, поскольку такой подход активизирует различные виды памяти и включает эмоциональную сферу.

Разработка и внедрение игровых технологий в образовательный процесс по истории Беларуси представляют собой перспективное направление, способное значительно повысить эффективность обучения и сформировать у учащихся ряд важных компетенций. Ключевая идея заключается в создании интерактивных симуляций, погружающих учащихся в исторический контекст, позволяя им не просто пассивно изучать факты, а активно участвовать в виртуальном воспроизведении событий. Такой подход способствует не только лучшему запоминанию дат и имен, но и глубокому пониманию причинно-следственных связей, лежащих в основе исторических процессов. Представьте себе, например, интерактивную игру, в которой учащийся может принять участие в виртуальном воссоздании событий обороны Брестской крепости, и сможет принимать решения, влияющие на исход сражения, видя непосредственные последствия своих действий. Это позволит ему не только узнать о примерах героизма защитников крепости, но и прочувствовать всю тяжесть и сложность тех событий, развивая эмпатию и историческое мышление.

История Беларуси – это не просто набор дат и фактов, а захватывающее путешествие сквозь века, полное подвигов, открытий и драматических событий. Однако, как сделать это

путешествие по-настоящему увлекательным и познавательным для современных учащихся 6-9 классов, чье внимание часто приковано к экранам гаджетов? Ответ кроется в использовании инновационных подходов, и одним из самых эффективных является реализация игр и игровых технологий. Это, на мой взгляд, не только повышает интерес к предмету, но и активно способствует формированию ключевой компетенции XXI века – информационной.

Почему игры? Традиционные методы преподавания истории, зачастую основанные на пассивном восприятии информации, могут показаться скучными и отстраненными для подростков. Игры же, напротив, предлагают активное вовлечение, эмоциональную связь и возможность совершать ошибки в безопасной среде. Применительно к изучению учебного предмета «История Беларуси», игровые технологии позволяют:

- Сделать прошлое живым и осязаемым: вместо чтения сухих текстов, учащиеся могут «побывать» в средневековом замке, «участвовать» в исторических событиях, «примерить» на себя роли исторических личностей.
- Развить критическое мышление и аналитические способности: игры часто требуют принятия решений, анализа информации, поиска закономерностей и прогнозирования последствий.
- Стимулировать любознательность и желание узнавать больше: успешное прохождение игры или решение игровой задачи мотивирует учащихся углубляться в тему, искать дополнительные источники информации.
- Сформировать навыки командной работы и коммуникации: многие игры предполагают совместную деятельность, где учащиеся учатся договариваться, распределять роли и совместно достигать цели.
- Развить цифровую грамотность: использование современных игровых платформ и инструментов способствует освоению цифровых технологий.

Информационная компетенция – это не просто умение находить информацию: это комплекс навыков, включающий:

- Постановку вопросов и формулирование гипотез: способность видеть проблему и предлагать пути ее решения.
- Поиск и отбор информации: умение работать с различными источниками, оценивать их достоверность.
- Анализ и интерпретация данных: способность извлекать смысл из полученной информации, находить связи и закономерности.
- Систематизация и обобщение: умение структурировать информацию, делать выводы.
- Представление результатов: способность ясно и убедительно донести результаты своего исследования.

Именно в этих аспектах игровые технологии могут стать мощным инструментом.

В заключение необходимо отметить, что внедрение игр и игровых технологий в преподавание истории Беларуси – перспективное направление, требующее комплексного подхода, включающего развитие цифровой инфраструктуры, создание инклюзивной образовательной среды, повышение квалификации преподавателей и поддержку инноваций. Только в этом случае игровые методики эффективно повысят интерес к истории и улучшат качество образования.

Библиографический список

1. Ермолаева, М.Г. Игра в образовательном процессе: Методическое пособие / М.Г. Ермолаева. – 2-е изд., доп. – СПб.: СПб АППО, 2005. – 112 с.

2. Заславская, О.Ю. Применение принципов игрового дизайна и игровых механик к неигровому контенту / О.Ю. Заславская, А.Г. Сиденко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Информатика и информатизация образования». – 2020. – № 1 (51). – С. 30–33.

3. Иванов, П.П. Методика использования игровых технологий в преподавании истории / П.П. Иванов. – Витебск: ВГУ, 2018. – 59 с.
4. Матвеева, Н.В. Ролевая игра и веб-квест: новый взгляд на традиционный метод / Н.В. Матвеева // Среднее профессиональное образование. – 2014. – № 4. – С. 45–47.

УДК 37.02:159.955(476)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СЛУШАТЕЛЕЙ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ К ЦЭ/ЦТ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

DEVELOPING SYSTEMIC AND CRITICAL THINKING AS UNIVERSAL COMPETENCIES IN PREPARATORY STUDENTS USING THE EXAMPLE OF PREPARATION FOR THE CE/CT IN THE HISTORY OF BELARUS IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORY

Т. В. Гришкевич
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»,
Минск, Республика Беларусь

T. V. Grishkevich
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье обосновывается необходимость формирования системного и критического мышления как универсальных компетенций у слушателей подготовительного отделения на примере подготовки к ЦЭ/ЦТ по истории Беларуси в контексте всемирной истории. Раскрываются методические приёмы работы с типовыми тестовыми заданиями, направленные на развитие данных компетенций.

Abstract. The article substantiates the necessity of developing systemic and critical thinking as universal competencies in students of the preparatory department using the example of preparation for the Centralized Exam and Centralized Testing on the History of Belarus in the context of world history. Methodological techniques for working with standard test tasks aimed at developing these competencies are revealed.

Ключевые слова: системное мышление, критическое мышление, универсальные компетенции, довузовская подготовка, история Беларуси.

Keywords: systemic thinking, critical thinking, universal competencies, pre-university training, history of Belarus.

В образовательных стандартах поколения 2008-2013 гг. (и последующих обновленных стандартах), а также Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. был законодательно закреплён переход к компетентностной парадигме в системе образования страны. Утвержденная в 2025 году «Национальная стратегия устойчивого развития до 2040 г.» в разделе 4.4. рассматривает образование в качестве ключевого инструмента формирования навыков XXI века в области цифровой экономики и устойчивого развития общества. Стратегическая цель сформулирована следующим образом: «совершенствование системы образования и подготовки кадров, адаптированной к структурным изменениям в экономике и цифровой трансформации общества, потребностям непрерывного развития личностного потенциала для успешной социализации и полноценной жизнедеятельности» [1, с. 41]. НСУР-2040 делает акцент на формировании востребованных компетенций [1, с. 45], развитии креативного мышления, навыков самостоятельного обучения и эмоционального интеллекта, усилении интеграции фундаментальных знаний и практико-ориентированных умений [1, с. 42, 44]. Стратегически значимым признаётся обновление национальной системы образования, изменение образовательных программ и квалификаций в связи с появлением

новых профессий и компетенций, а также подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе, где способность критически оценивать информацию становится базовой.

В педагогической науке системное мышление понимается как способность обучающегося строить ментальные модели для решения сложных задач, выявлять закономерности и причинно-следственные связи, распознавать базовые системные свойства (существование, организация, функционирование, развитие), а также учитывать различные контексты – личный, локальный и глобальный. Как способ познания, системное мышление направлено на формирование у слушателей целостного, структурированного видения изучаемой дисциплины через установление причинно-следственных связей и умение классифицировать. В свою очередь, критическое мышление трактуется как владение метакогнитивными стратегиями оценки событий и явлений, позволяющее принимать обоснованные решения в условиях избытка, недостатка или противоречивости информации, выстраивать аргументацию на доказательной основе, подвергать рефлексивному сомнению как внешнюю информацию, так и собственную позицию [2; 4, с.11]. Обе компетенции взаимодополняют друг друга, так как системное мышление обеспечивает каркас для осмысления информации, а критическое мышление становится инструментом проверки истинности выстраивания такого каркаса. Вместе они образуют метапредметную основу для успешного усвоения содержания любого предмета, включая историю и, таким образом, правомерно рассматриваются как универсальные компетенции (от лат. universalis – общий, всеобъемлющий), поскольку применимы в любой предметной области и необходимы каждому обучающемуся независимо от выбора его будущей профессиональной реализации.

Такой подход закреплён, в частности, в национальной системе образования России. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, утверждённый приказом Министерства науки и ВО Российской Федерации от 8.10.2020 г. № 1291, в числе универсальных компетенций выделяет УК-1 «Системное и критическое мышление», определяя её как способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач [3].

Что до белорусской национальной системы образования, системное и критическое мышление позволяют отнести их к категории универсальных компетенций результаты исследований учёных, опубликованных в цикле статей «Универсальные компетенции обучающихся» в «Вестнике образования» за 2025 г. Авторами предложена национальная рамка универсальных компетенций, в которой компетенция «мышление» выделена как одна из ключевых и включает три взаимосвязанных компонента: системное мышление, критическое мышление, креативное мышление [4, с. 7].

Анализ законодательных актов и исследований последних лет указывает на актуальность поиска конкретных педагогических механизмов формирования универсальных компетенций на различных этапах образовательного процесса. Особый интерес в таком контексте представляет довузовская подготовка, поскольку на этом переходном этапе от школы к вузу закладываются основы учебной самостоятельной деятельности и метакогнитивных стратегий, необходимых для успешного освоения и дальнейшего использования универсальных компетенций уже на ступени бакалавриата. В статье рассматриваются возможности подготовительного отделения для развития системного и критического мышления у слушателей на примере подготовки к ЦЭ/ЦТ по истории Беларуси в контексте всемирной истории. Сам исторический материал, в силу наличия различных интерпретаций событий, необходимости выстраивать причинно-следственные связи между локальной и глобальной историей, создаёт оптимальную среду для формирования данных компетенций. В свою очередь, овладение ими в дальнейшем обеспечивает более успешную интеграцию в вузовскую среду, повышает эффективность обучения и социализации, а в долгосрочной перспективе – и профессиональную реализацию.

Самый простой путь, характерный для традиционной подготовки к вступительным испытаниям в форме ЦЭ/ЦТ, часто сводится к двум задачам: запомнить фактологический материал (даты, имена, события) и отработать эти знания на типичных для ЦЭ/ЦТ тестовых заданиях. Такой подход формирует у абитуриентов иллюзию, что история – это сумма «правильных ответов», а не поле для интерпретаций и дискуссий. В дальнейшем, как показывает практика, такие абитуриенты на вступительных испытаниях закономерно испытывают серьёзные трудности при решении заданий, требующих анализа исторической информации, выявления причинно-следственных связей, оценки достоверности и непротиворечивости использованных в заданиях данных. Объективность такого вывода подтверждается результатами репетиционного тестирования 2025-2026 гг., проанализированными специалистами Республиканского института контроля знаний (РИКЗ). Согласно выводам экспертов, у большинства участников недостаточно сформированы критическое мышление и способность к систематизации данных. В связи с этим в методических рекомендациях подчёркивается необходимость целенаправленного формирования при подготовке к ЦЭ/ЦТ таких умений, как обобщение фактов и событий, сравнение исторических явлений и процессов в отечественной и мировой истории, соотнесение их во времени, анализ исторической информации, различение верных и неверных утверждений, работа с исторической картой [5]. Следовательно, развитие системного и критического мышления выступает не просто желательным, а необходимым условием эффективной довузовской подготовки.

Методические приёмы, направленные на развитие системного и критического мышления слушателей рассмотрены на примере использования тестовых заданий из вариантов 3, 4 сборника ЦТ за 2025 г. Анализ опубликованных материалов показывает, что метапредметным потенциалом, позволяющим формировать универсальные компетенции, в большей степени обладают задания, размещённые в части В.

Так, задание В1, направленное на установление причинно-следственных связей, содержит в себе потенциал для развития как системного мышления (предполагает определение многофакторных связей и выделение главного), так и критического (предполагает отсев лишнего и обоснование сделанного выбора). В задании необходимо установить соответствие между причиной и следствием явлений и процессов в древней истории. Методической достройкой, усиливающей формирование обеих компетенций, становится после выполнения задания устное проговаривание слушателем логической цепочки с необходимой аргументацией: причина – ближайшее следствие – отдалённое следствие – системный эффект. На примере истории Беларуси: распространение земледелия – появление излишков – социальное неравенство – возникновение власти вождей. В данном случае главная цель в том, чтобы обучающийся видел не один элемент, а всю цепочку последствий. Этот приём, во-первых, интернализирует алгоритм системного анализа, а во-вторых, развивает рефлексивные навыки, что согласуется с принципом метапредметного включения компетенций мышления в содержание учебного предмета. Далее в таком задании добавляется сравнительный анализ с аналогичными процессами в других цивилизациях (Египет, Междуречье и т.п.), что позволяет актуализировать контекст всемирной истории и реализовать требование интеграции локального и глобального знания. Ключевая цель такого методического приёма – слушатель должен уверенно видеть не одно, а цепочку следствий.

Задание В7 (выбрать черты социально-экономического развития ВКЛ в XIV – XV вв.), направленное на выявление множественных черт определённого исторического периода позволяет развивать системное видение отличий через классификацию признаков по эпохам и одновременно критически оценивать достоверность приведённых в задании утверждений. Методической достройкой, направленной на формирование системного мышления, становится содержательное наполнение слушателями матрицы экономика-общество-государство для XIV–XV и XVI вв., выявление переходных процессов и построение схемы

«от феодальной раздробленности к централизации» с приведением конкретных фактов из истории ВКЛ. Ключевая цель такого методического приёма заключается в формировании системного видения эволюции общества.

Задание В10 (выбор верных суждений по теме Контрреформации в ВКЛ) предполагает системное видение слушателями процесса во всех аспектах и содержит потенциал для развития критического мышления (выявление логических противоречий: кальвинисты – проводники Контрреформации?). Методической достройкой, направленной на формирование универсальных компетенций, становится анализ отброшенных пунктов и объяснение, в чём ложность приведённых утверждений – опровержение дистракторов. Ключевая цель такого методического приёма в развитии навыка аргументированного изложения своей точки зрения.

Задание В11 (установление хронологической последовательности) позволяет через построение временной системы координат и выявление ключевых событий формировать системное мышление обучающихся. Потенциалом для развития критического мышления может являться самопроверка (рефлексия выбранной стратегии). Методической достройкой в данном случае может стать построение ментальной карты события. Слушатель изображает выбранное событие в центре, вокруг него размещает предпосылки (слева), последствия (справа), синхронные события в других регионах (сверху/снизу). Например, битва на Синих Водах (1362). В этом случае слева – ослабление Золотой Орды, справа – усиление ВКЛ, сверху/снизу – Столетняя война. Целью такой работы является включение единичного факта в широкий исторический контекст и формирование, таким образом, системного мышления слушателей.

Задание В17 предполагает работу с картосхемой (формирование территории БССР). Потенциалом для развития системного мышления здесь выступает пространственно-временное моделирование, а критического – критика источника и выявление несоответствий. Методической достройкой в таком задании может быть приём сравнения карты и утверждения. После выбора правильных ответов слушатель должен сформулировать контраргумент к каждому неверному утверждению, опираясь на легенду карты. Например, утверждение 2 (граница БССР – линия Керзона) неверно, потому что на карте линия Керзона обозначена пунктиром как предложенная граница, а реальная граница 1921 г. проходит восточнее. Кроме этого, можно предложить работу в парах, где определяются роли и происходит аргументированное изложение позиции: «Почему я отклонил утверждение 2» (с использованием карты). Ещё одним вариантом работы является групповая дискуссия. Вопрос должен предполагать возможность изложения ответа в рамках 1-2 минут. Например: «Почему линия Керзона не стала границей?». Возможен вариант рефлексии: «Какие элементы карты были самыми важными для принятия решения?». Целью такой работы является формирование умения верифицировать информацию с помощью визуальных источников, критически осмысливать и выстраивать логические цепочки.

Серьёзным потенциалом для развития системного и критического мышления слушателей подготовительного отделения обладает анализ исторического источника. На ЦЭ/ЦТ 2025 г. задание такого типа было включено в часть А (А6). В ходе работы на занятиях слушателям предлагается ответить на следующие вопросы: «Кто автор? Когда создан документ? Какова цель? Какие слова указывают на субъективность? Какие факты можно проверить по другим источникам?». Так, при изучении текста привилея на магдебургское право, пожалованного Минску, слушатели выделяют маркеры субъективности («мы, Александр», «на вечные времена»), обсуждают возможность подделки документа, а также соотносят содержание источника с известными историческими фактами. Данный вид работы развивает системное мышление (поскольку требует встроить единичный источник в более широкий контекст функционирования правовой системы Великого княжества Литовского) и критическое мышление (поскольку предполагает оценку достоверности источника,

выявление авторской позиции и отделение фактов от интерпретаций). Методической достройкой может стать групповое обсуждение вопроса: «Какие элементы источника позволяют считать его аутентичным, а какие – вызывают сомнения?». Целью такой работы является формирование умения верифицировать историческую информацию, критически осмысливать источники и выстраивать логические цепочки, используя уже известные факты.

Дополнительным приёмом работы в развитии универсальных компетенций слушателей является рефлексия, проводимая после серии выполнения описанных выше заданий, при заполнении мини-анкеты (или написании письменного ответа в конспекте) на вопросы: «Какие задания вызвали затруднения? Какая мыслительная стратегия помогла? Где я ошибся и почему? Что нужно повторить?». Цель такой работы - развитие метакогнитивных навыков, то есть осознанного понимания слушателем собственных мыслительных процессов.

В завершение целесообразно определить ожидаемые результаты обучения и критерии эффективности предложенных методических приёмов. Базовым количественным показателем выступает повышение процента правильно выполненных заданий на ЦЭ/ЦТ на установление причинно-следственных связей и хронологию, а также сокращение количества ошибок, связанных с невнимательностью, неумением работать с исторической картой или анализировать источник. Однако ключевым результатом развития универсальных компетенций (системного и критического мышления) слушателей должна стать сформированность следующих способностей: устанавливать многофакторные причинно-следственные связи; классифицировать исторические явления по разным основаниям; аргументированно опровергать неверные утверждения; оценивать достоверность исторического источника; рефлексировать собственные мыслительные стратегии. Диагностика сформированности данных способностей может осуществляться как через количественный анализ результатов выполнения заданий РТ (в динамике), так и через качественный анализ открытых ответов слушателей на занятиях (обоснование выбора, контраргументация, рефлексивные комментарии).

Таким образом, формирование системного и критического мышления у слушателей подготовительного отделения является неотъемлемой частью качественной подготовки к ЦЭ/ЦТ по истории. Типовые тестовые задания обладают высоким потенциалом для развития данных универсальных компетенций, что согласуется с принципом метапредметного включения компетенций мышления в содержание учебных предметов [4, с. 5]. Приведённые методические приёмы не требуют кардинальной перестройки учебного процесса, однако их систематическое применение даёт устойчивый положительный эффект в виде роста как академической успеваемости, так и уровня сформированности универсальных компетенций слушателей.

Библиографический список

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года [Электронный ресурс]. – Минск, 2025. – Режим доступа: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf – Дата доступа: 05.04.2026.

2. Зеленко, О. В. Формирование универсальных компетенций обучающихся в контексте ведущих тенденций развития образования / О. В. Зеленко, В. Ф. Русецкий, В. Г. Стуканов, А. В. Торхова, М. Б. Горбунова, А. И. Гаурилюс, Е. Л. Касьяник, И. П. Кондратьева, Т. Е. Титовец, В. И. Короткевич, С. Р. Бутрим, Л. В. Адащик // Веснік адукацыі. – 2025. – № 2. – С. 5–11.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История : приказ М-ва науки и высш. образования Рос. Федерации от 08.10.2020 г. № 1291 (ред. от 19.07.2022) [Электронный ресурс] // Федеральные государственные образовательные стандарты : офиц. сайт. – Режим доступа: https://fgos.ru/fgos/fgos-46-03-01-istoriya-1291 – Дата доступа: 05.04.2026.

4. Зеленко, О. В. Национальная рамка универсальных компетенций обучающихся: основные термины и понятия / О. В. Зеленко, В. Ф. Русецкий, В. Г. Стуканов, А. В. Торхова, М. Б. Горбунова, А. И. Гаурилюс, Е. Л. Касьяник, И. П. Кондратьева, Т. Е. Титовец, В. И. Короткевич, С. Р. Бутрим, Л. В. Адащик // Веснік адукацыі. – 2025. – № 3. – С. 5–16.

5. Антоненкова, О. Как абитуриенты справляются с тестами по истории Беларуси в контексте всемирной истории? Отвечает РИКЗ [Электронный ресурс] / О. Антоненкова // Настаўніцкая газета. – 2026. – 15 янв. – Режим доступа: https://nastgaz.by/kak-abiturienty-spravlyayutsya-s-testami-po-istorii-belarusi-v-kontekste-vsemirnoj-istorii-otvechaet-rikz/ – Дата доступа: 05.04.2026.

6. История Беларуси в контексте всемирной истории : сборник тестов / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Республики Беларусь. — Минск : Адукацыя і выхаванне, 2025. — 32 с.

УДК 37.013.73

ФИЛОСОФСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

PHILOSOPHICAL DISCIPLINES AND THEIR IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCIES AND FUNCTIONAL LITERACY OF PEDAGOGICAL SPECIALISTS

Е. А. Жмодикова
магистр гум.н., старший преподаватель
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

E. A. Zhmodikova
MA in Philosophy, Senior Lecturer
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В работе показывается необходимость изучения философии, этики, логики специалистами педагогического профиля для формирования у них личностных и профессиональных компетенций.

Abstract. This paper demonstrates the necessity of studying philosophy, ethics, and logic for pre-service teachers to develop their personal and professional competencies.

Ключевые слова: философия, образование, педагогическое образование логика, этика, компетенция, практикоориентированность.

Keywords: Philosophy, Education, Teacher education, Logic, Ethics, Competency, Practice-oriented approach.

В современном постоянно меняющимся мире имеется необходимость переосмысливать традиционные подходы к обучению и перечень дисциплин, необходимых для усвоения. Упор делается на практико-ориентированное обучение. Так наиболее востребованным в современной педагогике является компетентностный подход. Высшее образование предполагает приобретение универсальных компетенций, направленных формирование социальных и личностных способностей, благодаря которым человек сможет быть успешен независимо от направления своей профессиональной деятельности. Этому способствует социально-гуманитарный модуль государственного компонента первой ступени образования и, в частности, философия.

Однако необходимо вспомнить, что помимо самой Философии, существуют другие философские дисциплины, имеющие в своём потенциале практикориентированность. Это Логика, Этика и, даже проблематичная в современном плюралистическом мире, Эстетика. Строе, древнее не означает устаревшее. И потенциал философских дисциплин себя еще не исчерпал. Наоборот, наблюдаются пробелы в функциональной грамотности специалистов, которые возникают при исключении указанных дисциплин из системы высшего образования.

Формулировки универсальных компетенций периодически меняются. Но в их основе всегда находится необходимость формирования у обучающихся гуманистической мировоззренческой позиции, аналитического и критического мышления, способности решать социокультурные и социально-профессиональные проблемы, осуществлять осмысленный ценностный выбор. Именно Философия является той учебной дисциплиной, которая обладает самым продуктивным потенциалом для этого. Многие вопросы из

университетского курса Философии поднимаются уже в школьном курсе Обществоведения, но, как показывает практика, многие обучающиеся не помнят изучаемые там вопросы. Обществоведение является необходимым компонентом среднего образования. Поднимать мировоззренческие, познавательные, ценностные, социальные темы необходимо на каждом периоде становления личности. И именно во время получения высшего образования, когда уровень рефлексии становится достаточно зрелым необходимо обучение Философии. Философия полезна не только для становления личности, которое идет всю жизнь, но и для осуществления профессиональной деятельности специалистов педагогического профиля. Педагоги, учителя, педагоги-психологи своей профессиональной деятельностью формируют мировоззрение (которое включает в себя не только знания и ценности, но и чувственно-эмоциональную составляющую, а также деятельностный компонент) детей – будущих членов общества. Поэтому они сами должны быть компетентны в вопросах понимания устройства мироздания, человека, общества.

Философия плюралистична, в ней множество различных направлений и школ, часто представляющих совершенное разное понимание происходящих процессов. Изучение философии и истории философии способствует пониманию того, что один и тот же вопрос можно решить разными способами. Как правило в других учебных дисциплинах решения даются с позиции одной или нескольких близких друг другу научных школ, часто игнорируя альтернативные точки зрения. Эвристичность философии как раз и заключается в том, чтобы критически осмыслить устоявшиеся традиции познания. уйти от шаблонности мышления.

Для того чтобы обучать кого-нибудь педагог должен сам определить для себя свою мировоззренческую позицию. Это необходимо для того, чтобы в его мышлении и поведении не было противоречий, которые так хорошо умеют считывать дети. Философия может казаться слишком теоретичной и оторванной от практики, но она выстраивает фундамент понимания сущности явлений и происходящих процессов.

Этика является необходимой частью процесса образования специалистов в особенности педагогического профиля. Существуют ряд профессий, у которых этическое знание должно присутствовать обязательно, поскольку от их деятельности зависят жизни и судьбы людей. Это врачи, педагоги и учителя, юристы. Воспитательная работа со студентами требует духовно-нравственного и гражданского воспитания. Современная тенденция на практикоориентированность выражается в том, что духовно-нравственное воспитание проходит посредством различных мероприятий – через спектакли, кинофильмы, выставки, концерты, акции, диалоговые площадки, информационные часы и пр. Конечно, подобный формат мероприятий эффективен, поскольку даёт непосредственное переживание морально-нравственной ситуации, но не достаточен для подготовки специалиста, профессия которого тесно связана с этической проблематикой, ведь вопросы этической направленности поджидают учителя и педагога на каждом шагу его профессиональной деятельности. В дисциплинах педагогического и психологического профиля также имеются разделы обучающие, как разрешать сложные конфликтные ситуации, которые возникают в педагогической практике, но они носят инструментальный характер. Во всех выше описанных способах воспитания и обучения не хватает рефлексии. Ни одна из этих дисциплин не дает понимание того, что из себя представляют высшие нравственные ценности – добро, свобода, ответственность, справедливость, долг, честь, достоинство и др. Есть такая мысль, схожая у многих писателей и педагогов – если ты не можешь выразить свою мысль словами, значит ты недостаточно понимаешь. Не поверхностное проговаривание столь сложных для определения ценностных понятий, а их глубокая философская проработка на занятиях по этике позволит будущим педагогам понимать морально-нравственную суть ситуаций и поступков людей, давать им компетентную оценку и, соответственно, находить более верные пути решения возникающих проблем, которые

выходят далеко за рамки прописанных рекомендаций. Ведь стандартные рекомендации не могут учесть всё многообразие конкретных ситуаций.

Особенно хочется подчеркнуть недостаточность внимания в процессе обучения дисциплинам психолого-педагогической направленности таким важным в педагогической деятельности понятиям как честь и достоинство. Репутационный статус человека всегда отслеживался обществом и особенно это касается педагогов. Даже в современном интернет пространстве можно наблюдать, что быть высокоморальным образцом от учителя требуется и за пределами своей профессиональной деятельности – в личном быту, хобби и на отдыхе. Образование стало сферой услуг, намечается определенное социальное расслоение и некоторые ученики и их родители воспринимают учителя, как обслугу, принижая его личное достоинство. Сейчас в большей степени используется понятие «репутация», но это понятие отражает внешнюю сторону презентации себя, которая может быть просто следствием социальной мимикрии. Внутренняя, интериоризированная, основанная на моральных качествах человека позиция, как раз отражается классическими понятиями честь и достоинство. Умение отстоять свою честь, осознавать достоинство себя как личности является важной компетенцией специалиста в современных рыночных условиях.

Необходимой дисциплиной для специалистов педагогического профиля является Логика. Это не просто наука о правильном мышлении – это прежде всего свод методов, применение которых дает истинный результат. Да, классическая Логика все еще работает. Она как арифметика Эвклида является основой для изучения более сложных направлений. Имеется немало обучающихся даже на второй ступени высшего образования, которые считают, что анализ, синтез, дедукция, индукция и аналогия – это методы теоретического познания. Нет, это базовые общелогические методы всех наук, а также обыденного познания. На занятиях по Логике студенты могут научиться как правильно делать выводы по дедукции, индукции и аналогии. И не только способность нужна не только делать частные выводы, но и грамотно составлять план урока, создавать научно-педагогические тексты и пр. Как будущим учителям студентам нужно понимать логику подачи учебного материала. Также во многих дисциплинах для визуализации и упрощения подачи материала используют «круги Эйлера». Однако в рамках обучения методике преподавания, студенты не успевают полноценно познакомиться с данной логической операцией и, как показывают различные формы контроля, не умеют их применять. Полноценно ознакомится с данной логической операцией возможно именно при усвоении учебной дисциплины Логика.

Логика показывает процесс формирования понятий, даёт знание о классификации и типологии. Эти знания необходимы не только учителям-предметникам, но и в дошкольном образовании. Особенно хочется отметить, что именно Логика учит как правильно делать определение понятий. Знание как именно происходит эта логическая операция и умение её выполнять способствует тому, что будущий специалист не будет только механически заучивать определения, но сможет грамотно создавать их сам, лучше понимая их смысл. Это является важной компетенцией для учителя.

Вот почему Логику как инструмент не только познавательной, но и педагогической деятельности необходимо преподавать всем специальностям педагогического профиля. Она является хорошим примеров научения функциональной грамотности. Математическая логика не заменит традиционную логику, поскольку не включает в себя необходимые разделы. Говоря языком логики – математическая и традиционная логика находятся в отношении пересечения, а не тождества.

Большое значение имеет год обучения, на котором изучается та или иная дисциплина. Как говориться «всему своё время». Для того, чтобы усвоить информацию, нужно быть к ней готовым. Может быть слишком рано, а может быть уже поздно. Поздно, в том смысле, что студенты уже научились обходиться без нужного навыка, уже выработали другой, не совсем

эффективный, но рабочий алгоритм действия. И переучиваться они уже не посчитают нужным.

Так изучение философии на первом курсе (а в некоторых случае даже в первом семестре) вызывает у студентов большие проблемы. Философия – это обобщающая дисциплина, осуществляющая полидисциплинарный синтез социо-гуманитарных и естественных наук. Она требует абстрактного мышления, которое способно ухватить не только межпредметные связи, но апплицировать полученные знания на сферу субъективно-личного. Место Философии на старших курсах, когда у студентов не только формируются навыки усвоения более сложной информации, но и появляется более полное представление о своей специальности. Мало вероятно, что первокурсник знает нюансы своей будущей профессии. Поэтому, чтобы Философия стало основой функциональной грамотности её нужно освоить, что даётся не всем студентам. Для того, чтобы суметь освоить, интериоризировать и применять философские знания, нужно определённым образом до них дорасти. Именно тогда и сможет сформироваться навык, заложенный в универсальной компетенции (УК-8) – «уметь использовать основы философских знаний в профессиональной деятельности».

Так же не желательно ставить на первый учебный год Этику. Многие забывают, что Этика – это тоже философия. Она не просто включает в себя свод правил нравственного поведения, а служит рефлексией над нормами морали, традициями общества и нравственными идеалами. Изучение Этики требует определенной психологической и личностной зрелости. Именно тогда человек способен осознанно и ответственно принимать решения. Опять же первокурсник еще не знаком с построением процесса воспитания и обучения, не знаком с педагогическими методами и технологиями, чтобы понимать, где в профессиональной деятельности может понадобиться этическая рефлексия.

Наоборот Логику оптимально поставить в течении первого учебного курса. Это дисциплина на стыке математики и лингвистики. И, соответственно, вчерашние школьники еще не успели забыть школьную программу. Уже даже на втором учебном курсе студенты многое забывают и в какой-то мере успевают специализироваться. Логика даёт инструментальные навыки понимания и усвоения информации; выражения своих мыслей; знания, как аргументировать свою позицию; построение научных текстов и вообще дает общую культуру мышления. Эти компетенции будут востребованы как в течении всего процесса обучения, так и в ходе дальнейшей профессиональной деятельности.

Таким образом, необходимо подчеркнуть важность обучения философским дисциплинам, как тем учебным предметам, которые дают более глубокое понимание требований деятельности личности и специалиста, которые заложены в идеи необходимости приобретения будущим специалистом универсальных компетенций.

УДК 377.3

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

FORMATION OF STUDENTS' FINANCIAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

К. А. Ильинский
ОГБОУ ВО «Смоленский
государственный институт искусств»
Смоленск, Российская Федерация
Науч. рук. – Н. П. Сенченков,
доктор педагогических наук, профессор

K. A. Ilinskiy
Smolensk State Institute of Arts
Smolensk, Russian Federation
Scientific adviser – N. P. Senchenkov,
Grand PhD in Pedagogy, Professor

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования финансовой культуры обучающихся в условиях развития технологий искусственного интеллекта и цифровизации финансовой среды. Подчеркивается, что современная образовательная среда должна обеспечивать развитие у обучающихся не только финансовых знаний, но и навыков ответственного финансового поведения, критического анализа информации и принятия обоснованных финансовых решений. Отмечается образовательный потенциал инструментов искусственного интеллекта как средства развития финансового мышления и повышения практикоориентированности обучения

Abstract. The article examines the features of the formation of students' financial culture in the context of the development of artificial intelligence technologies and the digitalization of the financial environment. It is emphasized that the modern educational environment should ensure the development of not only financial knowledge among students, but also the skills of responsible financial behavior, critical analysis of information, and making well-grounded financial decisions. The educational potential of artificial intelligence tools as a means of developing financial thinking and increasing the practice-oriented nature of learning is highlighted

Ключевые слова: финансовая культура; искусственный интеллект; цифровая финансовая среда; финансовое поведение; обучающиеся.

Keywords: financial culture; artificial intelligence; digital financial environment; financial behavior; students.

Введение

Современное развитие цифровой экономики сопровождается активным внедрением технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни, включая финансовую деятельность. Финансовые сервисы, онлайн-банкинг, алгоритмические рекомендации и интеллектуальные цифровые помощники становятся неотъемлемой частью повседневной практики взаимодействия человека с финансовой системой. В этих условиях возрастает значение формирования финансовой культуры обучающихся, позволяющей им ориентироваться в сложной и динамично меняющейся финансовой среде. В российской образовательной политике вопросы финансового просвещения и формирования финансовой культуры получили институциональное закрепление в рамках реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года, где подчеркивается необходимость системной работы с различными категориями обучающихся [1].

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что использование технологий искусственного интеллекта расширяет возможности доступа к финансовой информации и

инструментам управления личными финансами, однако одновременно требует от пользователей развитого критического мышления, способности анализировать цифровую информацию и принимать ответственные финансовые решения. В связи с этим образовательные организации сталкиваются с необходимостью поиска новых подходов к формированию финансовой культуры обучающихся, учитывающих особенности цифровой финансовой среды.

Основная часть

Развитие цифровой экономики и распространение интеллектуальных технологий существенно трансформируют финансовую сферу. Искусственный интеллект активно используется в банковской деятельности, инвестиционных сервисах, системах онлайн-платежей и персонализированных финансовых рекомендациях. Алгоритмы анализа данных позволяют формировать индивидуальные предложения для пользователей, прогнозировать финансовое поведение и автоматизировать многие финансовые операции. В результате финансовая среда становится более технологичной и динамичной, что предъявляет новые требования к уровню финансовой культуры граждан, прежде всего молодежи. Как отмечают А.А. Саламова, И.Е. Федоровская и И.И. Васильев, «возможности, предоставляемые информационными технологиями, превышают затраты на устранение и минимизацию рисков при работе с ними. Отрицательные результаты менее значительные и не наносят сильного ущерба в сравнении с преимуществами цифровизации, поэтому использование новых технологий в сфере экономики можно считать рациональным и разумным» [2, с.68].

В этих условиях финансовая культура обучающихся выходит за рамки традиционного понимания финансовой грамотности как совокупности знаний о доходах, расходах, кредитах и сбережениях. Современный подход предполагает рассмотрение финансовой культуры как интегративного личностного образования, включающего когнитивный, ценностно-мотивационный и поведенческий компоненты. В этой связи особую значимость приобретает научное осмысление процессов формирования финансовой культуры молодежи. Как отмечает И.Ю. Евстафьева, «становления культуры в условиях воздействия внешних риск-факторов, динамичного развития технологий, трансформации ментального поведения подрастающего поколения требуют постоянного мониторинга, а также изучения на основе научных исследований в целях разработки и реализации своевременных и обоснованных изменений» [3, с.165].

В рамках исследования было проведено анкетирование обучающихся среднего профессионального образования Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. В опросе приняли участие 201 студент.

Результаты показали, что 52,3 % обучающихся не используют инструменты искусственного интеллекта в финансовых вопросах, 34,9 % применяют их эпизодически, и только 12,8 % делают это регулярно. В финансовой сфере обучающиеся чаще всего используют для решения повседневных задач и для сравнения финансовых продуктов (рис. 1).

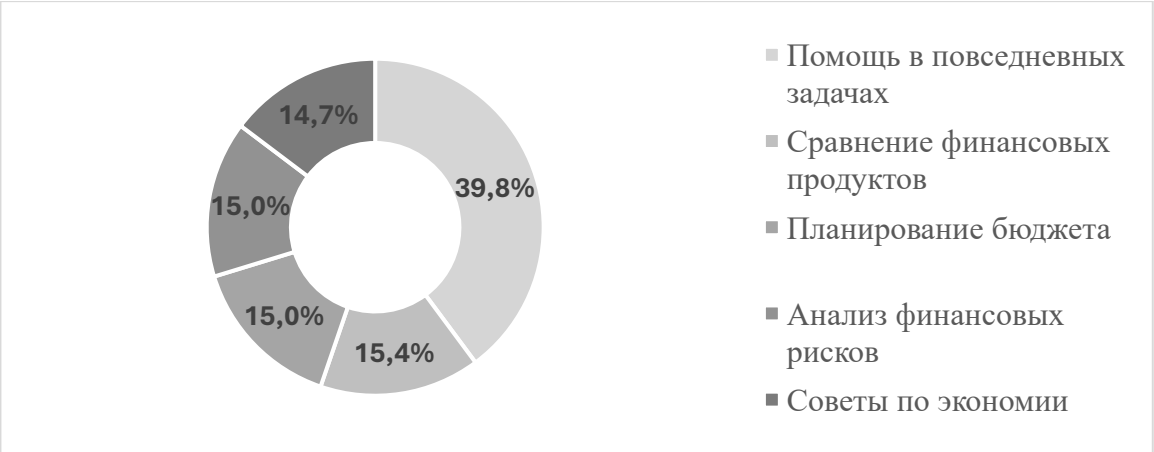


Рисунок 1. – Цели использования инструментов искусственного интеллекта в финансовых вопросах, %

При этом отношение студентов к рекомендациям искусственного интеллекта остается достаточно осторожным: 34,4 % респондентов скорее доверяют таким инструментам, тогда как более половины опрошенных выражают недоверие. В случае противоречия между рекомендациями ИИ и мнением специалиста 54,1 % студентов предпочли бы сопоставить разные источники информации, а 38,7 % обратились бы к специалисту.

Полученные данные свидетельствуют о том, что потенциал использования искусственного интеллекта в формировании финансовой культуры обучающихся пока реализуется ограниченно, что актуализирует необходимость его целенаправленного включения в образовательный процесс.

Развитие технологий искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на формирование финансовой культуры обучающихся. С одной стороны, интеллектуальные цифровые инструменты расширяют доступ к финансовой информации, упрощают управление личными финансами и предоставляют новые образовательные возможности. С другой стороны, использование алгоритмических рекомендаций и автоматизированных сервисов требует от пользователей развитого критического мышления и способности оценивать достоверность получаемой информации. Как отмечают В.Ю. Скаткова и А.Ю. Хорошилов, «благодаря своей способности анализировать данные, выявлять закономерности и предоставлять персонализированные рекомендации, ИИ может помочь людям принимать обоснованные финансовые решения и улучшить их общее финансовое благополучие» [4, с. 78]. В этой связи важной задачей образования становится формирование у обучающихся навыков осознанного и безопасного взаимодействия с цифровыми финансовыми инструментами.

Особый образовательный потенциал представляют технологии искусственного интеллекта, которые могут использоваться в качестве инструмента обучения. Интеллектуальные системы способны анализировать большие массивы информации, моделировать финансовые ситуации, генерировать различные сценарии принятия решений и предоставлять обучающимся возможность практической отработки навыков финансового поведения. Использование таких инструментов способствует развитию аналитического мышления, формированию способности к оценке финансовых рисков и повышению практикоориентированности образовательного процесса. Как отмечают Д. Одайева и А. Худайназаров, «современные ИИ-системы способны эффективно анализировать большие объемы данных, выявлять налоговые риски и предлагать стратегии оптимизации» [5, с.81].

Одним из перспективных направлений использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе является организация финансовой самодиагностики обучающихся, направленной на осознание собственных моделей финансового поведения.

Использование инструментов искусственного интеллекта позволяет обучающимся проводить анализ собственных финансовых привычек и выявлять наиболее распространённые триггеры расходов. Например, студент может использовать следующий запрос к системе искусственного интеллекта: «Проанализируй мои записи о расходах за неделю. Определи, какие эмоции чаще всего сопровождали импульсивные покупки и какие ситуации становились триггерами лишних расходов».

На основе такого анализа обучающиеся получают возможность выявить повторяющиеся модели поведения и осознать влияние эмоциональных факторов на финансовые решения. Подобная рефлексия способствует развитию осознанности и формированию более ответственного отношения к управлению личными финансами. В условиях современной финансовой среды подобные практики приобретают особую значимость, поскольку, как отмечают В.М. Джуха и В.В. Федоренко, «в условиях роста финансовых рисков и высокой неопределенности именно развитие поведенческой финансовой культуры, основанной на компетентности и самостоятельности граждан, становится приоритетом для обеспечения социальной и экономической устойчивости» [6, с.73].

Другим эффективным направлением является использование искусственного интеллекта для рационализации финансовых решений через систему правил и сценариев поведения. Обучающиеся могут формулировать индивидуальные правила финансового поведения и проверять различные жизненные ситуации с помощью интеллектуальных систем. Например, студент может использовать запрос: «Предложи несколько правил, которые помогут избежать импульсивных покупок при ограниченном бюджете студента» или «Смоделируй сценарий принятия решения перед покупкой дорогостоящего товара и предложи вопросы, которые стоит задать себе перед совершением покупки».

Еще одним направлением является применение технологий искусственного интеллекта для когнитивной переформулировки финансовых убеждений. Нередко нерациональные решения связаны с установками, например: «маленькие траты не имеют значения». С помощью ИИ обучающиеся могут анализировать подобные убеждения. Например, студент может сформулировать запрос: «Проанализируй убеждение о том, что небольшие ежедневные траты не влияют на бюджет, и покажи их возможные последствия». Это способствует развитию критического отношения к собственным финансовым установкам и формированию более осознанного финансового поведения.

Заключение

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта существенно трансформирует финансовую среду и актуализирует необходимость формирования финансовой культуры обучающихся, способных осознанно и ответственно взаимодействовать с цифровыми финансовыми инструментами. Результаты проведенного исследования показали, что при общем интересе к технологиям искусственного интеллекта их использование студентами в финансовых вопросах остается ограниченным и сопровождается достаточно осторожным уровнем доверия. В этих условиях особую значимость приобретает интеграция инструментов искусственного интеллекта в образовательный процесс, направленная на развитие финансовой рефлексии, критического мышления и навыков принятия обоснованных финансовых решений, что способствует формированию устойчивых моделей финансового поведения обучающихся в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Правительство Российской Федерации. Документы. 2023. URL: http://government.ru/docs/all/150261/ (дата обращения: 07.03.2026).

2. Саламова, А. А. Роль искусственного интеллекта в финансах / А. А. Саламова, И. Е. Федоровская, И. И. Васильев // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 1. – С. 63-68.

3. Евстафьева, И. Ю. От финансовой грамотности к финансовой культуре / И. Ю. Евстафьева // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2024. – № 3(147). – С. 161-165.

4. Скаткова, В. Ю. Роль искусственного интеллекта в управлении финансами домашних хозяйств / В. Ю. Скаткова, А. Ю. Хорошилов // Хроноэкономика. – 2024. – № 1(43). – С. 75-78.

5. Одайева, Д. Роль искусственного интеллекта в управлении налогами / Д. Одайева, А. Худайназаров // Инновационная наука. – 2025. – Т. 2, № 3-2. – С. 81-82.

6. Джуха, В. М. Роль финансовой грамотности в управлении личными финансами / В. М. Джуха, В. В. Федоренко // Финансовые исследования. – 2025. – Т. 26, № 1(86). – С. 64-75.

УДК 373.5.016:94+373.5.091.3

СИСТЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

THE SYSTEM OF METHODOLOGICAL KNOWLEDGE OF STUDENTS WHEN TEACHING HISTORY AT SCHOOL

М. А. Краснова
кандидат педагогических наук, доцент
государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной академии наук Беларуси»
Минск, Республика Беларусь

M. A. Krasnova
PhD in Pedagogy, Associate Professor
The State Scientific Institution
«The Institute of History of the National
Academy of Sciences of Belarus»
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье показано значение методологических знаний для процесса обучения истории в средней школе, охарактеризованы методологические знания, включенные в содержание школьного исторического образования на разных концентрах, проанализированы варианты включения методологических знаний в процесс обучения истории. Отмечено, что методологические знания позволяют сместить акценты в содержании образования с получения предметных знаний на процесс их получения. Освоение методологических знаний и получение опыта учебной историко-познавательной деятельности происходит на всех этапах школьного исторического образования и формирует у учащихся способность к самостоятельному получению нового исторического и социально-политического знания.

Abstract. The article shows the importance of methodological knowledge for the process of teaching history in secondary school, characterizes the methodological knowledge included in the content of school history education at different concentrations, and analyzes options for including methodological knowledge in the process of teaching history. It has been noted that methodological knowledge allows shifting the emphasis in the content of education from obtaining subject knowledge to the process of acquiring it. Mastering methodological knowledge and gaining experience in educational historical-cognitive activity occurs at all stages of school historical education and develops in students the ability to independently acquire new historical and socio-political knowledge.

Ключевые слова: школьное историческое образование, методологические знания, системность знаний, концентрическая структура школьного исторического образования

Key words: school historical education, methodological knowledge, systematic knowledge, concentric structure of school history education

Изменения, происходящие в связи с цифровой трансформацией общества, оказывают существенное влияние на систему образования. Информационно-знаниевая модель уходит в прошлое. Прочное место в системе образования занимают системно-деятельностный, личностно-ориентированный, компетентностный подходы к обучению, которые на первое место выдвигают развитие личности учащегося, его деятельность, формирование опыта самостоятельного решения различных проблем на основе приобретенных знаний, умений, навыков и компетенций.

Включение того или иного учебного предмета в учебный план преследует определенные цели для развития личности обучающегося. Каждый учебный предмет помимо предметной составляющей выполняет свою, если можно так сказать, миссию. Место истории в системе учебных предметов общеобразовательной школы обусловлено ее основным познавательным и мировоззренческим потенциалом для развития личности учащегося:

формирование исторического сознания, основной категорией которого является историзм. Историзм в настоящее время рассматривается как универсальный метод познания процессов, происходящих как в социальном мире, так и в мире природы;

история учит работать с исторической и современной социальной информацией, что закладывает основы работы с информацией как таковой и развивает критическое мышление;

научившись анализировать историческую действительность (социальную действительность прошлого), учащиеся могут анализировать социальную действительность настоящего, что является необходимым для человека независимо от того, чем он занимается в жизни;

история играет ведущую роль в формировании мировоззрения человека, становлении его национальной идентичности и гражданско-патриотической позиции.

Несмотря на то, что информационно-знаниевая модель обучения серьезно критикуется, приходится констатировать, что в обществе и в системе школьного исторического образования господствует позитивистская установка на объективное познание прошлого («как все было на самом деле»). Основной акцент при изучении истории делается на запоминание фактов. Однако психолого-педагогические исследования показали, что прочность запоминания фактического материала незначительна, особенно интенсивно происходит забывание в течение первого года после изучения нового материала, наименее прочным компонентом является хронология.

Цель статьи – показать место и роль методологических знаний в процессе обучения истории, охарактеризовать систему методологических знаний с учетом концентрического построения школьного курса истории, показать возможные варианты включения методологических знаний в процесс обучения истории на каждом концентре.

Необходимость включения методологических знаний в процесс обучения истории в школе отмечали российские историки и педагоги конца XIX – начала XX в. (Н. И. Кареев, С. Ф. Ламовицкий, Я. Г. Гуревич, Р. Ю. Виппер) и советские дидакты Ф. П. Коровкин, И. Я. Лернер.

Усиление методологической составляющей в настоящее время является одним из перспективных направлений модернизации школьного образования в целом, и школьного исторического образования в частности. С конца 1990-х гг. проводятся исследования по формированию методологических знаний учащихся при изучении разных учебных предметов как в России, так и Беларуси: физика (Ю. Б. Альтшулер, Н. Г. Блинкова, Н. В. Кочергина, С. А. Чандаева), математика (М. В. Шабанова, А. А. Столяр, А. Н. Сендер, Л. В. Федорова), химия (Д. И. Мычко, З. Э. Байбагисова), биология (Н. М. Кадулина), история (Л. Н. Алексашкина, М. А. Краснова, О. М. Хлытина).

Методологические знания позволяют сместить акценты в содержании образования с ценностей конечного продукта в виде предметных знаний и умений на ценности процесса их получения. Они могут решить целый ряд актуальных проблем современного образования, таких как повышение уровня познавательной мотивации и качества знаний, уплотнение знаний, интенсификация учебного процесса, сокращение информационной перегрузки учащихся. Введение в содержание предмета методологических знаний способствует развитию их интеллекта и теоретического мышления. Освоение методологических знаний лежит в основе формирования универсальных учебных действий и компетенций учащихся.

Методологию истории можно рассматривать в качестве частной методологии конкретной исследовательской области. Это система знаний об исходных положениях, основании и структуре исторической науки, языке, методах, принципах формирования и способах получения нового исторического и современного социально-политического знания. Получение таких знаний важно для процесса социализации учащихся. Не все станут историками, но разбираться в современной социально-политической действительности, выработать собственную позицию по отношению к событиям прошлого и настоящего,

критически относиться и самому владеть основными приемами анализа различных источников исторической информации, иметь представления о том, как профессиональные историки «пишут историю» и чем знание о прошлом, полученное в соответствии с правилами и нормами современной исторической науки, отличается от других видов исторического знания (обыденного, мифологического, художественного, пропагандистского), нужно всем.

Методологические знания играют важную роль в исторической подготовке учащихся. Они обеспечивают целостное, системное представление об истории как науке; упорядочивают изученные факты, позволяют включать новые факты в систему уже имеющихся; обеспечивает усвоение истории на уровне понимания; развивают способности учащегося к самостоятельному поиску новых знаний, их осмыслению и использованию; снижают информационную нагрузку; формируют теоретическое мышление и играют существенную роль в формировании исторического сознания. Именно благодаря теоретическим и методологическим знаниям достигается осознанность и системность знаний, которую Л. Я. Зорина характеризовала как неотъемлемое свойство теоретических знаний, характеризующееся наличием структурных связей, целостностью [1, с. 4, 16–29; 2, с. 98]. Будучи имплицитно включенными в содержание учебного материала методологические знания определяют направление и конечные цели изучения истории. На них базируется построение всего школьного курса истории, и в этом смысле они подлежат изучению учащимися всех возрастов. Но этот процесс происходит стихийно, практически никак не управляется и не контролируется. Поэтому определенные методологические знания необходимо вводить в явном виде, и с этой целью необходимо выявление структуры и содержания методологического компонента для каждого концентра.

Можно выделить ряд условий для успешного формирования методологических знаний:

процесс формирования методологических знаний учащихся должен охватывать весь период обучения истории в школе;

формирование методологических знаний должно быть подчинено раскрытию основного содержания исторического образования, в соответствии с целями каждого концентра;

как показывает практика, чтобы методологические знания нашли отражение в образовательном процессе, они должны быть прописаны в нормативных документах;

методологические знания могут быть представлены неявно и явно, в виде знаниевого и деятельностного компонентов;

для формирования методологических знаний необходима разработка соответствующей методики обучения.

Рассматривая вопрос выделения необходимого комплекса методологических знаний при конструировании учебного материала, Л. Я. Зорина отметила, что это должен быть начальный, базовый комплекс, соответствующий а) современному состоянию знаний по методологии науки; б) достаточный для того, чтобы у учащихся сложилось целостное, системное представление об изучаемом предмете; в) необходимый для процесса обучения и самостоятельного познания изучаемой области знаний [1, с. 45–46].

О. М. Хлытина выделила три взаимосвязанных блока методологического компонента учебного исторического познания старшеклассников:

1) историко-методологические знания о концептуально-мировоззренческих основах современного исторического познания и о методических основаниях современного исторического исследования;

2) комплекс приемов учебной историко-познавательной деятельности с историческими источниками и историографическими материалами, выполняющими роль средства научного исторического познания;

3) ценностное отношение к историческому познанию и его результатам [3, с. 211–218].

Методологические знания должны составлять базовый комплекс, необходимый для формирования научных представлений о природе исторического знания, достаточный для того, чтобы у учащихся сложилось целостное, системное представление об истории как науке. Усвоение методологического компонента при изучении истории осуществляется как процесс усвоения знаний, так и способов деятельности. Учитывая концентрическое построение школьного курса истории, методологические знания могут быть представлены неявно через предметный материал и явно через выделение методологических знаний и целенаправленным их изучением в сочетании с предметными знаниями. Изучение методологического компонента происходит на каждом концентре с возрастанием глубины рассмотрения.

В *начальной школе* в явном виде в рамках пропедевтического курса учащиеся знакомятся с понятием «история». Понятие дается младшим школьникам в значительно упрощенном виде как наука о жизни людей и страны в прошлом. В основу всего пропедевтического курса в неявном виде заложена важная методологическая идея, которую должны усвоить учащиеся: в прошлом люди жили не так как сейчас, т.е. идея развития. При всей кажущейся простоте это сложный элемент исторического познания. Не обладая достаточным количеством исторических знаний, учащиеся воспринимают историческое время с позиций настоящего и переносят на прошлое свои знания о настоящем. Это явление в методологии истории определяется понятием «презентизм». Усвоение этой методологической идеи проходит не только в процессе учебной работы на уроке, но и в освоении первичных способов изучения истории (расспросы ближайших родственников, сравнение предметов прошлого и настоящего, чтение художественной литературы, просмотр игровых фильмов и т. д.). Изучая исторические события, включенные в начальный курс истории, учащиеся получают первичные представления об историческом времени как в виде хронологии, так и в виде исторического образа, а также об историческом пространстве. Исторические события и исторические личности, отобранные для изучения, содействуют формированию у учащихся гражданских ценностей, таких как любовь к малой родине, гордость за страну и ее выдающихся деятелей, патриотизм, гражданственность, мир, свобода и т. д.

В базовой школе бóльшая часть методологических знаний включена имплицитно. Вместе с тем исследования Л. Я. Зориной показали, что методологические знания, включенные в изучение только через предметные знания, учащимися не осознаются, поэтому они должны быть включены как самостоятельный элемент обучения [1, с. 34]. В ходе *систематического изучения* истории школьники получают общее представление о том, что и как изучает история. Само изложение исторического процесса базируется на двух основных подходах: формационном и цивилизационном. Учащиеся знакомятся с понятиями «общественно-экономическая формация», «цивилизация». Как данность учащимся дается историческая периодизация. При этом одновременно используются периодизации формационного (первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм) и модернизационного (аграрное / традиционное, индустриальное, постиндустриальное общество) подходов. На основе цивилизационного подхода учащимся даются понятия «западная цивилизация» и «восточная цивилизация». У учащихся закладывается представление о закономерности и случайности в истории, исторического прогресса и регресса, движущих силах и личностях в истории. Целый ряд методологических понятий используется без объяснения: исторический процесс, исторический факт, историческое событие, историческое явление, историческая личность и т. д. Учащиеся получают первичные источниковедческие знания: понятие «исторический источник», основные типы и виды исторических источников, осваивают основы анализа первичных исторических источников. Основу обучения составляет историческое событие. Взаимная обусловленность событий во времени объясняется причинностью (детерминированностью), при которой

совокупность условий (предпосылок и поводов) совершения одного события, называемого причиной, порождает другое, называемое следствием. Учащиеся базовой школы на уровне практического использования осваивают такие методы научного исследования как описание и объяснение, анализ и синтез, индукция и дедукция, конкретизация и обобщение.

Как эксплицитный элемент содержания образования обучение методологическим знаниям учащихся в возрасте до 12–13 лет принципиально затруднительно ввиду недостаточного развития у них абстрактного и логического мышления. Наиболее эффективно обучение методологическим знаниям возможно в возрасте ранней юности – 15–17 лет, который характеризуется завершением физической и достижением социальной зрелости. Этому этапу принадлежит особая роль в психологии развития и формирования личности и интеллекта учащегося. Ранняя юность – период повышенной мыслительной активности, значительного роста продуктивности мышления, склонности к теоретизированию. Основной особенностью является возрастающая способность к абстрактному мышлению.

Историческая подготовка учащихся не сводится только к усвоению фактического материала, она должна включать и научение учащихся поиску и получению нового знания. Именно поэтому методологические знания должны занять особое место в процессе изучения *проблемно-теоретического курса* в старших классах. В процессе освоения методологических знаний учащиеся усваивают методы и способы, которые носят универсальный характер. Возраст учащихся старших классов позволяет методологические знания включать в эксплицитном виде. Исследование показало, что отдельным проблемам методологического характера целесообразно отвести целый параграф или отдельную его часть, в большинстве случаев наиболее эффективным является включение методологических знаний через небольшие отдельные информационные единицы, сопровождающиеся вопросами и заданиями. Важно при этом учитывать соотнесенность изучаемого исторического материала с включаемыми методологическими знаниями.

Анализ научной литературы, практики обучения истории и проведенные нами исследования позволяют выделить комплекс методологических знаний в содержании школьного исторического образования [4; 5]. Так формирование научного мировоззрения приводит к необходимости включения вопросов *общенаучной методологии*. Средством достижения целостности и системности исторических знаний учащихся выступают *знания по методологии и теории истории* в двух ее аспектах: общие проблемы изучения истории как реальности (онтология) и истории как познания (гносеология). В содержание исторического образования целесообразно включить *элементы источниковедения и историографии*. Это важно, с одной стороны, для понимания закономерностей и особенностей развития исторической науки, с другой стороны, для обучения учащихся работать с историческими источниками как первичными, так и вторичными. Кроме того, следует выделить также и технологическую сторону, т. е. овладение учащимися *спецификой исторического исследования и изложения* научной информации. Эти знания приобретают особое значение в контексте решения проблем социализации учащихся в современном информационном обществе как умении работать с информацией, в целом, и способе самостоятельного получения исторических и социально-политических знаний, в частности.

Для примера, покажем, как может быть представлен один из компонентов методологических знаний при обучении истории в школе (таблица 1).

Таблица 1. – Система методологических знаний по основам методологии и теории истории при обучении на разных концентрах

	Пропедевтический курс	**Систематический курс**	**Проблемно-теоретический курс**
Основы методологии и теории истории	История как науке о жизни людей в прошлом; историческое пространство (историческая карта); историческое время (год, век, «лента времени», дата исторического события); национальные и гражданские ценности (Родина, отечество, Беларусь, национальные и государственные праздники, государственные символы, народные традиции, национальные герои).	История как наука; история всемирная и отечественная; периодизация (Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время; аграрное – индустриальное – постиндустриальное общество) основные подходы к рассмотрению исторического процесса: формационный и цивилизационный; историческое событие / явление / процесс; причина – повод – следствие; историческое время как хронология и образ; историческое пространство; историческая личность / национальный герой; закономерность / случайность в истории.	История как наука, предмет ее изучения, функции и место в системе наук; исторический факт (факт действительности – факт исторического источника – научно-исторический факт); специфика социально-исторических понятий; историческая периодизация и ее критерии; реконструкция / интерпретация; история и современность; историческое прогнозирование.

Таким образом, методологические знания должны составлять базовый комплекс, необходимый для формирования научных представлений о природе исторического знания, достаточный для того, чтобы у учащихся сложилось целостное, системное представление об истории как науке. В структуру методологических знаний школьников могут быть включены: знания по общенаучной методологии, по методологии и теории истории, по источниковедению и историографии, а также по проведению исторического исследования и изложения научной информации. В зависимости от возраста учащихся методологические знания могут быть представлены в содержании школьного исторического образования как в имплицитном, так и в эксплицитном виде. Они могут быть введены через содержание и структуру учебного материала, а также через организацию их усвоения в процессе учебно-познавательной деятельности учащихся. Овладение учащимися методологическими знаниями должно стать инструментарием для самостоятельного получения нового знания как исторического, так и социально-политического.

Список использованных источников

1. Зорина, Л. Я. Дидактические основы формирования системности знаний старшеклассников / Л. Я. Зорина. – М. : Педагогика, 1978. – 128 с.
2. Зорина, Л. Я. Дидактико-методические основания конструирования учебного материала по методологии научного познания: [По естеств. наукам в сред. шк.] / Л. Я. Зорина // Ступени педагогического творчества. – М., 2001. С. 89–114.
3. Хлытина, О. М. Методологический компонент учебного исторического познания на старшей ступени школы / О. М. Хлытина // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 209–219.
4. Краснова, М. А. Обучение истории в школе на основе концентров: история, теория, практика: монография / М. А. Краснова; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск: Беларус. навука, 2026. – 218 с.
5. Краснова, М. А. Формирование методологических знаний учащихся при изучении истории / М.А. Краснова // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2020. – № 6. – С. 23–28.

УДК 378.147:7

ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-МЕТОДОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

APPLICATION OF ART METHODS IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS

А. Г. Липницкая
магистр
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. G. Lipnitskaya
MA in History
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматривается проблематика развития арт-методов в педагогике и их интеграция в образовательный процесс современного педагогического университета.

Abstract. The article deals with the problems of the development of art methods in pedagogy and their integration into the educational process of a modern pedagogical university.

Ключевые слова: арт-методы, арт-педагогика, высшее образование, образовательный процесс, творческое развитие.

Keywords: art methods, art pedagogy, higher education, educational process, innovative technologies, professional training, creative development.

Современная система высшего образования переживает период трансформации, связанный с переходом к компетентностной парадигме. Это требует обновления не только содержания, но и методов обучения. Особое значение приобретают методы, которые способствуют развитию креативности, эмпатии, способности к рефлексии и эффективной коммуникации – качеств, востребованных на рынке труда вне зависимости от профиля подготовки (soft skills). В этом контексте возрастает интерес к арт-педагогике – метод обучения и воспитания, основанный на использовании искусства и творческой деятельности для развития личности [1]. Долгое время арт-подходы ассоциировались преимущественно с психотерапией, которая направлена на работу с психикой человека, не решая образовательные задачи (арт-терапия) или дошкольным образованием. Однако их потенциал значительно шире и может быть успешно реализован в том числе и на учебных занятиях высших учебных заведениях.

Сущность арт-педагогики заключается в синтезе искусства и педагогики, обеспечивающем соединение теории с практикой педагогического процесса через использование искусства и творческой деятельности. Арт-педагогика включает в себя такие методы, как ментальная карта, коллаж, комикс, хуманизация, сочинение стихотворений, сказок, песен, а также при помощи нейросетей можно создавать анимационные мультфильмы и персонажей.

К основным функциям арт-методов в образовательном процессе высшего учебного заведения можно отнести: 1. Образовательную – усвоение знаний, умений и навыков через творческую деятельность. 2. Развивающую – развитие когнитивных способностей, креативности, образного мышления. 3. Воспитательную – формирование ценностных

ориентаций и эстетического вкуса. 4. Психоэмоциональную – снятие стресса, повышение психологического благополучия участников образовательного процесса.

Можно заметить, что арт-педагогика универсальна и её применение повышает эффективность сразу в нескольких аспектах обучения, в том числе в области искусствоведения, которое помогает разнообразить учебные задания с целью повышения мотивации к обучению. Так, согласно американскому исследованию, обучающиеся, которые имели более высокий уровень знаний в области искусства, были более успешны в прохождении предложенным им тестировании. Помимо этого, они лучше социализированы, нежели те, кто не имеет достаточных знаний в области искусства или в целом не имеют интереса к искусствоведению [2, с. 2].

Наиболее перспективным представляется использование арт-методов в подготовке педагогов ввиду того, что эти же методики будущие специалисты смогут применять уже в своей профессиональной деятельности.

В исследовании Т.В. Жабаковой обосновывается, что применение арт-технологий (включая метафорические карты, коллаж, сторителлинг и др.) на трех этапах учебного процесса позволяет добиться статистически значимого роста удовлетворенности студентов [3, с. 380]. Именно этот результат формирующего эксперимента, согласно выводу автора, свидетельствует в пользу эффективности арт-технологий в практико-ориентированной подготовке будущих педагогов. Н.Ю. Клышевич исследовала применение арт-технологии «Коллаж» в преподавании психологии в университете. Автор отмечает, что использование коллажа как метода позволяет активизировать творческое мышление студентов, способствует более глубокому усвоению психологических понятий и развитию рефлексивных способностей [4, с. 28].

В ходе первых семинарских занятий со студентами исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (далее – БГПУ) по учебной дисциплине «Правовые основы деятельности учреждения образования» была применен метод «Коллаж» на тему «Педагог в правовой среде» в качестве знакомства студентов с дисциплиной. Работа выполнялась в мини-группах, где у каждого участника образовательного процесса была своя задача. По итогам общей работы студенты показали высокие результаты: при представлении коллажей группы рассказывали с какими правовыми и нормативными документами ежедневно работают педагоги, какие правовые дилеммы могут встречаться в системе образования и как их решать, а также высказали свои ожидания от учебной дисциплины и что было бы полезно узнать в процессе её изучения.

Рисунок 1. – Полученный коллаж "Педагог в правовой

Применение метода коллажа на вводных занятиях показало: 1. Снижение тревожности при входе в сложную тематику; 2. Актуализацию субъектного опыта студентов; 3. Формирование первичной профессионально-правовой картины мира без навязывания готовых истин. Полученные студентами визуальные артефакты могут служить материалом для дальнейшей рефлексии в изучении дисциплины.

Также на первых занятиях по этой же учебной дисциплины «Правовые основы деятельности учреждения образования» со студентами исторического факультета БГПУ был апробирован арт-метод «Комикс». В мини-группах студенты создавали короткие художественные рассказы, которые моделировали правовую ситуацию из педагогической практики: исходное событие, правовую проблему, действие педагога и его нормативное обоснование.

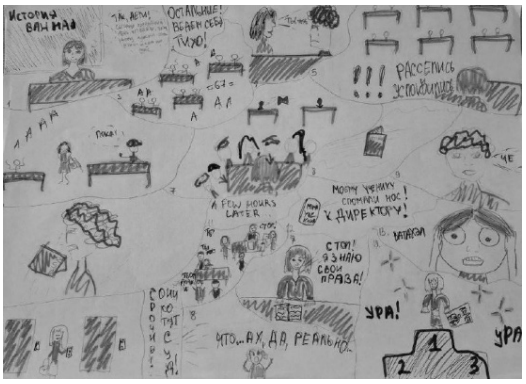


Рисунок 2. – Полученный комикс о правовой ситуации в школе

Создание комиксов позволило перевести абстрактные правовые нормы в визуально-нарративную форму, снизить психологический барьер перед официальным языком права и запустить механизм перехода от бытовых представлений к юридическим конструкциям. Игровая форма метода обеспечила эмоциональную вовлечённость студентов к образовательному процессу и позволила моделировать вероятные сюжеты с обращением к действительным документам. Применение арт-метода «Комикс» на вводном занятии способствовало актуализации субъектного опыта, диагностике пробелов в правовых знаниях и формированию мотивации к изучению дисциплины.

Результаты внедрения арт-методов (в частности, коллажа и комикса) в учебную дисциплину «Правовые основы деятельности учреждения образования» показали их высокую педагогическую эффективность. Данные методы обеспечили актуализацию субъектного опыта студентов, позволили диагностировать типичные профессионально-правовые заблуждения, формировали коммуникационные и эстетические способности, побудили интерес к изучаемой теме и запустили механизмы проблемного обучения, которые сейчас актуальны в образовании.

Учитывая выявленный положительный эффект (рост вовлеченности участников образовательного процесса, качества усвоения материала и удовлетворенности процессом), можно рекомендовать использование арт-методов в образовательный процесс практико-ориентированных дисциплин в педагогических и гуманитарных вузах.

Библиографический список

1. Национальный центральный институт развития дополнительного образования : [сайт]. – Мск., 2026. – URL: https://ncrdo.ru/center/blog/chto-takoe-art-pedagogika/ (дата обращения: 14.03.2026).

2. Верховодова, Р. А. Зарубежный опыт арт-педагогики как система интегративного применения элементов искусства в образовательном процессе [Электронный ресурс] / Р. А. Верховодова, Р. А. Галустов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-art-pedagogiki-kak-sistema-integrativnogo-primeneniya-elementov-iskusstva-v-obrazovatelnom-protsesse (дата обращения: 17.03.2026).

3. Жабакова, Т. В. Арт-технологии как средство повышения эффективности практико-ориентированной подготовки будущих педагогов / Т. В. Жабакова // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 19 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Д. Г. Медведев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 375–380.

4. Клышевич, Н. Ю. Арт-технология коллаж в преподавании психологии в вузе / Н. Ю. Клышевич // Междисциплинарность как стратегия образовательного процесса : материалы XIII науч.-метод. конф., посвящ. памяти проф. И. Л. Зеленковой, фак. философии и соц. наук БГУ, Минск, 29 марта 2016 г. / редкол.: А. А. Легчилин, Е. В. Беляева. – Минск : БГУ, 2016. – С. 26–28.

УДК 37.035.6

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

NETWORK INTERACTION AS A RESOURCE FOR FORMING CITIZENSHIP COMPETENCIES IN EDUCATIONAL RELATIONS

И. А. Марченок
заместитель директора по учебной работе
ГУО «Гимназия № 40
имени Янки Лучины г. Минска»
г. Минск, Республика Беларусь

I. A. Marchenok
Deputy Director for Academic Affairs
State Educational Institution "Gymnasium No. 40
named after Yanka Luchina in Minsk"
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье представлена модель внедрение в воспитательное пространство гимназического проекта «Дорогами Победы. Нам жить и помнить!», который направлен на формирование всех видов гражданско-патриотических компетенций учащихся, посредством сохранения памяти о подвиге белорусского народа в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны и передачу его наследия будущим поколениям. Результаты работы проекта, а именно организация различных мероприятий, таких, как экскурсии, выставки, лекции и конкурсы, военно-патриотические постановки, которые помогут учащимся узнать больше о Великой Отечественной войне, ее историческом контексте, героях и состоявшихся победах. Представлена модель внедрения гимназического проекта в воспитательное пространство гимназии; серия тематических открыток «Связь поколений».

Abstract. The article presents a model for introducing the gymnasium project "Roads of Victory. We Live and Remember!" into the educational space, which aims to foster all types of civic and patriotic competencies among students by preserving the memory of the heroic deeds of the Belarusian people during World War II and the Great Patriotic War and passing on their legacy to future generations. The project's outcomes include organizing various events such as excursions, exhibitions, lectures, and contests, as well as military-patriotic performances, which help students learn more about the Great Patriotic War, its historical context, heroes, and victories. A model for introducing a gymnasium project into the gymnasium's educational space is presented, along with a series of themed postcards titled "Generational Connection."

Ключевые слова: гражданско-патриотические компетенции; гражданское и патриотическое воспитание; патриотический отряд «Память»; коммуникация; воспитательное пространство; сетевое взаимодействие.

Keywords: civic and patriotic competencies; civic and patriotic education; the Memory patriotic unit; communication; educational space; network interaction.

В программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 было отмечено, что содержание воспитания базируется на создании и практической реализации комплексной системы мер идейно-теоретического, просветительского и практико-воспитательного характера духовно-нравственных основ культуры, патриотизма и гражданственности современного человека. В условиях, когда демократические преобразования в нашей стране ориентированы на развитие гражданского общества и построение правового государства, формирование компетенций гражданственности обучающихся приобретает особую актуальность.

Концепцией развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года определено, что обществу нужны компетентные личности, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные

последствия, умеющие выбирать способы сотрудничества, отличающиеся мобильностью и динамизмом [2].

Создание сетевого взаимодействия единомышленников позволит объединить усилия различных для более эффективного и системного развития компетенций гражданственности у учащихся.

Тема гражданственности – актуальная и многогранная проблема, которую исследуют отечественные и зарубежные специалисты разных областей.

Данный аспект воспитания рассматривается в работах белорусских историков (А.Ф. Ратько, В.П. Скок, Е.Н. Мох, В.Г. Стуканова, М.С. Гутковской, А.А. Гримоть, В.В. Чечет, И.Т. Зайцева) российских учёных (О.Ю. Стрелова, И.А. Гордеева) философов, психологов (И.Б. Котов, И.А. Сикорский), педагогов (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский) [6].

В своём педагогическом опыте я использую также определение, данное В.В. Маковеевой: «Сетевое взаимодействие» – это система связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования; это способ деятельности по совместному использованию ресурсов». В этом определении совмещены причины и авторы показывают необходимость сетевого взаимодействия и его важность: есть проблемы образования, которые сложно решить в отдельном образовательном учреждении, их более успешно можно решить в рамках сетевого взаимодействия образовательных учреждений. [8].

Сегодня, я как учитель истории, самостоятельно расставляю акценты и выбираю для себя наиболее приемлемые формы, методы и средства гражданского воспитания, исходя из накопленного опыта.

Вовлечение семьи в гражданское воспитание также является важным направлением совместной деятельности меня как учителя, учащихся и их родителей. На данном этапе важен уровень сформированности компетенций гражданственности учащихся и возможностей самого педагога, сила личного примера, поэтому в 2022/2023 учебном году мною был разработан проект патриотической направленности, который направлен на формирование всех видов компетенций гражданственности учащихся, посредством сохранения памяти о подвиге белорусского народа в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны и передачу его наследия будущим поколениям. Разработана программа мероприятий, которые проводятся (Приложение 1).Это организация поездок по определенным экскурсионным маршрутам «Дорогами Победы» (состоялось уже 12 поездок) учащийся получает до начала образовательной поездкой задание (Приложение 2), которые ведут к важным историческим местам, связанным с Великой Отечественной войной; (проведение телемостов с представителями школ республики (пример: 22.09.2024 г. п. Комарин, 09.05.2025 г. Гродно) выставки, патриотические постановки (пример: «Память, которой не будет забвенья»), конкурс (пример: тематических открыток «Связь поколений») и др. Для проведения мероприятий были подготовлены материалы, такие, как информационные буклеты, презентации (пример: создание выставки «Аллея памяти») и т.д. Мною были разработаны анкеты, опросники, для организации набора учащихся в патриотический отряд «Память». Проведение церемоний: возложения цветов, митинги. Создан «Дневник участника» патриотического проекта». Автором опыта разработана и внедрена универсальная модель для всей гимназии и реализуется не только на уроках истории конкретным учителем, но и во внеурочное время всеми педагогами (Приложение 3), также внедрены авторские разработки в образовательный процесс. Уже есть хорошие результаты: взаимодействие с учреждениями образования и родительской общественностью, проведение в стенах музейной экспозиции «Память» семинаров и конференций для директоров города Минска и их заместителей, экскурсии для школ и гимназий Ленинского

района, проведение мастер-классов и популяризация опыта в печатных изданиях, результативное участие в конкурсе ПАТРИОТ.ВУ на республиканском этапе. Также мы передаем свой опыт и в апреле 2026- у нас запланировано проведение республиканской конференции. Учреждения образования, с которыми мы сотрудничаем в рамках проектной деятельности, уже подтвердили своё участие.

Все это результативные средства гражданского и патриотического воспитания учащихся. Целью и конечным результатом воспитания является личность патриота с активной гражданской позицией, способного к созиданию.

Сотрудничество с другими учреждениями образования Республики участниками проекта и общение с ними позволяет обменяться идеями, взглядами и опытом. Сетевое взаимодействие помогает развить коллективную ответственность, умение работать в команде и строить взаимное уважение. Рефлексия и обсуждение с другими участниками проекта помогают развивать критическое мышление, анализировать и оценивать свои действия и убеждения. Это помогает стать осознанным гражданином и укрепить патриотическую и гражданскую идентичность. Участие в проекте предоставляет возможность воспитать и развить компетенции гражданственности через погружение в историю и активное участие в мероприятиях. Это даёт ценные навыки и знания, которые помогут стать активным и ответственным гражданином и патриотом своей страны.

Расширение возможностей для формирования у учащихся компетенций гражданственности позволяет преследовать не только воспитательные, но и обучающие цели. Это позволяет по-новому взглянуть на основополагающий принцип педагогики – принцип единства обучения и воспитания.

Библиографический список

1. Закон Республики Беларусь от 5 декабря 2024 г. № 46-З «Об изменении кодексов по вопросам образования».

2. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 нояб. 2021 г.№ 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100683 (дата обращения: 18.03.2025).

3. Ершова, О. И. Патриотическое воспитание учащихся: цивилизационные вызовы и перспективы/ О. И. Ершова // Веснікадукацыі. – 2021. – № 1. – С. 21–28.

4. Осяк С. А., Газизова Т. В., Колокольникова З. У., Лобанова О. Б., Храмова Л. Н., Коршунова В. В. / Сетевое взаимодействие в педагогическом образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?Id=18081 (дата обращения: 20.12.2025).

5.Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007. – С. 33 – 45.

6.Котова, Г.Л. Индикаторы сформированности гражданской компетентности. // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007. – С. 189 – 195.

7. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь – Режим доступа: https://mintrud.gov.by/ru/programnie-dokumenti-ru. – Дата доступа: 08.04.2025.

8. Маковеева, В.В. Сетевое взаимодействие ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 163-166.

УДК: 372.893

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

APPROACHES TO THE FORMATION OF HISTORICAL, CIVIC AND CULTURAL LITERACY OF SCHOOLCHILDREN

Н. Н. Маслова
кандидат исторических наук, доцент
ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»
Москва, Россия

N. N. Maslova
PhD in History, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia

Аннотация. В статье исследуется понятие функциональной грамотности и трансформация задач по ее формированию в современной школьной практике России, а также размышления о причинах изменения(смещения) фокусных элементов (компонентов) функциональной грамотности, проверяемых в международных сравнительных исследованиях качества школьного образования PISA(Programme for International Student Assessment), ICCS (International Civic and Citizenship Study),в период с конца 1990-х – до середины 2020-х гг. Представлены для обсуждения ответы на вопросы: Почему так трудно приживался термин «функциональная грамотность» на уровне рядового учителя истории? Почему только в 2020-е гг. этот термин получил законное место в образовательных Стандартах России? Как изменялись представления международного педагогического сообщества о фокусных областях функциональной грамотности? Каково место исторической грамотности в контексте классификаций «новых грамотностей» в научной методической и психолого-педагогической литературе? Можно ли считать историческую грамотность универсальной фундаментальной грамотностью XXI века?

Abstract. The article examines the concept of functional literacy and the transformation of tasks for its formation in modern Russian school practice, as well as reflections on the reasons for the change (shift) of the focus elements (components) of functional literacy, tested in international comparative studies of school quality PISA (Program for International Student Assessment), ICCS (International Civic and Citizenship Study),in the period from the late 1990s to the mid-2020s . The answers to the questions are presented for discussion: Why is it so difficult for the term "functional literacy" to take root at the level of an ordinary history teacher? Why did this term gain its rightful place in Russian educational Standards only in the 2020s? How have the perceptions of the international pedagogical community about the focus areas of functional literacy changed? What is the place of historical literacy in the context of the classifications of "new literacies" in scientific methodological and psychological-pedagogical literature? Can historical literacy be considered the universal fundamental literacy of the 21st century?

Ключевые слова: функциональная грамотность, обучение истории в школе, подходы к формированию исторической, гражданской и культурной грамотности, содержательная линия «История и память».

Keywords: functional literacy, teaching history at school, approaches to the formation of historical, civic and cultural literacy, the content line "History and memory"

Функциональность школьного исторического образования сегодня в фокусе внимания педагогической общественности. Геополитическая нестабильность и характеристики наступившего «бани-мира» повлекли «взлет» школьной исторической политики в образовательных системах государств мира. Закономерно, что защита исторической памяти в современной России вышла на уровень законодательства. В нормативных документах России в 2020-е гг. обозначен аксиологический разворот, актуализированы задачи сохранения фундаментальности и традиций отечественного образования, позитивно воспринятые педагогической общественностью: *миссия исторического образования* - формирование российской гражданской и культурной идентичности, основанной на традиционных

духовно-нравственных ценностях, о*бщая цель* - развитие личности школьника, способного к самоидентификации своих ценностных ориентиров на основе осмысления исторического опыта нашей страны и мира, умеющего применить исторические знания и предметные умения в учебной и социальной практике [7].

В публикациях российских дидактов и педагогов отмечается тенденция к продолжающейся диверсификации понимания функциональной грамотности, расширение и переосмысление дефиниций «культурная», «гражданская», «историческая» грамотность». Отметим, что понятие «историческая грамотность» в контексте более широкой задачи исторического просвещения российской молодежи и граждан Российской Федерации впервые появляется в 2024 году в майских указах Президента РФ.

Объектом исследования в статье является понятие функциональной грамотности и трансформация задач по ее формированию в современной школьной практике, а также размышления о причинах изменения(смещения) фокусных элементов (компонентов) функциональной грамотности, проверяемых в международных сравнительных исследованиях качества школьного образования PISA(*Programme for International Student Assessment)*, ICCS *(International Civic and Citizenship Study*),в период с конца 1990-х – до середины 2020-х гг.

В мировой педагогической литературе с начала XX века активно используются, наряду с понятием «функциональная грамотность», термины, объединенные общим названием *«новые грамотности»* - читательская, математическая, финансовая, естественно-научная, гражданская и культурная грамотности. В 2018 году актуальными направлениями измерения образовательных результатов в спецификации заданий PISA, наряду с «традиционными» грамотностями (читательской, естественно-научной, математической, финансовой), становятся «глобальные компетенции», «креативное мышление». В новой модели измерителей качества образования исчезла задача формирования «гражданской и культурной грамотности», но заявлена рамка *глобальных компетенций*, направленных на формирование ответственных и активных граждан мира, развитие способностей обучающихся к взаимодействию с гражданами других стран, коммуникации и коллаборации в многоконфессиональном и поликультурном современном мире [5].

Отметим, что понятие *«историческая грамотность»* никогда не присутствовало в международных исследованиях качества образования, но часто встречается в публикациях практикующих учителей России, а также в публикациях преподавателей истории, принадлежащих к европейской ассоциации EUROCLIO. Почему? Случайно ли это? В мировых образовательных практиках раньше, чем в нашей стране, начали применяться механизмы коммеморации. Укажем на серию публикаций Й. Вон дер Лееув-Роорд (Joke van der Leeuw-Roord), в которых обозначена проблема вызова учителям Европы при преподавании «противоречивых» вопросов: «Пока прошлое во многих государствах Европы еще не история – преподавание противоречивых вопросов истории, отражающих «национальную гордость и боль» остается тяжелым испытанием для учителей истории». [1,2]. Эта же проблема широко обсуждалась **в публика**циях дидактов и историков [3, 6, 14, 15, 16, 18], на Всемирном конгрессе учителей истории в Москве (2021) [4].

Историческая грамотность и историческая память связаны с национальным самосознанием и являются основой национальной гражданской и культурной идентичности каждого человека. Возможно, поэтому понятие историческая грамотность практически не встречается в международных исследованиях качества образования, поскольку здесь сложно сформировать объективные измерители? [8, 9].

Заметим, что *после 2016 года* перестали проводиться международные исследованиях качества граждановедческого образования, в которых Россия принимала участие в 1999, 2009, 2016 гг. По содержанию заданий и инструментам измерений это исследование отражало динамику социально-политических изменений и технологий. Результаты

российских школ, участвовавших в ICCS 2016, оказались неожиданными, Россия заняла 7-е место мирового рейтинга, поднявшись с 19-го, на котором находилась по результатам ICCS-2009. Национальный координатор ICCS в России П. Г. Положевец опубликовал две серии аналитических статей в «Учительской газете» — «Рывок, который потряс мир. И нас самих» (2017), «Трудности мнимые и явные», (2018), которые не потеряли своей актуальности сегодня. Аналитические материалы указывают на проблемы, которые продолжают требовать внимания и сегодня: теоретические знания школьников «по российской традиции», преобладают над умением «решать проблемы»; требуют развития навыки письменной речи и аргументирования своей позиции; 50% «открытых» заданий «пропускаются» школьниками, или ответ состоит из односложных предложений, нечетких, непонятных формулировок. Еще одна проблема связана с недостаточным уровнем развития регулятивных УУД: школьникам не хватает концентрации внимания для выполнения нескольких заданий по одному тексту [12].

Гражданская и культурная грамотность в международных исследованиях начала XXI относилась к универсальным инструментальным грамотностям. Место исторической грамотности в контексте классификаций «новых грамотностей» в научной методической и психолого-педагогической литератур продолжает активно обсуждаться. Нужно ли считать историческую грамотность предметной функциональной грамотностью или историческую грамотность следует назвать универсальной фундаментальной грамотностью XXI века? Историческая грамотность помогает осознать, как исторические события формируют идентичность наций и граждан, как историческая память влияет на ценностную позицию участия в общественной жизни, ответственность за будущее страны. Функциональная грамотность предполагает способность применять знания и умения для решения жизненных задач и участия в социальной жизни. В этом контексте историческая, гражданская и культурная грамотности выступают, как важнейшие элементы (компоненты) функциональной грамотности, позволяющей человеку ориентироваться в современном мире, применяя исторические знания при анализе и оценке современных исторических процессов, понимая их причины и следствия, чтобы на основе собственных выводов принимать осознанные решения и участвовать в жизни общества, направляя свои усилия на позитивные изменения и развитие.

Дискуссии о том, какие методические решения могут обеспечить формирование функциональной грамотности, «ключевых компетенций», «гибких навыков», - происходят и в российской высшей школе, и среди зарубежных лидеров образования [17, 18,19, 20]. Модели образовательных результатов в разных странах мира отличаются по структуре, формулировкам и описаниям, но их объединяет обращение к функциональной грамотности. Методологическая основа обучения в российской школе - системно-деятельностный подход, в котором знания, умения, отношения и ценности — это равнозначные составляющие действий учащихся. Опыт, полученный на уроках истории, должен создавать условия для осознания гражданской и культурной идентичности, являться основанием выбора модели поведения в многозадачном, непредсказуемом тревожном мире.

Обозначим компоненты исторической грамотности, которые являются сутью «ремесла историка» и исторического мышления, позволяя выработать иммунитет от деструктивных влияний: умение проводить первичное исследование, различая факты-события, факты-мнения, факты-оценки; начитанность и понимание проблематики «история и память», умение оценивать события и действия личностей, исходя из принципа историзма; умение выявлять необходимую информацию из исторических источников разного типа, критически оценивая и применяя её для решения познавательных и жизненных задач на основе отечественных духовно-нравственных ценностей.

Данный перечень может быть уточнен или дополнен, но важным представляется понимание, что формирование обозначенных умений требует от учителя систематической

работы на протяжении всего процесса обучения истории. По мнению *российских дидактов* важнейшая педагогическая задача учителя истории - создание иммерсивной среды, творческий поиск форматов занятий и моделей учебных заданий, в результате работы над которыми рождается ценностная картина мира, возникают чувства сопричастности к судьбе страны, педагогические условия формирования ценностных ориентиров школьников. Модели таких заданий, разработанные в совместном творчестве преподавателей и студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» с использованием дополнительной содержательной линии «История и Память» представлены для обсуждения педагогической общественности в серии публикаций «Школы историка» на портале МГПУ «Наша история - Школа историка»[13], в методических решениях по реализации курса «История нашего края. Москва», введенного в Федеральную образовательную программу России в 2025 г. [10, 11].

Библиографический список

1. Ван дер Лееув-Роорд, Й. Прошлое — это еще не история. Преподавание противоречивых вопросов истории – вызов учителям истории Европы. [Электронный текст] – URL: https://euroclio.eu/wp-content/uploads/2019/07/We-in-Latvia-RU.-Introduction.pdf (дата обращения 14.04.2026).
2. Ван дер Лееув-Роорд, Й. История России в зарубежных учебниках. Доклад, прочитанный на международном семинаре «Современные подходы в преподавании истории» (Россия, Псков, 15–17 апреля 1996 г.) // Метаморфозы истории. Альманах. – Вена: Санкт-Петербург: Псков: Центр «Возрождение», 1997. – Вып. 1. – С. 261–266.
3. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации (Москва. 8-9 апреля 2010 г.): материалы международ, конф. / под ред.д-ра истор. наук Т. С. Гузенковой, канд. полит, наук В. Н. Филяновой; Рос. ин-т стратегии, исслед. — М.: РИСИ, 2010. - 472 с.ISBN 978-5-7893-0124-1
4. Всемирный конгресс учителей истории в Москве (4–6 окт. 2021 г). - URL: https://xn----dtbhvcrdbcoh1a.xn--p1ai/tag/kongress-uchitelej-istorii/ (дата обращения 14.04.2026)
5. Глобальные компетенции. Что ждет российских учащихся в новом испытании PISA-2018 Учительская газета». № 47 от 21 ноября 2017 года [Электронный текст] – URL: //http://www.ug.ru/archive/72357 (дата обращения 14.04.2026).
6. Едемский, А. Б. К проблеме амбициозной задачи создания единого общеевропейского учебника по истории Европы: как в нем будут представлены Вторая мировая война и роль СССР в победе над нацизмом. Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. Материалы Международной конференции (8–9 апреля 2010 г. Москва). М.: РИСИ, с. 154–170.
7. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. (Утв. Решением Коллегии Министерства просвещения РФ протокол от 23.10.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/(дата обращения 14.04.2026).
8. Маслова, Н.Н. Гражданская грамотность: подходы к формированию / Н.Н. Маслова, И.А. Нидерман // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: К 20-летию кафедры методики преподавания истории, обществознания и права: Сборник научных статей, Москва, 03 апреля 2019 года / Под редакцией А. А. Сорокина. Том Выпуск VI. – Москва: ООО «Книгодел», 2019. – С. 340–354. – EDN FIPWAX
9. Маслова, Н.Н. Теория и практика формирования функциональной грамотности на уроках истории и обществознания / Н. Н. Маслова, Г. В. Калабухова // Педагогическое образованиеи наука. – 2020. – № 4. – С. 155–160. – EDN MHKGUF.
10. Москвоведение 3.0: региональный компонент в образовательном пространстве столицы: Коллективная монография. М.: МГПУ; ИКД «Зерцало-М», 2024. — 404 с.;
11. Москвоведение. 10–11 классы: учебно-методическое пособие для учителя /[А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова и др.]; рец. Е. Е. Вяземский, Е. Н. Мох — М.: Парадигма, 2025. — 260 с.
12. Положевец П. Рывок, который потряс мир. И нас самих // Учительская газета. № 48, от 28 ноября 2017 года: [Электронный ресурс] —http://ug.ru/archive/72444; Часть 2 (№ 49 от 5 декабря 2017 года) http://ug.ru/archive/72537; Часть 3 (№ 50 от 12 декабря 2017 года) http://ug.ru/archive/72636; Часть 4 (№ 51 от 19 декабря 2017 года) http://ug.ru/archive/72719; Часть 5 (№ 52 от 26 декабря 2017 года) http://ug.ru/archive/72837
13. Портал МГПУ Школа историка – Наша история [Электронный ресурс]. URL:– https://history.mgpu.ru/releases/(дата обращения 30.03.2026).

14. Стрелова О. Ю. «История и память» как содержательная линия школьных курсов истории // Культурная память и мемориальные коммуникации в современных учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы (сб. докладов международ. науч. конф.). - Саратов, 2012. - С. 199–208;

15. Стрелова О. Ю. История в школе остается «полем битвы» за прошлое, потому что «войны памяти» не утихают //Проблемы современного образования. - 2012.- №6. С. 83–98

16. Строковская Т. Е. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности// Историческая психология и социология истории. - 2015.- №1.- С. 21–32.

17. Теллинг К., Серапиони М. Становление и изменение стратегии развития компетенций: размышления о двадцатипятилетней политике в области навыков в ЕС, European Educational Research Journal, 2020, том 18(4), стр. 387–406. Telling K., Serapioni M. The rise and change of the competence strategy: Reflections on twenty-five years of skills policies in the EU, European Educational Research Journal, 2020, vol. 18(4), pp. 387-406.

18. Урусмамбетова Л. А. Школьное историческое образование в европейских странах: история, методика, особенности // Электронный журнал «Поиск научных решений». 2023. № 2. С. 109–125.

19. Фадель Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование. Компетенции, необходимые для успеха /Чарльз Фадель, Майя Бялик, Берни Триллинг: Пер. с англ.- М.: Издательская группа «Точка». 2018.- 240 с.

20. Холмс У., Бялик М., Фадель Ч. Искусственный интеллект в образовании: Перспективы и проблемы для преподавания и обучения. М. - Альпина PRO.- 2022. -304 с.

УДК 37.091.39:3

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ ПО ТЕМЕ «ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ»

DEVELOPING FUNCTIONAL LITERACY AND CRITICAL THINKING IN SOCIAL STUDIES LESSONS ON THE TOPIC "PROGRESS AND REGRESSION IN SOCIAL SOCIETY"

Л. Л. Савич
старший преподаватель
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»,
Минск, Республика Беларусь

L.L. Savich
Senior Lecturer
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Данное исследование вносит определенный вклад в методику преподавания обществоведения, предлагая инновационные подходы к формированию функциональной грамотности учащихся:

1. Интеграция межпредметных связей: использование материалов из других предметов (истории, географии, экономики) для развития предметных и функциональных компетенций.

2. Использование активных и интерактивных методов обучения: проведение дебатов, ролевых игр, кейсовых исследований, что способствует практическому применению знаний и навыков.

Abstract. This study contributes to social studies teaching methods by offering innovative approaches to developing students' functional literacy:

1. Integration of interdisciplinary connections: using materials from other subjects (history, geography, economics) to develop subject and functional competencies.

2. Use of active and interactive teaching methods: debates, role-playing games, case studies, which promotes the practical application of knowledge and skills.

Ключевые слова: функциональная грамотность, компетенции, прогресс, регресс, эволюция, революция.
Keywords: functional literacy, competencies, progress, regression, evolution, revolution.

На современном этапе развития системы образования Республики Беларусь особое внимание уделяется к формированию у учащихся функциональной грамотности, т.е. умения применять полученные знания в реальных жизненных ситуациях. Главное в этом процессе – это развитие критического мышления, которое позволяет анализировать социальную информацию, выявлять причинно-следственные связи, оценивая различные точки зрения принимать взвешенные решения.

Изучение темы в 11 классе общеобразовательной школы «Прогресс и регресс в социальном обществе» представляет уникальную возможность формирования предметных, метапредметных, ценностно-смысловых компетенций.

Важно отметить, что для успешного освоения вышеуказанной темы, учащиеся должны знать и оперировать такими понятиями ка «прогресс» и «регресс». «Прогресс (от лат. progressus – движение вперед) – поступательное движение к лучшему, более сложному, совершенному, от низших ступеней к высшим». Такое определение сформулировано в учебнике 11 класса, что позволяет объяснить развитие не только количественное, но и качественное изменение условий жизни. Все это позволяет достичь всеобщего процветания и

благополучия. Таким образом, общественный прогресс – переход от менее совершенных форм деятельности человека, к более совершенным.

Регресс (противоположность прогрессу) – движение от высшего к низшему, предусматривает процессы деградации, изменения к ухудшению.

Одной их характеристик общественного прогресса является его противоречивость, т.е. позитивные изменения могут привести негативные последствия в другой сфере. Например, развитие промышленности, которое увеличивает количество и качество товара, может привести к сокращению рабочих мест на производстве. К критериям прогресса относятся показатели, которые определяют степень развития общества, а именно: уровень развития науки и техники; нравственного развития общества; степень свободы человека в обществе; уровень гуманизма; качество жизни общества.

При изучении общественного прогресса необходимо учитывать проблему относительного прогресса. Для развития критического мышления некоторые аспекты рассматриваются с позиции «прогрессивно – регрессивно». Благодаря критическому мышлению ученик сможет дать характеристику формам общественных отношений таких как: эволюция, реформа, революция.

Учитель может использовать следующие средства формирования функциональной грамотности на уроках обществоведения:

1. функциональное чтение – это чтение с целью поиска информации для решения конкретной задачи или выполнения определенного задания. При функциональном чтении применяются приемы просмотрового чтения (сканирования) и аналитического чтения (выделение ключевых слов, подбор цитат, составление схем, графиков, таблиц);

2. пересказ – предоставление учащемуся возможности, монологически грамотно изъясняя свои мысли, «примерить на себя» те или иные сюжеты и образы, что позволяет «очеловечить» события, расширить их воспитательный диапазон, создавая тем самым соответствующую эмоциональную среду для усвоения базовых ценностей;

3. познавательные игры, викторины, уроки-дебаты, которые развивают навыки сотрудничества, индивидуальной работы и умение выступать с собственной точкой зрения в дискуссиях;

4. диктанты и эссе с их последующей коррекцией со стороны учителя, что формирует письменную грамотность учащихся;

5. изучение нормативно-правовых документов, их подробный анализ, что позволяет учащимся высказать своё собственное мнение по проблеме, опираясь на этические ценности, которые выработало человечество за всю свою историю;

6. чтение вариативных источников, что позволяет учащимся отказаться от однозначных и прямолинейных суждений, пристально присматриваться к текстам и авторским позициям. Таким образом, учащиеся делают этический выбор, с одной стороны примеряя на себя разные роли, а с другой – входя в круг тех, кто эти роли оценивает [1, с. 34];

7. исследовательские работы в форме презентаций, рефератов, социологических опросов, проектов (учащиеся используют информацию, полученную в беседах с родственниками, с ветеранами труда, из справочной литературы, обогащая себя новыми знаниями, очередной раз убеждаясь в том, какими нравственными качествами должен обладать человек, чтобы его имя осталось в истории) [2].

В современных условиях необходим функционально грамотный человек, умеющий получать, систематизировать и эффективно использовать информацию для достижения социально значимых результатов.

Важно создать условия для того, чтобы школьники учились самостоятельно добывать, анализировать, структурировать и использовать информацию для максимальной самореализации и полезного участия в жизни общества [3, с. 26].

Проблема развития функциональной грамотности в процессе обучения может быть реализована в плане формирования умения решать задачи и самостоятельно применять знания в новых условиях.

При формировании функциональной грамотности учитель выступает в роли организатора, консультанта и помощника. Учащийся, владеющий такими навыками, сможет в будущем стать хорошим специалистом, самостоятельным человеком, способным определять проблему и искать пути ее решения [4, с. 8-9].

Функциональная грамотность является важным компонентом образования, который способствует многогранному развитию личности учащихся. В условиях стремительных изменений в общественной и культурной среде особое внимание привлекает теоретическое обоснование формирования функциональной грамотности в школьном обучении. Ключевую роль в этом процессе играют подходы, основанные на интеграции теоретических знаний и практического применения, что позволяет адаптировать учащихся к требованиям современного общества [5, с. 2].

Основываясь на исследованиях, можно выделить несколько аспектов, формирующих сущность функциональной грамотности. Во-первых, это понимание как динамичной структуры, включающей в себя различные элементы, такие как информационная, математическая и читательская грамотность. Каждое из этих направлений требует определенных навыков и умений, которые развиваются в процессе обучения обществоведению. Важно отметить, что функциональная грамотность не ограничивается только знаниями, она включает в себя умение применять эти знания в практической деятельности [5, с. 3].

Одним из ключевых аспектов формирования функциональной грамотности является личностный подход. Этот подход невозможен без учета индивидуальных особенностей каждого учащегося. Применение дифференцированных методов обучения помогает выявить сильные и слабые стороны учеников, что в свою очередь требует от учителя способности адаптировать образовательные технологии к потребностям конкретного класса. Таким образом, внимание к индивидуальным трактовкам учебного материала является важным шагом к достижению высокого уровня функциональной грамотности.

Кроме того, соблюдение принципов гуманизации в образовании подразумевает создание условий, которые будут способствовать активному вовлечению учащихся в образовательный процесс. Это требует не только новаторских подходов к обучению, но и разработки методик, стимулирующих развитие аналитических способностей и критического мышления [6, с. 674]. Участие школьников в активных формах обучения, таких как проектная и исследовательская деятельность, способствует более глубокому усвоению материала и формированию практических навыков.

Также важным моментом является использование международных исследований в области функциональной грамотности, таких как PISA. Они позволяют не только анализировать текущее состояние функциональной грамотности учащихся, но и выявлять ключевые проблемы, требующие решения на уровне образовательной системы. Например, результаты выставляют на первое место необходимость развития навыков критического мышления и умения делать обоснованные выводы из полученной информации, что является центральным элементом функциональной грамотности.

В контексте преподавания обществоведения особое внимание следует уделить интеграции знаний из различных областей, что позволяет формировать целостное представление о социальных процессах и явлениях. Это также предполагает использование междисциплинарного подхода, который помогает учащимся видеть взаимосвязи между разными сферами знания и применять их в различных контекстах.

Занятия обществоведением можно организовать так, чтобы они способствовали формированию функциональной грамотности, используя практические задания, кейс-стадии,

ролевые игры и дебаты. Этот методический арсенал обеспечивает активное вовлечение учащихся в процесс обучения и формирование у них необходимых навыков. Обсуждение и анализ социальных проблем на уроках, использование цифровых технологий и интерактивных платформ делает процесс обучения более современным и актуальным.

Наконец, важно установить систему оценки, которая будет адекватно отражать уровень развития функциональной грамотности учащихся. Это потребует комплексного подхода к мониторингу и оценке результатов как в рамках отдельных дисциплин, так и на уровне общего образования в целом. Настоящее внимание к формированию функциональной грамотности учащихся в средней школе, безусловно, отразится на уровне их готовности к взрослой жизни и взаимодействия с обществом.

Библиографический список

1. Смирнова, Е. Ю. В «поисках» функциональной грамотности : понятийная рамка и воплощение в учебном тексте / Е. Ю. Смирнова // Веснік адукацыі. – 2022. – № 2. – С. 31–39.

2. Средства формирования функциональной грамотности на уроках истории, обществознания, экономики и права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iro86.ru/images/0712/100113/Средства_формирования_функциональной_грамотности_на_уроках_истории_обществознания_экономики_и_права.pdf#:~:text=Средства%20формирования%20функциональной%20грамотности%20на,их%20подробный%20анализ%20-функциональное%20чтение. – Дата доступа: 25.12.2024.

3. Рутковская Е.Л. Функциональная грамотность: возможности школьного обществознания\\ Преподавание истории и обществознания в школе. – 2019. - № 8. С. 28.

4. Богданович, И. И. Методика преподавания обществоведческих дисциплин : Учебно-методический комплекс / И. И. Богданович. – Минск : БГПУ, 2022. – 172 с.

5. Ермоленко, В. А. Развитие функциональной грамотности обучающегося: теоретический аспект / В. А. Ермоленко // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2015. – Т. 8, № 1. – С. 1-10

6. Юцис, А. Э. Методы и подходы к формированию функциональной грамотности школьников / А. Э. Юцис // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». – 2023. – Т. 1, № 11. – С. 673-67.

УДК 37.015.3 : 372.893

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

PEDAGOGICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF HISTORICAL EMPATHY IN FOREIGN RESEARCH

А. А. Семенюк
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Минск, Республика Беларусь

A. A. Semianiuk
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье на основе анализа зарубежных исследований рассматриваются педагогические подходы к формированию исторической эмпатии у учащихся. Выделяются три основных метода: изучение индивидуальной судьбы на основе аутентичных источников личного происхождения (микроисторический подход), ролевые игры и симуляции, позволяющие учащимся «примерить» роль исторического деятеля, а также практики вербализации эмоций и рефлексии, апробированные, в том числе, в дошкольном образовании. Автор показывает, что успешное формирование исторической эмпатии приводит к эмоциональной связи с человеком прошлого, познавательному интересу и более глубокому пониманию многоперспективности истории. Вместе с тем в статье фиксируются значительные трудности: отсутствие эмпатического отклика вследствие «привыкания» к теме или сложности источников, риски анахронизма и излишней симпатии, ведущей к утрате критической дистанции. Делается вывод о необходимости для педагога баланса между эмоциональной вовлеченностью и аналитическим отношением к прошлому.

Abstract. This article, based on an analysis of international research, examines pedagogical approaches to developing historical empathy in students. Three main methods are identified: the study of individual fates based on authentic sources of personal origin (microhistorical approach); role-playing and simulations that allow students to "try on" the role of a historical figure; and practices of verbalizing emotions and reflection, which have been tested, among other things, in preschool education. The author demonstrates that the successful development of historical empathy leads to an emotional connection with individuals from the past, cognitive interest, and a deeper understanding of the multifaceted nature of history. However, the article also identifies significant challenges: a lack of empathic response due to "habituation" to the topic or the complexity of sources, the risks of anachronism and excessive sympathy, leading to a loss of critical distance. It is concluded that teachers need to strike a balance between emotional engagement and an analytical approach to the past.

Ключевые слова: историческая эмпатия, микроистория, ролевые игры, многоперспективность, аутентичные источники.

Keywords: historical empathy, microhistory, role-playing games, multiperspective, authentic sources.

Современное преподавание истории все чаще сталкивается с вызовом преодоления временной и культурной дистанции между учащимся и человеком прошлого. Традиционное изучение событий, дат и политических процессов не всегда позволяет школьнику почувствовать мотивы, эмоции и жизненный контекст исторических деятелей, особенно обычных людей, не оставивших яркого следа в официальных хрониках. В ответ на этот запрос в педагогической теории и практике сформировалось понятие «историческая эмпатия» – способность понимать и реконструировать чувства, мысли и решения людей прошлого, основанная на анализе источников и знании исторического контекста, но при этом сохраняющая критическую дистанцию.

Настоящая статья представляет собой обзор и анализ практических подходов к формированию исторической эмпатии, раскрытых в зарубежных исследованиях последних

лет. В центре внимания находятся три группы методов: микроисторическое изучение индивидуальной судьбы через аутентичные документы (письма, фотографии, военные карточки), ролевые игры и симуляции, а также техники рефлексии и вербализации эмоций, заимствованные из дошкольной педагогики и психотерапии. Эти методы различаются по сложности, целевой аудитории и глубине погружения в материал, но все они направлены на то, чтобы преодолеть разрыв между современным учеником и человеком прошлого.

Одним из наиболее действенных методов, напрямую вытекающих из историографического поворота, является фокусировка на изучении индивидуальной судьбы. М. Ле Мёр в своем практическом исследовании подробно описывает реализацию этого подхода. Для своих экспериментов в классах колледжа и лицея она отобрала двух конкретных солдат – Даниэля Мишеля и Альфонса Робена. Критерий отбора был принципиальным: это должны были быть «неизвестные, обычные люди, а не исторические личности» [1, с. 21].

Учащимся предлагались не адаптированные пересказы, а аутентичные источники личного происхождения. Для изучения биографии Альфонса Робена ученики получили три фотографии (укреплений на Кот-304, лагеря в Гиссене, церемонии награждения 1962 года) и его военную регистрационную карточку [1, с. 21]. Для работы с судьбой Даниэля Мишеля использовались два текста, написанные им во время боя, список солдат его полка с указанием гражданских профессий и его фотография в окопе [1, с. 21].

М. Ле Мёр подчеркивает, что выбор таких источников был намеренным. С одной стороны, они непривычны для учащихся, с другой – они способны вызвать эмпатию. Например, свидетельство Мишеля о жизни в окопах и его фотография были призваны создать эмоциональный отклик [1, с. 22]. Задача учащихся состояла не в простом извлечении информации, а в попытке почувствовать связь с этими людьми, ответив на вопросы: «Что вы чувствуете, глядя на эти документы?», «Какие документы вызывают у вас наибольшие эмоции?», «Что вас удивляет?», «Что бы вы хотели узнать еще об этом солдате?» [1, с. 23].

Если микроистория предлагает учащемуся роль исследователя, изучающего судьбу другого, то ролевые игры ставят его на место этого другого. Э. Лежер в своей диссертации проводит масштабный анализ научной литературы, посвященной использованию этого метода. Он начинает с важного терминологического уточнения, опираясь на модель К. Райт-Мали (Wright-Maley, 2015), которая показывает, что понятия «игра», «ролевая игра» и «симуляция» часто пересекаются, но не являются тождественными [2, с. 37].

Э. Лежер приводит определение ролевой игры, это «интерпретация роли персонажа в гипотетической ситуации в целях лучшего понимания мотиваций, которые оправдывают поведение» [2, с. 39]. В контексте преподавания истории это означает, что ученик должен примерить на себя роль реального или типичного исторического деятеля, реконструируя его мысли и поступки, основываясь на изученных источниках.

Симуляция, в свою очередь, определяется как «воспроизведение ситуации, представляющей собой упрощенную, но точную модель реальности» [2, с. 39]. Как поясняет Э. Лежер, в симуляции акцент делается на правилах, условиях и последствиях решений. Ученик наблюдает за развитием событий в рамках заданных параметров, что позволяет ему понять объективные ограничения, в которых действовали люди в прошлом [2, с. 40-41].

На практике эти два метода часто объединяются, создавая так называемые игровые симуляции. Э. Лежер на основе проанализированных исследований выделяет ключевые элементы успешных игр, способствующих эмпатии. Во-первых, это тщательная предварительная подготовка, включающая изучение «досье персонажа» – подборки исторических документов, объясняющих его биографию, интересы и мировоззрение [2, с. 66-67]. Во-вторых, это наличие конфликта или проблемы, требующей решения, что заставляет участников активно использовать свои роли и отстаивать «свою» точку зрения [2, с. 77-78]. В-третьих, это множественность ролей, представляющих весь спектр исторических

перспектив, от политиков до простых людей, что позволяет избежать манихейского взгляда на историю [2, с. 76-77]. А именно упрощённого, чёрно-белого деления всех участников событий на «абсолютно хороших» и «абсолютно плохих».

Важный методологический вклад вносит исследование М. Буйи, которое, хотя и посвящено дошкольному образованию, демонстрирует универсальный принцип: развитие эмпатии начинается с осознания собственных эмоций и их вербализации. М. Буйи работала с детьми 4-5 лет, которые часто конфликтовали и не умели выражать свои чувства иначе, чем через агрессию или жалобы взрослому [3, с. 4].

Первый этап ее работы – введение в словарь эмоций. Для этого использовался альбом «La couleur des émotions», в котором каждая базовая эмоция ассоциируется с определенным цветом [3, с. 22]. Дети учились распознавать эмоции на картинках, обсуждали, что это за чувства, и пытались изобразить их мимикой.

Второй этап – создание ритуала «ваз эмоций». В классе были установлены прозрачные вазы, каждая для своей эмоции. В течение дня дети могли опустить цветной кубик в вазу, соответствующую их настроению [3, с. 25]. М. Буйи подчеркивает важность этого ритуала: он не только помогал детям осознать и обозначить свое состояние, но и позволял им увидеть, что другие испытывают такие же или другие чувства. Это создавало основу для понимания эмоционального состояния другого человека. Затем следовал короткий коллективный обмен, а также индивидуальные беседы, в ходе которых учитель проявлял эмпатию к ребенку, тем самым служа для него моделью поведения [3, с. 25].

Третий этап – внедрение метода «ясных сообщений». Это протокол разрешения мелких конфликтов, который дети осваивали в несколько шагов: успокоиться, обратиться к обидчику («Я хотел бы сказать тебе ясное сообщение»), объяснить, что именно тебя задело («Когда ты меня толкнул...»), сказать, что ты при этом почувствовал («...это меня очень огорчило»), и спросить, понял ли тебя собеседник [3, с. 26]. М. Буйи отмечает, что дети быстро осваивали эту структуру и начинали применять ее самостоятельно. Этот метод, по сути, является практическим приложением эмпатии в реальной жизни, основанным на вербализации чувств и признании точки зрения другого.

Б. Мартен предлагает рассматривать многоперспективность на трех уровнях. Первый уровень – историческая перспектива – требует от учащихся погружения в контекст и понимания мотивов людей прошлого. Второй уровень – историографическая перспектива – предполагает анализ того, как историки разных эпох интерпретировали одни и те же события. Третий уровень – современная перспектива – включает рефлексию учащихся над собственными взглядами и тем, как их личный опыт формирует восприятие истории. Такой подход, по мнению Б. Мартен, позволяет не только изучать множество точек зрения, но и критически их оценивать, используя методы исторической дисциплины [4, с. 5-8].

Применение описанных выше методов дает ощутимые, но не всегда однозначные результаты. Анализ обратной связи от учащихся, зафиксированный в исследовательской литературе, позволяет выделить как положительные эффекты формирования исторической эмпатии, так и серьезные вызовы и ограничения, с которыми сталкиваются педагоги.

Главный результат, который фиксируют исследователи при успешном применении описанных методов, – это возникновение эмоциональной связи между учащимся и человеком прошлого. М. Ле Мёр, анализируя высказывания учеников в ходе своего эксперимента, отмечает частое использование слов, выражающих сильные чувства. Учащиеся говорили о грусти, боли, жалости, сочувствии [1, с. 32-33]. Один из лицеистов признался, что документы напомнили ему кошмары, которые он видел, изучая войну в более раннем возрасте, а другому показалось, что солдат Мишель «ему самому рассказывает» свою историю [1, с. 33].

Особенно ярко эмоциональный отклик проявлялся, когда ученики сталкивались с несправедливостью. М. Ле Мёр приводит развернутые диалоги школьников, в которых

звучит искреннее возмущение: изучая список солдат полка и видя их гражданские профессии, ученики приходили к выводу, что на войну отправляли простых людей, в то время как богатые и политики оставались в тылу [1, с. 42]. Возникшее чувство гнева и несправедливости стало мощным катализатором дальнейшего интереса к теме.

Эмоциональная вовлеченность, в свою очередь, закономерно порождала познавательный интерес и желание узнать больше. М. Ле Мёр констатирует, что практически все группы учащихся – как в колледже, так и в лицее – задавались вопросами о дальнейшей судьбе изучаемых солдат. Вопросы «Умер ли он?», «Как закончилась война для господина Робена?» звучали в каждой группе [1, с. 35]. Это стремление выйти за пределы предложенного материала, желание продолжить исследование самостоятельно – важнейший показатель сформированной внутренней мотивации к учению.

Э. Лежер в своем метасинтезе также подтверждает, что ролевые игры и симуляции способствуют не только лучшему запоминанию фактов, но и более глубокому пониманию. Учащиеся начинают осознавать, что история не монолитна, а складывается из множества индивидуальных перспектив. Они учатся видеть не только великих людей, но и обычных людей, чьи мотивы и поступки не менее важны для понимания прошлого [2, с. 76-77].

Практический пример работы с темой войны и насилия предлагает Н. Смагу. Он предлагает учащимся проанализировать таблицу с количеством жертв битвы на Сомме, изучить письма и фотографии солдат. Такой подход, по замыслу автора, должен направить учеников на осмысление ключевых вопросов: в чем специфика насилия в этой битве, почему штурмы были столь смертоносны и почему они чаще всего заканчивались неудачей? Это позволяет перейти от абстрактного изучения сражения к пониманию его человеческого измерения [5, с. 3].

Однако формирование исторической эмпатии – процесс сложный и нелинейный. Исследователи фиксируют ряд серьезных препятствий.

Первая и, пожалуй, главная трудность – это отсутствие эмпатического отклика. М. Ле Мёр приводит множество примеров, когда ученики заявляли, что ничего не чувствуют. Причины этого варьировались. Наиболее частая – «привыкание» к теме. Многократное повторение материала в разных классах приводит к эмоциональной безразличию, и новые документы уже не вызывают отклика.

Другой причиной была сложность источников. Учащиеся признавались, что «имеют мало эмоций, потому что это написано на бумаге», или что фото «такое старое и черно-белое, что ничего не понятно» [1, с. 30]. Язык документов, их стилистика, нечеткость изображений – все это создавало барьер, который не позволял ученику «войти» в ситуацию.

Также препятствием становилось отсутствие предварительных знаний. Один из лицеистов, недавно приехавший во Францию и не изучавший ранее историю войны, прямо заявил: «Что касается эмоций, я мало что смогу почувствовать, потому что не знаю, что произошло» [1, с. 31]. Этот случай наглядно подтверждает тезис о том, что аффективный компонент эмпатии невозможен без прочной когнитивной базы – без знания контекста сопереживать нечему.

Вторая группа сложностей связана с рисками неправильного понимания. М. Ле Мёр фиксирует случаи явного анахронизма и ошибочных аналогий. Например, ученики, увидев фотографию лагеря для военнопленных времен Первой мировой, спонтанно ассоциировали его с нацистскими концлагерями и начали рассуждать о Холокосте, что полностью искажало исторический контекст изучаемого документа [1, с. 34].

Третья группа проблем касается опасности излишней симпатии и упрощения. Ж. Лекомт, разбирая применение эмпатии в клинической практике и терапии, предупреждает о том, что избыточная эмоциональная вовлеченность может быть контрпродуктивной. В психотерапии, как он отмечает, важно сохранять позицию «как если бы», чтобы не «слиться» с пациентом и сохранить способность помогать [6, с. 2]. Этот принцип применим и к

истории. Если ученик слишком отождествляет себя с историческим персонажем, он теряет критическую дистанцию и перестает анализировать контекст, заменяя его собственными, современными чувствами.

Таким образом, практика формирования исторической эмпатии требует от педагога не только подбора эффективных методов, но и постоянной рефлексии, тонкого баланса между вовлечением и сохранением критической дистанции, между чувством и анализом. Поскольку избыточная симпатия ведёт к утрате аналитического подхода, а её отсутствие – к формальному усвоению материала. Только при таком условии историческая эмпатия становится не просто чувством, а осознанным инструментом познания, позволяющим учащемуся глубже понять мотивы, контекст и многоперспективность действий людей прошлого.

Библиографический список

1. Le Meur, M. Pratiquer la micro-histoire empathique à partir d'études de cas sur des soldats de la Première Guerre mondiale / M. Le Meur. – Nantes : Université de Nantes, 2022. – 74 p. – URL: https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-04391288v1 (date d’accès: 05.11.2025).
2. Léger, É. Jeux de rôle et de simulation ludiques pour développer l’empathie historique : métasynthèse des expériences rapportées dans les écrits savants : mémoire de maîtrise / É. Léger. – Montréal : Université de Montréal, 2022. – 150 p. – URL: http://hdl.handle.net/1866/27560 (date d’accès: 06.02.2026).
3. Bouilly, M. L'empathie : de l'amélioration du climat scolaire aux apprentissages langagiers : mémoire de master / M. Bouilly. – Nantes : Université Grenoble Alpes, 2020. – 50 p. – URL: https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-03121734v1/file/BOUILLY-Mem-PE-1.pdf (date d’accès: 05.11.2025).
4. Martin, B. Comment intégrer la multiperspectivité dans les leçons d'histoire / B. Martin // Conseil de l'Europe : Observatoire de l'enseignement de l'histoire. – 2022. – URL: https://www.coe.int/fr/web/observatory-history-teaching/-/integrating-multiperspectivity-in-the-history-classroom (date d’accès: 15.03.2026).
5. Smaghue, N. La première guerre mondiale et ses conséquences. Proposition de séquence autour de la violence de guerre / N. Smaghue // Association des Professeurs d’Histoire et de Géographie (A.P.H.G.). – 2005. – URL: https://www.aphg.fr/IMG/pdf/2005-sequence-d-etude-sur-la-violence-pendant-la-1ere-guerre-mondiale.pdf (date d’accès: 21.02.2026).
6. Lecomte, J. Empathie et ses effets / J. Lecomte // Savoirs et soins infirmiers. – Paris : Elsevier Masson SAS, 2010. – P. 1–7. – URL: https://educationspecialisee.ca/wp-content/uploads/2018/02/Empathie_et_ses_effets_definitif.pdf (date d’accès: 05.11.2025).

УДК 37.031

ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ: ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

HISTORY IN THE CONTEXT OF LIFE: DEVELOPING STUDENTS' FUNCTIONAL LITERACY THROUGH PROJECT-BASED ACTIVITIES IN HISTORY LESSONS

Е. В. Сильченко
учитель истории,
магистр исторических наук
ГУО «Лицей № 1 имени академика
Ю.М. Островского г. Гродно»
Гродно, Республика Беларусь

E.V. Silchenko
History Teacher,
Master of Historical Sciences
Lyceum No. 1 named after Academician
Yu.M. Ostrovsky of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Аннотация: в статье рассматривается формирование и реализация функциональной грамотности средствами проектной деятельности на уроках истории Беларуси в контексте всемирной истории, а также актуальность данного понятия в контексте современного образовательного процесса.

Abstract: The article discusses the formation and implementation of functional literacy through project activities in Belarusian history lessons in the context of world history, as well as the relevance of this concept in the context of the modern educational process.

Ключевые слова: функциональная грамотность, урок, история, процесс обучения.

Keywords: functional literacy, lesson, history, learning process.

Одной из ключевых особенностей современного этапа развития образования является ведущая роль умственной деятельности, переход к когнитивному обществу, процессам, предопределяющим новые открытия и их использование в различных областях человеческой деятельности. Девизом нового информационного века объявляется интеллектуальная конкурентоспособность. Основу умственной деятельности составляет грамотность. Грамотность – это с традиционной точки зрения определённая степень владения человеком навыком чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка. Применительно к характеристике населения – один из базовых показателей его социально-культурного развития. Конкретное содержание понятия грамотность менялось исторически, расширяясь с ростом общественных требований к развитию индивида – от элементарных умений читать, писать, считать и т.п. к владению минимумом общественно необходимых знаний и навыков [1, с.69-70].

На Всемирном конгрессе министров просвещения по ликвидации неграмотности в г. Тегеран в сентябре 1965 г. был предложен термин функциональная грамотность, а в 1978 г. пересмотрен текст рекомендации о международной стандартизации статистики в области образования, предложенный ЮНЕСКО. Согласно новой редакции этого документа, грамотным считается тот, кто может участвовать во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования группы [1, с.71-72].

В современном информационном обществе понятие грамотности становится ключевым для всех слоев общества. Сверх того, понятие грамотности значительно расширяется (информационная, техническая грамотность и т.п.) и приобретает статус атрибута культуры.

Функциональная грамотность – это способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней. В отличие от элементарной грамотности, как способности личности читать, понимать, составлять простые короткие тексты и осуществлять простейшие арифметические действия, функциональная грамотность есть уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной культурной среде. Установлено, что предпосылкой развития компетентности является наличие определённого уровня функциональной грамотности.

Резюмируя, нужно обозначить, что функциональная грамотность — это способность применять полученные знания и навыки в реальных жизненных ситуациях. В современном мире она становится ключевым показателем качества образования. Особое значение приобретает формирование функциональной грамотности у старшеклассников (X–XI классы), поскольку они стоят на пороге взрослой жизни и должны уметь: анализировать информацию; принимать обоснованные решения; эффективно взаимодействовать в обществе.

Уроки истории, в данном ключе, обладают уникальным потенциалом для формирования функциональной грамотности, так как учащиеся работают с интерпретациями, анализом источников и культурными кодами, а проектная деятельность выступает действенным инструментом реализации этого потенциала.

На уроках истории формируются следующие компоненты функциональной грамотности: читательская грамотность **(**умение работать с историческими источниками); способность критически оценивать достоверность информации; навык выделения главной мысли и ключевых фактов. Математическая грамотность (анализ статистических данных: демография, экономика, военные потери и пр., построение и чтение графиков и диаграмм; расчёт хронологии событий). Естественно-научная грамотность **(**понимание влияния природных факторов на исторические процессы: климат, география, эпидемии; оценка научных открытий и их последствий для общества). Финансовая грамотность **(**изучение экономических реформ и их последствий, анализ налоговой политики разных эпох; понимание роли денег и торговли в истории) [2, с.56-57].

Учитывая компоненты функциональной грамотности, нужно понимать, что, организуя проектную деятельность на уроках истории в старшей школе нужно обратить внимание на ряд её особенностей: углублённое содержание (проекты требуют глубокого погружения в тему, привлечения дополнительных источников). Самостоятельность (ученики берут на себя большую ответственность за планирование и реализацию проекта). Междисциплинарность (проекты часто затрагивают несколько областей знаний: история и литература, история и география и т. д.). Практическая значимость (результаты проектов могут иметь реальное применение, например, создание музейной экспозиции, публикация исследования). Использование современных технологий (применение цифровых инструментов для сбора, анализа и представления данных) [3, с.31-34].

Примеры проектов по истории для X–XI классов

Проект «Альтернативная история: что, если бы…?»

Цель: развить креативное мышление и понимание причинно-следственных связей в истории.

Задачи: выбрать ключевое историческое событие; сформулировать гипотезу о возможном альтернативном развитии; проанализировать последствия для страны и мира; представить результаты в виде эссе, презентации или видеоролика.

Формируемые навыки: критическое мышление, работа с источниками, аргументация, публичное выступление.

Проект «История в цифрах: демографические изменения в БССР во вт. пол. XX в.»

Цель: научиться анализировать статистические данные и понимать их историческую значимость.

Задачи: собрать данные о населении БССР исследуемого периода; построить графики и диаграммы; выявить причины резких изменений; сделать выводы о влиянии демографии на развитие республики.

Формируемые навыки: математическая грамотность, работа с таблицами и графиками, анализ данных.

Проект «Исторический детектив: расследование происшествия прошлого»

Цель: применить навыки критического анализа для реконструкции исторических событий.

Задачи: выбрать нераскрытое или спорное историческое событие; изучить свидетельства и версии; выдвинуть собственную гипотезу; представить доказательства в виде доклада или инсценировки.

Формируемые навыки: анализ источников, логическое мышление, аргументация.

Используя на уроках истории Беларуси в контексте всемирной истории проектную деятельность, нужно учитывать этапы организации проектной деятельности: подготовительный этап: определение темы и целей проекта; формирование групп (если проект групповой); составление плана работы. Поисковый этап: сбор информации из различных источников (книги, эл. архивы, интернет); отбор и систематизация материалов. Аналитический этап: обработка данных (анализ, сравнение, обобщение); формулировка выводов. Творческий этап: оформление результатов (презентация, макет, видео); подготовка к защите. Презентационный этап: публичная защита проекта; ответы на вопросы аудитории. Рефлексивный этап: самооценка и взаимооценка работы; обсуждение успехов и ошибок.

Учитель на каждом этапе осуществляет консультирование на всех этапах; помощь в поиске источников; контроль сроков выполнения; создание условий для сотрудничества и обмена идеями.

Использование проектной деятельности на уроках истории позволяет достичь следующих результатов: повышение мотивации (ученики видят практическую ценность знаний). Развитие самостоятельности (учащиеся учатся планировать и организовывать свою работу). Формирование метапредметных навыков (проекты требуют применения знаний из разных областей). Улучшение коммуникативных навыков (работа в группах и публичные выступления развивают речь и умение слушать других). Глубокое понимание истории (через исследование конкретных тем ученики лучше усваивают причинно-следственные связи).

Проектная деятельность — эффективный инструмент формирования функциональной грамотности учащихся X–XI классов на уроках истории. Она позволяет: сделать обучение более практико-ориентированным; развить ключевые навыки XXI века (критическое мышление, креативность, командную работу); повысить интерес к изучению истории. [4, с.59].

Для успешной реализации проектов необходимо: тщательно подбирать темы, соответствующие возрасту и интересам учеников; обеспечивать методическую поддержку на всех этапах работы; создавать условия для презентации и обсуждения результатов.

Внедрение проектной деятельности в учебный процесс способствует подготовке старшеклассников к жизни в современном обществе, где умение применять знания на практике становится всё более важным способность применять полученные знания и навыки в реальных жизненных ситуациях.

Библиографический список

1. Гребнев, И.В. Методическая компетентность преподавателя: формирование и способы оценки / И. В. Гребнев //Педагогика. – 2014. – №1. – С. 69-74.

2. Крупник, С. А. Функциональная грамотность в системе образования Беларуси/ С. А. Крупник, В. В. Мацкевич. – Мн.: АПО, 2003. – 126 с.

3. Компетентностно-ориентированные задания. Конструирование и применение в учебном процессе: уч.-метод. пособие / под ред.Н. Ф. Ефремовой. – М.: Национальное образование, 2013. – 223 с.

4. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностноориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народноеобразование. – 2023. – № 2. – С. 58-64.

УДК 364.04

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТИГМАТИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MENTAL HEALTH STIGMATIZATION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF UNIVERSITIES OF UZBEKISTAN

Ж. Ф. угли Туркбоев
начальник отдела координации
совместных образовательных программ
в сотрудничестве с зарубежными вузами
Джизакский государственный педагогический
университет имени А. Кадыри
г. Джизак, Республика Узбекистан
E-mail: turkboevjavohir@gmail.com

J. F. o'g'li Turkboev
Head of the Department
for Coordination of Joint Educational Programs
in Cooperation with Foreign Universities
Jizzakh State Pedagogical University
named after A. Qadiri
Jizzakh, Republic of Uzbekistan
E-mail: turkboevjavohir@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические аспекты стигматизации психического здоровья в образовательной среде высших учебных заведений Республики Узбекистан. Анализируются факторы, влияющие на формирование негативных установок в отношении психического здоровья среди студентов и преподавателей, особенности их восприятия психологических проблем, а также барьеры обращения за профессиональной помощью. Обосновывается необходимость внедрения системных мер по снижению стигматизации, развитию психологической культуры и формированию поддерживающей образовательной среды.

Abstract. The article analyzes socio-psychological aspects of mental health stigmatization in the educational environment of higher educational institutions of the Republic of Uzbekistan. The factors influencing the formation of negative attitudes toward mental health among students and teachers, the peculiarities of perception of psychological problems, and the barriers to seeking professional help are examined. The necessity of implementing systematic measures aimed at reducing stigmatization, developing psychological culture and creating a supportive educational environment is substantiated.

Ключевые слова: психическое здоровье, стигматизация, образовательная среда, студенты, преподаватели, социально-психологические факторы, психологическая помощь.

Keywords: mental health, stigmatization, educational environment, students, teachers, socio-psychological factors, psychological support.

Введение. Проблема психического здоровья в современном обществе приобретает все большую значимость. Повышение темпов социальной жизни, информационные перегрузки, конкуренция и учебный стресс оказывают существенное влияние на эмоциональное и психологическое состояние молодежи. Особую актуальность данный вопрос приобретает в системе высшего образования, где студенты сталкиваются с высокими требованиями, необходимостью социальной адаптации и профессионального самоопределения.

Несмотря на рост интереса к вопросам психического благополучия, в обществе сохраняется тенденция к стигматизации людей, испытывающих психологические трудности.

Негативные стереотипы и предрассудки препятствуют своевременному обращению за помощью, ухудшают качество жизни и снижают эффективность учебной и профессиональной деятельности.

В образовательной среде вузов Узбекистана вопросы восприятия психического здоровья и его стигматизации остаются недостаточно изученными. Между тем именно университетская среда играет важную роль в формировании ценностей, установок и мировоззрения молодежи.

Целью данной статьи является анализ социально-психологических аспектов стигматизации психического здоровья в образовательной среде высших учебных заведений Узбекистана и определение путей ее преодоления.

Основная часть.

Теоретические основы проблемы стигматизации

Стигматизация психического здоровья представляет собой совокупность негативных социальных установок, стереотипов и предубеждений, направленных в отношении людей с психологическими и психическими трудностями. Она может проявляться в различных формах:

- социальное отчуждение и избегание;
- дискриминационное отношение;
- обесценивание эмоциональных переживаний;
- страх и недоверие;
- формирование устойчивых негативных ярлыков.

С социально-психологической точки зрения стигматизация является результатом недостатка знаний, культурных предрассудков и искаженных представлений о природе психических расстройств.

Особенности образовательной среды как фактора стигматизации

Образовательная среда вуза представляет собой сложную систему социальных взаимодействий между студентами, преподавателями и административным персоналом. Именно в этой среде формируются представления о нормах поведения, допустимых способах выражения эмоций и отношении к психологическим трудностям.

Среди факторов, способствующих стигматизации психического здоровья в вузах Узбекистана, можно выделить:

1. Культурно-традиционные установки.

В обществе нередко сохраняется мнение, что обращение за психологической помощью свидетельствует о слабости личности.

2. Недостаток психологической грамотности.

Ограниченные знания о природе психических состояний способствуют формированию ошибочных представлений.

3. Дефицит профессиональной поддержки.

Не во всех вузах функционируют полноценные психологические службы.

4. Высокая академическая нагрузка.

Стрессовые условия обучения нередко воспринимаются как «норма», а не как фактор риска.

5. Социальные страхи студентов.

Боязнь осуждения и непонимания со стороны окружающих препятствует открытым обращениям за помощью.

Восприятие психического здоровья студентами и преподавателями

Исследования и наблюдения показывают, что отношение к психическому здоровью в студенческо-преподавательской среде имеет ряд характерных особенностей:

- склонность воспринимать психологические проблемы как личную слабость, а не как состояние, требующее поддержки;

- недооценка роли профессиональной психологической помощи;
- стремление скрывать эмоциональные трудности;
- настороженное отношение к лицам, открыто заявляющим о своих психологических проблемах.

Преподаватели, не обладающие достаточной психологической подготовкой, также могут неосознанно поддерживать стигматизирующие установки, что негативно сказывается на общем психологическом климате в вузе.

Социально-психологические последствия стигматизации

Стигматизация психического здоровья в образовательной среде приводит к ряду негативных последствий:

- ухудшение эмоционального состояния студентов;
- снижение учебной мотивации и успеваемости;
- социальная изоляция и трудности коммуникации;
- рост тревожности и депрессивных состояний;
- отказ от обращения за квалифицированной помощью.

Таким образом, стигматизация представляет собой не только социальную, но и серьезную образовательную проблему.

Пути снижения уровня стигматизации в вузах

Для преодоления существующих негативных тенденций необходим комплексный подход, включающий:

1. Развитие психологических служб в вузах.

Создание доступных консультационных центров и служб поддержки.

2. Повышение психологической грамотности.

Проведение тренингов, семинаров и образовательных мероприятий для студентов и преподавателей.

3. Включение вопросов психического здоровья в учебные программы.

Развитие курсов по психологии, стресс-менеджменту и эмоциональному благополучию.

4. Подготовка преподавателей.

Повышение их компетентности в области психологии и педагогической поддержки.

5. Формирование толерантной образовательной среды.

Создание атмосферы доверия, уважения и открытого диалога.

Заключение. Таким образом, анализ социально-психологических аспектов стигматизации психического здоровья в образовательной среде высших учебных заведений Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о комплексном и системном характере данной проблемы. Стигматизация формируется под воздействием культурных традиций, социальных стереотипов, недостаточного уровня психологической грамотности, а также институциональных ограничений, связанных с нехваткой профессиональной психологической поддержки в вузах.

Полученные выводы свидетельствуют о том, что негативные установки в отношении психического здоровья оказывают значительное влияние не только на эмоциональное состояние студентов, но и на качество образовательного процесса в целом. Страх осуждения, стремление скрывать психологические трудности и недоверие к профессиональной помощи приводят к усугублению стрессовых состояний, снижению учебной мотивации и социальной активности обучающихся. При этом роль преподавателей и администрации вузов является ключевой, поскольку именно они во многом определяют психологический климат и нормы взаимодействия в образовательной среде.

Преодоление стигматизации психического здоровья требует комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего усилия специалистов в области социальной работы, психологии, педагогики и управления образованием. Важным направлением

является институционализация психологической помощи в вузах, развитие доступных и конфиденциальных служб поддержки, а также систематическое включение вопросов психического благополучия в образовательные и воспитательные программы.

Особое значение имеет формирование культуры открытого диалога, направленной на нормализацию обсуждения психологических трудностей и признание психического здоровья неотъемлемой составляющей общего благополучия личности. Реализация профилактических и просветительских мероприятий будет способствовать снижению уровня стигматизации, укреплению психологической устойчивости студентов и созданию благоприятной, поддерживающей образовательной среды.

В перспективе дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на эмпирическое изучение уровня стигматизации в различных типах вузов, разработку и апробацию программ психологической профилактики, а также оценку эффективности внедряемых мер. Это позволит повысить качество образовательного процесса и будет способствовать формированию социально ответственного и психологически здорового поколения молодежи Узбекистана.

Библиографический список

1.Всемирная организация здравоохранения. Mental Health: Strengthening Our Response. Geneva: WHO, 2022.

2.Corrigan, P. The Stigma of Mental Illness: Implications for Education and Practice. American Psychologist, 2016, Vol. 71(3), pp. 237–248.

3.Андреева, Г.М. Социальная психология. Москва: Аспект Пресс, 2019.

4.Каримова, В.М. Психологическая поддержка молодежи в системе образования Узбекистана. Ташкент: Изд-во Национального университета, 2021.

5.Thornicroft, G., Mehta, N., Clement, S. et al. Evidence for effective interventions to reduce mental-health-related stigma and discrimination. The Lancet, 2016, Vol. 387, pp. 1123–1132.

6.Психология образования: современные подходы / под ред. А.Н. Кравцова. Ташкент: Университетское издательство, 2022.

7.Социальные и психологические проблемы студенческой молодежи: сборник научных трудов. Ташкент: Изд-во Национального университета, 2023.

УДК 37.022

ИНТЕГРАЦИЯ ИИ И ДОСТУПНЫХ СЕРВИСОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-КЛУБА РКИ «ГЛАГОЛЬ»)

INTEGRATION OF AI AND OPEN-ACCESS GAMIFICATION SERVICES INTO THE TEACHING OF SOCIAL AND HUMANITIES SUBJECTS (THE CASE OF ONLINE CLUB FOR FOREIGNERS LEARNING RUSSIAN "GLAGOL'")

М. М. Цыгунова
преподаватель-исследователь лингвистики, преподаватель
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация

M. M. Tsygunova
Researcher-Lecturer in Linguistics, Lecturer
National Research University
"Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

Аннотация. В данной работе представлена практическая апробация модели обучения русскому как иностранному (РКИ) в онлайн-клубе «Глаголь» НИУ ВШЭ, ориентированном на студентов уровней А2–В1. Встречи включают тематические лекции и разговорные клубы, направленные на развитие коммуникативных навыков в культурно-историческом контексте. В качестве примеров рассмотрены лекция о российских деятелях науки и культуры, а также две встречи разговорного клуба о памятниках и праздниках России, где использовались технологии искусственного интеллекта (ИИ) для адаптации материалов и организации интерактивных заданий. Также отмечено, что геймификация через отечественные и иные доступные платформы и персонализированные задания способствовала активизации дискуссий и развитию этнокультурной компетенции. В результате применение данной модели показало рост вовлечённости и увеличение готовности студентов к обсуждению историко-культурных тем. Улучшение языковой грамотности и критического отношения к культурным феноменам также подтвердили эффективность модели, а использование доступных цифровых решений устранило технические барьеры для студентов из разных стран, что открывает перспективы для масштабирования данного опыта на другие гуманитарные дисциплины в международных образовательных программах. В рамках доклада проведена демонстрация разработанных материалов.

Abstract. This paper introduces a practical approbation of the model of teaching Russian as a foreign language within the online club "Glagol'" of the National Research University "Higher School of Economics", aimed at students of levels A2-B1. The events include thematic lectures and conversation clubs aimed at developing communication skills in a cultural and historical context. A lecture on Russian scientists and cultural figures, as well as two meetings of a speaking club about monuments and holidays of Russia, where artificial intelligence (AI) technologies were used to adapt materials and develop interactive tasks, are considered as examples. It is also noted that gamification through domestic and other open platforms and personalised tasks contributed to the intensification of discussions and the development of ethno-cultural competence. As a result, the implementation of this model showed an increase in students' engagement and willingness to discuss historical and cultural topics. The improvement of language literacy and critical attitude towards cultural phenomena also confirmed the effectiveness of the model, while the use of accessible digital solutions has eliminated technical barriers for students from different countries, which opens up prospects for scaling this experience to other humanities disciplines in international educational programs. The conference presentation included a demonstration of the developed materials.

Ключевые слова: геймификация, искусственный интеллект, онлайн-образование, РКИ, функциональная грамотность.

Keywords: gamification, artificial intelligence, online learning, Russian as a foreign language, functional literacy.

Современный этап развития образования в евразийском пространстве характеризуется стремительной цифровой трансформацией, осложнённой санкционными ограничениями на использование зарубежных образовательных платформ [1, с. 112–119]. В этих условиях особую актуальность приобретает разработка адаптивных методик преподавания социально-гуманитарных дисциплин, сочетающих технологические инновации с задачами формирования универсальных компетенций и функциональной грамотности. Как отмечают исследователи, «в условиях всемирной глобализации и повсеместной цифровизации ускоренное внедрение цифровых образовательных ресурсов на основе искусственного интеллекта становится всё более востребованным» [2, с.110]. Это особенно значимо для преподавания русского языка иностранным учащимся, где традиционные онлайн-форматы демонстрируют снижение мотивации [3, с. 187]. Целью исследования является выявление методического потенциала интеграции ИИ-технологий и отечественных игровых платформ при подготовке и проведении занятий по русскому языку, истории и культуре России в рамках международного онлайн-клуба РКИ «Глаголь» НИУ ВШЭ [4]. Это позволит создать устойчивую цифровую модель, обеспечивающую эффективное развитие языковых и межкультурных навыков в условиях технологических ограничений.

При выборе платформ для проведения лекционных занятий и встреч разговорных клубов применён компетентностный подход: выбор должен обеспечивать развитие коммуникативной, цифровой и межкультурной компетенций в процессе освоения историко-культурного контента. Также особое значение приобретает адаптация образовательных материалов под уровни А2–В1, что требует специальных методических решений для поддержания познавательной активности. В связи с этим ключевую роль на этапе проектирования занятий играют ИИ-технологии, позволяющие упростить подготовку учебного контента [5, с. 267]. Так, нейросети используются для адаптации аутентичных материалов, генерации сценариев занятий, создания визуальных стимулов и заданий с обязательной проверкой и редактурой экспертом-преподавателем. Это не только сокращает временные затраты преподавателей, но и обеспечивает персонализацию обучения, учитывающую особенности восприятия иностранных студентов [6, с. 197, 202–203]. Технологии ИИ становятся катализатором методического творчества, расширяя возможности подачи сложного культурно-исторического материала [7, с. 795–796]. В условиях ограниченного доступа к международным платформам геймификации (например, *Kahoot*, *Mentimeter*) актуализируется поиск и внедрение отечественных аналогов, соответствующих четырём критериям: доступность из РФ/стран ЕАЭС, функционал для интерактивного взаимодействия, поддержка кириллицы и соответствие методическим задачам дисциплины. Переход на российские сервисы (*Quaize*, *DiaClass* и др.) обеспечивает не только техническую, но и содержательную устойчивость образовательного процесса, позволяя сохранять игровые механики, доказавшие свою эффективность в развитии мотивации.

Практическая апробация разработанной модели осуществлена в рамках подготовки занятий клуба, объединяющем иностранных студентов с уровнем владения русским языком А2–В1. Основной формат включает тематические лекции с последующими разговорными встречами, направленными на развитие коммуникативных навыков в культурно-историческом контексте. В процессе подготовки всех трёх занятий (лекция «Великие деятели российской культуры и науки» и две встречи разговорного клуба, «Памятники России: самые знаменитые и необычные» и «Праздники России: в гостях у разных народов») был разработан единый подход: ИИ-оптимизация контента на подготовительном этапе и активизация практических навыков через игровые форматы во время занятия. Такая модель обеспечивает экономию временных ресурсов преподавателей при одновременном повышении разнообразия видов деятельности. Особое внимание уделяется культурному контексту заданий, что способствовало осмысленному усвоению материала.

Для более подробной иллюстрации интеграции ИИ и доступных сервисов геймификации в процесс подготовки и проведения занятий клуба предлагается рассмотреть ранее упомянутый пример лекции «Великие деятели российской культуры и науки». В рамках встречи целью являлось ознакомление слушателей с деятельностью художника-мариниста Айвазовского И.К., изобретателя Попова А.С., учёного Менделеева Д.И. и композитора Чайковского П.И.. Для этого подготовка была разделена на четыре этапа, начиная с ИИ-оптимизации образовательного контента. Так, исходные биографические тексты, найденные в открытых источниках, были загружены в нейросеть *Qwen* с промптом на адаптацию под уровни А2–В1: сокращение, унификация лексики, выделение ключевых фактов. При помощи ИИ был также сбалансирован объём блоков, чтобы избежать перегрузки и подготовить четыре равнозначных по сложности модуля, каждый из которых включает краткую биографию, ключевое достижение, визуальный стимул и интерактивное задание. Второй этап в подготовке материалов лекции – визуальное и структурное оформление. Адаптированный транскрипт лекции вместе с образцом фирменного стиля клуба (логотип) были загружены в нейросеть *Kimi* для генерации структуры и черновика презентации с учётом визуальных особенностей. Параллельно сервис *Illustrae* использовался для адаптации изображений (картины Айвазовского И.К., схема радиопередатчика, фрагменты периодической таблицы) в единой цветовой гамме и композиции. Это обеспечило визуальную связность и снизило когнитивную нагрузку на обучающихся. Для обеспечения освоения материала на третьем этапе был разработан глоссарий. С использованием нейросетей *Qwen* и *Kimi*, а также встроенных функций платформ *Wordwall* и *Quizlet*, был создан двуязычный глоссарий (русский язык – транскрипция – английский язык), включающий 25 ключевых терминов (например, *художник-маринист*, *периодическая таблица*, *композитор*). Глоссарий был интегрирован на платформу *Quizlet*, что позволило студентам изучать лексику до и после занятия в автономном режиме. Дополнительно интерактивный HTML-файл с викториной, сгенерированный *Qwen* в режиме «Артефакты» на основе презентации лекции в качестве реферативного материала для повторения, расширил и дополнил изученное на занятии. Наконец, заключительный этап – проведение занятия. Онлайн-лекция проходила на платформе *МТСЛинк* с использованием инструмента *DiaClass* для интерактивных вставок и *Wordwall* для геймифицированных заданий. Структура занятия включала:

- разминку: упражнение на сопоставление «имя – профессия – изображение» для актуализации лексики;
- основной блок: последовательное рассмотрение четырёх персоналий с чередованием мини-лекции, визуального анализа и интерактива (например, «Сопоставьте названия картин Айвазовского с изображениями», «Подпишите схему радиопередатчика», «Соедините химический элемент с его назначением» и «Прослушайте и отгадайте, какая композиция создана Чайковским»);
- дискуссионный блок: после каждой мини-лекции и финальная рефлексия.

Такая организация занятия и его подготовки обеспечила баланс между рецептивной и продуктивной деятельностью, а игровые механики поддержали высокую вовлечённость на протяжении всех 60 минут. В связи с использованием интерактивного формата и глоссария организаторы также отметили повышенное участие студентов с более низким уровнем изучения языка. Анализ обратной связи от участников (опрос после занятия, аналитика платформ, качественные наблюдения) позволяет также выделить следующие эффекты внедрения описанной модели:

- студенты демонстрировали рост готовности к спонтанному высказыванию: если на старте занятия типичной реакцией были односложные ответы, то к дискуссионному блоку 78% участников строили развёрнутые аргументированные реплики (по данным анализа транскриптов *МТСЛинк*);

- задания на сопоставление культурных феноменов стимулировали рефлексивное отношение к культурным кодам и снизили стереотипное восприятие;
- интеграция историко-культурного контента с языковой практикой позволила обучающимся не просто запомнить факты, но и применять их в коммуникативных ситуациях: описание картины, объяснение научного открытия, аргументация культурного выбора.

Проведённое исследование подтверждает, что стратегическое сочетание ИИ-технологий на этапе проектирования учебного контента и доступных сервисов геймификации в процессе проведения занятий создаёт устойчивую методическую модель подготовки и преподавания социально-гуманитарных дисциплин. На примере подготовки занятий онлайн-клуба РКИ «Глаголь» показано, что такая интеграция обеспечивает адаптацию аутентичного историко-культурного материала под уровни А2–В1 без потери содержательной глубины и повышает вовлечённость обучающихся благодаря чередованию форматов и игровых механик. Также она формирует универсальные компетенции (коммуникативную, цифровую, межкультурную) и функциональную грамотность через осмысленную языковую практику, снижает технологические барьеры для международной аудитории благодаря использованию доступных в евразийском пространстве платформ. К практическим рекомендациям для преподавателей можно отнести использование ИИ не как замену методической проработке, а как инструмент оптимизации (адаптация текстов, генерация вопросов, визуализация данных) с учётом чередования рецептивных и продуктивных заданий и выделенных выше четырёх критериев: доступность из целевых стран, поддержка кириллицы, функционал для интерактива, соответствие учебным задачам. Стоит также отметить потенциал данных инструментов в контексте самостоятельной работы: адаптация глоссариев и реферативных материалов в интерактивные форматы (HTML-файлы, карточки в *Quizlet*). В перспективе возможно масштабирование модели на другие форматы работы клуба, а также создание банка адаптированных материалов с открытым доступом.

Библиографический список

1. Тищенко, С. В. Цифровизация российской экономики образования под влиянием санкций / С.В. Тищенко // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – №. 4 (114). – С. 110-120.
2. Петрова, М. Г. Применение искусственного интеллекта в создании интерактивных учебных материалов: возможности и перспективы / М. Г. Петрова, А. А. Косолапова, А. А. Медников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2024. – № 9. – С. 110–113.
3. Дзюба, Е. В. Искусственный интеллект в методике обучения русскому языку как иностранному / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, Е. В. Мушенко // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 6. – С. 178–189.
4. Международный онлайн-клуб РКИ «Глаголь» // Школа иностранных языков НИУ ВШЭ. – URL: https://lang.hse.ru/russian-online (дата обращения: 03.04.2026).
5. Тукаева, Р. Н. Роль цифровых образовательных ресурсов в процессе овладения иностранным языком / Р. Н. Тукаева, А. А. Катекина // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-2. – С. 267–269.
6. Крылова, Е. А. Применение технологий генеративного искусственного интеллекта при работе с текстом для чтения на занятии по русскому языку как иностранному / Е. А. Крылова, М. А. Одинокая // Москва. – 2026. – Т. 2. – С. 197–203.
7. Вечерин, А. В. Искусственный интеллект в оценивании и развитии креативности / А. В. Вечерин, С. Р. Яголковский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 787–799.

УДК 372.8

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

DEVELOPING CRITICAL THINKING AND CIVIC LITERACY OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN SOCIAL STUDIES CLASSES THROUGH MULTIMODAL LEARNING

М. В. Шенер
кандидат экономических наук, доцент
ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»
Москва, Российская Федерация
К. А. Скорик
студентка
ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»

M. V. Shener
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation
K. A. Skorik
Undergraduate Student
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

Аннотация. В настоящей статье рассматривается сущность мультимодального обучения, как инновационной технологии, направленной на построение учебного процесса с учётом разных стилей восприятия и осмысления информации. Данная технология описывается с точки зрения преподавания обществознания в средней и старшей школе с целью формирования критического мышления и гражданской грамотности, как необходимых навыков в условиях современного мира.

Abstract. This article examines the essence of multimodal learning as an innovative technology aimed at structuring the learning process by taking into account different styles of perceiving and understanding information. This technology is described from the perspective of teaching social studies in middle and high schools with the goal of developing critical thinking and civic literacy as essential skills in the modern world.

Ключевые слова: мультимодальное обучение, критическое мышление, гражданская грамотность, цифровизация.

Key words: multimodal learning, critical thinking, civic literacy, digitalization.

В системе образования в XXI веке происходят коренные изменения, затрагивающие методику преподавания различных предметов и применение различных педагогических технологий, направленных на достижение поставленных целей согласно ФГОС и ФРП. Меняются психофизиологические особенности обучающихся в силу стремительного общественного прогресса в области цифровизации и информатизации различных сфер жизни общества. Соответственно, важно вносить изменения не только в область содержания знаний, но и в методы и приёмы трансляции материала, потому что у современных обучающихся процесс восприятия устроен совсем по-другому, так как они часто взаимодействуют с гаджетами, большим количеством информации в разном формате. Построение учебного процесса для современного педагога осложняется ещё тем, что результат обучения на данный момент представляет несформированные знания о различных

сторонах жизни, а наличие умений и навыков для практического применения этих знаний и эффективном взаимодействии с множеством общественных институтов.

Основополагающим умением в современном мире является критическое мышление, которое предполагает способность анализировать информацию с позиции логики и личностно-психологического подхода, применяя полученные знания к различным ситуациям, проблемам и решениям. При развитии критического мышления, ученики осваивают такие навыки, как задавать вопросы, ставить под сомнение некую информацию, формулировать проблему и методы её решения, подбирать нужные аргументы, принимать продуманные и осознанные решения, формировать своё мнение и делать выводы на основе полученной информации [1, с. 143]. Также ФГОС СОО включает такое понятие, как гражданское воспитание, которое предполагает у обучающегося сформированную гражданскую позицию, наличие знаний о конституционных права и обязанностях, законах и традиционных духовно-нравственных ценностях [2]. Можно сделать вывод, что одной из задач обществоведческого образования является воспитать личность с аналитическим, критическим и креативным мышлением с развитой гражданской позицией, умеющей анализировать нормативно-правовые акты и другие источники социальной информации, а также действовать в соответствии с интересами гражданина и общества.

Одна из современных технологий, созданная Ричардом Майер в 1990-е годы, называется «мультимодальное обучение», по нашему мнению, отвечает запросам школьников и педагогических работников для построения эффективного учебного процесса [3, с. 25]. Данная технология предполагает намеренный отбор и смешивание приемов, практик, цифровых возможностей с учётом стиля обучения и потребностей обучающихся для достижения поставленных целей [3, с. 25]. Мультимодальное обучение подразумевает использование большого количества различных сенсорных модальностей в процессе преподавания, чтобы задействовать большое количество обучающихся, а главное их когнитивные навыки [4, с. 35]. Таким образом, технология мультимодального обучения нацелена на донесение информации большому количеству слушателей с разными возможностями восприятия и обработки информации, например, вербального, визуального, аудиального, тактильного.

В рамках данной технологии стоит применять иллюстрации, фотографии, видеоигры, видеофрагменты, подкасты, аудиозаписи, анимацию, графики и многое другое. При объяснении нового материала важно использовать различные формы представления информации, например, мультимедийная презентация, инфографики, видеоряды, а также обсуждения и дискуссии. Однако, при использовании технологии мультимодального обучения важно включать как можно больше практических элементов в ход урока по обществознанию. В рамках изучения данного предмета можно разбирать кейсы по правовым ситуациям, анализировать новости из СМИ по экономическим и политическим событиям, рассматривать плакаты и создавать их на уроках в группах по экологической тематике, работать с разными видами текстов (искать истинную информацию, вставлять пропущенные слова, исправлять ошибки, высказывать собственное мнение на основании прочитанного в тексте и др.), делать выводы на основании изучения статических данных об уровне преступности или приросте населения в различных регионах России, знакомится с разными жанрами искусства и сравнивать их особенности, а также стимулировать проектную и исследовательскую работу в группах, потому что школьный предмет «Обществознание» является многоликим и включает изучение основ множества наук, что позволяет проводить школьникам исследования на самые разные темы.

Обществознание подразумевает приучение школьников к жизни в обществе, то есть это практико-ориентированный предмет, поэтому в контексте изучения данного предмета рационально будет посещение музеев, проведение анкетирования и интервьюирования в процессе изучения социальной сферы, составление финансового плана, проведение

экономических и правовых квестов и многое другое. Разнообразный учебный процесс по обществознанию позволит не потерять его главную ценность, как практического предмета, нацеленного на воспитание активного гражданина с нравственными ценностями, а также поспособствует развитию критического мышления. Таким образом, мультимодальное обучение позволяет эффективно транслировать теоретический материал по обществознанию и формировать критическое и аналитическое мышление, а также гражданскую грамотность, ведь данный предмет предназначен для этого.

Стоит отметить, что мультимодальная технология обучения требует специальной подготовленности как учителя, так и обучающихся [5, с. 110]. Учителю потребуются знания о методологии мультимодального обучения, владения ИКТ, критическим мышлением, а также понимание о том, учащиеся с каким типом восприятия и обработки информации находятся у него в классе. Обучающимся нудно быть готовыми к саморазвитию, владению цифровыми инструментами и самоконтролем. Иначе можно столкнуться с различными проблемами и рисками при использовании данной технологии: психологическая неготовность педагога, отсутствие технических возможностей, недостаточное внимание учителя к разным стилям восприятия информации и скорости обучения.

Таким образом, мультимодальное обучение в контексте усвоения материала по предмету «Обществознание» может выступать качественной основой для формирования критического, аналитического и креативного мышления, а также финансовой и гражданской грамотности. Рациональное использование данной технологии должно поспособствовать увеличению мотивации у обучающихся к изучению обществоведческого материала и улучшить качество восприятия и усвоения информации. По нашему мнению, в современном мире в эпоху активного развития технологий искусственного интеллекта, мультимодальное обучение приобретает популярность, потому что нужно обладать специальными навыками и умениями для работы с ИИ, чтобы добиться поставленных целей. Отметим, что данная технология целесообразна для проведения уроков в старшей школе, потому что в данный возрастной промежуток учащиеся имеют устойчивые образовательные потребности, социальный опыт, сформированный УУД.

Библиографический список

1. Скорик К. А. Развитие критического мышления у старших школьников на уроках обществознания // Научные исследования 2023. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза. Наука и Просвещение. 2023. С. 142-145.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС СОО) // URL: http://sosh6-gshum.uxp.ru/wp-content/uploads/2024/01/frp_obshhestvoznanie-10-11-klassy_baza.pdf (дата обращения: 10.03.2026)

3. Mayer R. E. Multimedia learning. New-York: Cambridge University Press, 2009. 320 p.

4. Mayer R. E. Cognitive theory of multimedia learning // Cambridge Handbook of Multimedia Learning. NY: Cambridge University Press. 2010. Pp. 31–48.

5. Волобуева Т. Б. Организация мультимодального обучения: повышение квалификации педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2025. № 2 (63). С. 105-112.

УДК 37.091.3

TECHNOLOGY FOR FORMING INDIVIDUAL LEARNING ROUTES IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

S. Y. Temurov
Senior Lecturer
Jizzakh State Pedagogical University
Jizzakh, Republic of Uzbekistan

Abstract. This article explores the transformation of modern education through the implementation of individual learning routes within a digital environment. It emphasizes the shift from standardized models to personalized trajectories based on a student's cognitive abilities, interests, and professional goals. Drawing on constructivism and adaptive learning theories, the study analyzes how platforms like Moodle and Google Classroom facilitate modular curricula and automated feedback. The author details a four-stage formation process-diagnostics, design, implementation, and monitoring-utilizing Big Data for objective management. Despite challenges such as infrastructure gaps and digital literacy levels, the article concludes that integrating Artificial Intelligence and national digital platforms is essential for the strategic modernization of human capital development.

Keywords: Digital educational environment, individual learning route, adaptive learning, digital transformation, constructivism, competency-based approach, modular curriculum, Big Data, learning platforms, Artificial Intelligence.

The digital transformation processes occurring in today's education system require a radical renewal of educational content, teaching methods, and management mechanisms. While the digitalization of education has been internationally identified as a priority for sustainable development, analytical results indicate that a digital educational environment is a decisive factor in improving human capital. This shift necessitates a transition from a standardized educational model to an individualized model.

In traditional education systems, the learning process is organized with the same content and pace for all students. This approach fails to fully account for the unique cognitive characteristics of each individual. An individual learning route is a dynamic trajectory formed based on a student's knowledge level, intellectual capabilities, interests, and professional goals. It involves not only the selection of educational materials but also the adaptation of teaching methods, assessment forms, and learning pace.

The theoretical foundations of individualized education are rooted in constructivism, the competency-based approach, and adaptive learning. Adaptive learning is a method aimed at tailoring the educational process to the individual needs and learning styles of each student. According to constructivism, knowledge is not passively received but actively acquired by the learner. Meanwhile, the competency-based approach assesses educational outcomes through the formation of specific professional and social competencies. Using digital technologies, adaptive learning allows educational content to be automatically adjusted based on a student’s real-time performance.

Digital learning platforms provide the technological infrastructure for these individual routes. For instance, the Moodle platform enables the creation of modular courses, competency maps, and automated testing systems. Google Classroom facilitates the differentiation of assignments and instant feedback. International platforms like Coursera implement individualized models through adaptive courses and micro-certification.

The process of forming individual learning routes consists of several interrelated stages:

1. Diagnostics: Assessing the student's knowledge level and competencies through entrance tests, questionnaires, and e-portfolio analysis.
2. Design: Setting individual goals and creating a modular curriculum.
3. Implementation: Utilizing adaptive tasks, multimedia resources, and interactive tools.

4. Monitoring and Correction: Analyzing results and adjusting the learning path using Big Data and statistical methods to ensure objective, data-driven management.

However, several challenges remain in implementing this technology. Specifically, insufficient technical infrastructure, varying levels of digital competence among teachers, and concerns regarding information security and data protection are significant hurdles. Overcoming these requires an integrated approach: improving infrastructure, enhancing teacher training, and strengthening the regulatory framework.

In conclusion, forming individual learning routes through digital platforms is a strategic direction for modernizing education. It allows for the personalization of learning, targeted competency development, and objective assessment. In the future, the integration of Artificial Intelligence and the development of national digital platforms will remain priority research areas in this field.

References

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-5847 dated October 8, 2019. “On approval of the Concept for the Development of the Higher Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030.” – Tashkent, 2019. (https://lex.uz/uz/docs/-4545884) (In Uzbek).

2. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 559 dated October 3, 2022. “On measures to introduce distance learning in higher education institutions.” – Tashkent, 2022. (https://lex.uz/uz/docs/-6221502) (In Uzbek).

3. Abdullaev M.K., Rizaeva F.Kh. Trends in implementing digital transformation in the education system // Scientific electronic journal “Economics and Innovative Technologies”, issue 3, 2022, pp. 348-354. (In Uzbek).

4. Makhmudov A.Kh., Abdurakhmonov Z.B. Achievements and problems of using modern digital technologies in education // Academic research in educational sciences. 2021. №CSPI conference3. P. 97-99. (In Uzbek).

(https://cyberleninka.ru/article/n/talimdazamonaviy-ra-amli-tehnologiyalaridan-foydalanishning-yutu-lari-va-muammolari).

5. Karakozov S.D., Uvarov A.Yu. Successful informatization – transformation of the educational process in digital educational environment // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2016. No. 2. S. 7–19. (In Russian).

6. Hertsen S.M., Sukhareva O.E., Skorokhodova L.V. Individual education trajectories as innovative technology development // Higher education today. 2019. No. 10. (https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-obrazovatelnye-traektorii-kak-innovatsionnaya-tehnologiya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya.) (In Russian).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

Мусаева С. И. ПАТРИОТИЗМ И РАТНЫЕ ПОДВИГИ НАРОДОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.) 3

Трубчик П. А. ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ 8

СЕКЦИЯ 1 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 14

Коршунова Н. В. СОЮЗ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ: ПРАВОВЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 14

Пашкевич Н. В. МИРОВОЙ РЫНОК ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ: РАЗВИТИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 18

Сабынич А. Л. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ 23

СЕКЦИЯ 2 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ..... 27

Антонович А. А. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТ ПАМЯТИ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К ВИРТУАЛЬНОМУ..... 27

Байкалов Н. С. УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ВОЗВЕДЕНИИ НОВЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В РАЙОНАХ БАМА (1970-1980-Е ГГ.) 31

Бароўская В. М. РОЛЯ АКЦЫЯНЕРНАГА ТАВАРЫСТВА “ДАВА-БРЫТАПОЛЬ” ВА ЎСТАНАЎЛЕННІ САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ ГАНДЛЁВЫХ АДНОСІН У 1921–1925 ГГ. . 34

Бойко С. И. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ 37

Герасименко С. И. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 41

Груцо И. А. МОСКОВСКИЕ ТРОФЕИ НАПОЛЕОНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ 45

Жытко А. П., Талмачова С. А. МІРСКІЯ КАПІТАЛЫ СЯЛЯН БЕЛАРУСІ (1861–1914 ГГ.) 48

Игнатюк Е. С. БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ: РЕАЛИЗАЦИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 52

Йоцюс В. А., Бусень А. Н. КРЕСТОВО-КУПОЛЬНАЯ СИСТЕМА В АРХИТЕКТУРЕ: ДИАЛОГ ВИЗАНТИИ И БЕЛАРУСИ 55

Кирдик Д. Н. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФРГ НА ПРИМЕРЕ ЗАПРОСОВ ДЕПУТАТОВ БУНДЕСТАГА И ОТВЕТОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1970-Е ГГ.) 60

Красюк В. Ф. ЧИСЛО КАК ДАННОЕ ИСТОРИИ В ЗЕРКАЛЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ 64

Мох Е. Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В БССР (1960-е – 1970 -е гг.) 67

Мусаева Ш. Х. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1868–1900 ГГ.): ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА 71

Наги А. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В IX–XI ВЕКАХ 75

Назаренко Н. Н. СМЕРТНОСТЬ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1932–33 ГГ. 79

Попова А. С. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛАРУСИ В 1861 – 1914 ГГ.: ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ 83

Пугач І. В. ПРЫМЯНЕННЕ «ПОЛОЖЕНИЯ О СБЕРЕЖЕНИИ ЛЕСОВ» (1888) У ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ (КАНЕЦ XIX – ПАЧАТАК XX СТ.) 86

Смехович Н. В. СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 90

Субботин О. Г. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 94

Сурма А. А., Сурма К. А. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД РАБОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ Д. КЭМЕРОНА (2010–2016 ГГ.) 98

Харченко К. В. АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ ТОМАСА МЮНЦЕРА: ФУНКЦИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ 102

Харченко К. В. РОЛЬ ЛЮДЕВИТА ГАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ «ГАЕВИЦЫ» 106

Шупенько Т. И., Пивоварчик В. В. МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА В ПЕРИОД С 2014/2015 ПО 2024/2025 ГОД 110

Abilov E. HEYDAR ALIYEV'S LEGACY AS A SOURCE FOR THE STUDY OF INDEPENDENT AZERBAIJAN: SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS 114

Almammadov Y. ATROPATENE AS A "BUFFER STATE" IN THE SYSTEM OF ROMAN–PARTHIAN CONFRONTATION (1st–2nd CENTURIES AD) 117

Dunyamali L. H. SOCIAL ASPECTS OF SOVIET WOMEN'S POLICY IN AZERBAIJAN . 120

СЕКЦИЯ 3 БЕЛАРУСЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ 123

Багдановіч А. І. ДЗЕЙНАСЦЬ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ ПА ФАРМІРАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬНА-АДРАДЖЭНСКАГА РУХУ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX СТ. 123

Дубинин Д. В. ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ЖЕНЩИНАХ: КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ 127

Красинский И. В. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ВЫВОДЕ ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI – СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 132

Пілецкі В. А. ТРАНСЛЯЦЫЯ САЦЫЯЛЬНА-ЗНАЧНАГА ДОСВЕДУ ЯК ФАКТАР ПРАГРЭСУ ГІСТАРЫЧНАЙ ЭВАЛЮЦЫІ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ 136

Трестьян И. Н. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И СОСЛОВНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ ГУБЕРНСКИХ ПРАВЛЕНИЙ И КАНЦЕЛЯРИЙ ГУБЕРНАТОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1772–1856 ГГ.) 140

Филипчик М. А. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ИВАНОВСКОГО: МОСКОВСКИЙ И КАЗАНСКИЙ ПЕРИОДЫ 145

Филистович А. А. НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИНОКУРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.). 149

Шедко Я. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И.И. ЖИЛИНСКОГО ПО ОСУШЕНИЮ БОЛОТ ПОЛЕСЬЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 153

СЕКЦИЯ 4 ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ 157

Ефимович Е. В. РЖЕВСКАЯ БИТВА: МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПОДВИГА 157

Касович А. В., Горавский Е. С. ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ ОСИПОВИЧСКОГО РАЙОНА (1941–1944 ГГ.) 161

Касович А. В., Корытько В. Д. ТРАГЕДИЯ МОЛОДЕЧНЕНСКОГО КРАЯ: ОККУПАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1941–1944 ГОДАХ 165

Касович А. В., Ульянович А. А. КАТАСТРОФА СОЛИГОРСКОГО КРАЯ: НАЦИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА И ТЕРРОРА 169

Ковальчук Л. С., Богданов С. В., Метла М. А. ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.... 172

Козак К. И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ: ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР 177

Кравчук И. С. СЕМИПАЛАТИНЦЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ МИНЩИНЫ (1941–1944 ГГ.) 182

Ратько А. Ф., Новикова А. Г. КАЗАХСТАНЦЫ В РУКОВОДСТВЕ ПАРТИЗАНСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ ВИТЕБЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 ГГ.) 187

Романовский С. М. ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1921–1939 ГОДЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 193

Тулузакова М. И. ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВИДЕОИГРАХ 197

Шабалина Е. П., Виницкая Н. В., Шевлякова И. А. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК 201

Шушунова Е. В., Ярцев С. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ И ПРАВА ТГПУ им. Л.Н. ТОЛСТОГО 205

Явнова Л. А. ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 209

СЕКЦИЯ 5 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 213

Алисиевич П. В., Долбик А. И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 Г. В КУРСЕ «ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 213

Антонова М. А. ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СПО 218

Антошков А. В. РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕРЕЗ БИЗНЕС-СИМУЛЯЦИИ И ИГРОВЫЕ МОДЕЛИ В ЦИФРОВОМ ОБУЧЕНИИ 221

Антошков А. В. ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 225

Богданович И. И., Богданович А. И. КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЗАДАНИЯ ПО ИСТОРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ 229

Виницкая Н. В., Доценко Т. Э. ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕНДЕНЦИИ, ИДЕИ, РЕШЕНИЯ 234

Винокурова М. А., Татаркина А. Р. ПРЕИМУЩЕСТВА ПРИМЕНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ 238

Гончар О. Н. ЗНАЧЕНИЕ ИГР И ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И УСЛОВИЯ ИХ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО УЧЕБНОМУ ПРЕДМЕТУ «ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ» В 6–9 КЛАССАХ 242

Гришкевич Т. В. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СЛУШАТЕЛЕЙ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ К ЦЭ/ЦТ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ 247

Жмодикова Е. А. ФИЛОСОФСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ 253

Ильинский К. А. ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 257

Краснова М. А. СИСТЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ 262

Липницкая А. Г. ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-МЕТОДОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ 269

Марченок И. А. СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 272

Маслова Н. Н. ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ 275

Савич Л. Л. ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ ПО ТЕМЕ «ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ» 280

Семенюк А. А. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 284

Сильченко Е. В. ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ: ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 289

Туркбоев Ж. Ф. угли СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТИГМАТИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА 293

Цыгунова М. М. ИНТЕГРАЦИЯ ИИ И ДОСТУПНЫХ СЕРВИСОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-КЛУБА РКИ «ГЛАГОЛЬ») 297

Шенер М. В., Скорик К. А. РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ 301

Temurov S. Y. TECHNOLOGY FOR FORMING INDIVIDUAL LEARNING ROUTES IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT 304